

Лекция 1

Падение сёгуната и гражданская война.

1. Вступление на престол императора Муцухито.
2. Отставка последнего сёгуна.
3. Восстановление власти императора.
4. Гражданская война 1868-1868 гг.
5. Историческое значение реставрации Мэйдзи.

В первой половине XIX в. в японском обществе развился всеобъемлющий системный кризис. Он проявлялся во всех сторонах жизни — в замедлении роста экономики, в расшатывании феодальной сословной структуры, в падении эффективности государственного управления и росте местного сепаратизма. Важным фактором обострения этого кризиса стала также деятельность в Японии иностранцев, появившихся там после вынужденного прекращения политики самоизоляции. В японской исторической литературе этот период получил название *бакумацу* (букв. «конец правления *бакуфу*», т. е. сёгуната). Хронологические рамки этого периода определяют по-разному: начало его относят и к первым годам XIX в., когда проявились кризисные явления в экономике, и к 30-м годам, когда *бакуфу* попыталось провести реформы, закончившееся неудачей, и к середине 50-х годов, когда у берегов Японии появились иностранные военные корабли. Окончание же периода *бакумацу* датируется с абсолютной точностью — в конце 1867 г. сёгунат Токугава прекратил свое существование.

Падение сёгуната и гражданская война

Толчком к лавинообразному нарастанию событий в стране послужило поражение войск сёгуната в Тёсю и смерть сёгуна Иэмоти (июль 1866 г.). Новый сёгун Ёсинобу из боковой ветви семьи Токугава в княжестве Митō прекратил военные действия против Тёсю и предпринял реформу управления *бакуфу*. Одновременно он провел реформирование армии по французскому образцу и оснастил ее современным оружием. Ёсинобу считался сильной и волевой личностью, его даже называли «современным Иэясу» (полководец и государственный деятель, завершивший объединение страны в XVII в.; основатель сёгуната Токугава).

Вступление на престол императора Муцухито

В конце 1866 г. умер император Комэй который был сторонником совместного правления двора и сёгуна и ярким противником контактов с иностранцами. Он считался настолько серьезным препятствием на пути движения за свержение сёгуната (*тōбаку*), что ходили даже слухи, что противники сёгуна его отравили.

На престол вступил 15-летний Муцухито, девиз годов правления которого — Мэйдзи, т. е. «просвещенное правление» — стал в соответствии с традицией его посмертным именем, под которым он вошел в историю. Это стало катализатором последующих событий. Была объявлена амнистия представителям всех противоборствующих сторон. В столице собрались практически все главные действующие лица антисёгунской оппозиции. К уже известным к тому времени ее лидерам — Окубо Тосимити, Сайгō Такамори, Ямагата Аритомо — присоединились и прежние сторонники *бакуфу*, в частности Ивакура Томоми.

Внутри антисёгунской оппозиции не было единства мнений относительно методов возвращения власти императору и политики, касающейся взаимоотношений с иностранными державами. Одни (представители княжества Тёсю) выступали за прямое насильственное свержение *бакуфу*, вплоть до убийства сёгуна. Другие (например, Ивакура), опасаясь, что использование войск может привести к гражданской войне, предпочитали действовать путем заговоров и интриг. Так, Ивакура говорил, что если поставить ширму по прямой линии, она непременно упадет. Будучи активным сторонником «изгнания варваров», он старался до поры до времени не афишировать этого. Более того, в апреле 1867 г. Ивакура разработал проект соглашения с иностранными державами о мореплавании и об оказании помощи при кораблекрушениях.

В мае-июне того же года шли активные переговоры между представителями княжеств Сацума, Тоса и Тёсю. В результате в июле княжества Тоса и Сацума заключили союз и

подписали соглашение о необходимости восстановить суверенную власть императора, в котором говорилось:

«Как в доме не бывает двух хозяев, так и в государстве не должно быть двух правителей. Вернув власть императору, мы обновим всю систему, а создав совет княжеств, установим согласие народа».

Добиться этого предполагалось мирным путем: сёгун должен был отказаться от власти в пользу императора, став в один ряд с другими *даймё*. Представители Тоса хотели даже, чтобы он возглавил совет княжеств.

8 середине 1867 г. положение в стране еще более обострилось: в первой половине ноября представители трех княжеств —Сацума, Тёсю и Аки—договорились о восстановлении императорской власти вооруженным путем, выработали конкретный план действий и обратились к императору с просьбой издать указ о свержении *бакуфу*.

Отставка последнего сёгуна

С разных сторон, даже из собственного окружения, сёгун Токугава Ёсинобу получал предложения добровольно отказаться от власти и передать ее императору. В частности, в октябре послание с такой просьбой была передана ему Готō Сёдзирō, выходцем из княжества Тоса, от имени своего *даймё*. В нем отмечалось, что со времени открытия страны внутренние распри, нередко переходившие в военные столкновения, представили Японию в непривлекательном виде в глазах всего мира. «Причиной этого, — говорилось далее в послании, — служит наличие двух центров власти в стране... Вам надлежит возратить суверенную власть императору и тем самым заложить фундамент, опираясь на который Япония станет вровень с другими странами».

9 ноября 1867 г. Токугава Ёсинобу подал в отставку. Объясняя причины своего решения он отмечал:

«В настоящее время по мере того, как наши отношения с внешним миром все более и более развиваются, государство может распасться на составные части, если не будет управляться единой центральной властью. Поэтому необходимо изменить старый порядок вещей, вернуть суверенную власть императору, широко развить деятельность совещательных учреждений, добиться, чтобы решения по вопросам политики принимались императором при поддержке всего народа, и тогда Японская империя будет в состоянии поддержать свое достоинство и положение среди других государств мира».

Ёсинобу выразил также полное согласие с предложением княжества Тоса учредить двухпалатный совет с представительством в верхней палате придворной аристократии и князей, а в нижней — самураев различных рангов. По его мнению, это послужило бы гарантией решения всех вопросов с учетом общественного мнения. Это было взвешенное заявление ответственного государственного деятеля в ответ на угрозу развязывания гражданской войны.

Восстановление власти императора

В такой обстановке 3 января 1868 г. в Киото был созван императорский совет. В нем приняли участие, помимо членов императорской фамилии, представители высшей придворной аристократии (*кугэ*) и всех основных княжеств. Главными организаторами этого заседания были Ивакура Томоми, Окубо Тосимити, Готō Сёдзирō. Они заранее разработали основные документы, которые фиксировали переход власти от сёгуна к императору.

Прежде всего была заменена охрана: место преданных Токугава частей заняли отряды Сайгō Такамори. Затем в малом зале дворца в присутствии императора были зачитаны составленные от его имени указы. Самым важным из них был манифест о реставрации императорской власти.

Основное содержание манифеста сводилось к следующему: провозглашалась отставка Токугава Ёсинобу с поста сёгуна; ликвидировались посты регента (*сэссё*), главного советника (*кампаку*), упразднялось *бакуфу*, т.е. политическая система сёгуната; устанавливалась новая правительственная система. Манифест возвещал, что впредь следует «основываться на принципах, установленных императором Дзимму (легендарный основатель японской императорской династии; как считалось, вступил на трон в 660 г. до н.э. — *Ред.*) при образовании нашей страны; весь народ — гражданские и военные, высшие и низшие — будут участвовать в общественном обсуждении; все должны одинаково делить радости и горести жизни».

События 3 января 1868 г. привели к формальной реставрации императорской власти, ранее узурпированной феодальным кланом Токугава. Поэтому политический вес молодого императора

чрезвычайно возрос, хотя фактически делил власть со своим окружением, состоявшим из представителей пяти основных княжеств.

Гражданская война 1868-1869 гг.

Принимая отставку последнего в истории страны сёгуна, император уполномочил Токугава Ёсинобу остаться во главе правительства и по-прежнему заниматься ведением неотложных политических дел до окончательного решения вопроса о новой государственной власти. Однако целью движения за свержение сёгуната была полная ликвидация не только политической, но и экономической власти дома Токугава. Ведь, даже отказавшись от суверенной власти, глава этого дома, которому принадлежала примерно четверть всех земель, мог претендовать на ведущую роль и при новой политической системе. Поэтому, несмотря на добровольное отречение сёгуна от власти, сторонники свержения сёгуната, считали необходимым нанести дому Токугава сокрушительный удар.

Представители княжеств разъехались на места, чтобы организовать переброску дополнительных войск в Киото. В ноябре в столицу во главе 3-тысячной армии вошел сацумский князь Симадзу Хисамицу. Вслед за тем начали прибывать войска и из других княжеств. Была сформирована антисёгунская армия под командованием Сайгō Такамори. Поскольку ее ядром были отряды князя Симадзу, оказывавшего тогда наибольшее влияние на императора, более умеренные представители других княжеств, такие как Готō Сёдзирō, были вынуждены следовать в фарватере проводившейся им политики, даже не всегда полностью разделяя его позицию.

Несмотря на предварительную договоренность, бывшему сёгуну не предложили какого-либо важного поста в новом правительстве. Вместо этого его лишили всякой власти и потребовали передать императору земли дома Токугава и казну *бакуфу*.

Возмущенный таким поворотом дела Токугава Ёсинобу, несмотря на ранее сделанные миролюбивые заверения, решился на вооруженную борьбу. Он покинул Киото и отправился в Осака, который являлся важнейшим стратегическим пунктом, поскольку через него осуществлялась связь императорского двора с юго-западными княжествами. Именно через Осака войска антисёгунской коалиции могли получать оттуда подкрепления. Бывший сёгун направил императору письмо, в котором объяснял свои действия желанием избежать кровопролития. Но это был, скорее, маневр, также как и новые компромиссные предложения представителей юго-западной коалиции (отказ Токугава Ёсинобу от части фамильных земельных владений, возвращение в Киото с небольшой свитой, получение должности советника в новом правительстве). Обе стороны уже склонились решить дело силой оружия.

Отвергнув все предложения, Ёсинобу в конце января 1868 г. направил свои войска в Киото для «освобождения юного императора из рук его недостойного окружения», однако после 3-дневных боев в предместьях Киото был разбит. Он поспешил вернуться морем в Эдо и укрылся в своем, казалось, неприступном замке.

Поражение войск бывшего сёгуна ускорило окончательный распад системы *бакуфу*: все больше княжеств покидало ряды сторонников Токугава. Войска юго-западной коалиции, получили статус правительственных, а войска Ёсинобу были признаны мятежными, а он сам лишен званий и титулов.

В апреле 1868 г. был принят адресованный *даймё* императорский указ под названием «О возвышении национального престижа государства». Он был призван обосновать право императора вершить государственные дела, придать законный характер военным действиям правительственных войск, а также поднять национальный престиж в глазах иностранных держав:

«Национальное достоинство и счастье народа зависят от выполнения Нами Нашего высшего долга, и Мы постоянно и неустанно направляем Наши помыслы по этому пути... Мы желаем продолжить деяния наших мудрых предшественников и проводить политику, завещанную Нам покойным императором, обеспечивая мир в княжествах и в домах людей, содействуя тому, чтобы слава нашей страны воссияла за морями. В результате незаконных действий Токугава Ёсинобу страна распалась на отдельные части, и началась гражданская война, приносящая серьезные беды нашему народу. Поэтому мы вынуждены решиться на военные действия против него».

Правительственные войска, выступив из Киото, практически без сопротивления вошли в г. Сидзуока — родовое владение семьи Токугава, а затем достигли Эдо. Убедившись в безнадежности сопротивления и вняв советам наиболее дальновидных своих приближенных, Токугава Ёсинобу принял решение сдать город без боя. 3 мая 1868 г. правительственные войска вошли в замок Эдо. Бывший сёгун был отправлен под домашний арест в Сидзуока. Ему были оставлены земли в некоторых его прежних

владениях, которые давали ему неплохой доход — 700 тыс. *коку* риса (1 *коку* =150 кг). Его вассалам была предоставлена возможность перейти на службу в правительственные войска. Тем самым решались две задачи: с одной стороны, Токугава окончательно лишался военной опоры, а с другой — предотвращался взрыв недовольства его бывших сторонников.

Правда, все еще оставались отдельные очаги сопротивления новой власти. В частности, главы ряда княжеств в центральной и северо-восточной частях о-ва Хонсю продолжали борьбу с правительственными войсками. Они использовали для этого не только свои военные отряды, но и местное население. Крестьяне должны были строить укрепления, поддерживать в хорошем состоянии дороги и, конечно, поставлять провиант. Многомесячные сражения шли в провинции Этиго на побережье Японского моря к северо-западу от Эдо. Часть отрядов сторонников Токугава из княжества Айдзу вернулись в родные места и, объединившись с рядом других северо-восточных княжеств (Сэндай, Намбу, Ёнэдзава), продолжали борьбу. Однако в конце октября 1868 г. пал их последний оплот — замок Вакамацу. При его защите особенно отличился отряд молодых самураев, называвших себя «белыми тиграми». Их подвиг был настолько широко известен как образец мужества и верности долгу, что в ходе боев с англичанами на бирманском фронте во время второй мировой войны одному из японских полков было присвоено название «белые тигры».

Последние сражения гражданской войны уже в первой половине 1869 г. развернулись в южной части о-ва Хоккайдō. Сразу же после поражения Токугава Ёсинобу в Эдо часть кораблей сёгунского флота под командованием адмирала Энмото Такэаки ушла на север Хонсю. После окончательного разгрома сторонников сёгуна в Сэндай эскадра, забрав остатки войск, ушла в Хакодате. После того, как легко было сломлено сопротивление местных гарнизонов, Энмото объявил весь Хоккайдō самурайской республикой. Одновременно он обратился к императору с предложением поставить во главе нее одного из представителей дома Токугава. В ответ правительство объявило адмирала вне закона и направило на остров свои войска, куда вошли отряды из 13 верных княжеств и весь имевшийся флот, включая броненосец, приобретенный незадолго до этого у США. Результатом стало окончательное поражение антиправительственных сил. В мае 1869 г. гражданская война была завершена.

Победа в ней правительства была вполне закономерна. Повсеместно население приветствовало правительственные войска, поскольку надеялось, что новая власть принесет перемены к лучшему в его положении, в то время как значительные силы сёгуната отвлекались на усмирение народных волнений. Крестьяне создавали свои мобильные отряды, которые сражались на стороне антисёгунской коалиции. И, конечно, нельзя не учитывать, что правительственные войска были значительно лучше оснащены и подготовлены в военном отношении.

Историческое значение реставрации Мэйдзи

Появление манифеста о реставрации императорской власти 3 января 1868 г. и последующие события называются реставрацией Мэйдзи. Действительно, сама политическая акция сводилась именно к реставрации монархии, и последующая вооруженная борьба велась за утверждение прерогатив императора как верховного правителя страны.

Вместе с тем, по своим как ближайшим, так и отдаленным последствиям события в Японии 1868-1869 гг. имели поистине революционный характер. Они открыли путь капиталистического развития и ускоренной модернизации, радикально изменили структуру японского общества и определили дальнейший путь развития страны. Можно сказать, что основы процветания Японии в современном мире были заложены свержением сёгуната и последующими реформами, осуществленными новой властью.

Специфика кардинальных преобразований в японском обществе, когда глубоко рациональные социально-экономические и политические реформы сопровождалась реанимацией откровенно архаических представлений в идеологической сфере, плохо укладывается в систему понятий, выработанных на основе изучения европейской истории. Так, понятия «реставрация» и «революция» на примере истории западных стран воспринимаются чуть ли не как противоположные, а все серьезные социально-экономические преобразования на Западе сопровождалась или предварялись попытками выработать новую систему идей. На этом фоне японские реформы, апеллировавшие к ценностям X и более ранних веков, воспринимаются как нечто странное, а то и ушербное.

Однако такое европоцентристское восприятие не вполне адекватно сути происшедшего в Японии по второй половине XIX века и не охватывает важную грань тех событий. Хотя реставрация Мэйдзи по своим последствиям (централизация власти, урбанизация, индустриализация) была близка к революциям европейского типа, в ее ходе японцы решали задачу, нехарактерную для великих европейских революций. Они делали максимум возможного для сохранения независимости их страны и создания государства, обладавшего равным статусом с европейскими.

После «открытия» Японии под дулами орудий американских военных кораблей перед страной возникла перспектива утраты национальной независимости. Середина XIX в. была периодом формирования мировой капиталистической системы с ее иерархией передовых и зависимых, эксплуатируемых стран. Азия не смогла ответить на вызов Запада и обрела судьбу колоний и полукolonий. Только Японии удалось провести коренные социально-экономические преобразования и избежать этой участи.

Хотя в западном мире социально-экономические преобразования нередко сочетались с решением национально-освободительных задач, случай Японии был существенно иным. Дело в том, что все западные народы, в том числе боровшиеся за свое национальное самоопределение, принадлежали к одной и той же европейской цивилизации. Их культура имела общие античные и христианские корни, и они существовали в едином идейном пространстве.

Япония принадлежала к иной, китайской культурной традиции. При этом для того, чтобы сохранить себя как независимую нацию, японцам предстояло в кратчайшие сроки овладеть достижениями европейцев, причем не только в сфере техники и технологии, но и в строительстве современного государства. Это предполагало освоение огромного массива политических, экономических и иных идей, непривычных, а то и чуждых японскому сознанию.

Чтобы справиться с этой задачей и одновременно сохранить свою самобытность, японцы нуждались в собственной «национальной идее», которая могла бы поддержать чувство национального достоинства и ощущение ценности собственной культуры. Ей стала идея божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре, которая и ранее поддерживала в Японии политическую преемственность и духовное единство. Поэтому восстановление императорской власти было вполне логичным лозунгом борьбы национально-ориентированных сил с изжившим себя режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости. Реставрация Мэйдзи ознаменовала собой возвращение к правлению императора как к древней, истинной традиции.

Это в полной мере соответствовало духу японской истории, в которой явственно прослеживается принцип преемственности. Новые элементы, как правило, добавлялись к старой структуре, не разрушая ее, сосуществуя с ней. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы. Если на Западе новая ступень развития достигалась отрицанием предыдущей, то в Японии — путем обновления традиций. Поэтому не случайно для определения сути мэйдзийских событий современниками был выбран имеющий многовековую историю термин *исин*, означающий именно «обновление».

Это способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже весьма серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов. Решение проблем путем достижения компромисса — явление, характерное для Японии. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия — понятии гармонии (*ва*).

Поэтому в событиях *Мэйдзи исин*, как и в последовавших реформах, все время присутствовал неявный компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Первые в целом проявили склонность к реформированию общества, вторые — к сохранению и поддержанию традиций. Даже гражданская война в Японии, в отличие от подобных войн в большинстве других стран, не имела тотального характера и не была столь кровопролитной, поскольку противоборствовавшие стороны не стремились к взаимному истреблению.

Элемент исторического компромисса в событиях, связанных с реставрацией Мэйдзи, наряду с особенностями экономической и социальной структуры Японии тех лет предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении на длительный срок натуральной арендной платы в деревне, помещичьей собственности на землю, полуфеодальных условий труда на предприятиях. Тем не менее именно

реставрация Мэйдзи открыла перед Японией путь к широкомасштабной модернизации и предотвратила угрозу потери ей национальной независимости.

Лекция 2

Реставрация Мэйдзи. Мэйдзинские преобразования.

1. Формирование государственной идеологии.
2. Административные реформы.
3. Судебно-правовая реформа.
4. Экономические реформы.
5. Реформа образования.

МЭЙДЗИЙСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Несмотря на длительную изоляцию и на жестко регламентированный уклад жизни и хозяйственной деятельности, в японском обществе существовали определенные предпосылки для кардинальных преобразований. По многим параметрам японское общество было подготовлено к интенсивной модернизации. По словам известного японского социолога Наканэ Тиэ, «колеса к повозке были приделаны задолго до начала модернизации; требовалось только сменить возницу и направление движения».

Особенно следует отметить исключительно важную роль государства в мэйдзийских преобразованиях. После реставрации модернизация стала приоритетом государственной политики. В ее осуществлении был задействован весь духовный и материальный потенциал нации.

Первые шаги новой власти

Несмотря на юный возраст, император Мэйдзи активно включился в государственную деятельность. Молодой монарх оказался незаурядной личностью, подлинным лидером нации и государства. Благодаря своим личным достоинствам он еще больше укрепил традиционный авторитет своих предков.

Только за первое десятилетие правления Мэйдзи был опубликован 271 указ. Большинство из них было посвящено повседневным конкретным делам страны. Например, в одном из них император обращался с напутственным словом к молодежи, отправлявшейся на учебу за границу, в другом благодарил иностранных советников за помощь его стране. На это же десятилетие пришлась основная часть из более чем 100 поездок императора по стране. А его предшественники за 260 лет правления Токугава лишь трижды покидали столицу.

Вместе с тем положение императора оставалось достаточно зависимым. Поэтому, как правило, он предпочитал не выступать, а действовал через свое окружение. Тем не менее многие указы были написаны по прямому указанию и при участии императора.

Формирование государственной идеологии

Постепенно императорские указы приобретали более отстраненный характер, стали касаться лишь наиболее важных политических, военных и моральных проблем. Целый ряд их, подобно классическим текстам, подлежал всеобщему изучению и рассматривался как священные предписания.

Изменение содержания указов свидетельствовало о переменах в официальной политике формирования образа императора. В начале правления он выступал прежде всего как государственный деятель, но постепенно акценты стали смещаться в сторону подчеркивания божественной сущности императорской власти. Народу стали прививать

взгляд на императора как на небожителя, наблюдающего за своими подданными и оберегающего их.

Доктрина кокутай

В основу обновленной государственной идеологии легло понятие *кокутай* (возможный перевод—«государственный организм») — специфически японская концепция государственной общности, объединявшая императора (первосвященника религии *синто* и сакрального вождя), японский народ и собственно Японские о-ва (творение богов-демиургов Идзанаги и Идзанами) в единое органическое целое.

Формированию такого миропонимания способствовали этническая однородность японцев, два с лишним столетия полной изоляции страны от внешнего мира и фактор островного положения. В этих обстоятельствах японцы естественным образом пришли к осознанию себя единым организмом, государственно-этническим и духовно-религиозным целым. В Японии с давних пор бытовало понятие о государстве как о сложном организме, в котором все взаимосвязано в соответствии с законами природы и традициями. Иными словами, в понятии *кокутай* в неразрывной связи находились природа Японии, ее население и ее боги. Концепция *кокутай* подчеркивала уникальный характер государства и народа Японии, что объяснялось «божественным происхождением» страны и императорского дома.

В апреле 1868 г. был провозглашен и законодательно оформлен принцип «единства ритуала и управления» (*сайсэй итти*). Этот политический акт ознаменовал собой возврат к древнейшему сакральному понятию единства царских и жреческих функций. Он неоднократно упоминался в императорских указах как основной принцип *кокутай* со времени возникновения японской государственности и связывался с именем легендарного императора Дзимму, взошедшего на престол, как утверждалось, в 660 г. до н.э. и считавшегося родоначальником японской императорской династии. Именно благодаря *сайсэй итти* у японского народа развилось восприятие императора как «живого бога».

Безусловно, в мэйдзийскую эпоху абсолютное единство государства и религии было уже недостижимо, но в официальной идеологии этот принцип признавался как неотъемлемая часть функционирования государственного организма (*кокутай*). Император Мэйдзи провозглашался «живым богом», равным по религиозному статусу с богиней Аматаэрасу и божеством Тоёукэ. Для возвеличивания роли императора как первосвященника *синто* создавались новые религиозные ритуалы, которым нередко придавался характер государственных актов.

При переезде из Киото в новую столицу Токио (переименованную по этому случаю из Эдо в 1869 г.) император совершил паломничество в Исэ — Мекку синтоизма. Свою знаменитую клятву император Мэйдзи в соответствии с традицией произнес во время религиозной церемонии, обращаясь к богам и народу. Значительная часть новых государственных праздников была связана с императором, его предками, его божественным происхождением — День смерти легендарного императора Дзимму, День смерти предыдущего императора (Кōмэй), День рождения здравствующего императора, День устройства императором новогоднего банкета, День основания империи, День приношения благодарности богине Аматаэрасу. В них зримо закреплялась идея исключительности, божественности японской нации.

Этому же способствовало введение новых государственных символов — гимна и флага. Слова гимна «*Кими-га ё*» («Ты — весь мир») были взяты из поэтической антологии X в. «Собрание старых и новых песен Ямато». Символика введенного после реставрации Мэйдзи флага «*хи-но мару*» (красный круг на белом фоне) связана с тем, что с древности Японию называли «страной восходящего солнца». Подобное изображение впервые появилось еще при императоре Годайго (XIV в.).

Учреждение государственного синто

Указ о единстве ритуала и управления был только первым актом нового правительства, касавшимся религии. Он свидетельствовал о наметившемся возвращении к национальной религии *синто* (путь богов).

Синто представляет собой своего рода мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм, пронизывающих повседневную жизнь народа. На протяжении веков под влиянием буддизма *синто* обрел определенную догматику, но остался, в первую очередь, формой мировосприятия и мироощущения японцев. Этот культ и послужил основой учреждения государственного *синто*.

Был возрожден древний, существовавший еще в VIII в. институт, связанный с религией — управление по делам небесных и земных божеств (*дзингикан*). В новой структуре власти он занял одно из ведущих мест среди правительственных ведомств. Достаточно сказать, что чиновники *дзингикан* считались выше по положению, чем их коллеги соответствующих рангов в органах исполнительной власти. К компетенции *дзингикан* относились все вопросы, связанные с синтоистскими святилищами и исполнением ритуала. При нем был создан специальный институт проповедников. Главным направлением вновь созданного ведомства была пропаганда религиозного и политического авторитета императора. В данном ключе серьезное внимание было обращено на деятельность основных синтоистских святилищ.

Фамильное святилище императорского дома — *Исэ-дзингу* (слово *дзингу* означает принадлежность святилища к императорскому храмовому комплексу в Исэ, а слово *дзиндзя* используется для обозначения остальных синтоистских храмов) — было превращено в главный храм синто. Обрядность всех синтоистских храмов, включая даже самые мелкие сельские, увязывалась теперь с обрядностью *Исэ-дзингу*, так что они как бы сделались его филиалами.

Многим религиозным обрядам придавался характер государственных актов. Например, в 1871 г. на церемонии восшествия императора на престол (*дайдзёсай*), которая основывалась на древнейших синтоистских обрядах, присутствовал дипломатический корпус. Это было сделано ради повышения престижа императора внутри страны и за ее пределами.

Уже в 1871 г. все святилища были объявлены местами исполнения государственного ритуала. Была восстановлена строгая их иерархия, определенная в свое время кодексом «Тайхёрё» (начало VIII в.). Все храмы делились на 7 категорий. Первые три находились под непосредственным контролем *дзингикан*, другие состояли в ведении его местных отделений. Священнослужители назначались по решению *дзингикан* (особенно это касалось крупных святилищ), хотя ранее эти должности были наследственными.

В 1872 г. *дзингикан* был преобразован в ведомство религиозного образования, в ведении которого теперь находились не только синтоистские, но и буддийские храмы, а также деятельность других религиозных групп. Созданное при *дзингикан* святилище в честь покровителей императорской фамилии было перенесено на территорию дворца и передано в ведение специально учрежденного управления по делам церемоний. Ведомство религиозного образования разработало «Правила обучения», состоявшие из трех пунктов, которые определяли тематику проповедей; постепенно помимо религиозных вопросов она стала затрагивать широкие темы государственного устройства. Так шло внедрение религиозно-политической идеологии нового правительства в сознание масс. В 1877 г. ведомство религиозного образования было упразднено, а его функции переданы министерству внутренних дел.

Правительство стремилось к тому, чтобы *синтō* играл основную роль в государственных ритуалах и этике. Святилищам высшей категории было запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Вменение им в обязанность исполнения государственного ритуала превращало *синтō* в государственную структуру, т. е. происходило его слияние с государственным аппаратом. Священнослужители фактически становились чиновниками. Управление по делам церемоний при императорском дворе стало заниматься вопросами отправления обрядов не только во дворце, но и по всей стране. Так создавался государственный *синтō*, который, формально не являясь религией, занял главенствующее положение по отношению ко всем иным конфессиям. Даже исключительно влиятельный на протяжении веков буддизм был оттеснен на второй план.

Конституция 1889 г. провозгласила свободу вероисповедания, но сделала это в весьма своеобразной форме. Ст. 28 гласила:

«Японские подданные могут пользоваться свободой вероисповедания в рамках, не нарушающих мир и порядок и не угрожающих исполнению их обязанностей как граждан страны».

Лаконичность этой статьи, безусловно, требовала комментариев, которые и были сделаны Итō Хиробуми, председателем комиссии по выработке конституции:

«Хотя свобода вероисповедания ... не подлежит каким-либо ограничениям, это положение остается в силе лишь до тех пор, пока проявления этой свободы ограничиваются рамками ума верующего. Однако в том, что касается внешних аспектов, таких как формы вероисповедания и способы проповеди, должны быть предусмотрены

некоторые законные ограничения и правила, а также соблюдаться общие обязанности подданных».

На практике ограничения были весьма существенными, поскольку конституция законодательно закрепила «божественность» происхождения императора. В учебных заведениях запрещалось преподавание любых религиозных дисциплин, кроме догматов государственного *синто*. Таким образом культ императора утверждался в молодежной среде.

Большую роль в практике государственного *синто* играли обряды, которым придавалось важное политическое значение. Они обеспечивали единство всей нации на основе понятия *кокутай*, центром которого был император. Именно ему принадлежала ведущая роль при исполнении главных синтоистских обрядов при дворе. Это были «большие обряды», а «малые» осуществлял главный священнослужитель дворового святилища.

Большая часть дворцовых обрядов была разработана заново. Древним был, пожалуй, лишь праздник вкушения первых зерен риса нового урожая. Важную политическую роль играли обряды, посвященные душам прошлых императоров, а также великих деятелей японской истории. В память о них строились новые святилища и учреждались новые праздники. Например, были возведены святилища в честь великих объединителей страны Ода Нобунага и Тоётоми Хидэеси (XVI в.).

Особое место среди вновь возведенных святилищ занял Ясукуни-дзиндзя (доел, «храм мира в стране»). Он был построен в Токио в 1869 г. и получил ранг «особого императорского святилища». В отличие от других храмов, Ясукуни находился в ведении ведомства армии и флота, и священнослужители назначались туда с согласия военного руководства. Роль главных распорядителей на различных праздниках этого храма выполняли генералы и адмиралы, а охрану несли подразделения военной жандармерии. В Ясукуни находились списки погибших в войнах, которые и составляли предмет поклонения в синтоистском святилище (*синтай*). Там же хранились и два из трех атрибутов императорской власти—зеркало и меч.

В 1874 г. император Мэйдзи посетил Ясукуни-дзиндзя, что было беспрецедентным поступком, поскольку там поклонялись не богам, а душам погибших воинов. Таким образом, солдаты, отдавшие жизнь за императора, как бы приравнивались к богам.

Обрядность государственного *синто* была достаточно далека от повседневной жизни населения, которое продолжало жить в соответствии с народным *синто*. Но по мере становления Японской империи он превратился в главное идеологическое орудие правящей элиты. Объявив государственный *синто* «не религией» (1900 г.), правительство получило возможность, не нарушая принципа свободы совести, заставить весь народ соблюдать его ритуалы, что было не особенно сложно, так как в сознании людей эти обряды сохраняли религиозный характер.

Административные реформы

После окончания гражданской войны центральной власти мэйдзийское правительство стало перед необходимостью укрепления центральной власти. Основная масса самураев вернулась в свои княжества. Опьяненные победой над сёгуном, они решили бороться за укрепление своей вольницы. По определению Кидо, возникали «своего рода небольшие правительства *бакуфу*». В такой обстановке попытки центрального правительства (как и *даймё*) подчинить своему контролю самурайские отряды вызвали с их стороны ожесточенное сопротивление, выливавшееся в такие эксцессы как убийство в Киото руководителя военного ведомства Омура Масудзирё.

Создание системы централизованных органов власти осуществлялось постепенно и осторожно. В мае 1868 г. во всех княжествах начали действовать органы мэйдзийского правительства как посредники между центральной и местной властью. В декабре правительство конфисковало владения 22 *даймё*, поддержавших сёгуна в гражданской войне, и взяло под свой контроль 8 городов, на которые ранее распространялась власть сёгуна. В конфискованных владениях *бакуфу* были размещены гарнизоны (*тиндай*), позже переименованные в «суды» (*сайбансё*). В целях унификации должностной иерархии во всех княжествах был введен нормативный документ «Система управленческих должностей в княжествах» (*ханти сёкусэй*).

Таким образом, система управления в княжествах подверглась определенному упорядочению со стороны центральных властей. Был создан унифицированный аппарат управления, представленный правительственными уполномоченными. Кандидатуры на эти должности выдвигались из числа не столько знатных, сколько способных людей, и

утверждались центром. И все же власть правительства на значительной части территории страны оставалась иллюзорной.

Возвращение страны и народа императору

В 1869 г. в Японии произошло необычное событие — «возвращение страны и народа императору» (*хансэки хōкан*), т. е. добровольный отказ *даймё* от феодальных прав и передача ими своих властных полномочий центру. При этом княжества (*хан*) были формально сохранены в качестве единиц административно-территориального деления.

Лидеры Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, прекрасно понимая, что они уже не в состоянии удержать свою власть в полном объеме, и заручившись обещанием щедрых компенсаций, в марте 1869 г. подали на имя императора петицию об отказе в его пользу от своих прав на управление княжествами. В этом документе говорилось:

«Принципы отношения подданных к Императору и обязанности высших и низших вечны и неизменны... Вся земля—это владения Императора, а люди, трудящиеся на ней, — народ Императора, и никто не может использовать их в личных целях... Поэтому мы верноподданнически отказываемся от всех наших владений с молитвой о том, чтобы все законы издавались по указанию Императора... чтобы господствовала единая власть во всей империи».

Аналогичные петиции поступили от большинства княжеств. Каждое стремилось не упустить свой шанс вписаться в новую систему власти. Наряду с политической предусмотрительностью это решение *даймё* было продиктовано веками воспитанной преданностью императорской династии. Император обладал своего рода «наследственной харизмой» в силу самого своего статуса.

Правительство, со своей стороны, делало все, чтобы избежать осложнений. Оно назначило бывших *даймё* на посты наследственных губернаторов, выплачивало им пенсии в размере 10% валового дохода с их прежних владений, а также взяло на себя обязательство погасить часть их долгов ростовщикам.

Все же с «возвращением страны и народа императору» резко усилилось вмешательство центрального правительства в управление княжествами. 8 июля 1869 г. положением об административной иерархии (*сёкуинрэй*) были установлены общие для созданных в бывших владениях *бакуфу* префектур и для княжеств служебные обязанности губернаторов и определен круг подчиненных им должностных лиц.

Упразднение княжеств

29 августа 1871 г. была совершена весьма важная реорганизация системы административно-территориального деления, которая в то время соответствовала формуле *фу-хан-кэн*, т. е. префектуры *фу* (столичные) и *кэн* сосуществовали с дореформенными княжествами (*хан*). Первоначально система префектур была учреждена лишь в бывших сёгунских владениях, но теперь императорским указом она была распространена на всю страну, а княжества полностью упразднились.

Издание императорского указа об окончательном упразднении *хан* (*хайхан тикэн*) было вызвано тем, что в сохранившихся княжествах *даймё* продолжали чувствовать себя полновластными хозяевами. При этом содержание этого документа ясно свидетельствовало о том, что центральная власть уже не особенно нуждалась в поддержке местных феодалов и, в целом, не опасалась значительного противодействия с их стороны. В нем, в частности, говорилось:

«В настоящее время Мы окончательно и бесповоротно упраздняем княжества и превращаем их в имперские владения (префектуры) для того, чтобы сократить расходы, упорядочить государственный аппарат, избавиться от всего, что отжило, и ликвидировать основы сепаратизма, подтачивающие государственность».

В соответствии с указом в стране было создано более 300 префектур (*кэн*), в том числе 3 столичные (*фу*) — Токио, Киото и Осака, — в которых была введена особая система управления (особый статус Токио и Осака сохранился и по сей день). Вскоре, к ноябрю того же года, число префектур было сокращено до 75, а в 1888 г. — до 46.

Последующие реформы государственного управления

С ликвидацией в 1871 г. феодальных княжеств была проведена очередная реформа правительства, перестроенного по формуле *санъинсэй*, т. е. по 3-палатной схеме. Новый государственный совет (*дадзёкан*) делился на 3 палаты — центральную (*сэйин*), занимавшуюся по указанию императора вопросами религии, дипломатии, войны и мира, заключения договоров; правую (*уин*), куда входили главы ведомств, и которая осуществляла административное руководство; и левую (*сани*), членов которой назначал император; ее функция состояла в подготовке рекомендаций по законопроектам

центральной палаты. Для практического управления страной были учреждены 8 министерств (сё) — по делам религии, иностранных дел, финансов,

военное, образования, поощрения промышленности, юстиции, по делам двора. Кроме того при *дадзёкан* были введены должности советников (*санги*), которые заняли выходцы из юго-западных княжеств, том числе Кидо Такаёси, Сайгō Такамори, Итагаки Тайсукэ, Ōкума Сигэнобу.

Среди новых политических лидеров не было единства мнений относительно характера и структуры правительства. Источником беспокойства внутри правительства стало министерство финансов, компетенция которого была настолько широкой, что оно стало вторгаться и в более общие вопросы управления страной. На этой почве у него возникали конфликты с центральной палатой и другими министерствами. В 1873 г., когда представительная правительственная делегация (Ивакура, Кидо, Ōкубо, Итō и др.) находилась в Америке и Европе, стараясь добиться пересмотра неравноправных договоров, оставшиеся на родине члены правительства, среди которых наибольшим влиянием пользовался Сайгō Такамори, вышли за рамки полномочий, оговоренных при отъезде делегации, и провели ряд реформ, направленных на ограничение полномочий министерства финансов и усиление роли центральной палаты.

Одновременно в высшем эшелоне государственного аппарата назревали противоречия между советниками (*санги*) и министрами. Первые предлагали важные политические решения, но при этом были отъединены от практически работавших министерств (сё); с другой стороны, по сравнению с обладавшими реальной властью министрами положение *санги* было номинальным. В октябре 1873 г. Сайгō и другие *санги* (Итагаки Тайсукэ, Готō Сёдзирō, Создзима Танэоми) покинули свои посты. В целях укрепления структуры правительства и повышения эффективности управления страной была принята система совмещения должностей *санги* и министров.

Еще одна серьезная реорганизация правительства была осуществлена в 1875 г., когда впервые была предпринята попытка реализовать на практике принцип разделения властей. 17 января 1874 г. бывшие *санги* Создзима, Готō, Итагаки и др. (всего 8 чел.) подали в левую палату докладную записку о необходимости создания избираемого народом парламента и подвергли критику правительство за проведение политики исключительно в пользу бюрократии.

14 апреля 1875 г. был опубликован императорский указ о постепенном введении конституционного строя. Было провозглашено, что будут созданы палата старейшин (*гэнрōин*) и верховная судебная палата (*тайсингъин*). Одновременно была сделана попытка превратить правительство в более работоспособный орган. Были ликвидированы левая и правая палаты, осталась только центральная. Усилилась функция главного министра (*дадзё дайджин*) как помощника императора. Компетенция левого и правого министров была сокращена до объема полномочий прежних советников (*санги*).

Палата старейшин была создана при центральной палате в качестве консультативного органа по вопросам законотворчества, однако ее полномочия не были четко определены. В конечном счете ее компетенция была ограничена выражением мнения о принятии новых и отмене старых законов, причем она рассматривала только те вопросы, которые предлагал *дадзёкан*. Однако палата старейшин имела право представлять императору свои пожелания в области законодательства. Значимость палаты определялась ее составом. Ее члены назначались императорским указом из представителей аристократии, высших должностных лиц, тех, кто оказал большие услуги государству, и наиболее компетентных и образованных специалистов. Именно по этому принципу позже была сформирована верхняя палата парламента.

Верховная судебная палата, также учрежденная при центральной палате, по замыслу ее создателей должна была контролировать исполнение законов, но фактически служила лишь инстанцией для окончательного разрешения судебных дел. При создании нового органа за образец был взят французский кассационный суд с той разницей, что последний мог отклонять решения нижестоящих судов, но не имел полномочий самостоятельно принимать решения по существу, а японская верховная судебная палата получила такие полномочия. Ее создание стало первым большим шагом по пути модернизации японской юстиции.

Реформа государственного аппарата 1875 г. представляла собой компромисс между сторонниками введения представительного правления, и теми, кто считал, что народ к нему еще не готов. Споры по этому вопросу еще долгие годы оставались в центре внутривластной борьбы в Японии.

Судебно-правовая реформа

Мэйдзийское руководство рассматривало создание новой судебно-правовой системы как важную составную часть реформ и, в то же время, как предпосылку их успеха. В течение 70-х годов правительство провозглашало свою приверженность идее развития правовой системы, основанной на разделении властей и гарантиях прав человека. Однако в эти годы японские юристы еще оставались под влиянием китайской модели права. В 80-е годы произошел отказ от нее в пользу западных правовых систем, что было сделано во многом в интересах создания юридического фундамента для пересмотра неравноправных договоров с иностранными державами.

Создание централизованной судебной системы

До упразднения княжеств правосудие в каждом из них осуществлялось владельцем феода (*рёсю*). Принятый в феврале 1868 г. документ «Служебная иерархия в судах» (*сайбансё сёкусэй*) придавал функцию отправления правосудия «судам» (*сайбансё*), т. е. административным органам в конфискованных владениях *бакуфу*. Компетенция центральных органов юстиции была весьма ограниченной.

После «возвращения страны и народа императору» в июле 1869 г. было принято «Положение об административной иерархии» (*сёкуинрэй*), в котором, в частности, определялось, что уголовным судопроизводством должно было заниматься ведомство уголовных дел (*кэйбусё*), гражданско-правовым судопроизводством — ведомство гражданских дел (*мимбусё*), а еще один орган — контрольная служба (*дандзедай*) — был призван осуществлять административный контроль и выдвигать обвинения против чиновников.

Однако и тогда осуществление правосудия по уголовным и гражданско-правовым делам практически оставалось в руках руководителей префектур и княжеств, а центральное правительство могло принимать решения по таким делам только определенных случаях: например, когда преступление предполагало наказание в виде смертной казни или ссылки (для приведения в исполнение смертного приговора была необходима санкция императора).

В июле 1871 г. ведомство уголовных дел и контрольная служба были упразднены и вместо них было создано министерство юстиции (*сихосё*), которому поручили судопроизводство и розыск. Первым министром юстиции был назначен Это Симпэй, приверженец идеи централизации судебной системы.

Начало реорганизации было положено созданием в декабре г. суда в Токио — первого в Японии судебного органа нового типа. Затем на основании специальных актов были созданы «высшие суды» (*дзётё айбансё*) в Осака, Нагасаки и Фукуока (по следний затем переместился в Мияги) и префектуральные суды. В г. министерство юстиции определило, что в случае нарушения прав населения чиновниками на местах потерпевшие могут обращаться за защитой в судебные органы. Таким образом Это Симпэй пытался прекратить с помощью юстиции произвол местных властей.

3 августа 1872 г. правительство приняло «Положение о служебных обязанностях должностных лиц юстиции» (*сихо сёкуму тэйсэй*), в котором просматривалось влияние французского и голландского права, как, впрочем, и правовых традиций домэйдзийской Японии. Согласно ему предусматривалось создать 5 видов судов, а именно: чрезвычайный суд министерства юстиции (*сихосё риндзи сайбансё*) для рассмотрения важных государственных дел и преступлений, совершенных судьями; суд министерства юстиции (*сихосё сайбансё*) (фактически апелляционный); выездные суды (*сюттё сайбансё*) для отправления правосудия в отдаленных местностях (на практике ни одного такого суда создано не было); префектуральные суды (*фукэн сайбансё*), охватить которыми все префектуры не удалось из-за сопротивления местных властей и по причине финансовых трудностей; районные суды (*ку сайбансё*), рассматривавшие дела о незначительных преступлениях.

При всей относительной прогрессивности новой судебной системы ей были присущи несомненные слабости, главная из которых заключалась в том, что она не обеспечивала полной независимости судов и судей. Во главе нее пребывало министерство юстиции, оно же назначало и смещало судей, а также давало им разъяснения законов. Сам министр одновременно был главным судьей суда министерства юстиции (до декабря 1873 г.), а судопроизводство по отдельным делам могли контролировать непосредственно подчиненные ему прокуроры (*кэндзи*).

Вместе с тем нужно иметь в виду, что при тогдашней недостаточной подготовленности судей и несовершенстве японского права такой примат

административного начала в области юстиции, возможно, был оправданным практическим решением, способствовавшим реализации идей. Это о создании качественного и единообразного правосудия и о защите прав народа.

Возникновение современного права

Усилия по созданию централизованной судебной системы свидетельствовали о большом значении, которое мэйдзийское правительство придавало юриспруденции. Отсутствие в Японии юридических институтов, адекватных западным, было одним из слабых мест в отношениях с иностранцами. Именно на этом основании иностранные государства потребовали и получили права экстерриториальности и вывели своих граждан из-под действия японских законов, которые они считали несправедливыми и устаревшими.

Это мнение было вполне справедливым. Например, введенные ведомством уголовных дел в мае 1870 г. правила уголовно-судебной процедуры весьма напоминали домэйдзийские образцы: допускалась пытка подозреваемого, предусматривалась рассадка обвиняемых в зале суда в соответствии с их сословной принадлежностью. В них явно прослеживалась связь с юридическими нормами эпохи Токугава, основанными на приоритете личного статуса, а не закона.

Ради освобождения от иностранного вмешательства в систему права на своей территории Япония приступила к приведению отечественного законодательства в соответствие с западными нормами. Однако реформа затянулась надолго, поскольку было непросто преодолеть оставшиеся в наследство от сёгуната правовые традиции, восходившие к древним китайским образцам.

Приступая к правовой реформе, мэйдзийское правительство изучало методы отправления правосудия на Западе. Однако, как и при заимствовании в старину элементов китайского права, в Японии не было прямого переноса зарубежных правовых реалий на национальную почву: они подвергались соответствующей адаптации. Так, японцы не приняли в качестве образца основанное на прецеденте английское право, поскольку корни их юридического мировоззрения лежали в кодифицированном домэйдзийском праве китайского типа.

Предпочтение было отдано французскому праву: работа над составлением новых японских законов началась в октябре 1870 года с перевода наполеоновских кодексов. В качестве консультанта был привлечен французский адвокат Ж. Буске. В 1875 г. в министерстве юстиции было создано специальное подразделение в составе 11 экспертов для реформы уголовного законодательства. Для подготовки проекта УК был приглашен профессор Парижского университета, специалист в области уголовного права Г. Э. Буассонаде Фонтараби.

Участие французских юристов в разработке уголовного и уголовно-процессуального кодексов имело прямые последствия еще до завершения этой работы. В 1875-1876 гг. был принят ряд актов, предусматривавших возможность обжалования и пересмотра приговоров, а в 1876 г. — отменен принцип обязательности признания обвиняемого для вынесения обвинительного приговора. Поводом для этого послужила записка Буассонада о необходимости отмены пыток, поданная в 1875 г. (окончательно пытки были отменены в октябре 1879 г.).

После ряда экспертиз, обсуждений и изменений оба кодекса (УК и УПК) были опубликованы 17 июля 1880 г. и вступили в силу с 1 января 1882 г. В целом они отвечали передовому уровню права в тогдашнем мире. Заложенные в них принципы «нет преступления и нет наказания вне нормы закона» и «закон не имеет обратной силы» были революционными для Японии, поскольку ранее они не были известны ее уголовной юстиции. Революционность кодексов проявилась также в провозглашении равенства всех перед законом и в установлении принципа индивидуализации, т. е. персонального характера вины. Были отменены коллективная уголовная ответственность и совместная вина, характерные для феодальной юстиции. В проекте уголовно-процессуального кодекса предполагалось также введение суда присяжных, но в последний момент от него отказались.

Если уголовный кодекс был принят относительно быстро, то создание гражданского кодекса потребовало гораздо больше времени: работа над ним продолжалась с 1870 по 1890 г. Трудности при его разработке во многом были вызваны тем, что в данном случае право опиралось не только на общенациональные, но и на местные обычаи. Кроме того, еще на ранней стадии мэйдзийских реформ было обнаружено, что обращения в суд с гражданско-правовыми спорами и вынесения по ним формальных судебных решений не

работали во многих житейских ситуациях. Поэтому в 1876 г. правительство официально признало неформальные методы разрешения таких споров путем достижения соглашения (как бы в продолжение домэйдзийской традиции).

Вместе с тем, ответом на быстрые изменения в жизни японского общества стало бурное развитие гражданского права в области сделок. Рядом актов были подробно регламентированы формы документов, составляемых при заключении сделок, разработаны институты заключения сделки по доверенности, ограничения ссудного процента, солидарного долгового обязательства, долговых гарантий, уступки права получения долга, ограничения срока подачи иска, имущественных ограничений. Был также принят ряд законов о поощрении экономического развития, в том числе о банках, компаниях, векселях и др.

Судебная система окончательно оформилась после принятия конституции 1889 г. — гражданско-процессуальный кодекс вступил в силу в 1891 г. Почти одновременно с помощью немецких специалистов был разработан и торговый кодекс. Таким образом, в Японии утвердилась современная правовая система.

Не менее важным следствием судебно-правовых реформ в период Мэйдзи стало осознание японскими судьями своей независимости. Ярким примером такого рода был категорический отказ

тогдашнего главного судьи верховной судебной палаты Кодзима Икэн распространить действие статьи уголовного кодекса о преступлениях против императорской фамилии на случай, когда японский полицейский Цуда Сандзō в 1891 г. ударил саблей посетившего Японию наследника российского престола (будущего императора Николая II), поскольку данная статья касалась лишь японского монарха и его родственников. Высокий судейский чин пожертвовал своим постом, но не уступил давлению со стороны правительства.

Экономические реформы

В период Мэйдзи Япония вступила, имея весьма отсталую по сравнению с ведущими западными странами экономическую систему. Основу японской экономики составляли сельское хозяйство и мелкое кустарное производство, транспорт и связь находились на весьма низком уровне развития, торговля и финансы несли на себе отпечаток феодальной эпохи, и буквально по пальцам можно было пересчитать предприятия, применявшие передовую по тем временам технику. Тем не менее, после реставрации Мэйдзи Япония оказалась в состоянии осуществить быструю и эффективную модернизацию экономики.

Аграрная реформа

Огромное значение для развития капитализма имели проведенные в 1871-1873 годах аграрные преобразования. Среди наиболее важных из них следует назвать отмену феодальной зависимости крестьян, ликвидацию феодальной собственности на землю, введение системы купли-продажи земли, свободу выбора возделываемых культур, реформу поземельного налога. Проведение этих мероприятий привело к созданию частной собственности на землю, что обеспечило развитие сельскохозяйственного производства, которое в тот период являлось основным источником создания в стране материальных ценностей.

В центре аграрных преобразований стояло введение земельного налога взамен феодальной земельной ренты. Для этого предварительно была определена группа собственников земли. С этой целью в феврале 1872 г. им были выданы соответствующие удостоверения (*тикэн*), которые получили все, кто мог доказать, что он являлся фактическим владельцем земли.

В первую очередь право собственности на землю получили крестьяне, которые имели свои земельные наделы и выплачивали земельную ренту или другие налоги феодалам или чиновникам сёгуната. Тем самым были заложены основы для реализации одного из главных условий развития капитализма — экспроприации крестьянства. Как показали дальнейшие события, введение частной собственности на землю и свободы купли-продажи земли в условиях, когда основная часть крестьян не могла прокормиться за счет своих крошечных наделов, резко ускорили процесс перехода крестьянской земли в руки помещиков.

Арендаторы и безземельные крестьяне, имевшие ранее землю, но заложившие ее к тому времени, *тикэн* не получили. Их земля перешла к помещикам, зажиточным крестьянам или ростовщикам, которым ранее они отдали землю в заклад.

В результате указанных мероприятий в руках помещиков оказалось до 1/3 всей обрабатываемой земли. Эта категория в наибольшей степени выиграла от реформ,

получив юридически оформленное право собственности на землю и сохранив право сдавать ее в аренду.

К этой группе добавились представители торгово-ростовщического капитала, которые еще при Токугава фактически приобрели землю, хотя это и было запрещено законом 1643 г. Часть из них жила в деревне и нанимала рабочую силу для обработки земли, другая, оставаясь в городе, сдавала ее в аренду. Самураи низших рангов, которые занимались земледелием, также получили *тикэн*.

В ходе реформы земли были разделены на частные и государственные. Ранее практиковавшееся общинное пользование лугами, лесами, пастбищами в пределах княжества утратило силу. Эти угодья захватывали помещики и государственные чиновники. Теперь крестьяне были вынуждены платить за сбор листьев, хвороста, обжиг древесного угля, выпас скота. Частично правительство продавало такие земли тем, кто мог их купить. В результате господствующей силой в деревне стали крупные и, частично, средние землевладельцы.

В 1873 г. различные формы феодальных повинностей были заменены единым налогом, уплачиваемым непосредственно центральному правительству. Обложению таким налогом подлежали землевладельцы, которые получили *тикэн*. Их земли были внесены в земельный кадастр. Налог платили как непосредственные производители, так и те, кто сдавал землю в аренду. Арендаторы государственным поземельным налогом не облагались. Они вносили не ограниченную законом натуральную арендную плату землевладельцу, а также выплачивали местные налоги.

Величина налогового сбора была установлена в 3% цены земли, определявшейся правительством на основе земельного кадастра в соответствии с ее качеством, и не зависела от урожая данного года. В законе говорилось:

«По окончании проведения реформы размер поземельного налога будет соотнесен со стоимостью земли и не может быть понижен или повышен в неурожайный или урожайный годы».

Кроме того землевладельцы выплачивали местный налог в размере 1 % стоимости их земли. Оба налога взимались в денежной форме. В сумме это составляло немногим менее половины валового дохода крестьянина, но, в отличие от прежних времен, не было различных дополнительных поборов, которые подчас доводили размеры обложения крестьян до 70% урожая. В течение 1875-1892 гг. сумма земельного налога составляла до 85% всех налоговых поступлений. Это был зримый экономический результат проведенной аграрной реформы.

Новая система землевладения и землепользования, поставив крестьянство в рыночные условия, принесла ему новые проблемы. Земельный закон был выгоден, в основном, крупным и средним землевладельцам, особенно тем, кто получал арендную плату натурой. Имея запасы риса, они могли выбрасывать его на рынок весной при повышении цен. Мелкий же собственник был вынужден продавать рис сразу же после сбора урожая вне зависимости от конъюнктуры рынка. Нередко он по-прежнему обращался за денежной помощью к помещику или ростовщику и зачастую терял обретенную землю. Бывшие собственники становились арендаторами.

Значительная часть крестьян была недовольна новыми аграрными преобразованиями, поскольку они поставили их в очень жесткие условия. Например, раньше в случае неурожая рентные платежи с крестьян снижались, теперь же денежный налог оставался неизменным. Кроме того, как уже говорилось, было утрачено право на пользование общинными землями. Крестьяне страдали и от «ножниц цен» на сельскохозяйственные и промышленные товары. Росла ипотечная задолженность. Все это, безусловно, вызывало озлобление крестьян и приводило к массовым выступлениям. Особенно острыми они были в 1876 г., когда резко упали цены на рис. В результате в 1877 г. правительство было вынуждено снизить размер поземельного налога до 2,5%. Наряду с аграрной реформой важное значение для стимулирования развития капиталистических отношений имела проведенная в 1873-1876 гг. капитализация пенсий бывших *даймё* и самураев. Дело в том, что в самом начале реформ правительство обещало феодалам и самураям, что они получают значительные денежные компенсации за утраченные феодальные привилегии в виде пожизненных пенсий.

Капитализация пенсий бывших *даймё* и самураев

В результате правительство было вынуждено позаботиться о примерно 300 семьях бывших *даймё* и о 2 млн. самураев. Крупные феодалы были, в основном, довольны предложенными условиями. Ведь раньше, несмотря на значительные общие доходы, они

были вынуждены нести большие затраты на разного рода общественные работы и поддержку своих безземельных вассалов. Теперь правительство гарантировало им половину прежнего дохода, что обеспечивало им безбедное существование. Но для мелких самураев пенсии не возмещали потерю ими многих привилегий, хотя правительство и старалось позаботиться о тех, кто по тем или иным причинам не сохранил землю и оказался в трудном положении. Например, из бывших самураев формировались армия, полиция и бюрократия. Были попытки посадить самураев на землю, с тем чтобы они завели фермерские хозяйства западного типа, однако в большинстве случаев это закончилось неудачей из-за преобладания издольщины и в связи с нежеланием самураев заниматься предпринимательством.

Огромные расходы по выплате пенсий легли тяжелым бременем на государственный бюджет, поглощая более трети его доходной части. Общая сумма выплат составила свыше 200 млн. иен. В связи с этим в 1873 г. правительство предложило феодалам и самураям добровольно капитализировать свои пенсии. Государство брало на себя обязательство вместо пожизненных пенсий выплатить единовременную денежную компенсацию (половину наличными, половину облигациями государственного займа). Такая компенсация открывала возможность заняться предпринимательской деятельностью в любой форме. Более того, самураи получали право приобретать государственные земли по льготным ценам.

Однако уже в 1876 г. ввиду тяжелого финансового положения правительство пошло на принудительную капитализацию пенсий. Единовременные выплаты составляли размеры пенсий за 5-14 лет. Для покрытия этих огромных расходов правительство прибегло к размещению в Лондоне займа в размере 2,4 млн. фунтов (более 117 млн. иен).

Как и прежде, выплаты частично покрывались облигациями из расчета 5-7% годовых (процент варьировался в зависимости от размера пенсии). При маленьких пенсиях он был выше. Тем не менее, у крупных феодалов общий доход был достаточно высок. В результате всего 476 *кадзоку* получили 1/3 всех облигаций, в то время как 320 тыс. (!) *сидзоку* — 2/3. Доход бывших самураев низших рангов был незначительным. Его можно было сопоставить с жалованием простых солдат, но те дополнительно состояли еще на довольствии государства. Это послужило причиной последующих самурайских выступлений.

Выплата компенсаций была окончательно прекращена в 1882 году. Огромные денежные средства, полученные бывшими *дайме* и самураями, отчасти были вложены ими в промышленность и сельское хозяйство, но главным образом — в банковскую сферу. К началу 80-х годов им принадлежало около 75% капиталов частных банков. Весьма благоприятным событием для частного национального капитала стало и решение правительства погасить задолженность *дайме* торгово-ростовщической буржуазии, превышавшую 41 млн. иен. Благодаря этому торговцы и ростовщики получили дополнительные денежные средства, которые могли быть направлены в виде инвестиций в промышленность, сельское хозяйство или на развитие банковского дела.

* * *

В результате аграрной реформы, капитализации пенсий бывших *дайме* и самураев и погашения их задолженности торговцам и ростовщикам был дан сильный толчок процессу концентрации капитала в частных руках, и тем самым было реализовано важное условие, необходимое для быстрого развития капиталистических отношений.

Роль государства в развитии промышленности

Новое правительство, пришедшее к власти на волне борьбы с сёгунатом, в том числе с проводившейся им политикой «открытия» страны, быстро осознало, что военная слабость и технико-экономическая отсталость Японии могут сделать ее легкой добычей западных держав, и что быстрее освоение мировых достижений в области техники и технологии было единственным средством избежать этой печальной участи.

Слабость национального частного капитала, сохранение многочисленных феодальных пережитков и общая социально-политическая нестабильность предопределили тот факт, что в первые годы после реставрации Мэйдзи государство взяло на себя практически все функции по модернизации экономики, параллельно стимулируя развитие частнопредпринимательского сектора.

Одновременно на плечи правительства легла и другая не менее важная задача — обеспечить освоение и внедрение западных достижений в области науки и техники. Деятельность правительства в этом направлении была весьма впечатляющей.

Сотни молодых японцев были направлены на обучение за границу. По всей стране были открыты государственные школы, а также инженерные, горные и сельскохозяйственные колледжи. Для внедрения в сельское хозяйство новых культур в деревнях были организованы экспериментальные сельскохозяйственные станции, чтобы адаптировать иностранные культуры к японским условиям и разработать более эффективные методы сельскохозяйственного производства. Правительство также закупало за рубежом различные товары и технику и рассылало их местным властям, а последние должны были рекомендовать их в качестве образцов для местных производителей.

Вскоре после начала реформ правительство приступило к коренной перестройке системы сообщений, столь необходимой для модернизации экономики страны. В 1869 г. была открыта пароходная линия между Осака и Токио, а в 1872 г. — проложена первая в Японии железнодорожная ветка Токио-Иокогама. В 1874 г. правительство закупило за границей несколько океанских судов для организации регулярных перевозок людей и грузов между японскими портами, а также для рейсов на Тайвань и в Китай.

В 1871 г. началась организация современной почтовой службы. Тогда были выпущены первые почтовые марки и опубликованы правила почтовой пересылки. Уже к следующему году современным почтовым сообщением были связаны почти все города страны. С 1875 г. начались регулярные почтовые рейсы между Японией и Китаем, а в 1877 г. Япония присоединилась к всемирному почтовому союзу, что облегчило ей связи со всеми странами. Государственная монополия на почтовую службу была установлена в 1873 г. Через 10 лет страна была поделена на почтовые округа, в каждом из которых учреждалось отделение центрального управления. Для дальнейшего упрощения надзора за почтовой службой в 1886 г. эти отделения были преобразованы в местные управления почт.

Первая телеграфная линия между Токио и Иокогама была введена в действие в 1869 г. с помощью английских инженеров. Правда, в то время телеграф работал лишь несколько раз в день. Необходимость развития телеграфной связи правительство впервые остро ощутило во время сацумского восстания (1877). Именно тогда телеграфные линии о-ва Кюсю были соединены со столицей, а на о-ве Сикоку проведены новые. В 1879 г. Япония присоединилась ко всемирному телеграфному союзу.

Финансовое обеспечение реформ

Однако главным направлением усилий правительства стало создание современных промышленных предприятий, оснащенных западной техникой. Прежде всего, были переоборудованы предприятия, построенные сёгуном или *даймё* в первой половине XIX в. При этом первостепенное внимание уделялось военному производству. Так, принадлежавший сёгуну сталеплавильный завод в Нагасаки был переоборудован для производства артиллерийских орудий, а верфь в Кагосима, принадлежавшая сацумскому *даймё*, была переориентирована на производство военных судов.

С начала 70-х годов правительство приступило к строительству современных промышленных предприятий, которые должны были служить образцом предпринимательства для частного сектора. Одновременно предпринимались попытки наладить производство ряда важнейших товаров с целью постепенного ослабления зависимости страны от их импорта (например, цемента, стекла и других стройматериалов).

В 70-е годы одно за другим были построены предприятия по производству черепицы, стекла, цемента, сульфата натрия и хлорной извести, по переработке древесины, по производству пива, сахара, шелкомотальные фабрики и т.д.

Предметом особого внимания правительства была горнодобывающая промышленность. После реставрации все минеральные ресурсы страны были объявлены собственностью государства, которое предоставляло права на их разработку частным лицам. Но и само правительство в 70-е годы организовало 9 образцовых предприятий в этой отрасли, стремясь поднять общий технический уровень производства на основе использования западной техники (в добыче золота, серебра, меди, железной руды и угля).

Для руководства строительством и управления государственными предприятиями в 1870 г. был создан департамент промышленности (*кёбусё*), который широко привлекал к своей работе и иностранных специалистов. Всего же в середине 70-х годов в центральных и местных органах власти в качестве советников, инструкторов и т.д. работало более 500 иностранцев.

Можно сказать, что практически все построенные в первое десятилетие Мэйдзи крупные промышленные предприятия были созданы либо самим правительством, либо

при его активной поддержке. Всего же к концу 70-х годов в собственности государства находились 3 судовой верфи, 51 торговое судно, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, телеграфная система, связывавшая все основные города страны, а также железные дороги протяженностью около 120 км.

Проведение политики модернизации экономики требовало огромных затрат, и с самого начала своей деятельности правительство столкнулось с проблемой острой нехватки финансовых ресурсов. Борьба с сепаратистскими настроенными княжествами требовала значительных затрат на военные цели, а общая обстановка хаоса чрезвычайно затрудняла сбор налогов — основного источника государственных доходов. В то же время неравноправные договоры с западными странами сильно ограничивали возможности использования такого источника доходов, как таможенные пошлины.

В результате в 1868-1869 гг. бюджет был сведен с огромным дефицитом, для покрытия которого правительство вынуждено было прибегнуть к займам у дружественных торговых домов (прежде всего, Мицуи). Но поскольку и этой меры оказалось недостаточно, было решено использовать «печатный станок», и в течение 1868-1869 гг. в обращение было выпущено бумажных денег на сумму 48 млн. иен. В 1872 г. правительство вновь прибегло к выпуску бумажных денег, и к концу года их сумма в обращении достигла примерно 100 млн. иен. Это привело к довольно быстрому обесценению бумажных денег и росту цен.

Для покрытия все возрастающих расходов на модернизацию экономики правительство прибегало и к размещению займов (в том числе и за границей), и к середине 70-х годов общая сумма государственных долговых обязательств достигла 55 млн. иен.

Инфляционные тенденции в экономике подхлестнула и реорганизация финансовой системы страны, проводившаяся на протяжении 70-х годов. Этот вопрос встал на повестку дня вскоре после реставрации, поскольку старая финансовая система, обслуживавшая главным образом связи между торгово-ростовщическими домами и *даймё*, оказалась разрушена.

Вначале в качестве образца для подражания была взята американская банковская система. В 1872 г. был принят закон о создании так называемых национальных банков — частных финансовых институтов, работавших под контролем правительства. По этому закону каждый из них обязан был принять на депозит бумажные деньги в размере 3/5 суммы капитала и иметь золотой резерв, равный 2/5 суммы капитала. Им разрешалось также выпускать собственные банкноты, конвертируемые в золото. Первый национальный банк был создан в Токио в июле 1873 г. торговыми домами Оно и Мицуи, а вскоре были открыты еще 3 — в Осака, Ниигата и Йокогама.

Основной задачей национальных банков было финансирование частных предприятий, но одновременно правительство пыталось с их помощью отрегулировать систему денежного обращения в стране. С этой целью в 1873 г. были выпущены облигации государственного займа (под 6% годовых), которые предполагалось обменять на бумажные деньги, помещенные на депозиты национальных банков. Однако масштабы этих операций оказались намного скромнее ожидавшихся, так как при существовавшем тогда уровне процента (13-14%) приобретение 6%-х государственных облигаций было крайне невыгодным делом для банкиров. Всего к 1878 г. таким путем было изъято около 6 млн. бумажных иен.

В 1876 г. с целью стимулирования развития частных банков закон о национальных банках был частично пересмотрен. Банкам было разрешено выпускать банкноты без золотого обеспечения в объеме депозита казначейства, составлявшего теперь 80% их капитала. На волне этих послаблений до 1880 г. возникло еще 148 банков, большинство из которых, как отмечалось выше, были созданы бывшими феодалами на деньги, полученные в обмен за отказ от их привилегий. В частности, во многих банках основной капитал был представлен 7%-ми пенсионными облигациями государственного займа, выпущенными в 1877 г. для выплаты единовременной компенсации самураям.

Рост числа национальных банков и быстрое нарастание объемов выпускавшихся ими банкнот подхлестнули инфляцию. За 1877-1881 гг. цены на рис удвоились, уровень процента быстро повышался, и столь же быстро падали в цене государственные облигации.

Правительство вновь попыталось сдержать инфляцию. В 1879-1880 гг. оно разместило в ряде национальных банков свои серебряные резервы и изъяло в обмен на них банкноты на сумму около 12 млн. иен. Однако вплоть до 1881 г., когда министром

финансов был назначен Мацуката, и финансовая политика была существенно изменена, положение в этой сфере оставалось весьма сложным.

Итоги экономических реформ 60-х-70-х годов

Конец 60-х-70-х годов, ознаменовавшийся проведением экономических реформ, усилиями правительства по созданию современной системы коммуникаций и строительству крупных промышленных предприятий, стал чрезвычайно важным этапом в развитии Японии. Но к концу этого периода основу ее экономики по-прежнему составляли крестьянское сельскохозяйственное производство и множество мелких и мельчайших ремесленных мастерских, и многовековые традиции продолжали оказывать весьма сильное влияние как на методы ведения хозяйства, так и на образ жизни населения Японских о-вов.

Хотя аграрная реформа 1872-1873 гг. расчистила путь для развития капиталистических отношений в деревне, в первые десятилетия Мэйдзи жизнь японского крестьянства не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. По-прежнему основной сельскохозяйственной культурой оставался рис, который возделывался крестьянами на небольших участках земли, прилегавших к деревне и располагавшихся в основном на террасированных склонах. После реформы возникла тенденция к сокращению числа наиболее мелких крестьянских хозяйств, но выражена она была довольно слабо. В то же время значительно возросли масштабы аренды: если в первые годы Мэйдзи арендаторы обрабатывали около 20% пахотной земли, то в середине 80-х годов — уже около 40%. Арендная плата по-прежнему выплачивалась рисом и в среднем составляла около 50% урожая.

Несколько расширились площади под другими зерновыми и техническими культурами (в частности, заметно увеличилось производство хлопка, защищенное импортными пошлинами). Что же касается традиционных домашних промыслов, то некоторые из них (например, производство лаковых изделий) сворачивались, не выдержав конкуренции импортных изделий, а другие, напротив, быстро расширялись и развивались. Среди последних можно назвать шелководство.

Традиционно все стадии производства шелка-сырца осуществлялись в крестьянских хозяйствах. Тутового шелкопряда разводили на навесах, примыкавших к крестьянским домам, а на приусадебных участках выращивали тутовые деревья, листья которых и скармливали шелкопряду. С помощью нехитрых приспособлений наматывали нить на катушки. Что же касается производства шелковых тканей, то частично оно осуществлялось самими крестьянами, частично — в специализированных шелкоткацких мастерских в близлежащих городах.

«Открытие» страны и быстро растущий спрос на японский шелк на мировых рынках привели к существенному повышению цен на него. В этих условиях масштабы производства шелка-сырца начали быстро расширяться, а число крестьянских хозяйств, занимавшихся шелководством, заметно возросло. Однако для расширения экспорта шелка-сырца необходимо было поднять качество нитей до уровня требований мирового рынка. Для решения этой задачи в деревнях начали создаваться шелкомотальные мастерские, оснащенные усовершенствованными видами ручных и ножных станков. Инициаторами их создания выступали главным образом торговцы шелком, а работали на них в основном крестьянские девушки. В результате за 1868-1883 гг. производство шелка-сырца увеличилось в 1,6 раза, а его экспорт — более, чем в 2 раза. Однако к началу 80-х годов частный капитал лишь только начинал осваивать эту традиционную отрасль японской экономики, и, несмотря на некоторое улучшение методов производства, ее облик по-прежнему определяли мелкие и мельчайшие предприятия традиционного типа.

Подобный вывод можно сделать и в отношении других традиционных производств (хлопкопрядения и хлопкоткачества, производства металлоизделий, посуды, гончарно-керамических изделий и т.д.). Частный капитал пока не спешил делать крупные инвестиции в модернизацию традиционных отраслей или освоение новых, а предпочитал извлекать выгоды из привычных торговых или финансовых операций.

Между тем с первых лет Мэйдзи быстрыми темпами развивалась японская внешняя торговля: в 1868 г. ее объем составил 26 млн. иен, в 1873 г. — 50 млн. иен, а в 1881 г. — 62 млн. иен. При этом импорт постоянно превышал экспорт, и отрицательное сальдо платежного баланса за 1868-1881 гг. составило около 80 млн. иен.

Структура внешней торговли была типичной для страны, только лишь приступившей к модернизации экономики. Основу импорта составляли промышленные товары, прежде всего дешевый текстиль и инвестиционные товары (станки и оборудование, суда,

железнодорожное оборудование, металлоизделия), а также некоторые виды вооружений. Господствующие позиции в торговле с Японией занимала Великобритания (на ее долю приходилась почти половина японского импорта). Основу экспорта составляли сырьевые товары, прежде всего шелк-сырец и чай, а что касается промышленных изделий, то сбыт находили лишь некоторые экзотические виды продукции традиционных японских ремесел (веера, фарфор, японская бумага, изделия из лака и бронзы). При этом, поскольку из-за долгой изоляции страны у японцев не было необходимых знаний и опыта работы на мировых рынках, долгое время после открытия страны ее внешняя торговля осуществлялась через иностранных торговых агентов.

Реформа образования

В Японии конца эпохи Токугава уровень просвещения был весьма высок даже в сравнении с европейскими странами. Примерно половина мужчин и около 15% женщин получали систематическое образование, причем оно было доступно представителям всех сословий. Существовали школы для самураев, для торговцев и для простого люда. Сохранившиеся дневники и переписанные от руки книги, содержащие различные сведения по ведению сельского хозяйства, говорят о довольно широком распространении грамотности среди крестьян.

Содержание образования сводилось к изучению классических конфуцианских книги основ математики. Важное место уделялось моральному воспитанию. Однако такое традиционное обучение уже не соответствовало требованиям времени. Это понимало еще и правительство сёгуната. С 1862 г. оно начало отправлять молодежь и государственных чиновников для обучения за границу, приглашать иностранных преподавателей и выписывать необходимую литературу.

После реставрации этот процесс приобрел лавинообразный характер. Число командированных за границу было столь велико, что среди государственных чиновников стало популярным шутить по поводу зарубежных поездок, как о новом «паломничестве в великие храмы Йсэ».

Согласно специальным правилам обучения за рубежом срок обучения определялся в пять лет. Каждый стажер получал ежегодную стипендию в размере 600-700 долл. за счет пославшего его княжества. После введения новой административной системы и упразднения княжеств расходы взяло на себя центральное правительство. В 1873 г. за рубежом обучалось 373 чел. Особой популярностью пользовался Лондон, где училось более 100 студентов. В Соединенных Штатах в 1865-1885 гг. получили образование примерно 300 чел. Однако в стране в это время было чрезвычайно мало людей, пригодных для серьезного обучения за границей. Первая же проверка по заданию Итō Хиробуми выявила много упущений, прежде всего очень низкий уровень подготовки направляемых на учебу. Поэтому в 1875 г. для них была введена система квалификационных экзаменов.

Параллельно с отправкой студентов для обучения за рубеж приглашались иностранные специалисты для работы в Японии. Уже в 1871 г. в центральном правительственном аппарате работало 214 иностранцев, а в местных органах власти еще 164 чел. В основном они были советниками при центральном правительстве, инструкторами в армии, преподавателями в школах, работали на промышленных предприятиях. Их заработная плата была чрезвычайно высока: в 1876/77 фин. г. на содержание 484 иностранных служащих было потрачено 2,3% бюджета центрального правительства. Пик использования иностранцев (524 чел.) был пройден в 1874 г., после чего их число постепенно снижалось.

В самой Японии как грибы росли школы иностранных языков: в 1874 г. их было более 90 (около 13 тыс. студентов). Мэйдзий-ское правительство охотно приглашало иностранных преподавателей для средних школ. В 1874 г. их было 211 чел. В 1877 г. из 39 профессоров Токийского университета 27 были иностранцами. Немаловажную роль в приобщении японцев к западным ценностям сыграли христианские миссионеры. Они переводили на японский язык Библию и другую христианскую литературу, читали лекции, открывали церковные школы. Ими же была открыта первая женская школа.

Большую роль в распространении православия сыграл архиепископ русской церкви Николай Японский (Иван Дмитриевич Касаткин), прибывший в Японию в 1861 г. В 1870 г. он возглавил русскую духовную миссию, построил в Токио Воскресенский собор (названный японцами в память о нем Никорай-дō, т.е. «собор Николая»), открыл несколько русских школ и духовную семинарию, начал издавать первые в Японии

русские журналы, которые рассказывали о России. За подвижническую деятельность архиепископ Николай был канонизирован в 1970 г.

Однако полнокровное приобщение к западной цивилизации было невозможно без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения в целом. Еще в период гражданской войны мэйдзийское правительство начало заботиться о возобновлении занятий в ряде учебных заведений. В июне 1868 г. вновь открылась конфуцианская академия и медицинская школа, а в сентябре — школа иностранных языков. Сразу же после реставрации была поставлена задача внедрить западную систему образования, чтобы, по словам Окума Сигэнобу, «Япония могла учиться всему у иностранцев и побеждать на их собственном поле».

Либеральные основы реформы образования

Выдающийся японский просветитель Фукудзава Юкити, будучи в составе миссии *бакуфу* во Франции в 1862 году, изучал школьное дело и опубликовал подробнейший доклад об этом. Он оказал большое влияние на развитие либеральных взглядов на образование в период Мэйдзи. Фукудзава считал, что просветители должны оставаться вне государственных структур и содействовать воспитанию личностей с независимыми взглядами. Еще до реставрации Мэйдзи он учредил одну из первых частных школ для освоения западных знаний, которая значительно позже превратилась в известный частный университет Кэйб. Фукудзава рассказал японцам о Западе больше, чем кто-либо другой. За 1860-1893 гг. совокупный тираж его произведений составил примерно 7,5 млн. экз. Наиболее известными из них были: «О положении в странах Запада», «Призыв к науке», «Краткий очерк цивилизации». Фукудзава выступал против патерналистской, иерархической структуры японского общества, конфуцианских и буддийских канонов, как источников знаний, за раскрепощение всех духовных сил народа, на чем, по его мнению, основывается развитие цивилизации.

В конце 1868 г. была создана комиссия для подготовки реформы образования. За образец брались две системы — французская, которую поддерживал Фукудзава Юкити (глава комиссии), и американская, которую самым детальным образом исследовал виднейший деятель мэйдзийского просвещения Мори Аринори. Будучи первым поверенным в делах Японии в США, Мори обратился за советом к известным американским специалистам в этой области. Его интересовало, как образование может отразиться на экономическом процветании страны, развитии промышленности, сельского хозяйства и торговли, социальных, моральных, психологически устоях населения; что оно может дать для развития законодательной системы и укрепления государственности. Наибольший интерес у Мори вызвали ответы проф. Д.Муррея, который был приглашен затем в Японию в качестве советника ведомства образования и оставался им в течение нескольких лет.

В 1869 г. только в Киото были создано 60 новых начальных школ, а уже в 1870 г. в Осака и Токио были построены школьные здания нового типа. Княжествам предложили направлять талантливую молодежь на учебу в столицу. Были установлены следующие квоты: для крупных княжеств — по 3 чел., для средних — по 2, мелких — по одному. Многие княжества, не дожидаясь указаний из центра, самостоятельно готовили образовательные программы.

Чтобы установить централизованный контроль над образованием, в 1870 г. было создано ведомство просвещения, состоявшее из трех отделов — общего, специального и технического образования. Помимо непосредственной организации учебного процесса на него возлагалась обязанность контролировать содержание учебников. На местах за школьное образование отвечали, соответственно, губернатор, главы уездов и городов, старосты деревень.

Закон об образовании был принят в 1872 г. Он представлял собой победу либеральных взглядов в этой сфере. Согласно закону, представители всех сословий, а также мужчины и женщины имели равные возможности для получения образования. Новая система (начальные, средние, высшие и технические школы, а также университеты) уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Провозглашение равных возможностей для получения образования способствовало преодолению сословных перегородок в обществе. В преамбуле закона, состоявшего из 109 статей (в позднейшей редакции — из 213), говорилось:

«Обучение - ключ к успеху в жизни, и никто не может его игнорировать... В будущем не будет ни одного населенного пункта, где были бы неграмотные семьи, и ни одной семьи, в которой был бы хоть один неграмотный человек».

В основу преподавания в школах был положен государственный подход, согласно которому, каждый человек, получая образование, одновременно умножал и общественное достояние. Ведомство просвещения осуществляло строгий контроль, вводя стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации. По форме это была французская централизованная система образования при том, что финансовая поддержка со стороны государства была минимальной: платили, главным образом, учащиеся.

На первых порах школьные программы откровенно копировали европейские. Многие учебные пособия представляли собой простой перевод с иностранных языков. Копировалось также устройство классов и их оборудование. Число иностранных преподавателей и разного рода советников по вопросам образования достигало 5 тыс. чел. Например, технические школы были полностью укомплектованы английскими преподавателями. Обучение в высшей школе зачастую велось на иностранных языках: например, римское право читалось по-французски, а другие юридические дисциплины — по-немецки.

Западная система образования поддерживалась государством как необходимый фактор осуществления модернизации и индустриализации. Однако реформа образования преследовала цель не только обеспечить получение практических знаний, необходимых для модернизации страны, но и утвердить среди населения новую идеологию. На смену лозунгу сочетания китайской учености и японского духа (*кансай-вакон*) пришла формула «японский дух — западная техника» (*вакон-есай*). Под «японским духом» понималась традиционная культура; это понятие отражало мировоззренческий аспект, связанный с духовными ценностями японцев. «Западная техника» олицетворяла собой универсальную европейскую цивилизацию.

В соответствии с законом 1872 г. в стране предполагалось создать 8 университетов, 256 средних и 53760 начальных школ. Однако эта программа оказалась нереальной, поскольку у населения не было денег на оплату обучения, а у государства — на строительство школ. В 1879 г., когда этот закон был пересмотрен, программа школьного строительства оказалась выполненной лишь наполовину. И даже спустя почти 30 лет в стране было всего 2 государственных университета (в Токио и в Киото), 222 средних и немногим более 27 тыс. начальных школ.

В 1880 г. основное бремя по финансированию школьного образования (до 90%) было возложено на местные органы власти. С 1886 г. было установлено обязательное 4-летнее начальное образование. Мальчики и девочки в начальной школе обучались совместно. Наряду с государственными создавались и частные школы. Несмотря на нехватку учебников и квалифицированных учителей, плохие школьные здания и отсутствие наглядных пособий, успехи Японии в области образования были столь велики, что на международной Парижской выставке в 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. Начальное образование в конце XIX в. получало до 90% мальчиков и 80% девочек. С 1900 г. оно стало бесплатным. На рубеже веков по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Англией.

Появление националистических тенденций

Вместе с тем, с начала 80-х годов прошлого века в японской системе образования стали усиливаться националистические тенденции. В 1879 г. после инспекционной поездки по стране императора Мэйдзи появился императорский указ «Великие принципы образования», который нанес удар по либеральной системе просвещения и призвал вновь вернуться к конфуцианским принципам. «Для морального воспитания, — отмечалось в документе, — лучший путь — это изучение конфуцианства. Люди должны сначала воспитать в себе искренность и придерживаться моральных устоев, а затем они смогут усвоить различные предметы в соответствии со своими способностями».

На основе этого указа в 1881 г. были разработаны правила обучения в начальной школе, в которых преподавание морали стояло на первом месте, а от учителей требовалась прежде всего лояльность. Шло наступление и на учебники: многие были просто изъяты, как «вредные», наносящие ущерб социальному порядку. В университетах было запрещено преподавание на иностранных языках, а преподаватели-иностранцы заменялись отечественными.

Традиционалисты изгоняли из учебных заведений тех, кто отстаивал западные идеи или был не согласен с формализованным обожествлением императора. К ним

относились, в первую очередь, приверженцы христианства, чьи постулаты были несовместимы не только с духом указа об образовании, но с понятием *кокутай*. В подобной деятельности были едины и синтоисты и буддисты, поскольку христианство олицетворяло для них западный менталитет.

Постепенно в школах снова наиважнейшим предметом стала конфуцианская этика. На страницах учебников появились назидательные рассказы из мифологизированной истории страны. Например, вплоть до окончания второй мировой войны в учебниках по истории для начальных школ в качестве героя, к подражанию которому должна стремиться молодежь, готовая отдать жизнь служению трону, преподносился Кусуноки Масасигэ — один из военачальников, сыгравших большую роль в борьбе императора Годайго против дома Хбдзэ (XIV в.).

Националистическая направленность образования окончательно оформилась в указе об образовании, опубликованном в конце 1890 г. Фактически это был моральный кодекс поведения, призывавший к беззаветному служению интересам общества и строгому повиновению законам. «Эти наставления, — указывалось в документе, — оставленные Нам Нашими царственными предками и определяющие нормы поведения, которым Мы и Наши подданные должны следовать, обладали несокрушимой силой в прошлом и остаются таковыми в настоящее время. Поэтому Мы надеемся, что Мы и Наши подданные будут неукоснительно соблюдать эти священные начала». Текст указа был вывешен во всех школах вместе с портретами императорской четы, которым поклонялись. Каждое утро школьники воздавали им почести, как это делают американские дети в школах своему флагу.

Лекция 3

Экономические реформы 80-х годов 19 века:

1. Изменения в экономической политике.
2. Политика финансовой стабилизации и ее последствия.
3. Реформы Мацуката.

Изменения в экономической политике

80-е годы стали переломным периодом в развитии японского капитализма. Хотя Япония вступила в это десятилетие с грузом довольно сложных финансово-экономических проблем, в целом к тому времени эпоха первоначального накопления капитала уже завершилась, и все необходимые предпосылки для быстрого роста крупной частнокапиталистической промышленности были налицо. В этих условиях правительство приняло решение уйти из большей части базовых отраслей и передать их частному сектору.

Решение о продаже государственных предприятий

В ноябре 1880 г. был принят закон о продаже государственных предприятий, под который подпадали практически все заводы и фабрики невоенного профиля. Правительство при этом рассчитывало решить сразу две проблемы. С одной стороны, укрепить позиции японской буржуазии, а с другой — облегчить бремя, каким являлись для государственных финансов расходы, связанные с содержанием предприятий.

Государственные предприятия безусловно сыграли чрезвычайно важную роль в становлении крупной промышленности, однако как источник увеличения доходов казны они себя не оправдали. За исключением нескольких образцовых текстильных фабрик, работавших на экспорт, государственные заводы и фабрики оказались убыточными, и расходы по их содержанию существенно усугубляли и без того тяжелое положение государственных финансов. В то же время, к концу 70-х годов крупная буржуазия и высшие слои дворянства уже накопили достаточно крупные состояния и были готовы при благоприятном стечении обстоятельств начать крупномасштабные инвестиции в промышленность и транспорт. Стимулом к этому и стало решение правительства о продаже государственных предприятий.

Для частного сектора эта сделка оказалась чрезвычайно выгодной, так как условия продажи государственной собственности были весьма далеки от коммерческих. Во-первых, продажа предприятий происходила не в форме торгов, а на индивидуальной основе. При этом государственные предприятия предлагались прежде всего тем представителям знати и буржуа, чьи семьи поддерживали правительство в первые годы

после реставрации Мэйдзи. Во-вторых, продажные цены были установлены на уровне, который был значительно ниже реальной стоимости предприятий (в среднем 1/3-1/2 стоимости основного капитала). В-третьих, покупателям обеспечивались чрезвычайно выгодные условия платежа - длительные рассрочки под низкие проценты.

Развитие частнокапиталистического сектора экономики

Столь выгодные условия приобретения государственной собственности способствовали быстрому обогащению привилегированной части буржуазии и заложили основы для формирования *дзайбацу* — японских финансово-промышленных групп. Так, в 1884 г. пароходной компании «Мицубиси» был сдан в аренду, а тремя годами позднее продан на выгодных условиях самый крупный в стране судостроительный завод в г. Нагасаки. Позже ей же были переданы золотые рудники на о-ве Садо, серебряные рудники Икуно, угольные шахты на Хоккайдō. Торговый дом «Мицуи» получил текстильные фабрики (в том числе и образцовую шелкомотальную фабрику в г. Томиока), а также угольные шахты Миикэ и т.д.

Одновременно с передачей государственных промышленных предприятий частному сектору правительство решило стимулировать строительство частных железных дорог. При этом частные железнодорожные компании не только освобождались от уплаты налогов в течение первых 10-15 лет своей деятельности, но и фактически страховались от убытков, так как на этот период государство гарантировало им уровень прибыли в 8%.

Само же правительство с начала 80-х годов сосредоточило усилия на укреплении финансовой системы и развитии военного производства.

Политика финансовой стабилизации

С назначением в 1881 г. на пост министра финансов Мацуката Масаёси начался новый этап в финансовой политике правительства. Первоочередной задачей было объявлено достижение сбалансированности бюджета, погашение государственного долга и восстановление паритета между серебряной иеной и бумажными деньгами.

Реформы Мацуката

Для достижения этих целей был предпринят целый комплекс мер. Прежде всего, было решено упразднить систему национальных банков, подобную той, что существовала в США, и создать банковскую систему во главе с Центральным банком (по европейскому образцу). Центральный банк Японии был учрежден в 1882 г. и наделен функциями управления государственным долгом и правом эмиссии бумажных денег под обеспечение золотыми и серебряными резервами государства. Причем для увеличения этих резервов было решено на средства, полученные от продажи государственных предприятий, закупить золотые и серебряные монеты. Лишь в периоды кризисов Центральный банк имел право эмиссии необеспеченных денег, но в ограниченных пределах и с обязательной уплатой налога (1,5%-5%). Национальные банки обязаны были передать свои резервы драгоценных металлов на хранение в Центральный банк и кроме того ежегодно осуществлять платежи в специальный фонд, предназначенный для погашения государственного долга.

Одновременно с целью увеличения доходов бюджета были повышены ставки некоторых видов прямых налогов и значительно увеличены многие косвенные налоги. Так, еще в 1880 г. более, чем вдвое был увеличен налог на сакэ. В 1882 г. он вновь вырос, а одновременно с ним повышены налоги на табачные изделия и введен гербовый сбор. В 1885 г. были установлены налоги на кондитерские изделия и соевое масло и т.д. В то же время предпринимались усилия по сокращению государственных расходов, в первую очередь на административный аппарат. Было также прекращено субсидирование частных предприятий. Некоторые виды государственных расходов, например, на строительные и общественные работы и содержание тюрем, были возложены на местные органы власти. С этой целью местные налоги были повышены, и их общая сумма увеличилась с 24 млн. иен в 1879 г. до 35 млн. иен в 1882 г.

Кроме того, благодаря значительному расширению экспорта (с 28,3 млн. иен в 1880 г. до 48,8 млн. иен в 1886 г.) и сокращению импорта (соответственно с 36,6 млн. иен до 32,1 млн. иен) торговый баланс начал сводиться с положительным сальдо, и с 1882 г. постоянная утечка золота за границу сменилась его притоком в страну.

Результаты новой финансово-экономической политики проявились уже к середине 80-х годов. К 1886 г. фактически была восстановлена конвертируемость бумажных денег в драгоценные металлы и установлен паритет между серебряной и бумажной иеной. Размеры государственного долга сократились с 245 млн. иен в 1880 г. до 239 млн. иен в 1885 г. и 234 млн. иен в 1890 г. (при этом размеры ВВП, национального дохода и база

налогообложения значительно увеличились). С 1886 г. правительство начало ежегодно составлять государственный бюджет, строго придерживаясь принципа сбалансированности доходов и расходов.

Укрепилась финансовая инфраструктура страны. В 1887 г. на правах инвалютного банка начал функционировать Икогамский банк. Государству принадлежала 1/3 его капитала, а назначения на посты президента и вице-президента банка находились в компетенции министерства финансов. Среди других правительственных институтов следует упомянуть и Депозитное бюро министерства финансов. Оно было создано в 1877 г., и ему были передоверены депозиты населения в рамках «системы почтовых сбережений», а также некоторые другие фонды, принадлежавшие правительству. В 1885 г. на счетах Бюро находилось около 300 тыс. депозитов на общую сумму 9 млн. иен. Принимая на свои счета сбережения населения (в основном, наиболее бедных слоев общества), бюро инвестировало их в облигации и другие ценные бумаги правительства, префектуральных и муниципальных органов власти и тем самым предоставляло государству деньги для реализации его экономической политики.

Последствия политики финансовой стабилизации

Стабилизация денежного обращения и укрепление системы государственных осуществленные в 1881-1886 гг., безусловно, стали большим успехом финансовой политики правительства, однако социально-экономические последствия этих мер оказались весьма противоречивыми.

Стабилизация денежного обращения, сопровождавшаяся изъятием из обращения бумажных денег и восстановлением паритета серебряных и бумажных иен, привела к снижению цен на многие товары, и прежде всего на сельскохозяйственную продукцию. Так, цены на рис за 1881-1887 гг. снизились в 2,15 раза, а на шелк-сырец всего лишь за 3 года (1882-1885) — в 2,35 раза. Это принесло дополнительные тяготы японским крестьянам, так как теперь для уплаты земельного налога и различных местных налогов они были вынуждены продавать намного больше риса, чем прежде. Положение усугублялось еще и тем, что в 1880-1884 гг. многие районы страны пострадали от наводнений, тайфунов и заморозков.

В результате значительная часть крестьянских хозяйств оказалась на грани разорения. Чтобы сохранить свои крошечные наделы и предотвратить продажу имущества с молотка в случае неуплаты налогов, крестьяне вынуждены были обращаться к деревенским ростовщикам за ссудой. Последние не преминули воспользоваться их тяжелым положением и установили столь кабальные условия кредитования, что в результате множество крестьянских семей были пущены по миру. Так, за 1883-1885 гг. из-за невозможности уплатить налоги и погасить долги ростовщикам более 200 тыс. крестьян лишились своей земли.

Лишившиеся земли крестьяне вынуждены были либо арендовать участки у помещиков и богатых крестьян, ибо становиться сельскими или городскими пролетариями. В результате японская промышленность получила дополнительные резервы дешевой рабочей силы.

Аналогичные процессы происходили и в городе — в условиях снижения цен множество мелких и мельчайших предприятий либо вообще прекратили существование, либо перешли в руки владельцев более крупных предприятий или торговцев.

Иными словами, в 80-е годы процессы концентрации собственности в руках помещиков, сельской и городской буржуазии и пролетаризации прежде независимых мелких собственников получили значительное ускорение. Тем самым были подготовлены благоприятные условия для промышленного бума второй половины 80-х годов.

Развитие японской экономики

Двойственная структура японской промышленности

Во второй половине 80-х годов быстрыми темпами развивалась текстильная промышленность, прежде всего две основные ее подотрасли — производство шелка-сырца и хлопчатобумажной пряжи.

В производстве шелка-сырца — основного экспортного товара Японии того периода — быстрые темпы набирала механизация производства. Причем наряду со строительством крупных шелкомотальных фабрик, оснащенных современным западным оборудованием, происходила механизация труда и на мелких предприятиях. Так, в 1893 г. из 3203 шелкомотальных предприятий, отнесенных к категории «фабрики» (т. е. с числом занятых 10 чел. и более) 2602 предприятия, или более 80%, применяли механические станки.

На фабрики приходилось около половины производства шелка-сырца, остальная часть производилась в крестьянских хозяйствах. Там также происходили важные изменения, но они были связаны главным образом с улучшением методов разведения шелкопряда и выращивания коконов (например, с переходом к выращиванию коконов не только в весенний, но и летне-осенний период). Постепенно между специализированными фабриками и крестьянскими хозяйствами сложилось своеобразное разделение труда: первые производили высококачественную продукцию, направлявшуюся на экспорт, а вторые работали в основном на внутренний рынок.

В хлопкопрядении происходили аналогичные процессы. Лишь за 1885-1890 гг. было построено 10 крупных хлопкопрядильных фабрик, вследствие чего их общее число увеличилось до 30. Однако, как и в шелкопрядении, в этой сфере продолжали преобладать мелкие предприятия мануфактурного типа и домашнее производство. В результате в 1891 г. лишь 39% хлопчатобумажной пряжи было произведено машинным способом, а 61% — на примитивных ручных станках.

Во второй половине 80-х - начале 90-х годов наряду с расширением мощностей перешедших в частные руки государственных предприятий происходило строительство новых крупных частных заводов и фабрик — по производству бумаги, цемента, стекла, искусственных удобрений, горных, металлургических, машиностроительных. При этом практически во всех отраслях можно было обнаружить сосуществование старых и новых форм и методов производства. Так, *sakэ* производилось на мелких предприятиях традиционными методами, а пиво — на крупных заводах, оснащенных западной техникой. Производство японской бумаги, как и в прежние времена, велось мелкими предприятиями или крестьянскими хозяйствами, а западная бумага изготовлялась на крупных комбинатах по западной технологии.

В результате уже к началу 90-х годов начал складываться двойственный характер японской промышленности: сосуществование крупных передовых в техническом отношении заводов и фабрик и множества мелких и мельчайших предприятий, использовавших примитивную технику и старые методы производства.

Развитие транспорта и связи

Создание льготных условий для деятельности частных компаний в сфере железнодорожного транспорта привело к значительному росту масштабов железнодорожного строительства. Первая частная железнодорожная компания «Нихон тэцудо» была создана в 1883 г., а в течение 1887-1889 гг. возникли еще 4 крупные компании («Санъё тэцудō», «Кюсю тэцудō», «Хоккайдō тэцудō» и «Кансай тэцудō»). К 1892 г. ими было построено более 2000 км железнодорожных линий (к концу 90-х годов протяженность частных железных дорог составляла уже около 4700 км, а государственных — всего лишь 1325 км). Ввод в действие в 1889 году государственной магистрали Токио-Кōбэ и частной железной дороги Токио-Аомори, а также строительство линий на Кюсю, Хоккайдō и в других районах страны позволили связать отдельные дороги в единую железнодорожную сеть и открыть сквозное движение поездов, что имело чрезвычайно важное значение с точки зрения развития внутреннего рынка страны.

В 1884 г. в Японии уже не было ни одного мало-мальски важного населенного пункта без телеграфа. Быстрый экономический рост в последующие годы повлек за собой усовершенствование телеграфных линий. В 1890 г. были проложены дополнительные кабели в проливе Цугару (Сангарском) и во Внутреннем море (Сэтонайкай). В следующем году правительство выкупило у датского Северного телеграфного общества часть кабельной линии между Японией и Кореей. Позже почта и телеграф были объединены в единую систему.

Что касается телефона, то японцы довольно долго примерялись к этому европейскому новшеству. Телефонные линии впервые были введены в действие в Токио и Йокогама в 1890 г. (197 номеров), а в Осака и Кōбэ — в 1893 г. Население не сразу оценило это замечательное изобретение и не спешило проводить телефон в свои дома. Однако через несколько лет спрос на него вырос в такой степени, что управлению телефонной связи в системе министерства путей сообщения пришлось испросить у правительства дополнительные средства для удовлетворения всех желающих. По ходу модернизации постепенно начал меняться привычный для иностранцев облик «живописной» Японии, страны хризантем, западный образ жизни входил в Японию с первыми номерами телефонов в 1890 г., первой междугородной телефонной линией, связавшей Токио и Осака, с первыми импортированными автомобилями, с первой трамвайной линией между

столичными районами Симбаси и Синагава, с прокладкой подводного телефонного кабеля между Японией и США, с началом электрификации домов.

Новое в жизни японцев

В центральной части крупных городов, среди традиционной застройки пока еще инородными вкраплениями появились многоэтажные европейские здания. Они возводились по проектам иностранных и отечественных архитекторов. В 1887 г. было начато строительство первого здания парламента, в то время самого высокого в Японии. В 1894 г. началась застройка делового центра Токио — Маруноути — в викторианском стиле, которая завершилась в 1923 г. сооружением административных зданий на американский манер. В 1895 г. было закончено строительство министерства юстиции, в 1896 г. по проекту японского архитектора Кинго Тацуно было возведено здание Банка Японии; он же был автором проекта старого здания Токийского вокзала, сохранившегося по сей день.

Целая эпоха приобщения Японии к европейскому образу жизни связана с существованием дворца, известного под названием Рокумэйкан (павильон «Крик оленя») — аллюзии на поэму из древнекитайской антологии «Шицзин» («Книга песен», XI-VI века до н.э.). Построенное по проекту англичанина Дж.Кондера в 1883 г. в районе столичного парка Хибия здание в итальянском стиле из красного кирпича в течение многих лет являло собой средоточие светской жизни на западный манер. Именно здесь элита приобщалась к западной культуре и новым обычаям. Японское правительство время от времени устраивало здесь приемы и балы, традиции проведения которых в стране раньше не было. В ноябре 1886 г. императрица со своей свитой впервые появилась здесь в парижском туалете, а не в привычном кимоно. Подобные мероприятия были тщательно продуманной правительственной кампанией с целью доказать иностранцам, что Япония стала «цивилизованным» государством.

Наиболее ярким примером европеизации столицы может служить изменение облика района Нихомбаси, получившего свое имя от названия моста, от которого в токугавской Японии велся отсчет расстояний по всей стране. Здесь возводились первые банки, универмаги, кафе, рестораны, что символизировало соединение власти денег и культуры.

На основе магазина, принадлежащего дому Мицуи еще с XVII века, вырос один из самых известных универмагов — «Мицукоси». Неподдалеку от него стоял тоже старинный магазин «Сирокия». Оба были неотъемлемой частью Эдо на протяжении веков, и оба достаточно успешно адаптировались к коренным переменам, происшедшим в мэйдзийскую эпоху. «Сирокия» первым стал торговать европейской одеждой, которая первоначально использовалась в армии, а затем стала форменной для чиновников и учащихся. В этом же магазине был установлен один из первых телефонов, и именно здесь впервые в Японии появились девушки-продавщицы.

По другую сторону моста Нихомбаси появился один из первых западных магазинов — «Марудзэн», — торговавший всеми товарами, от одежды до книг, которые ассоциировались с обликом истинного европейца. В мэйдзийскую эпоху быть постоянным покупателем Марудзэн означало не только иметь хороший вкус, но быть причастным к интеллектуальной элите. В результате слово «Нихомбаси» стало метафорой просвещенности и знаний, культуры и джентльменского поведения.

Тенденции в развитии внешней торговли

С начала 80-х годов, когда ускорилось развитие частнокапиталистического сектора экономики, объемы внешней торговли стали также быстро нарастать. Если за 1868-1881 гг. японский экспорт увеличился в 2 раза, а импорт — в 2,9 раза, то за последующие 13 лет (1882-1895) в 3,6 раза, а импорт — в 4,4 раза. При этом, как отмечалось выше, с 1882 г. японский внешнеторговый баланс начал сводиться с положительным сальдо (исключение составил лишь кризисный 1890 г.), и страна смогла накопить солидные золотовалютные резервы.

Изменения в структуре внешней торговли

Однако, как и в первое десятилетие после реставрации Мэйдзи, Япония продолжала вывозить в основном сырьевые товары, а также ремесленные изделия. Среди первых лидерство принадлежало шелку-сырцу, чаю и рису (в начале 80-х годов на них приходилось 2/3 общего объема экспорта). Позже к ним присоединились медь и уголь, и в 1894 г. на долю этих пяти продуктов приходилось 3/5 японского экспорта. Иными словами, к середине 90-х годов эффект индустриализации еще не успел проявить себя в изменении структуры экспорта, который по-прежнему носил преимущественно сырьевой характер.

Значительно большие изменения претерпела за это время структура импорта. В начале 80-х годов почти 3/5 его объема приходилось на хлопковую- пряжу, а также хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Другими важными статьями импорта были сахар, нефть, металлопродукты. Однако уже к 1894 г. эта структура резко изменилась — доля хлопковой пряжи, шерстяных и хлопчатобумажных тканей упала до 20%, но резко возросла доля хлопка-сырца, а также машин и оборудования.

Укрепление позиций японских торговых компаний

По мере развития внешней торговли постепенно укреплялись позиции японских торговых фирм в экспортно-импортных операциях, и ослабевали позиции иностранных компаний, которые в первые десятилетия Мэйдзи почти полностью контролировали внешнеторговые операции Японии.

Первым значительным шагом в этом направлении было создание в 1876 г. группой «Мицуи» торговой компании «Мицуи буссан» (прообраза нынешних *сōгō сёся* — универсальных торговых компаний), которой вскоре удалось получить приличную долю в осуществлении экспорта шелка-сырца. Этому примеру последовали и другие предприниматели, и в 80-х годах были организованы еще 4 крупных внешнеторговых компании («Окура гуми», «Моримура гуми», «Такада сёкай», «Кансай бōэки сёкай»). В ведущих торговых городах Азии и Европы были открыты зарубежные агентства этих фирм и их позиции, прежде всего в операциях по экспорту хлопковых тканей и импорту хлопка-сырца, существенно укрепились. Но в целом к началу японо-китайской войны 1894-1895 гг. лишь около 17% внешнеторговых операций Японии осуществлялось японскими торговыми компаниями, основная же часть по-прежнему находилась в руках иностранцев.

Хотя в 80-е - первой половине 90-х годов в Японии происходило быстрое развитие промышленности, транспорта и торговли, накануне японо-китайской войны она все еще оставалась крестьянской страной: в 1895 г. в сельском хозяйстве было занято более 70% трудоспособного населения, а в промышленности всего лишь 10% (соответственно, 16912 тыс. и 2392 тыс. чел.). Крупных промышленных предприятий было немного, а что касается мелких, то зачастую трудно было даже определить основную сферу их деятельности из-за совмещения на одном предприятии различных производств. Перемены в жизни населения затронули лишь немногие крупнейшие города. Европеизация вплоть до начала XX века оставалась достоянием небольшого слоя образованных людей. Иными словами, Япония находилась лишь в начальной стадии модернизации экономики, и основная работа по реализации этой задачи ждала ее впереди.

Лекция 4

Внешняя политика Японии в 70- начал 90-х гг. 19 в.:

1. Формирование целей японской внешней политики.
2. Политика Японии в отношении Китая.
3. Политика Японии в отношении Кореи.
4. Развитие русско-японских отношений.

Сразу же после реставрации Мэйдзи Япония оказалась перед лицом целого ряда сложных международных проблем. При этом в японской внешней политике с самого начала проявилась тенденция оказывать давление на соседей, используя сочетание дипломатических и военных методов.

Формирование целей японской внешней политики

В ходе первых преобразований мэйдзийское правительство столкнулось с многочисленными внутренними проблемами. Победоносная военная экспедиция могла бы стать удачным средством их решения, поскольку переключила бы внимание недовольных на внешнюю политику и дала бы возможность отправить за границу массы охваченных брожением самураев. Новые лидеры пытались объединить страну на путях внешней агрессии, и поход в Корею подходил для этого как нельзя лучше. Кидо Такаёси по этому поводу писал руководителю военного ведомства:

«Угрозой вторжения императорских военных сил нужно добиться открытия порта Фудзан (Пусан). Конечно, ни промышленных, ни финансовых выгод мы не получим, а, напротив, понесем убытки, но тем не менее это необходимо для утверждения величия

нашей страны, для изменения взглядов всего народа на нашу внутреннюю и внешнюю политику, для развития морской и сухопутной военной мощи, для будущего подъема Японии и ее прочного существования. Иной политики быть не может».

Корея была важна для Японии не только сама по себе, но и как плацдарм для проникновения в Китай, тем более что она находилась в вассальной зависимости от него. Для осуществления японской континентальной политики к 70-м годам складывалась достаточно благоприятная международная обстановка. Позиции Китая на внешнеполитической арене, его связи с окраинными и островными территориями были ослаблены. Кроме того обострились отношения между Великобританией и Россией — основными соперниками Японии на Дальнем Востоке.

Япония не преминула воспользоваться этими обстоятельствами. В ее внешней политике обозначились два основных направления: ликвидация неравноправных договоров, заключенных с западными странами, и участие наравне с ними в ограблении Китая. Для решения второй задачи Япония нацелилась прежде всего на внешние владения Китая, на которые пока еще не особенно претендовали другие государства.

Присоединение о-вов Рюкю

Первым шагом на пути реализации этих планов было заключение в конце 1871 г. японо-китайского договора о мире, торговле и навигации. Во время подготовительных переговоров Япония пыталась навязать Китаю неравноправный договор, аналогичный тем, которые были у него с западными странами, т. е. получить право экстерриториальности, однако сделать это не удалось. Более того, она даже не добилась положения наиболее благоприятствуемой державы. Китайская сторона, в свою очередь, предложила Японии объединиться для совместного отпора Западу, но Япония не пошла на это, поскольку у нее были иные цели.

Сразу же после подписания японо-китайского договора мэйдзийское правительство, пренебрегая его положениями о взаимном уважении территориальной целостности, приступило к реализации своих планов относительно Кореи, о-вов Рюкю (Окинава) и Формозы (Тайваня).

В прошлом принадлежавшие Японии, они в середине XIX в. находились в вассальной зависимости от Китая, что не помешало европейским странам и США вступить с их правителем в договорные отношения. Несмотря на эти обстоятельства, игнорируя протесты Китая, Япония в 1872 г. насильственным путем присоединила Рюкю к своей территории. Были соблюдены некоторые приличия: правителю Рюкю предоставили резиденцию в Токио и значительное содержание. Япония взяла на себя выплату всех его долгов и выполнение обязательств в соответствии с заключенными им ранее договорами. Однако формально архипелаг сохранял зависимость и от Китая, поэтому для придания законности присоединению островов к Японии необходимо было его официальное согласие.

Военная экспедиция на Формозу

Для этого решено было использовать инцидент с убийством японских рыбаков с Рюкю жителями Формозы, когда они высадились на этом острове. В Пекин было направлено японское посольство во главе с руководителем ведомства иностранных дел Соэдзима Танэоми. Официальным поводом для визита был обмен ратификационными грамотами до договору 1871 г. Но главной целью посольства было подготовить китайское правительство к намечавшемуся японскому вторжению на Формозу. Соэдзима пытался убедить китайцев, что Япония хотела покарать лишь тех жителей острова, которые не подпадали под юрисдикцию Китая, и таким образом эта акция, якобы, ни в коей мере не затрагивала китайских интересов.

Формоза была выбрана потому, что предполагалось, что вооруженный инцидент здесь в меньшей степени мог привести к осложнению международной ситуации на Дальнем Востоке. Военной экспедицией, которая была осуществлена в начале 1874 г., руководил племянник Сайгō Такамори Сайгō Цугумити, а войска были укомплектованы по большей части самураями из юго-западных княжеств.

Однако японская акция вызвала серьезное сопротивление жителей Формозы и протесты со стороны Китая, США и Великобритании. Будучи совсем не готовой к серьезной войне с Китаем и опасаясь международных осложнений, Япония прекратила военные действия и начала переговоры, для чего в Пекин был отправлен бывший в то время руководителем ведомства внутренних дел бкубо Тосимити.

Переговоры велись при посредничестве британского посланника в Китае. В конце 1874 г. был подписан Тяньцзинский договор, согласно которому китайское

правительство признало военную экспедицию Японии на Формозу правомерной. Кроме того оно обязалось выплатить 500 тыс. таэлей (таэль примерно равнялся иене) пострадавшим японским семьям и на возмещение затрат на строительство дорог и общественных зданий на острове.

Полученная компенсация составляла лишь малую часть понесенных Японией затрат на военную экспедицию на Формозу. Однако она позволила Японии добиться главной цели — присоединить о-ва Рюкю. В 1879 г. они получили статус префектуры.

Политика Японии в отношении Кореи

Еще в 1869 г. Япония отправила несколько дипломатических миссий в Корею для изучения отношений этой страны с Китаем и Россией и возможности установления непосредственных связей с ее правительством. Однако корейские правящие круги были резко настроены против иностранцев, в том числе и японцев, которых они порицали за их активные контакты с Западом. Более того, в 1871 г. были приняты законы, воспрещавшие любые связи с японцами. Поэтому японская миссия в 1871 г. удалась с пустыми руками. Поскольку в самом японском правительстве не было единства мнений о сроках вторжения в Корею, Япония на некоторое время отложила эту акцию, переключившись на о-ва Рюкю.

Подготовка к захвату Кореи заняла не один год, прежде всего из-за серьезных разногласий среди политических руководителей Японии. Противники немедленных военных действий во главе с Ивакура Томоми опасались, что они нанесут непоправимый урон проводившимся в стране преобразованиям, поскольку потребуются огромные дополнительные средства. Получить их можно было бы лишь за счет увеличения налогов, внешних займов или выпуска бумажных денег, что, безусловно, вызвало бы рост недовольства населения. Кроме того это привело бы к осложнениям в отношениях с Россией, имевшей свои интересы в этом регионе, и Великобританией, которой Япония не смогла бы вернуть займы и тем самым дала бы повод к санкциям против себя. В 1873 г. дебаты в правительстве были столь напряженными, что потребовалось вмешательство императора, который высказался против немедленного начала военных действий в Корею. Сторонники войны (Сайгō Такамори, Этō Симпэй, Итагаки Тайсукэ, Готō Сёдзирō и др.) вышли тогда из состава правительства.

Японо-корейский договор 1876 г

Во второй половине 1875 г. корейский вопрос вновь оказался в Японии в центре внимания. Поводом для этого стали неправомерные действия японских военных кораблей, которые под предлогом проведения гидрографических исследований вошли в устье р. Хан, на которой стоит Сеул. Корейская береговая охрана открыла огонь, японцы же в ответ высадили десант.

Японское правительство воспользовалось этими обстоятельствами, а также тем, что в Корею как раз тогда обострилась борьба за власть, и силой навязало Корею неравноправный договор точно так же, как в свое время поступил с Японией Перри: японскую дипломатическую миссию, которую возглавлял Курода Киётака, сопровождали два военных корабля с 800 моряками на борту. Этот договор был первым дипломатическим документом, подписанным Кореей.

Договор о мире и дружбе 1876 г., известный как Канхвасский трактат, отрицал вассальную зависимость Кореи от Китая. В ст.1 говорилось: «Корея является независимым государством и пользуется такими же суверенными правами, как и Япония». Хотя формально в этом документе фиксировалось, что отношения между обеими странами устанавливаются на основе равенства, Япония получила право экстерриториальности и консульской юрисдикции. Корея, помимо Пусана, обещала открыть еще 2 порта, что и было сделано в 1880 и 1883 гг. Кроме того японская сторона получила целый ряд привилегий: назначать консулов в открытые порты, производить гидрографические съемки у корейских берегов.

В том же году были подписаны два дополнительных соглашения, главное из которых касалось торговых связей. Япония получила право вести беспошлинную торговлю в Корею, использовать там японские деньги и вывозить корейские металлические, что приносило ей огромные выгоды.

Договор 1876 г. четко обозначил политику Японии в отношении Кореи — превратить ее в колонию, — но время для этого еще не пришло. Япония боялась возможных столкновений с Китаем, а впоследствии и с Россией. Тем не менее, договор открывал двери для японской торговли на корейском рынке и способствовал вытеснению оттуда китайских и корейских купцов. Япония торговала не только своими, но и иностранными

товарами, поскольку другие государства еще не имели торговых соглашений с Кореей. Японские товары были далеки от международных стандартов, но чрезвычайно дешевы. Это подрывало корейскую домашнюю промышленность. Одновременно Япония за бесценок закупала местную сельскохозяйственную продукцию — рис, бобы, хлопок, что в свою очередь приводило к росту цен и ухудшению положения населения. Все это вместе взятое обострило и без того неприязненное отношение корейцев к японцам.

Обострение японо- корейских отношений

Ситуацию в Корее в конце 70-х- начале 80-х годов можно назвать «смутным временем». Там продолжалась ожесточенная борьба за власть. К распрям внутри правящих кругов добавлялось тяжелое экономическое положение и усиление антииностранных настроений, которые нередко приводили к кровавым инцидентам. Положение там в известной степени напоминало положение в Японии перед реставрацией Мэйдзи, но в Корее вопрос об «открытии» или «закрытии» страны как средства достижения независимости не стоял, и борьба придворных группировок была лишена выраженной патриотической окраски.

Со своей стороны, Япония все интенсивнее и бесцеремоннее вмешивалась во внутривнутриполитические дела в Корее. Однако на пути к захвату этой страны ей следовало прежде всего урегулировать свои отношения с Китаем, обострение которых японские политики считали пока несвоевременным. Для этого было желательно убедить китайцев, что Япония заинтересована лишь в прекращении изоляции Кореи, а не в ее оккупации. Провозглашенная японо-корейским договором 1876 г. независимость Кореи не была признана Китаем, который на протяжении веков удерживал ее в вассальной зависимости — правда, в достаточной степени формальной (ежегодные посольства с подарками к цинскому двору, получение корейским королем мандата на правление). Тем не менее, независимость Кореи была сильным ударом по престижу Китая.

Несмотря на заключение японо-корейского договора о мире и дружбе, в правящих кругах Кореи были распространены неприязненные чувства по отношению к Японии. Их разделяли и те, кто непосредственно подписал этот договор с корейской стороны. Гораздо большую симпатию вызывал Китай, поскольку многие считали его защитником корейских национальных интересов.

Китай, со своей стороны, стимулировал такие настроения. Так, Ли Хунчжан — фактический руководитель внешней политики цинского дворе — в письме, которое было доведено до сведения корейского короля, писал:

«Япония в последние годы усвоила нравы и обычаи европейских стран и провела ряд мероприятий для своего развития. Но сейчас казначейство ее пусто, а долги растут с каждым годом. Поэтому она вынуждена вести экспансионистскую политику, чтобы как-то улучшить свое финансовое положение. Следовательно, соседние с ней народы должны соблюдать крайнюю осторожность. Корея находится к северу от Японии, Формоза - к югу, и именно на эти страны Япония зарится больше всего. Жадность этой страны, рассчитывающей на свое искусство в обмане, прекрасно иллюстрируют события на о-вах Рюкю, которые она в конечном счете и присоединила. Вашей стране лучше быть настороже».

Пугая таким образом Корею, Китай намеревался превратить формальный сюзеренитет над этой страной в реальный. Однако преследовавший свои собственные цели китайский политик был недалек от истины.

В июле 1882 г. в Корее произошли антияпонские выступления. Начинались они как дворцовый переворот, когда одна из соперничавших политических группировок использовала недовольство солдат сеульского гарнизона многомесячной невыплатой жалованья. Целью этой группировки было уничтожить соперников и направить недовольство народа против ненавистных японцев. Нападению подверглось японское посольство. Было убито несколько офицеров, и весь штат посольства укрылся на английском судне в Инчхоне.

Эти события вызвали бурную реакцию в политических кругах Японии. Опять раздавались голоса в пользу немедленных военных действий, однако такое решение снова было отклонено императором. В Корею для выяснения ситуации была направлена миссия под эскортом военных кораблей.

Японская сторона предъявила ультиматум о выплате компенсации, который корейцы не торопились принять, рассчитывая на поддержку Китая. Дело в том, что по просьбе одной из корейских группировок Ли Хунчжан направил в Сеул китайские военные силы, которые должны были послужить противовесом возможным военным действиям японцев.

Однако в конце концов Ли Хунчжан все же посоветовал корейской стороне урегулировать конфликт мирным путем.

В конце августа 1882 г. в Чемульпо был подписан японо-корейский договор. Согласно ему, Корея обещала в 20-дневный срок покарать всех виновных в нападении на японцев. Сделать это надлежало в присутствии официальных японских представителей. Япония получила контрибуцию в размере 500 тыс. иен, а также право держать свои войска в Сеуле для охраны миссии. В дополнении к этому договору было зафиксировано открытие еще одного корейского порта для захода японских судов, и во всех открытых портах расширена территория, где японцы могли беспрепятственно передвигаться. Японские дипломаты получили возможность свободно путешествовать со своими семьями по всей территории Кореи; при этом местные власти обязаны были заботиться об их безопасности.

Конфликт, казалось бы, разрешенный в пользу Японии, привел к обратному результату: усилению антияпонских настроений и расширению связей с Китаем. Китайские товары постепенно начали вытеснять японские с корейского рынка. В то же время западные страны по примеру Японии заключили торговые соглашения с Кореей: Великобритания, США и Германия в 1883 г., Россия — в 1884 г. При этом США, как и Япония, заявили о непризнании Кореи вассалом Китая.

Попытка прояпонского переворота в Корее

Единственной силой в Корее, которая ориентировалась на Японию, были немногочисленные реформаторы. Япония по официальным каналам не поддерживала связи с ними, но делала это через лидеров оппозиционных политических партий и просветителей, таких как Фукудзава Юкити, Готō Сёдзирō и др. Под их влиянием партия реформаторов, стремясь осуществить корейский вариант преобразований Мэйдзи, совершила в декабре 1884 г. государственный переворот.

Япония использовала эти события для ослабления позиций Китая, который к тому же был вовлечен в военный конфликт с Францией. Как всегда, она действовала, якобы, во имя достижения Кореей полной независимости. Чтобы ускорить развитие событий, японцы обещали значительно сократить сумму наложенной на Корею контрибуции, но тут же потребовали равных с китайцами прав на учреждение своих фирм в Сеуле.

Активное вмешательство Японии во внутренние дела Кореи подстегнуло антияпонские выступления: толпа сожгла здание японской миссии в Сеуле, убила нескольких офицеров и солдат, разгромила дома и лавки японских купцов. Порядок в стране был восстановлен с помощью китайских войск, а лидеры партии реформаторов бежали в Японию. Вскоре оттуда прибыло большое посольство во главе с руководителем ведомства иностранных дел Иноуэ Каору в сопровождении военных кораблей, на борту которых находился значительный контингент сухопутных войск. В Сеуле был подписан договор, по которому Корея обязалась принести извинения и наказать виновных в убийстве японских подданных и разграблении их имущества, выплатить контрибуцию в размере 100 тыс. иен, выделить участок для постройки японского посольства, оплатить строительство посольского здания и казарм для солдат.

Конвенция Ли-Итō

Решить корейский вопрос, не договорившись с Китаем, Япония не могла. Поэтому в начале 1885 г. туда была направлена миссия во главе с Итō Хиробуми, которая продемонстрировала незаурядное дипломатическое искусство.

Переговоры в Тяньцзине начались в апреле и обнаружили все лицемерие японской дипломатии. Японцы настойчиво убеждали Китай в том, что не хотят воспользоваться его затруднительным положением из-за войны с Францией и готовы отложить на время решение корейского вопроса.

В результате был подписан договор, известный как «конвенция Ли-Итō». В соответствии с ним обе стороны обязались отозвать свои войска с территории Кореи и в будущем посылать их туда только в случае возникновения беспорядков и после предварительного уведомления об этом друг друга. Тяньцзиньский договор не провозглашал независимости Кореи, но японцы добились того, что их страна получила там такие же привилегии, как и Китай. Это был, безусловно, еще один шаг по пути ослабления китайского влияния в Корее и усиления там позиций Японии. Позже Китай неоднократно, но безуспешно пытался пересмотреть данный договор. Он просуществовал до начала японо-китайской войны 1894-1895 гг. и, по сути, послужил поводом к ней.

На протяжении десяти лет после заключения Тяньцзиньского договора отношения между Кореей и Китаем, с одной стороны, и Японией, с другой, были весьма

напряженными как в политической, так и экономической сферах, примерами чего могут служить конкуренция Японии и Китая по прокладке телеграфных кабелей на территории Кореи, запрет на вывоз в Японию корейского риса и на лов рыбы японцами в прибрежных водах Кореи. Эмигрировавшие в Японию корейские реформаторы не оставляли попыток вооруженным путем захватить власть при поддержке некоторых японских политических лидеров, в частности, Ои Кэнтаро.

Правда, правительство Японии не поддерживало подобные акции, считая, что они могут сорвать ее подготовку к большой войне. Япония рассматривала Корейский п-ов как сферу национальных интересов для обеспечения собственной безопасности, а завладение им — как первый шаг к созданию собственной колониальной империи. Обладание им считалось тем более необходимым, что на фоне прогрессирующего ослабления Китая усиливалось империалистическое соперничество европейских стран на Дальнем Востоке.

В то время Ямагата Аритомо предсказывал, что в течение 90-х годов Японии придется столкнуться не с Китаем или Кореей, а с Великобританией, Францией и Россией, поделившими Китай на сферы влияния. Теперь политические лидеры Японии понимали под независимостью страны не только суверенитет и полную свободу от иностранного контроля, но и право участвовать в империалистических захватах на континенте.

Развитие русско-японских отношений

Россия, как и США и европейские страны, была заинтересована в укреплении своих позиций на Дальнем Востоке. В связи с этим в русской внешней политике резко возросло значение Сахалина, южную часть которого активно осваивали японцы.

Борьба интересов вокруг Сахалина

Согласно Симодскому трактату 1855 г. Сахалин не был разделен между обеими странами. Япония использовала затруднительное положение России в связи с Крымской войной и отказалась признать ее притязания на обладание всем островом. Однако в 1856 г. Россия возобновила освоение Сахалина, прерванное военными действиями в Крыму, ибо это диктовалось стратегическими интересами империи на Дальнем Востоке.

В 1867 г. в Петербурге было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином, которое признало свободу проживания там подданных обеих держав. В результате постоянно возникали конфликты между жителями острова — японцами, русскими и айну.

Генерал-губернатор Восточной Сибири распорядился направить на Сахалин группу крестьян-переселенцев, увеличить численность военного контингента, предоставить льготные условия русским частным компаниям на разработку угольных месторождений. Со своей стороны, после реставрации Мэйдзи японцы начали проявлять большую заинтересованность в южной части острова. Чтобы упредить действия русских, японское правительство уже в середине 1868 г. приказало поставить столбы с надписями о принадлежности Японии наиболее удобных участков для занятия сельским хозяйством и рыбной ловлей. Кроме того, японцы захватывали некоторые угольные разработки, открытые русскими специалистами, в чем их активно поддерживали западные державы. Учитывая все это, царское правительство решило возобновить переговоры с Японией по поводу установления прав России на весь Сахалин.

Сделать это было весьма затруднительно из-за сложного переплетения противоречий и интересов не только России и Японии, но и европейских стран и США. Последние, в частности, хотели колонизовать и Сахалин, и Хоккайдō. Англичане старались получить в аренду о-в Цусима, города Хакодате и Анива, создать на японском побережье военные базы, отрезав тем самым Россию от Тихого океана.

Для решения сахалинской проблемы США уже в 1869 г. рекомендовали новому мэйдзийскому правительству купить у России южную часть острова, как они это сделали с Аляской двумя годами ранее. Американское посредничество было отклонено Россией, так же, как и японское предложение провести границу по 50-й параллели или выкупить южную часть острова.

Активные русско-японские переговоры начались с прибытием в Токио в 1872 г. поверенного в делах и генерального консула в Японии Е.К.Бюцова. Однако их ход осложнялся серьезными разногласиями внутри японского правительства по вопросам внутренней и внешней политики. Отказ от планов похода на Корейский п-ов привел к отставке руководителя военного ведомства Соэдзима Танэоми, с которым непосредственно и был связан Е.К.Бюцов.

Японское правительство, чувствуя поддержку европейских держав и США, усилило нажим на Россию, стараясь получить максимальную выгоду от передачи прав на Южный

Сахалин. В то же время трезвомыслящие политики (например, заместитель руководителя бюро по колонизации Хоккайдō и Южного Сахалина Курода Киётака) полагали, что Японии лучше отказаться от Сахалина, чтобы избежать конфликта с Россией, и направить основные усилия на освоение Хоккайдō.

В инструкции МИД России новому поверенному в делах было строго указано на недопустимость вмешательства во внутренние дела Японии и на необходимость убедить японцев в том, что проведение границы на острове не сможет предотвратить конфликты. «Поэтому единственный исход дела, который Вы постоянно должны иметь в виду, — отмечалось в инструкции, — уступка нам все го острова, географическое положение которого делает обладание им вопросом первостепенной важности для будущего развития

нашего Восточного Сибирского побережья».

Русско-японский договор 1875 г.

Основные переговоры начались в середине 1874 г. с прибытием в Петербург чрезвычайного и полномочного посланника Японии в России Эномото Такэаки. Он привез два проекта разрешения вопроса. Согласно первому, в обмен на Южный Сахалин Россия должна была уступить Японии о-в Уруп с прилегающими островками и компенсировать японскую недвижимость на Сахалине. По второму, Япония должна была получить все Курильские о-ва.

Оба проекта первоначально были отклонены русской стороной. Однако Россия стремилась ускорить решение этого вопроса из-за назревавшего конфликта на Балканах, и поэтому готова была пойти на серьезные уступки. В итоге царское правительство, не проявив достаточного упорства в переговорах, согласилось обменять Южный Сахалин на Курильские о-ва.

7 мая 1875 г. русский канцлер А.М.Горчаков и японский посланник Эномото Такэаки подписали «Трактат между Россией и Японией». В его ст. 1 говорилось:

«Его Величество Император Японский за себя и своих наследников уступает Его Величеству Императору Российскому часть территории острова Сахалина, которой он ныне владеет... Отныне означенный остров Сахалин весь вполне будет принадлежать Российской империи, и пограничная черта между империями Российской и Японской будет проходить в этих водах через пролив Лаперуза».

В ст. 2 было зафиксировано:

«Взамен уступки России прав на остров Сахалин... Его Величество Император Всероссийский за себя и своих наследников уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими ... Эта группа включает в себе нижеозначенные 18 островов, а именно: 1. Шумшу, 2. Алайд, 3.Парамушир, 4. Маканруши, 5. Онекотан, 6. Харимкотан, 7. Экарма, 8. Шиашкотан, 9. Муссир, 10. Райкоке, 11. Матуа, 12. Растуа, 13. Островки Среднева и Ушисир, 14. Кетой, 15. Симусир, 16. Бротон, 17. Островки Черпой и Брат Черпоев, 18. Уруп, так что пограничная черта между империями Российской и Японской в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу».

Согласно другим статьям Санкт-Петербургского договора, всем жителям уступаемых территорий предоставлялось право сохранять прежнее подданство или вернуться на родину, но при этом они подпадали под юрисдикцию той страны, к которой перешла соответствующая территория. В портах Охотского моря и Камчатки Япония получила для судоходства, торговли и рыбной ловли те же права, что и страны, обладавшие статусом наиболее благоприятствуемой нации. Кроме того японские суда, заходящие в порт Корсаков, освобождались от портовых сборов и таможенных пошлин сроком на 10 лет. Там же открывалось японское консульство. Российская сторона выплатила Японии за недвижимое имущество на Южном Сахалине свыше 112 тыс. руб. Компенсация за движимое имущество не выплачивалась, ибо оно было вывезено японцами полностью.

Русско-японский договор 1875 г. вызвал в обеих странах неоднозначные отклики. Многие в Японии осуждали его, считая что японское правительство обменяло имеющий важное политическое и экономическое значение Сахалин на «маленькую гряду камешков», какой им представлялись Курилы. Другие просто заявляли, что Япония обменяла «одну часть своей территории на другую». Подобные оценки раздавались и с русской стороны: многие полагали, что обе территории принадлежали России по праву первооткрывателя.

Санкт-Петербургский договор не стал окончательным актом территориального размежевания между Россией и Японией и не смог предотвратить дальнейшие конфликты между двумя странами. Его историческое значение заключается в другом: он стал первым для Японии равноправным международным соглашением, что являлось ее несомненным дипломатическим успехом.

Борьба Японии за отмену неравноправных договоров

Мэйдзийское правительство практически с первых шагов своей деятельности поставило вопрос о необходимости пересмотра неравноправных договоров, заключенных сёгунатом в 50-е годы, хотя это можно было сделать не ранее середины 1872 г., при условии предупреждения об этом за год. Достигнув первых успехов в налаживании внутренней жизни страны на новых началах, оно со всей остротой ощутило необходимость достижения независимости и равноправия в международных отношениях.

С точки зрения мэйдзийских лидеров, решение проблемы заключалось в следующем:

- появление неравноправных договоров было вызвано невозможностью вести переговоры с великими державами на основе их права, что было обусловлено отличиями японского государственного строя и политики Японии; следовательно, нужно реформировать японское право;

- гражданско-правовые и уголовные дела, касающиеся иностранцев, следует разрешать не консульским судом (который должен быть отменен), а судом смешанного состава.

Миссия Ивакура

Однако прежде была сделана попытка наладить нормальные дипломатические отношения с США и европейскими державами. В 1871 г. туда была отправлена миссия во главе с министром иностранных дел Ивакура Томоми, главной целью которой было прозондировать возможности пересмотра неравноправных договоров. Речь шла, прежде всего, об упразднении экстерриториальности и консульской юрисдикции, а также об изменении таможенных пошлин.

В состав миссии Ивакура входили 48 представителей различных ведомств, в том числе такие крупные деятели как Кидо, Окубо, Итō и Иноуэ. В императорском послании по поводу этой дипломатической акции указывалось:

«Имея полномочия, надлежит проследовать в Соединенные Штаты и в европейские страны, уведомить всех о наших дружелюбных намерениях, расширить и укрепить дружеские отношения, столь счастливо установившиеся между нами и правительствами означенных стран. Менее, чем через год наступает срок пересмотра существующих договоров, и мы желаем в корне пересмотреть их, дабы поставить Японию на равную ногу с цивилизованными народами и оградить наши права и интересы... Но так как обычаи и законы Японии отличаются от таковых в других странах, мы не намерены производить этого пересмотра сразу. Мы сперва ознакомимся с учреждениями других стран, заимствуя те, которые наиболее полно отвечают интересам и нуждам Японии, и постепенно преобразуем наше управление и обычаи, дабы достигнуть положения, одинакового с цивилизованными нациями... По предоставлении отчетов миссии мы обсудим вопрос о пересмотре договоров и затем приведем в исполнение наше исконное желание».

Сначала миссия прибыла в Вашингтон, где ее принял президент США. Там японцы впервые столкнулись с необходимостью соблюдения дипломатического протокола. Им было указано, что они не могут вести переговоры, не имея специальных полномочий. Окубо и Итō были немедленно отправлены в Токио для их оформления. После их возвращения в Вашингтон американской стороне был передан японский проект поправок к договору 1858 года. Японцы просили предоставить им таможенный суверенитет, отменить консульскую юрисдикцию и запретить высадку иностранных войск на их территории. Взамен они предлагали американцам предоставить право свободного передвижения по стране (а не только в открытых портах) и обязывались принимать иностранцев на работу в качестве советников. Вашингтон отклонил эти японские предложения и, более того, потребовал дальнейших уступок: в частности, разрешения вести торговлю на всей территории Японии и владеть там недвижимостью.

Миссия в США была пробным камнем японской дипломатии. Переговоры показали весь спектр трудностей, с которыми Японии предстояло столкнуться при пересмотре неравноправных договоров. Несмотря на первую неудачу, дипломатический опыт был весьма ценен, и миссия Ивакура получила высокую оценку японского правительства.

Дальнейший ход переговоров

В 1875 г. министр иностранных дел Тэрадзима Мунэнори начал переговоры о пересмотре неравноправных договоров. Он исходил из концепции, что сначала должна была быть восстановлена таможенная функция японского государства, а отмена консульского суда могла быть отложена до окончания реформирования японского законодательства. В 1878 г. на переговорах с США Япония сумела добиться таможенного суверенитета, что стало ступенькой на пути пересмотра неравноправного договора.

В сентябре 1879 г. Тэрадзима оставил свой пост, и его преемником стал Иноуэ Каору. К тому времени в Японии приближалась к концу работа над новыми уголовным и уголовно-процессуальным кодексами. С учетом этого, Иноуэ скорректировал курс на переговорах и поставил на первое место отмену консульского суда. Однако великие державы потребовали созвать совместную конференцию, на которой они хотели получить гарантии относительно составления в Японии кодексов и формирования в ней надлежащей системы юстиции.

В 1882 г. в Японии было проведено 21 заседание подготовительного совещания по этому вопросу под председательством Иноуэ, который отстаивал идею упразднения экстерриториальности иностранцев и возвращения Японии полного права осуществлять правосудие на ее земле. Что касается судебных дел с участием иностранцев, то предлагалось слушать такие дела при смешанном составе суда, куда входили бы японские и иностранные судьи; при обвинении иностранца большинство должны были составлять иностранные судьи, при обвинении японца — наоборот.

Международная конференция по вопросам пересмотра договоров открылось в мае 1886 г. На ней Иноуэ существенно смягчил свою позицию: он настаивал лишь на том, чтобы в обмен на разрешение поездок иностранцев по Японии с некоммерческими целями и открытие дополнительно трех портов японская сторона получила право применять к иностранцам японские административные правила и, в ограниченных пределах, японскую юрисдикцию и собирать таможенные пошлины в открытых портах.

В ответ британская и германская стороны на конференции предложили 15 июня 1886 г. совместный проект договора о консульской юрисдикции и потребовали положить его в основу переговоров. Их цель состояла в том, чтобы полностью открыть всю японскую территорию в интересах внешнеэкономической деятельности этих двух стран, компенсировав уступки японской стороны отказом от консульской юрисдикции. Это предложение почти совпадало с позицией Иноуэ на внутрияпонском подготовительном совещании, поэтому он легко с ним согласился.

22 апреля 1887 г. на конференции был принят проект договора. Согласно ему, японское правительство обязывалось создать необходимый механизм юстиции и принять соответствующие европейским стандартам законы, а гражданско-правовые и уголовные процессы в отношении иностранцев должны были проводиться в японских судах при большинстве участвующих иностранных судей.

В ответ на это в Японии вспыхнуло движение протеста против пересмотра неравноправных договоров на условиях, содержащихся в проекте. Официальных представителей японской стороны обвиняли в капитулянтстве перед западными державами, в нанесении ущерба национальному суверенитету. В результате переговоры были прерваны, однако составление новых кодексов, несмотря на это, в целом было завершено.

Новые методы во внешней политике

Наряду с обычными дипломатическими и военными средствами борьбы за получение равноправного статуса на международной арене мэйдзийские власти активно использовали еще один метод — вполне рутинный в наше время, но достаточно новый для XIX века. Речь идет о целенаправленном формировании привлекательного образа своей страны в глазах мирового общественного мнения путем пропаганды собственной национальной культуры.

Этой цели служило регулярное участие Японии в разного рода международных выставках. Такие выставки, на которых народы демонстрировали свои достижения в разных сферах — промышленности, торговле, культуре — были в то время новым явлением. Первая из них состоялась в Лондоне в 1851 г.

Япония впервые показала себя Западу в 1862 г. в Лондоне и в 1867 г. в Париже, т.е. еще до реставрации Мэйдзи. Она представила на этих выставках то, с чем могла в то время выйти на мировую арену — свою традиционную культуру. Такая политика была направлена на формирование в глазах европейцев своеобразного — экзотического и

привлекательного — имиджа Японии, и она увенчалась полным успехом. На этих выставках искусство Японии, особенно гравюра, сразу и безусловно покорило западного зрителя. Франция стала первой страной, где японское искусство проникло в быт и даже стало модой. Если ранее культура Дальнего Востока ассоциировалась в основном с Китаем, то теперь Япония заняла свою нишу.

Затем японцы устраивали свою экспозицию на выставках в Вене (1873), Филадельфии (1876), Париже (1878 и 1900), Чикаго (1893) и др. Участие в них стало политикой японского правительства, которое выделяло для этого значительные средства. Присутствие Японии на чикагской выставке обошлось в 630 тыс. иен, а на парижской 1900 г. — в 1,3 млн. иен. В дальнейшем расходы несло не только центральное правительство, но и органы местного самоуправления и частные фирмы. Подготовительную работу по участию в выставках координировал специально созданный отдел при министерстве сельского хозяйства и торговли.

Международные выставки рассматривались японским правительством как возможность продемонстрировать достижения модернизации, высокую степень приобщения японцев к западной цивилизации. При этом прилагались усилия противопоставить в глазах европейцев Японию Китаю, представить ее как уже модернизированную страну, с которой можно говорить на языке «цивилизованных наций». Так японское правительство подталкивало общественное мнение Запада к мысли о необходимости пересмотра неравноправных договоров.

Вне зависимости от того, насколько такие пропагандистские методы приблизили достижение конкретных целей японской дипломатии, их, безусловно, можно считать успешными. Целенаправленная японская пропаганда действительно создала психологическую основу для выделения Японии из числа стран Востока, которые большинством европейцев воспринимались в то время как колониальная периферия, населенная низшей расой, и, соответственно, как объект, а не как субъект мировой политики. Успешное применение во внешней политике этого нового метода еще раз показало гибкость и восприимчивость японской правящей элиты в деле осуществления модернизации страны.

Достижение равноправного международного статуса

Сменивший Иноуэ на посту министра иностранных дел Окума Сигэнобу решил вести переговоры о пересмотре договоров на двусторонней основе, что принесло свои плоды. Результатом стало подписание в 1888 г. первого равноправного торгового договора с Мексикой. В следующем, 1889 г., аналогичные договоры были заключены с Германией, Россией и США. Однако в них сохранялось положение о смешанных судах, которое особенно болезненно воспринималось японцами (поэтому оно держалось в секрете).

В отличие от названных стран, Великобритания не собиралась идти на уступки по таможенным тарифам. Англичане предали гласности это секретное положение, стремясь спровоцировать беспорядки в Японии, чтобы укрепить свои позиции на переговорах. В чем они и преуспели: договоры не были ратифицированы. На Окума было совершено покушение, он лишился ноги, а новый кабинет в начале 1890 г. возглавил Ямагата, который поспешил начать переговоры с Великобританией.

С перерывами они продолжались до 1894 г., когда был подписан англо-японский договор. Он включал положения о новых тарифах (входившее в силу с момента его подписания) и о ликвидации экстерриториальности при условии принятия необходимых законодательных актов японской стороной; поэтому исполнение второго положения отодвигалось до 1899 г.

Великобритания выступила инициатором подписания полностью равноправного договора отнюдь не из-за симпатий к Японии, а потому что стремилась столкнуть ее с Россией в Китае. Подписанием англо-японского договора в 1894 г. за две недели до начала первой японо-китайской войны она дала Японии карт-бланш на агрессию.

В том же году японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу добился успеха в деле пересмотра договоров и с другими великими державами и осуществил отмену консульской юрисдикции. По сравнению с этим восстановление японского таможенного суверенитета запоздало: оно было достигнуто в 1911 г. Лишь тогда страница неравноправных договоров в японской истории

была перевернута окончательно.

* * *

Модернизация Японии проходила под лозунгом «богатая страна - сильная армия», что предполагало ускоренное наращивание военного потенциала. Во внешней политике Японии военные методы также играли существенную роль, что было тогда совершенно естественным. В ходе модернизации были восприняты и освоены не только технические или культурные достижения Запада, но и характерные для эпохи колониальных захватов правила поведения на международной арене. В то время единственным путем занять уважаемое место в мире или, тем более, стать державой мирового ранга было проведение агрессивной внешней политики, направленной на создание собственной колониальной империи, и Япония естественным образом двинулась по этому пути. Правда, вплоть до начала войны с Китаем в 1894 г. Япония не была еще самостоятельным фактором мировой политики, но она быстро набирала силу, превращаясь во влиятельную региональную державу.

Лекция 5

Внутреннее положение Японии в 1895-1904 гг.:

1. 10-летняя экономическая программа.
2. Изменения в структуре внешней торговли.
3. Развитие финансово-кредитной системы.
4. Развитие японских монополий.

Экономика Японии в период между японо-китайской и русско-японской войнами

Победа в японо-китайской войне, открывшая Японии доступ к рынкам континентального Китая, Тайваня и Кореи, а также огромная контрибуция (364 млн. иен), выплаченная ей Китаем, существенно стимулировали экономику страны. При этом все усиливающееся влияние на характер экономического развития Японии стали оказывать военно-политические планы ее руководства.

Низкая емкость внутреннего рынка из-за бедности основной массы населения заставляла японский капитал искать рынки сбыта за пределами страны. Однако недостаточная конкурентоспособность японских товаров подталкивала Японию к колониальной модели экономической экспансии, когда захват новых рынков и удержание контроля над ними осуществлялись при помощи военной силы. Такая тенденция подкреплялась экономической и военной слабостью соседних Кореи и Китая.

Для проведения такой политики Япония нуждалась в мощной военной машине. Поэтому, несмотря на то, что война закончилась, главное внимание продолжало уделяться развитию тех отраслей экономики, которые имели военное значение. Соответственно, в них же наблюдался и наибольший прогресс.

10-летняя экономическая программа

В конце 1895 г. японский парламент принял 10-летнюю (1896-1905) программу развития экономики страны, главной

целью которой было обеспечение реорганизации и укрепления вооруженных сил. Японскую армию, состоявшую до японо-китайской войны из 6 дивизий, предполагалось увеличить более, чем вдвое (до 13 дивизий), а военно-морские силы — более, чем в 4 раза. Предусматривались также строительство новых заводов и фабрик по производству вооружений, военного обмундирования и снаряжения, реконструкция старых и сооружение новых арсеналов. Наряду с этим планировалось ускорить развитие ряда отраслей тяжелой промышленности, имевших военно-стратегическое значение, как за счет строительства государственных предприятий, так и за счет поощрения частных фирм. Программа включала в себя также существенное расширение сети железных дорог, развитие телефонной и телеграфной связи.

Для выполнения столь амбициозных планов требовались огромные деньги, и здесь Японии весьма пригодилась контрибуция выплаченная Китаем — около 90% этой суммы (приблизительно 330 млн. иен) были использованы на цели расширения и перевооружения армии и флота и развития тяжелой и военной промышленности.

Реализация 10-летней программы дала мощный толчок развитию военного производства, металлургии, судостроения, машиностроения. Так, численность занятых в военной промышленности в 1893-1903 гг. возросла в 9,5 раз (с 13,4 до 127,9 тыс. чел.) а

производственные мощности (по мощности установленных двигателей) увеличились более, чем в 40 раз.

Хотя Япония не обладала запасами коксующегося угля и железной руды, исходя из военно-политических соображений ее правительство придавало исключительное значение развитию металлургической промышленности. 1896-1901 гг. был построен государственный металлургический комбинат «Явата» оснащенный новейшим импортным оборудованием. Его ввод в действие а также сооружение в те же годы нескольких крупных частных металлургических предприятий/позволили существенно увеличить производство отечественного чугуна и стали (в 1896-1906 гг соответственно, с 26 тыс. до 145 тыс. т и с 1 тыс. до 69 тыс. т) а также несколько ослабить зависимость страны от их импорта

Огромное внимание уделялось также развитию судостроения которое в основном находилось в руках частных фирм В 1896 г' был принят закон о поощрении судостроительной промышленности, по которому компаниям, строившим суда с металлическими корпусами грузоподъемностью более 700 т, предоставлялись значительные государственные субсидии.

Дальнейший импульс развитию отрасли был дан в 1899 г в связи с принятием закона о субсидировании судоходства По нему владельцы торговых судов японского производства получали субсидии, вдвое превышавшие те, что предоставлялись владельцам судов иностранного производства. В результате этих мер были расширены мощности имевшихся и построен ряд новых крупных верфей, и вскоре Япония уже была в состоянии строить торговые суда, по тоннажу и оборудованию приближавшиеся к мировым стандартам того времени. Тогда же при значительной финансовой поддержке правительства были открыты морские линии в Европу, Америку, Австралию, Индию, которые обслуживались японскими судами.

Ахиллесовой пятой японской промышленности и экономики в целом оставалась сильная зависимость от импорта различного промышленного оборудования, необходимого для строительства железных дорог, заводов, шахт и верфей. Поэтому правительство всячески поощряло развитие частных машиностроительных предприятий. В период между японо-китайской и русско-японской войнами в Японии был построен ряд сравнительно крупных частных машиностроительных заводов, крупнейшим из которых был «Сибатура дэнки», производивший промышленное электрооборудование. Тогда же были построены и такие крупные государственные предприятия, как заводы по производству подвижного состава в Нагоя и Осака и завод по производству горного оборудования в Фукуока.

Однако, несмотря на быстрое развитие ряда отраслей тяжелой промышленности, основу японской индустрии по-прежнему составляла легкая, прежде всего текстильная промышленность. К началу русско-японской войны на нее приходилось около 40% общего объема промышленного производства (а на металлургию и машиностроение вместе взятые — лишь 13,3%).

После японо-китайской войны особенно бурно развивалось прядильное производство. Что касается хлопкопрядения, то его развитию в значительной степени способствовала отмена в 1894 году пошлины на экспорт хлопчатобумажной пряжи, а в 1896 г. — пошлины на импорт хлопка-сырца. В результате уже к 1899 г. число хлопкопрядильных фабрик возросло до 83 (в 1890 г. их насчитывалось лишь 30), а объем производства пряжи увеличился в 8 раз по сравнению с 1890 г. Японские фабриканты успешно вытесняли иностранных конкурентов с внутреннего рынка и расширяли, вывоз пряжи за рубеж, прежде всего в Китай.

В шелкопрядении ускорение развития было связано главным образом с механизацией производства. На фабрики (с числом занятых 10 чел. и более и использовавшие шелкопрядильные механические станки) в начале века приходилось уже около 2/3 всего производства шелка-сырца. При этом за 1890-1900 гг. объемы производства и экспорта почти удвоились.

Что же касается ткацкого производства, то несмотря на появление нескольких относительно крупных фабрик, в начале XX в. основная часть хлопчатобумажных и шелковых тканей по-прежнему производилась в крестьянских хозяйствах или на мелких предприятиях, практически не затронутых технической революцией.

Особенностью межвоенного десятилетия было также возникновение множества мелких предприятий по производству широкого круга потребительских товаров — от велосипедов до различных видов галантереи, — которые прежде ввозились из-за рубежа.

Эта сфера быстро расширялась, так как здесь Япония могла успешно реализовать свое главное преимущество — обилие дешевой рабочей силы. К тому же для налаживания производства не требовалось ни больших затрат капитала, ни применения сложного оборудования.

Межвоенное десятилетие было отмечено также быстрым расширением железнодорожной сети страны. За 1896-1904 гг. общая протяженность железных дорог более чем удвоилась и достигла 7202 км. При этом на частные железные дороги приходилось 5200 км, а на государственные — 2002 км. В то же время уже в те годы произошло определенное ужесточение государственного контроля над железнодорожным транспортом, связанное с его особой военно-стратегической значимостью. Так, еще в 1895 г. был принят новый закон о железных дорогах, который закрепил за государством монополию на магистральные линии, а частному капиталу предоставил право эксплуатации местных веток. Кроме того, в рамках 10-летней программы развития экономики был принят план развития железнодорожной сети страны, следование которому являлось обязательным для всех частных компаний.

Изменения в структуре внешней торговли

Изменения, происшедшие в японской промышленности, отразились и на внешней торговле страны, за десятилетие, разделившее японо-китайскую и русско-японскую войны, ее объем более чем удвоился, при этом экспорт рос несколько быстрее импорта. В структуре импорта поднялась доля сырья (железной руды, угля, нефти, хлопка и т.д.) и полуфабрикатов, и одновременно несколько снизилась доля готовой продукции, что отражало успехи индустриализации. В структуре экспорта, напротив, доля сырья снизилась, а доля полуфабрикатов и готовых изделий возросла. При этом одним из важнейших внешнеторговых партнеров Японии стал Китай, занявший второе после США место в ее экспорте. Япония вывозила туда разнообразную готовую продукцию, а ввозила многие виды сырья, что делало китайский рынок особенно ценным для японской промышленности, так как в США Япония экспортировала только сырье и полуфабрикаты (шелк-сырец, чай, табак).]

В конце XIX в. новым явлением стал экспорт японского капитала. В 1896 г. японскими фирмами были открыты в Шанхае две хлопкопрядильные фабрики. Одновременно японские фирмы стали вкладывать капитал в частные китайские предприятия, постепенно устанавливая над ними свой контроль. Кроме того после японо-китайской войны Япония начала вывоз капитала на Тайвань, а также в Корею. В 1898 г. Япония получила право на сооружение железнодорожной линии Сеул-Пусан, а в 1899 г. выкупила у американской компании концессию на железную дорогу Сеул-Чемульпо (Инчхон).

Развитие финансово-кредитной системы

В межвоенный период предметом особой заботы правительства стало дальнейшее развитие и укрепление финансово-кредитной системы страны, приведение ее в соответствие с быстро возрастающими потребностями частного сектора в финансовых ресурсах.

Прежде всего необходимо было создать сеть специализированных финансовых учреждений, которые путем выпуска гарантированных правительством обязательств взяли бы на себя функции аккумулирования сбережений населения и обеспечения средствами частных предприятий. Реализация этого плана облегчалась ростом доверия к правительству (в связи как с победой в японо-китайской войне, так и с его усилиями по погашению государственного долга).

Первым шагом в этом направлении стало создание в 1896 г. Ипотечного банка («Нихон кангё гинкё»), предоставлявшего ссуды на период до 50 лет под обеспечение недвижимостью (земельными участками, строениями и т.д.). Одновременно было создано 46 банков, по одному в каждой префектуре, наделенных аналогичными функциями и действовавших как клиенты Ипотечного банка. Им разрешалось представлять ссуды в пределах 5-кратной величины оплаченного капитала, а в случае превышения этой суммы банки были обязаны обращаться в Ипотечный банк, который предоставлял им средства в обмен на их обязательства.

Следующим шагом стало создание в 1897 г. специального банка по финансированию мелкого и среднего бизнеса («Нёкё гинкё»), а в 1900 г. — Промышленного банка Японии («Нихон кёгё гинкё») для предоставления долгосрочных кредитов крупным промышленным предприятиям под обеспечение движимым имуществом.

Эти банки использовались правительством как инструмент реализации конкретных целей экономической политики. Так, деятельность Промышленного банка имела решающее значение для стимулирования развития таких важных в военно-стратегическом отношении отраслей, как судостроение, металлургия, машиностроение.

Одновременно были созданы специальные банки, обслуживавшие операции японских компаний в колониях. В 1899 г. были созданы Тайваньский банк и Банк колонизации Хоккайдō (последний обслуживал и операции на Южном Сахалине и Курилах). Позже, в 1909 г., появился Корейский банк, а годом позже — Банк Тёсэн, действовавший как в Корее, так и на Квантунском побережье.

Специальные банки (всего к 1928 г. их было создано 28) весьма существенно отличались от обычных. Во-первых, они функционировали на основе не коммерческого законодательства, а специальных законов, жестко регламентировавших их деятельность. Во-вторых, по форме они являлись смешанными частно-государственными компаниями, причем доля государства в учредительном капитале большинства из них превышала 50%. В-третьих, государство выступало гарантом их финансовых обязательств и других ценных бумаг (так, например, акционерам Промышленного и Ипотечного банков правительство гарантировало получение 5%-х дивидендов по их акциям).

Что касается частных финансовых институтов, то в соответствии с планом министра финансов Мацуката Масаёси система т.н. национальных банков должна была быть ликвидирована и заменена системой коммерческих банков. В результате к 1900 г. 132 национальных банка были преобразованы в частные коммерческие, а 21 банк ликвидирован. Всего же в 1901 г. в Японии насчитывалось уже 2359 частных банков, но только 78 из них были сравнительно крупными.

Понимая, что обилие мелких банков таит в себе реальную угрозу стабильности финансовой системы страны, правительство пыталось стимулировать процесс концентрации банковского капитала. Так, в 1901 г. было объявлено, что частные банки акционерного типа должны иметь уставный капитал не менее 500 тыс. иен, а индивидуальные банки — не менее 250 тыс. иен, в результате чего начался процесс ликвидации мелких банков или поглощения их более крупными.

В 90-х годах благодаря новой финансово-экономической политике правительства денежная система Японии существенно укрепилась, что позволило в 1897 г. ввести золотое обращение. Однако японо-китайская и русско-японские войны явились для нее серьезным испытанием.

До начала японо-китайской войны правительство строго придерживалось принципа сбалансированности бюджета как одной из основ стабильности финансово-кредитной системы. Так, накануне войны годовой объем государственных расходов составил 80 млн. иен и был покрыт в основном за счет налоговых поступлений.

Расходы на войну составили около 200 млн. иен и легли тяжким бременем на едва вставшую на ноги финансово-кредитную систему страны. Поскольку было очевидно, что покрыть эти расходы только лишь за счет увеличения налогов невозможно, было решено прибегнуть к выпуску крупномасштабного государственного займа. Здесь на помощь правительству пришли банки торгово-промышленных домов «Мицуи», «Мицубиси» и «Ясуда». Вместе с Икогамским банком они образовали синдикат, который и помог правительству разместить государственные облигации на сумму 117 млн. иен (аналогичным образом этот синдикат выручил правительство и во время русско-японской войны).

Окончание японо-китайской войны не принесло скольнибудь ощутимого облегчения системе государственных финансов. Подготовка к войне с Россией, сопровождавшаяся значительным увеличением затрат на армию и флот, на развитие военной и тяжелой промышленности привела к резкому росту государственных расходов. Если в начале 90-х годов они составляли в среднем около 80 млн. иен, то в 1900-1904 гг. уже 250-290 млн. иен.

Как отмечалось выше, часть этих расходов была покрыта зачет контрибуции, полученной от Китая, но большая часть — за счет увеличения налогов и размещения государственных займов. В 1903 г. была введена государственная монополия на камфару, в 1904 г. — на табак, а в 1905 г. — на соль. Были повышены и некоторые косвенные налоги (в том числе, на *сакэ*), а также основные прямые налоги — подоходный, предпринимательский и земельный. Одновременно были существенно увеличены объемы государственного заимствования внутри страны и за рубежом, и общая сумма

государственного долга возросла с 207 млн. иен в 1894 году до 435 млн. иен в 1903 г. (а с учетом целевых займов на строительство государственных железных дорог—до 539 млн. иен).

Развитие японских монополий

Последние годы XIX в. были отмечены в Японии заметным развитием процесса концентрации производства и капитала. В 1899 году там насчитывалось 104 предприятия с числом рабочих более 500. Это составляло всего 1,6% от общего числа предприятий, но на них работало 127016 чел., т.е. около 1/3 всех фабрично-заводских рабочих Японии. Там же была сосредоточена примерно 1/3 всех механических двигателей, использовавшихся в японской промышленности.

Тогда же, в конце XIX в., в Японии возникли монопольные капиталистические объединения, которые быстро сделались основой хозяйственной жизни страны. Следует отметить, что заметную роль в этом процессе сыграли разнообразные привилегии, а также выгодные (в основном, военные) заказы, которые предоставлялись правительством сравнительно небольшой группе фирм. В результате в руках крупнейших концернов «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» и др. сконцентрировалась значительная доля национального богатства.

Прежде всего это касалось тяжелой промышленности и транспорта, которые с самого начала находились в руках правительства и нескольких крупнейших компаний. Однако сходный процесс развивался и в легкой промышленности, значительная часть которой была подчинена небольшому числу крупных монополий («Ми-: цуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда», «Сибусава» и др.).

На первый план среди монополий выдвинулись концерны «Мицуи» и «Мицубиси», которые на рубеже XIX-XX вв. значительно расширили сферу своей деятельности. Первый из них, помимо усиления контроля над отдельными отраслями промышленности, такими как прядильная, бумажная и угледобывающая, добился значительного успеха в торговых и финансовых операциях. В частности, он почти монополизировал ввоз хлопка и экспорт пряжи и шелка. Что касается концерна «Мицубиси», то он в значительной степени прибрал к рукам японское судостроение и судоходство.

Тенденции внутривнутриполитического развития

После окончания японо-китайской войны правительство Итō Хиробуми столкнулось с резкими нападками в парламенте со стороны оппозиционных политических партий. Главным поводом для них стала «слабость» дипломатии Итō, приведшая к вынужденному отказу Японии от Ляодунского п-ова. Поднимались также вопросы о массовых хищениях и взяточничестве в администрации новой японской колонии — Тайваня, об убийстве корейской королевы и др.

Появление практики парламентских соглашений

Агрессивная парламентская тактика политических партий была вызвана тем, что японские торгово-промышленные круги, заметно усилившиеся в результате японо-китайской войны, стали серьезно претендовать на участие в политическом руководстве страной. Параллельно с ростом их экономического могущества укрепились их связи с политическими партиями, что создало последним мощную финансовую опору. Поэтому высшая государственная бюрократия уже не могла просто игнорировать парламент при выработке и проведении того или иного политического курса и начала искать способы взаимодействия с ним.

Итō Хиробуми стал первым из японских премьеров, кто обратился к практике соглашения на компромиссной основе с пользовавшейся наибольшим влиянием парламентской партией. Столкнувшись с острой критикой в парламенте, он провел переговоры с партией Дзинютō, имевшей в нижней палате 108 мест (из 300). В обмен на поддержку с ее стороны Итō ввел в свой кабинет в качестве министра внутренних дел ее лидера Итагаки Тайсукэ.

К подобному соглашению прибег и сменивший Итō на посту премьера в августе 1896 г. Мацуката Масаёси. Он договорился об оказании поддержки правительству с руководством созданной незадолго до того партии Симпотō (Прогрессивная партия), в которую вошли члены Кайсинтō и около 50 депутатов из других оппозиционных групп. Лидер новой партии Окума Сигэнобу получил в кабинете Мацуката пост министра иностранных дел. Соглашение оказалось, однако, непрочным. Осенью 1897г. в кабинете возникли политические разногласия, и в ноябре Окума вышел из состава правительства. На следующей парламентской сессии его партия Симпотō проголосовала совместно с Дзинютō за вотум недоверия правительству, после чего кабинет Мацуката ушел в отставку.

Новое правительство опять возглавил Итō Хиробуми. Однако просуществовало оно всего несколько месяцев (январь-июль 1898 г.). Причиной его падения стала неудача попыток Итō достичь нового соглашения с Дзиютō. В результате Итō не смог провести через парламент налоговые законопроекты и был вынужден уйти в отставку.

Появление практики парламентских соглашений и то воздействие, которое оказывала на судьбу кабинетов позиция политических партий, свидетельствовали о росте влияния парламента на определение политического курса страны. Вместе с тем, назначение новых премьер-министров и определение состава кабинетов продолжали оставаться сферой, которую контролировала высшая государственная бюрократия.

Развитие общественных движений

Наряду с усилением роли парламента в определении курса государственной политики, на рубеже XIX-XX вв. в Японии наблюдался рост различных общественных движений. Хотя они выражали интересы разных социальных групп, то, что они не были представлены в официальной политической жизни, служило для них объединяющим фактором, и они часто сотрудничали между собой. Среди них можно выделить общедемократическое движение за расширение избирательных прав, рабочее движение, боровшееся за создание профессиональных союзов, социалистическое движение, а в последние годы перед русско-японской войной — антивоенное движение, центральную роль в котором также играли социалисты.

Наиболее широко в этот период развернулось движение за всеобщее избирательное право. Его центром стало организованное в 1900 г. Общество борьбы за всеобщее избирательное право (*фуцу сэнкё кисэй дōмэйкай*), в котором насчитывалось несколько тысяч членов. В него входили видные политические деятели из буржуазных кругов, журналисты, представители профсоюзов и др. Вместе с тем, с обществом тесно сотрудничали политические и общественные деятели ярко выраженной левой ориентации Кōтоку Дэндзирō (Сюсуй), Сакаи Тосихико, христианский социалист Утимура Кандзō и др. Официальным органом общества стала либеральная газета «Ёродзу тэхō».

По инициативе общества было организовано петиционное движение за введение всеобщего избирательного права. Первая петиция, которую подписало несколько тысяч человек, была передана в парламент в марте 1900 г.

В те же годы заметное развитие в Японии получило рабочее движение. Несмотря на быстрый рост экономики после японо-китайской войны, выполнение обширных военных программ привело к тому, что положение трудящихся не улучшилось. Наполнение государственного бюджета достигалось сохранением повышенных ставок земельного и подоходного налогов, а также неоднократным повышением существовавших и введением новых косвенных налогов — на сою, на *сакэ*, на табак. Довольно быстро росли цены на продовольствие и на товары первой необходимости. В результате некоторое повышение заработной платы, наблюдавшееся после войны с Китаем, не могло компенсировать рост цен и увеличение налогового бремени.

Это, а также сохранявшиеся тяжелые условия труда в промышленности, вело к росту социального недовольства и, соответственно, числа трудовых конфликтов. Тогда же в Японии развернулось организованное движение за создание профессиональных союзов. В июле 1897 г. было создано Общество содействия организации рабочих профсоюзов (*рōдō кумиай кисэйкай*), которое выступило за скорейшее введение рабочего законодательства. За короткий срок (к 1899 г.) число его членов превысило 5700 чел. Общество содействия организации профсоюзов издавало собственный журнал под названием «Рōдō сэкай» («Мир труда»). Его главным редактором был Катаяма Сэн, а одним из активнейших сотрудников — Кōтоку Дэндзирō.

Вокруг общества стали создаваться профсоюзные организации. В декабре 1897 г. появился крупнейший по тем временам союз металлистов, число членов которого к 1900 г. достигло 5400 чел.. В 1898 г. были созданы профсоюзы машинистов железных дорог и рабочих-печатников.

Рост рабочего движения побудил власти обратиться к проблеме рабочего законодательства. В конце 1896 г. комиссии министерства сельского хозяйства и торговли, в ведении которой находилась в то время и промышленность, было поручено разработать проект закона для «урегулирования взаимоотношений между рабочими и предпринимателями».

В 1897 г. законопроект, касавшийся лишь ограничений по использованию детского и женского труда (причем только на крупных предприятиях с числом работающих более 50

чел.), был передан кабинету. Однако Ямагата, возглавлявший тогда правительство, отказался даже выдвинуть его на рассмотрение парламента. Правда, в 1900 г. парламент все же принял закон, призванный улучшить положение рабочих, хотя и иными средствами: он предусматривал создание т. н. кооперативных обществ, задачей которых было поощрение вкладов и сбережений рабочих с целью «превращения их в собственников».

Принятый в 1900 г. закон о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия оказал крайне негативное воздействие на зарождавшееся японское профсоюзное движение. Большая часть профсоюзов распалась и прекратила свою деятельность. Организованное рабочее движение, не успев развернуться, пошло на спад.

Несмотря на это, именно тогда японские социалисты предприняли попытку создать первую в Японии социал-демократическую партию. Еще в октябре 1898 г. при участии Катаяма и Кōтоку было основано Общество по изучению социализма (Сякайсюги кэнкюкай), в которое вошло около 30 чел. В январе 1900 г. на его основе была создана Социалистическая лига (Сякайсюги кёкай), которая с первых дней своего существования повела активную пропаганду социалистических идей: проводила собрания, митинги и т.д.

В 1901 г. Катаяма, Кōтоку и другие начали подготовку к созданию социалистической партии. 20 мая 1901 г. было объявлено об образовании Нихон сякай минсьотō (Японской социал-демократической партии). Одновременно новой партии удалось опубликовать в нескольких газетах свою программу, содержащую требования всеобщего мира, разоружения, ликвидации классового общества, обобществления средств производства и равного распределения богатств. Добиваться достижения этих целей предполагалось парламентскими средствами, не прибегая к насилию.

В тот же день Социал-демократическая партия была запрещена властями, а выпуски газет, опубликовавших ее программу, конфискованы полицией. Катаяма как редактор журнала «Рōдō сэкай», также опубликовавшего документ, и издатели четырех токийских газет были привлечены к суду на основании закона о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия.

В период, предшествовавший началу русско-японской войны, в Японии была развернута антирусская пропагандистская кампания. Публиковались разного рода призывы к активным действиям на материке, требования объявить войну России и т.п. В ответ на это в начале лета 1903 г. Катаяма Сэн, Кōтоку Дэндзирō и их единомышленники из Социалистической лиги предприняли поездку по стране с антивоенными лекциями и выступлениями. Впоследствии Катаяма Сэн вспоминал:

«Гвоздем нашей антивоенной пропаганды был тезис, что это будет капиталистическая война, которая неизбежно принесет дальнейшие страдания и нищету рабочим, как это было и во время японо-китайской войны».

В ноябре 1903 г. Кōтоку и Сакаи при поддержке Социалистической лиги основали общество Хэйминся (Общество простого народа) и приступили к выпуску еженедельной газеты «Хэймин симбун». Ее тираж достигал 8 тыс. экз., что было значительной цифрой для Японии того времени. Эта газета стала центром антивоенной пропаганды, и продолжила свою деятельность даже после того, как война разразилась, что потребовало от ее издателей и сотрудников незаурядного мужества.

Лекция 6

Япония в последние годы Мэйдзи (1905-1912):

1. Плоды победы в русско-японской войне.
2. Отношения Японии с великими державами.
3. Внутриполитическое положение.
4. Особенности экономического развития.

ЯПОНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МЭЙДЗИ (1905-1912)

После русско-японской войны 1904-1905 гг. в истории Японии открылась новая страница. Международный авторитет страны резко возрос, и фактически она была причислена к великим державам. В 1905-1908 гг. европейские государства, США и Рос-

сия возвели в ранг послов своих дипломатических представителей в Японии (до тех пор — посланников).

Другим свидетельством укрепления международных позиций Японии стал пересмотр ее торговых договоров с великими державами, которые сохраняли элемент неравноправности, поскольку ограничивали японский таможенный суверенитет. После русско-японской войны Япония стала устанавливать таможенные пошлины по своему усмотрению, а 10 июля 1910 г. (за год до истечения срока действия) Япония предупредила о том, что потребует пересмотра договоров. Первым 21 февраля 1911 г. был подписан новый, полностью равноправный договор Японии с США, за которым последовали договоры и с другими державами.

Плоды победы в русско-японской войне

В новом международном качестве Япония еще больше усилила свою колониальную экспансию, стремясь в полной мере воспользоваться плодами своей победы в русско-японской войне.

Аннексия Кореи

По Портсмутскому мирному договору Россия была вынуждена предоставить Японии свободу действий в Корее. Великобритания и США согласились признать приоритет японских интересов там еще до Портсмута. Поэтому после русско-японской войны японцы приступили к поэтапному осуществлению полной аннексии Кореи.

17 ноября 1905 г. был подписан японо-корейский договор об установлении японского протектората над Кореей. При этом японцы применили необычную в дипломатической практике процедуру: командующий японскими войсками в Корее генерал Хасэгава окружил королевский дворец в Сеуле, где проходили переговоры, своими солдатами и отказался выпускать членов корейского правительства из зала заседаний до тех пор, пока они не подпишут договор.

Текст договора был составлен Итō Хиробуми, возглавлявшим японскую делегацию. Он, в частности, гласил:

«Японское правительство через министерство иностранных дел в Токио будет впредь осуществлять контроль за внешними сношениями и делами Кореи и управление ими. Дипломатическим и консульским представителям Японии будет поручена защита корейских подданных и интересов Кореи в иностранных государствах. ... Японское правительство обязуется наблюдать за выполнением договоров, существующих ныне между Кореей и другими державами; корейское же правительство обязуется не заключать отныне никаких актов или обязательств, имеющих международный характер, иначе, как через посредство японского правительства».

В феврале 1906 г. японское правительство учредило в Сеуле должность генерального резидента (*тōкан*), который был уполномочен вмешиваться не только во внешние, но и во внутренние дела Кореи. В частности, в целях «охраны порядка и спокойствия в Корее» он мог отдавать распоряжения корейскому правительству о проведении тех или иных мер, а в случае необходимости применять военную силу (японские войска в Корее), чтобы обеспечить их выполнение. Генеральный резидент (им был назначен Итō Хиробуми) получил также право наказывать за нарушение изданных им приказов и распоряжений штрафами и заключением в тюрьму.

Бесцеремонные действия японцев вызвали тревогу у корейской правящей верхушки, которая стала опасаться за свою власть. В июне 1907 г. корейский император втайне от японцев послал своих представителей на международную конференцию в Гааге, чтобы попросить помощи в восстановлении независимости Кореи. Однако корейская делегация не была допущена на конференцию.

Посте этого японцы заставили императора Кореи отречься от престола в пользу сына и вынудили корейское правительство подписать 24 июля 1907 г. новый договор, еще более урезавший корейский суверенитет. Теперь японский генеральный резидент фактически стал полновластным правителем в стране. Корейское правительство должно было руководствоваться его инструкциями абсолютно во всех вопросах внутреннего управления, а также было обязано по его рекомендации назначать японцев на государственные должности.

В августе 1907 г. японские власти приказали распустить корейскую армию, оставив лишь небольшой отряд личной охраны корейского императора. Однако корейская армия не подчинилась приказу о роспуске и подняла восстание. К военным присоединились тысячи патриотов-добровольцев. По всей стране началось антияпонское партизанское движение Ёйбён («Армия справедливости»). По официальным японским данным в 1907

г. в нем участвовало около 45 тыс., а в 1908 г. — около 70 тыс. корейцев. Японские власти зарегистрировали в 1907 г. 322 столкновения, а в 1908 г. — 1451 столкновение между своими войсками и корейскими отрядами.

После того, как восстание в Корее было в основном подавлено, Япония перешла к завершающему этапу полного подчинения этой страны своему господству. В апреле 1909 г. в Токио состоялось секретное совещание между премьером Кацура Тарō, генеральным резидентом в Корее Итō Хиробуми и министром иностранных дел Комура Дзютарō, на котором обсуждался план аннексии Кореи. Окончательное решение по этому вопросу было принято японским правительством 6 июля 1909 г.

В октябре 1909 г. Итō Хиробуми, который к тому времени оставил пост генерального резидента в Корее (его сменил Сонэ Арасукэ) и был назначен председателем тайного совета, отправился в Маньчжурию для переговоров с министром финансов России В.Н.Кокцовым. 26 октября они встретились в Харбине, но переговоры не состоялись: в тот же день Итō был убит молодым корейцем, отомстившим таким образом за унижение своей родины.

В июле 1910 г. вместо Сонэ генеральным резидентом был назначен военный министр Тэраути Масатакэ, который завершил процесс аннексии Кореи. 22 августа 1910 г. он добился от главы корейского правительства подписи под договором (опубликован 29 августа), согласно которому корейский король «полностью и на вечные времена» передал японскому императору свои суверенные права в Корее. Взамен за членами корейского королевского дома были сохранены их титулы, и им были назначены значительные пенсии.

Корея перестала существовать как независимая страна. Вместо нее возникла японская колония — генерал-губернаторство Тёсэн (*тёсэн сётокуфу*). Японцы проводили в Корее политику тотальной японизации: корейцы были лишены всех национальных, корейские дети должны были посещать японские школы, публичное использование корейского языка запрещалось. Одновременно из в Корею были направлены японские поселенцы. Аннексия Кореи стала важнейшим этапом японских колониальных завоеваний.

Экспансия Японии в Южной Маньчжурии

Помимо аннексии Кореи важнейшей целью внешней политики Японии после русско-японской войны стало усиление позиций в Южной Маньчжурии.

Портсмутский договор предусматривал согласие китайского правительства на передачу Японии в аренду Порт-Артура и Дальнего (Дайрена), а также железной дороги между Куаньчэнцзы и Порт-Артуром со всем принадлежащим ей имуществом. Для реализации этих пунктов договора в Пекин приехал японский министр иностранных дел Комура Дзютарō. 22 декабря 1905 г. там был подписан японо-китайский договор, подтверждавший признание Китаем Портсмутского договора, а также содержащий дополнительные статьи, расширявшие права Японии в Южной Маньчжурии.

В июне 1906 г. японцами была создана полугосударственная компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), которая стала собственницей дайренского порта, ряда рудников, шахт и промышленных предприятий, земельных и лесных угодий. Благодаря ее деятельности японский капитал занял господствующее положение в Южной Маньчжурии, главным внешнеторговым партнером которой теперь стала Япония.

Интересно, что сразу же после окончания русско-японской войны, в октябре 1905 г., американский железнодорожный магнат "Э.Гарриман предложил создать синдикат для совместной с Японией эксплуатации ЮМЖД под японской юрисдикцией и даже подписал с премьером Кацура предварительное соглашение по этому вопросу. Однако из-за разногласий в японских правящих кругах эта сделка была вскоре аннулирована, и в ст. 2 императорского указа об учреждении акционерной компании ЮМЖД от 7 июня 1906 г. прямо указывалось:

«Акции компании распространяются по подписке, и ими могут владеть только японское и китайское правительства и подданные Японии и Китая».

Это стало отправной точкой обострения японо-американского соперничества, которое стало определяющим фактором развития внешнеполитических событий на Дальнем востоке в первой половине XX века.

Переход Южной Маньчжурии в сферу влияния Японии в результате русско-японской войны создал предпосылки для дальнейшей японской экспансии в Китае, причем не только экономическими средствами. Показательно, что после начала китайской революции 1911-1913 гг., свергнувшей династию Цин, в Японии обсуждалась

возможность интервенции в Китае «в целях сохранения мира на Дальнем Востоке». Главными сторонниками немедленного военного вмешательства были Кацура Таро и Ямагата Аритомо. Однако правительство Сайондзи решило воздержаться от активных действий и проводить выжидательную, или, как ее окрестили в Японии, «негативную» политику.

Это решение отражало интересы влиятельных японских торгово-промышленных кругов, стремившихся к расширению торговли с Китаем, чему военные действия могли серьезно помешать. Таким образом уже тогда проявились различия в интересах тех группировок японского капитала, которые ориентировались на колониальный рынок и на государственные военные заказы, и тех, что успешно включились в систему свободной международной торговли. Первые поддерживали политику военных захватов, другие же были больше заинтересованы в сохранении стабильности в мире и в регионе. В дальнейшем, после первой мировой войны, эти различия заметно усилились, что сделало японскую внешнюю политику в первое послевоенное десятилетие весьма непоследовательной и противоречивой.

В 1913 г., когда у власти находился кабинет Ямамото Гоннохэ (Гомбэй) вопрос о военной интервенции в Китае вновь стал в повестку дня. Тогда во время столкновений в Нанкине пострадали трое японских подданных («нанкинский инцидент»), и сторонники вмешательства в гражданскую войну в Китае потребовали от правительства решительных действий.

Япония предъявила Китаю ультиматум, в котором требовала возмещения убытков, наказания виновных в «инциденте» (в том числе губернатора провинции) и принесения официальных извинений. Когда он был отклонен, была устроена военная демонстрация, в ходе которой японские военные корабли прошли по реке Янцзы вплоть до Нанкина. Китайское правительство было вынуждено выполнить японские требования и дополнительно предоставило Японии концессии на постройку нескольких железных дорог в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Отношения Японии с великими державами

В результате поражения России в русско-японской войне на Дальнем Востоке сложилось новое соотношение сил. Объективно возросла роль Японии и США, избавившихся от своего главного соперника. Вместе с тем Великобритания продолжала сохранять ключевые позиции в Китае и на Тихом океане, и возросшее международное влияние Японии во многом основывалось именно на англо-японском союзе.

Однако, несмотря на сокращение числа империалистических конкурентов, боровшихся за влияние на Тихом океане, какого-либо ослабления борьбы между ними не произошло. Она шла с прежней силой, только теперь в ее фокусе оказались противоречия не между Японией и Россией, а между Японией и США.

Усиление японо-американских противоречий

Усиление японской экспансии в Южной Маньчжурии и во всем Китае после русско-японской войны внесло большие изменения в японо-американские отношения. Помогая Японии во время русско-японской войны, Великобритания и США стремились ее руками добиться ослабления России на Дальнем Востоке и таким образом укрепить свои империалистические позиции в Китае и в Маньчжурии. Предполагалось, что платой Японии за эту «услугу» станет Корея, поглотив которую, Япония ослабит противодействие США в Маньчжурии и Китае.

Однако после русско-японской войны Япония фактически вытеснила США и Великобританию с маньчжурского рынка и стала еще активнее конкурировать с ними во всем Китае. В результате Япония стала превращаться в главного соперника и конкурента США на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Одновременно японо-американские отношения резко ухудшились в связи с дискриминационной политикой в отношении японских иммигрантов в США. В октябре 1906 г. власти штата Калифорния приняли постановление об исключении японских детей из общих школ и разрешили им учиться только в специальных школах для азиатов. В феврале 1907 г. американское правительство запретило въезд в США японским эмигрантам с Гавайских о-вов, где японцы составляли около 40% населения, а в мае 1907 г. в Сан-Франциско произошел японский погром.

В результате к лету 1907 г. японо-американские отношения обострились настолько, что в обеих странах стали серьезно рассматривать возможность войны между ними. Однако в то время ни Япония, ни США еще не были готовы к вооруженному столкновению, и поэтому они пошли на временное урегулирование отношений.

В конце 1907-начале 1908 г. в результате японо-американских переговоров было заключено «джентльменское соглашение» об ограничении самой Японией эмиграции японских подданных в США. Кроме того в качестве шага доброй воли японское правительство официально пригласило посетить Японию военно-морскую эскадру США, совершавшую кругосветное плавание. Приглашение было принято, и 18 октября 1908 г. американские корабли вошли в порт Иокогама. Недельное пребывание американских моряков в Японии было обставлено как важнейшее общественное событие, а сами гости были, без преувеличения, потрясены радушием оказанного им приема.

30 ноября 1908 г. между американским государственным секретарем Э.Рутом и японским послом в США Такахира Когорō состоялся обмен нотами, получивший название «соглашение Рут-Такахира». В нем, в частности, говорилось, что политика обеих стран направлена на «защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае», и что они «питают твердое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области».

Таким образом, это соглашение содержало в себе взаимоисключающие положения, а именно согласие Японии с американской политикой «открытых дверей» в Китае и признание США принципа раздела Китая на сферы влияния, который отстаивала Япония. Неудивительно, что, хотя в обеих странах «соглашение Рут-Такахира» трактовалось как победа собственной дипломатии, оно не могло заложить основу долговременного урегулирования японо-американских противоречий.

В 1909 г. США предприняли новую попытку проникнуть в Маньчжурию. Государственный секретарь США Ф. Нокс под предлогом защиты принципа «открытых дверей» и обеспечения суверенитета Китая над Маньчжурией выдвинул план «интернационализации» ЮМЖД и КВЖД, согласно которому международный банковский консорциум с участием США, Великобритании, Франции и Германии должен был предоставить Китаю заем для выкупа обеих дорог, управление которыми затем было бы передано международному комитету. Однако план Нокса вызвал решительное противодействие Японии и России и в итоге остался нереализованным. Он лишь вновь обострил японо-американские отношения и подтолкнул Японию и Россию к сближению на антиамериканской основе.

Тенденции в англо- японских отношениях

Несмотря на сохранение англо-японского союза, после русско-японской войны стало намечаться охлаждение и в японо-британских отношениях. В основе его лежали те же причины, что и в ухудшении отношений между Японией и США — обострение империалистического соперничества в Китае из-за усиления японской колониальной экспансии.

В отличие от США, Великобритания, как и Япония, поддерживала принцип раздела Китая на сферы влияния. Однако это не предотвратило развития японо-британского соперничества, поскольку каждая из сторон при малейшей возможности старалась посягнуть на «чужую территорию». Кроме того непрерывно росла японо-британская торговая конкуренция на китайском, а затем и на индийском и иных рынках.

Несмотря на это, в то время союз был еще нужен обеим сторонам. Япония надеялась на получение британской финансовой и моральной поддержки в случае столкновения с США, а Великобритания видела в союзе способ удержать Японию от переориентации на Германию, что в условиях все большего обострения англо-германских противоречий было для нее очень актуально. Поэтому 13 июля 1911 г. англо-японский договор был перезаключен в несколько измененной редакции: из него были исключены положения о британском признании японских интересов в Корее, которой к тому времени уже не существовало на политической карте, а также введена специальная статья, которая должна была отвести подозрения в антиамериканской направленности обновленного союза. Последнее было сделано по настоянию британской стороны, которая видела в Соединенных Штатах важного, потенциального союзника в условиях, когда вероятность войны между Великобританией и Германией все более возрастала.

Вообще, перемены в политической интерпретации англо-японского союза отражали возросшую роль Японии в мире. Теперь его значение вышло далеко за региональные рамки и все больше связывалось с событиями в европейской политике. Потеряв после русско-японской войны свою прежнюю антирусскую направленность, англо-японский договор стал для Великобритании важным средством сколачивания антигерманского блока, который должен был объединить в себе прежних непримиримых противников.

Русско-японское сближение

В первое время после войны русско-японские отношения оставались враждебными. Победа над Россией укрепила в японских правящих кругах позиции сторонников продолжения военной экспансии. Они (в частности, Ямагата Аритомо и Тэраути Масатакэ) требовали увеличения армии и флота, рассматривая это как необходимое условие для сохранения за Японией завоеванных международных позиций.

В декабре 1905 г. правительство Кацура Тарō ушло в отставку, и новый кабинет возглавил Сайондзи Киммоти, что было воспринято как победа умеренных сил. Тем не менее японское правительство разработало и стало немедленно осуществлять 15-летнюю (1907-1921) программу перевооружения армии и флота, обосновывая ее «возможностью реванша» со стороны России. Вскоре Япония значительно увеличила численность армии, а ее военно-морские силы к 1909 г. выросли почти вдвое.

Такие действия Японии, естественно, вызвали беспокойство в России. В марте 1906 г. совет государственной обороны обсудил вопрос о военном положении на Дальнем Востоке и решил оборудовать базы в Забайкалье, Уссурийском крае и Сибири, а в декабре того же года он принял постановление «О приведении Приамурского военного округа в полную боевую готовность». В начале 1907 г. было решено создать Амурскую речную флотилию, укрепить Николаевск-на-Амуре и начать строительство стратегической Амурской железной дороги.

Вместе с тем, было понятно, что позиции России на Дальнем Востоке после поражения в войне были ослаблены, и в чисто военном отношении она была не в состоянии конкурировать с Японией без проведения очень основательной и дорогостоящей подготовки, которая потребовала бы от страны значительного напряжения сил. Перед Российской империей встала проблема определения приоритетов ее внешнеполитического курса.

В то время в центре мировой политики находилось противостояние Великобритании и Германии, каждая из которых старалась привлечь другие державы на свою сторону. Соответственно, в правящих кругах России образовались две группировки — прогерманская и проанглийская. Первая из них требовала заключения союза с Германией и Австро-Венгрией и продолжения борьбы против Великобритании на Среднем Востоке и Японии — на

Дальнем. Другая настаивала на укреплении западных границ ввиду германской угрозы и на достижении согласия с Великобританией и Японией, рассчитывая защитить интересы России в Азии невоенными средствами.

В итоге верх взяли сторонники проанглийской ориентации. Не последнюю роль в этом сыграло пришедшее в результате поражения в войне с Японией осознание того, что Россия не в состоянии вести активную политику одновременно на Дальнем Востоке, на Юге и на Западе., Вскоре русское правительство взяло курс на урегулирование отношений с Японией.

Положительный сдвиг в русско-японских отношениях наступил в 1907 г. 23 января министр иностранных дел России А.П.Извольский высказал японскому посланнику в Петербурге Мотоно Итирō «мысль о желательности общего соглашения между Россией и Японией, могущего прочно обеспечить мирное развитие взаимных отношений обеих держав». Мотоно выразил «готовность обсудить всякое конкретное предложение, которое будет ему сделано правительством по этому поводу».

Смягчение японской позиции произошло под воздействием со стороны Великобритании и Франции, заинтересованных в вовлечении России в антигерманский союз — Антанту. В качестве платы за это Россия потребовала от них содействия в обеспечении безопасности ее дальневосточных границ.

Чтобы добиться своих стратегических целей, правительства Великобритании и Франции решили оказать давление на Японию, используя ее финансовые затруднения после войны. Франция даже отказала Японии в предоставлении нового займа, пока не будет подписано русско-японское соглашение.

Другой причиной, подталкивавшей Японию к сближению с Россией, было обострение японо-американских отношений. Японские правящие круги понимали, что русский империализм временно выбыл из борьбы за господство на Дальнем Востоке, и пытались теперь использовать Россию в качестве противовеса экспансии США. Разумеется, Соединенные Штаты были не в восторге от такой перспективы, и американская дипломатия на этом⁴ этапе прилагала усилия, чтобы разжечь русско-японские противоречия.

Все же после длительных переговоров 30 июля 1907 г. в Петербурге была подписана русско-японская общеполитическая конвенция (так называемое соглашение Извольский-Мотоно). Соглашение состояло из двух частей — открытой и секретной. В первой декларировались принцип территориальной целостности Китая и сохранение статус-кво на Дальнем Востоке. Секретная часть соглашения фиксировала раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния. Кроме того, Россия признала особые права Японии в Корее, а Япония — специальные интересы России во Внешней Монголии.

Хотя конвенция подтверждала статьи Портсмутского договора, Японии удалось добиться уступок в вопросе о линиях разграничения сфер влияния в Маньчжурии, на которых ей не удалось настоять двумя годами ранее. На правительственном совещании, созванном 14 июня 1907 г. для обсуждения окончательного проекта соглашения с Японией, военный министр А.Ф.Редигер по этому поводу заявил, что «жертву эту следует признать совсем небольшой», если она поможет застраховаться от военной угрозы со стороны Японии. Совещание единодушно одобрило проект соглашения.

Почти одновременно были подписаны русско-японская рыболовная конвенция, которая предоставила японцам широкие права на промысел в русских водах (формально она просуществовала до 1928 г.), и торговый договор.

Русско-японские соглашения 1907 г. подверглись жесткой критике со стороны русской общественности за то, что при их заключении была проявлена «излишняя уступчивость». В Японии же по их поводу были организованы празднества. Но так или иначе обе державы добились на этом этапе своих целей: Россия уменьшила угрозу своим дальневосточным районам и развязала себе руки на западе, а Япония получила возможность разыгрывать «русскую карту» в своем противодействии американской экспансии.

В оставшиеся до начала мировой войны годы русско-японские отношения успели пройти еще через несколько фаз потепления и охлаждения. Активность американцев в Маньчжурии способствовала дальнейшему сближению между Японией и Россией. Так, инициатива государственного секретаря США Нокса об «интернационализации» маньчжурских железных дорог привела к тому, что 4 июля 1910 г. был заключен новый русско-японский договор о «дружественном содействии» улучшению железнодорожных линий и поддержании статус-кво в Маньчжурии. В секретной его части указывалось, что Япония и Россия могут предпринимать любые меры для защиты своих интересов в их сферах влияния и окажут друг другу поддержку в случае посягательства на них третьей стороны.

Вместе с тем, во время китайской революции 1911-1913 гг. приблизилось столкновение интересов Японии и России в связи с провозглашением независимости Внешней Монголии. Япония попыталась воспользоваться этим для пересмотра соглашения с Россией о разделе сфер влияния и потребовала признания ее «специальных интересов» в восточной части Внешней Монголии и во Внутренней Монголии, однако русское правительство отказалось это сделать.

В июне 1912 г. бывший премьер Кацура отправился в Европу с неофициальной миссией. Первым пунктом назначения его поездки был Петербург. Предполагалось, что он проведет там переговоры по вопросам раздела сфер влияния в Маньчжурии и Монголии. Однако в российской столице Кацура узнал о смерти императора Мэйдзи и срочно вернулся в Токио. Кстати, Россия не послала официальной делегации на похороны японского императора, что было признаком скверного состояния двусторонних отношений в тот период.

Все же 8 июля 1912 г. в Петербурге было заключено секретное русско-японское «соглашение Сазонов-Мотоно» (по именам подписавших его русского министра иностранных дел и японского посла) о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии: в восточной ее части были признаны специальные интересы Японии, а в западной — России. Разделительная линия прошла по пекинскому меридиану, что соответствовало русскому предложению. Это свидетельствовало о том, что Россия к тому времени оправилась от поражения в русско-японской войне и стала проводить более активную и жесткую политику на Дальнем Востоке, i

Однако, поскольку обстановка в Европе постепенно накалялась, страны Антанты, к числу которых теперь принадлежала и Россия, стремились сохранить баланс сил на Дальнем Востоке, что объективно стабилизировало русско-японские отношения.

Внутриполитическое положение

Имитация двухпартийной системы

В последние годы Мэйдзи в Японии установилась своего рода суррогатная «двухпартийная» система, когда правительства по очереди возглавляли Сайондзи Киммоти, пользовавшийся славой

«либерала», и Кацура Тарō, ставленник Ямагата Аритомо, известного своими милитаристскими взглядами.

Впрочем, и «либеральные», и «милитаристские» правительства проводили сходную политику модернизации и наращивания японских вооруженных сил. Это объяснялось повышенным вниманием к ним как к инструменту государственной политики, закрепившимся в сознании японских правящих кругов в результате победы в русско-японской войне. Как сказал однажды Кацура Тарō, только военная сила сделала Японию первостепенной державой, и этой установке следовали все японские государственные деятели.

Различие между двумя «партиями» заключалось в том, какие группировки в японских правящих кругах они представляли. Кацура, который так же, как и Ямагата, был выходцем из княжества Тёсю и профессиональным военным. Его правительства непосредственно проводили интересы военно-бюрократических кругов и связанных с ними производителей вооружения, зависевших от государственных заказов.

Что касается Сайондзи, то он происходил из придворной аристократии *кузэ*. В молодости он долгое время (1869-1880) жил во

Франции, где стал свидетелем франко-прусской войны и Парижской коммуны. Несмотря на этот драматический опыт, он определенно тяготел к идеям западноевропейского либерализма (в отличие от германофила Кацура) и был приверженцем внедрения в Японии полноценной парламентской системы, хотя в практическом плане подходил к этому со свойственной ему осторожностью.

В 1903 г. Сайондзи возглавил партию Сэйюкай, сменив на посту ее председателя Итō Хиробуми. Сэйюкай была тесно связана с концернами «Мицуи» и «Сумитомо», также с «Фурукава» и «Ясуда» (один из лидеров партии Хара Такаси в 1906 г. вошел в совет директоров «Фурукава»). Таким образом, приход к власти кабинетов Сайондзи означал внедрение прямого представительства крупной буржуазии (со всем спектром ее экономических и политических интересов) в структуры исполнительной власти, а также некоторое усиление влияния парламента в политической жизни страны.

После того, как в декабре 1905 г. ушел в отставку руководивший страной с 1901 г. кабинет Кацура, возглавить правительство было поручено Сайондзи. 7 января 1906 г. он сформировал свой первый кабинет. В его состав были включены два представителя партии Сэйюкай, в том числе Хара Такаси, который занял пост министра внутренних дел. Министром иностранных дел был назначен Катō Такааки, зять Ивасаки Ятарō, главы концерна «Мицубиси», а министром финансов — Сакатани Ёсио, зять Сибусава Эйити, владельца крупнейшего в Японии банка «Дайити гинкō». Это было зримым выражением связей нового кабинета с крупным капиталом.

Следуя общей линии на укрепление японских вооруженных сил, правительство Сайондзи провело через парламент бюджет, предусматривавший создание трех новых дивизий в дополнение к имевшимся шестнадцати. Кроме того была начата разработка амбициозной программы увеличения военно-морского флота.

Это поставило под вопрос программу оздоровления государственных финансов, выдвинутую еще кабинетом Кацура после окончания войны. Тогда для того, чтобы уменьшить государственный долг, достигший 2400 млн. иен, правительство постановило выделять на его погашение более 100 млн. иен ежегодно. Несмотря на увеличение военных расходов, кабинет Сайондзи подтвердил это фактически невыполнимое решение и для его обеспечения провел в парламенте законопроект о сохранении высоких налогов военного времени.

В мае 1908 г. состоялись очередные выборы в парламент. Партия Сэйюкай получила на них 186 мест (из 379), Симпотō — 75 мест. Однако победа Сэйюкай не укрепила позиций правительства. Японский парламент по-прежнему не мог оказывать определяющего влияния на определение политики страны. Это подтверждается той легкостью, с которой «партии» Ямагата-Кацура удалось добиться отставки кабинета Сайондзи.

Для того, чтобы спровоцировать правительственный кризис, было выдвинуто требование о выделении новых средств на стратегическое железнодорожное строительство. Из-за напряженного состояния государственных финансов, вызванного осуществлением военных программ и необходимостью выплачивать проценты по займам, министр финансов Сакатани отказался удовлетворить его и вышел в отставку, что повлекло за собой отставку всего кабинета в июле 1908 г.

Правительство вновь возглавил Кацура, который одновременно занял пост министра финансов. В новом кабинете не было представителей парламентских партий, но по

настоянию Ямагата Сайондзи обещал Кацура поддержку партии Сэйюкай. В оппозиции осталась партия Симпотō или, как она стала называться с марта 1910 г., Кокуминтō (Национальная партия).

В 1909 г. второй кабинет Кацура вновь постановил начать постепенное погашение государственного долга. Однако и на этот раз решение не было выполнено, главным образом, из-за высоких военных расходов. В 1910/11 фин. г. их доля в бюджете составила около 34%, что намного превышало долю военных ассигнований в других странах (в Германии — 20%, в России — 14%). Большие средства были выделены на постройку военных кораблей в рамках принятой в 1911 г. 6-летней (1911-1916) военно-морской программы.

Несмотря на обещания правительства не повышать налоги, рост военных расходов привел к увеличению налогового бремени. Непопулярность политики кабинета Кацура, усиление антивоенных и антиправительственных настроений привели к его отставке 30 августа 1911 г.

По решению *гэнрō* новый кабинет снова возглавил Сайондзи. Это было продиктовано тем, что он имел гораздо более прочные позиции в парламенте, чем Кацура, поскольку опирался на партию Сэйюкай, имевшую большинство. Предполагалось, что назначение премьером лидера ведущей парламентской партии разрядит политическую атмосферу.

В состав второго кабинета Сайондзи вошли 3 члена руководства Сэйюкай, в том числе Хара, который, как и прежде, занял пост министра внутренних дел. Министром финансов стал бывший президент Банка Японии Ямамото Тацуо, объявивший, что будет проводить политику жесткой экономии.

Действуя в русле этой политики, кабинет несколько сократил военные расходы. Это вызвало резкую критику со стороны партии Кокуминтō и сильное недовольство военных кругов. Ямагата и Кацура настаивали на выделении средств на формирование двух новых армейских дивизий, предназначенных для размещения в аннексированной Корее. Одновременно руководители военно-морского министерства требовали новых ассигнований для расширения флота в связи с обострением японо-американских отношений.

Отказ правительства одновременно удовлетворить требования соперничавших между собой представителей армии и флота привел к правительственному кризису. Военный министр Уэхара Юсаку в знак протеста против политики правительства подал в отставку, а военные круги отказались выдвинуть нового кандидата на этот пост. Поскольку по закону его мог занять только генерал действительной службы, кабинет Сайондзи потерял возможность нормально функционировать и 3 декабря 1912 г. был вынужден уйти в отставку.

Несмотря на то, что в Японии происходила регулярная смена правительственных кабинетов, между которыми существовали определенные различия в формулировании целей национальной политики, сложившаяся система имела мало общего с какой-либо формой политической демократии.

Во-первых, правительства по-прежнему не были ответственны перед парламентом или каким-либо иным демократически избранным органом. Соответственно, все вопросы их смены решались негласно, кулуарно. В результате общественность просто ставилась перед фактом изменений в исполнительной власти.

Во-вторых, смена кабинетов определялась не сдвигами в соотношении политических сил, а личными договоренностями в чрезвычайно узком кругу высших государственных бюрократов, и отражала лишь те или иные подвижки в их среде.

В-третьих, японский парламент обладал весьма ограниченной представительностью из-за имущественных и иных ограничений избирательных прав. Поэтому даже опора правительства на парламентское большинство не подразумевала сколько-нибудь широкой общественной поддержки его политики. Японии предстояло пройти еще очень долгий путь до появления политической системы, которая могла бы называться демократической.

Особенности экономического развития

Хотя русско-японская война стоила Японии колоссального напряжения всех ресурсов, победа в войне существенно расширила поле для развития японского капитализма. После войны политическое влияние Японии в Корее, Маньчжурии и Китае заметно усилилось. Это открыло ей доступ к новым рынкам, новым источникам сырья и сферам приложения

капитала, что в свою очередь дало сильный толчок развитию экономики и, прежде всего, промышленности. С 1906 г. в стране начался промышленный бум, и хотя мировой экономический кризис 1907-1908 гг. затронул и Японию (от кризиса пострадали главным образом экспортные производства легкой промышленности), бурное экономическое развитие продолжалось вплоть до начала первой мировой войны.

Состояние японских финансов

Русско-японская война стала тяжелейшим испытанием для японской экономики и, прежде всего, для ее финансов. К концу войны финансовая система Японии была напряжена до предела. Расходы на войну составили около 1500 млн. иен, и большая их часть была покрыта за счет заимствований за рубежом (причем на весьма невыгодных для Японии условиях). В результате всего лишь за три года (1903-1906) государственный долг вырос более, чем в 4 раза и достиг 2400 млн. иен.

После русско-японской войны Япония продолжала направлять огромные средства на военные приготовления, и это служило дополнительным стимулом развития промышленности, так как обеспечивало частные компании выгодными военными заказами, льготными кредитами и субсидиями. Перед первой мировой войной государственные расходы составляли уже около 600 млн. иен в год, при этом на военные нужды уходило более 1/3 этой суммы.

Однако, в отличие от предшествующего периода для покрытия государственных расходов выпуск займов практически не использовался. Размеры государственного долга, к концу русско-японской войны достигшего 2400 млн. иен, в последующие годы увеличились незначительно и накануне первой мировой войны составляли около 2560 млн. иен. Теперь расходы покрывались отчасти за счет доходов от эксплуатации колоний, но главным образом — за счет налогов. Этому способствовало, прежде всего, быстрое экономическое развитие страны, сопровождавшееся ростом национального дохода и расширением базы налогообложения. Но одновременно имело место и значительное усиление налогового бремени, лежавшего на плечах простых граждан, поскольку вновь введенные или повышенные в военные годы налоги по окончании войны не были ни отменены, ни понижены.

Сбалансированность бюджетных доходов и расходов позволила правительству поддерживать устойчивость денежного обращения, что выразилось, в частности, в стабилизации цен на основные виды товаров (в Токио, например, индекс оптовых цен за период 1906-1913 гг. увеличился лишь на 10 пунктов).

Развитие промышленности

Главной чертой экономического развития Японии после русско-японской войны безусловно был быстрый рост промышленности, сопровождавшийся существенным повышением уровня ее технической вооруженности.

Одним из важных показателей экономического прогресса любой страны является увеличение объемов производства и потребления электроэнергии. В Японии этот показатель был весьма впечатляющим: за 1907-1914 гг. производство электроэнергии возросло с 115000 кВт-час до 716000 кВт-час, т.е. более, чем в 6 раз. С целью максимального использования гористого рельефа Японии и обилия горных рек упор был сделан на строительство гидроэлектростанций. Доля гидроэнергии в энергетическом балансе страны поднялась за эти годы с 33% до 57%. Благодаря росту производства энергии во многих городах стали освещаться не только дома, учреждения, заводы и фабрики, но и улицы, а в наиболее крупных городах появились трамвайные линии.

Производство стали увеличилось за период 1906-1913 гг. в 3,7 раза и достигло 255 тыс. т, а производство чугуна — в 1,7 раза (до 243 тыс. т). Благодаря этому рывку перед первой мировой войной Япония уже могла удовлетворить за счет внутреннего производства свои потребности в чугуне и стали, соответственно, на 48% и 34%. При этом на частные компании приходилось лишь 34% выпуска чугуна и 15% выпуска стали, большая же часть производилась на государственных предприятиях.

Производство угля за 1905-1913 гг. увеличилось в 1,6 раза и достигло 22 млн. т, из которых более 3 млн. т шло на экспорт. Накануне войны в этой отрасли было занято около 170 тыс. чел. и насчитывалось около 100 предприятий, но основную часть добычи давали несколько крупных шахт.

Производство меди за 1900-1910 гг. возросло почти вдвое, при этом из 50 тыс. т, произведенных в 1910 г., около 35 тыс. т было экспортировано, и по этому показателю Япония вышла на второе место в мире. Почти 2/3 добычи и производства приходилось на 8 крупных шахт, принадлежавших четырем богатым семьям.

Быстро продолжало развиваться машиностроение и, прежде всего, важнейшая его подотрасль—судостроение. К 1913 г. в Японии насчитывалось уже 6 верфей, на которых можно было строить суда водоизмещением более 100 т. В 1913 г. на японских верфях было построено судов общей грузоподъемностью около 70 тыс. т, из них 20 тыс. т. пришлось на парусные суда, а 50 тыс. т — на суда с паровыми двигателями и двигателями внутреннего сгорания. Накануне войны в судостроении было занято 26 тыс. чел., а всего в машиностроительных производствах работало 86 тыс. чел.

В результате ускоренного развития ряда отраслей тяжелой промышленности произошли заметные сдвиги в отраслевой структуре производства: за 1905-1915 гг. доля тяжелой промышленности возросла с 28,5% до 33,8%, а доля легкой, напротив, снизилась с 71,5% до 66,4%. Но доля текстильной промышленности при этом возросла с 37,9% до 39,4%, и перед первой мировой войной она оставалась наиболее крупной отраслью японской индустрии. Достаточно сказать, что тогда в ней работало около 570 тыс. чел. или 60% общего числа занятых в промышленности.

Именно в текстильной промышленности наиболее выпукло проявились последствия быстрой модернизации экономики страны. С самого начала она стала отраслью, где сосуществовали два уклада — традиционная крестьянская экономика и капиталистическое производство. Отношения между ними были сложными и противоречивыми.

Для многих крестьянских семей возможность подработать на шелкопрядельной или хлопчатобумажной фабрике имела огромное значение, так как это позволяло им сводить концы с концами, вовремя уплачивать налоги и тем самым сохранять свои земельные наделы. В этом смысле крестьянские семьи находились в сильной зависимости от хозяев крупных текстильных предприятий. Но зависимость эта не была односторонней.

Капиталистический сектор также зависел от крестьянской экономики и не только в плане поставок качественного сырья или обеспечения рабочей силой, но и в том смысле, что вся система производственных отношений на крупных предприятиях должна была строиться с учетом традиций и норм, по которым жило деревенское сообщество. Чтобы привлечь на фабрику крестьянских девушек, работодатели вынуждены были включать в условия контрактов (заключавшихся с их отцами или старшими братьями) некоторые специфические пункты. Как и в старой Японии, хозяин должен был обеспечить своих работников жильем и питанием, а иногда даже устраивать для них развлечения. Кроме того, предусматривалась выдача выходного пособия в случае увольнения работника, а также выплата 2 раза в год бонусов. Последнее правило было связано со старым обычаем, обязывавшим феодалов и хозяев лавок и мастерских дарить своим слугам и работникам подарки к Новому году и к Обон (дню поминовения усопших, отмечаемому 15 августа).

Разумеется, соблюдение этих правил на текстильных фабриках сочеталось с невероятно тяжелыми условиями труда. Рабочий день продолжался более 12 час, широко применялся детский: труд, а оплата составляла около 6 сэн в день (в то время 1 сэн = 1 коп.).

Очевидно, что существовала прямая связь между условиями труда и быта промышленных рабочих и уровнем жизни в японских деревнях, и именно полунисенское существование многих крестьянских семей предопределяло тяжелое положение промышленных рабочих.

В целом же, несмотря на быстрый рост производства и повышение его технического уровня, к началу первой мировой войны текстильная промышленность Японии еще не успела превратиться в современную отрасль. Лишь о хлопкопрядении, где свыше 90% рабочих (около 100 тыс. чел.) работало на 73 фабрики с числом занятых от 500 чел., можно было говорить как о современном капиталистическом производстве.

Похожая картина наблюдалась и во всех других отраслях японской промышленности. В машиностроении, например, наряду с несколькими крупными предприятиями существовало множество мелких и мельчайших, которые по заказам крупных фирм производили для них различные детали.

Однако в целом к началу мировой войны степень концентрации производства в промышленности была существенно выше, чем несколькими годами ранее. Так, если в 1909 г. на крупные предприятия с численностью занятых от 500 чел. приходилось около 20% всех промышленных рабочих, то спустя 5 лет, в 1914 году, — уже более 25%, причем 17% из них трудились на крупнейших предприятиях с числом занятых от 1000 чел. Развитие государственного сектора также стимулировало процесс концентрации производства — на государственных предприятиях перед войной было занято более

100 тыс. чел. (около 10% всех промышленных рабочих). При этом в среднем на одно государственное предприятие приходилось около 1200 занятых, а на некоторых насчитывалось и по несколько тысяч работников.

Усиление японских монополий

В годы, последовавшие за русско-японской войной, на волне экономического подъема в промышленности, торговле, на транспорте было создано множество новых компаний, преимущественно акционерного типа. Так, в обрабатывающей промышленности за период 1905-1915 гг. число зарегистрированных компаний возросло с 2319 до 5299, в добывающей промышленности — со 130 до 190, в торговле — с 5630 до 9943, на транспорте — с 696 до 1225. Еще более важно то, что наряду с ростом числа компаний произошло и заметное их укрупнение. Так, например, в обрабатывающей промышленности средняя величина оплаченного капитала, приходившаяся на одну компанию, возросла в эти годы с 76,3 тыс. иен до 158,6 тыс. иен, а в добывающей промышленности — соответственно с 446,2 тыс. иен до 823,5 тыс. иен.

К началу мировой войны довольно далеко зашел уже и процесс централизации капитала. В 1913 г. на долю крупных компаний (с капиталом свыше 5 млн. иен), составлявших всего лишь 0,4% от общего числа компаний, приходилось около 40% оплаченного капитала всех акционерных обществ.

К тому времени уже вполне оформились и знаменитые японские *дзайбацу* — монополистические объединения типа концернов, в центре которых стояли холдинговые компании, контролировавшие множество дочерних, внучатых и просто зависимых компаний в различных отраслях хозяйства. Наиболее крупными *дзайбацу* были «Мицуй», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда».

Однако вплоть до первой мировой войны основными сферами деятельности *дзайбацу* оставались кредитные и страховые операции, внешняя и внутренняя торговля, а также легкая промышленность (производство сахара, бумаги, хлопковой пряжи и т.д.). Что

же касается тяжелой промышленности, то в сферу их контроля к этому времени входили главным образом судостроение (находившееся в основном в руках группы «Мицубиси») и горнодобывающая промышленность, в которой наряду с «Мицуй» и «Мицубиси» действовали компании и других групп, прежде всего «Ясуда» и «Сумитомо».

Дальнейшее развитие получили и другие формы монополистических объединений — картели и синдикаты. К могущественному картелю «Ббсэки рэнгōкай», объединявшему крупных производителей хлопковой пряжи, добавились сахарный синдикат (1908 г.), цементный синдикат (1909 г.), картель по железнодорожному оборудованию (1909 г.), синдикат по продаже антрацита (1910 г.) и др.

Это свидетельствовало о том, что несмотря на относительную слабость японской индустрии, преобладание в ее структуре отраслей легкой промышленности и наличие множества мелких предприятий, в ней уже шли процессы, характерные для монополистической стадии развития капитализма.

Развитие транспорта

Годы после русско-японской войны были отмечены также быстрым развитием железнодорожного и морского транспорта. Если в 1893 г. только 7% японского экспорта и 9% импорта перевозилось японскими судами, то в 1913 г. их доля во внешнеторговых перевозках поднялась до 52% и 47% соответственно.

Протяженность железных дорог за 1904-1914 гг. увеличилась в 1,5 раза и достигла 11400 км, а общий тоннаж морского флота — в 2,3 раза и превысил 1,5 млн. т. Однако, если морской транспорт находился в руках частного капитала, то на железнодорожном транспорте вскоре после русско-японской войны была проведена широкомасштабная национализация.

Учитывая исключительно важное военно-стратегическое значение железнодорожного транспорта, в 1906-1907 гг. правительство национализировало 17 частных компаний, в результате чего доля государственных железных дорог в их общей протяженности повысилась с 32% до 91%. При этом, чтобы не ущемить интересы частного капитала, государство выплатило этим компаниям огромную компенсацию — около 500 млн. иен.

В дальнейшем развитие железнодорожного транспорта осуществлялось главным образом за счет государственных средств. Вскоре после национализации была проведена техническая модернизация, в результате чего пропускная способность железнодорожной сети существенно возросла. С учреждением Южно-

Маньчжурской железнодорожной компании «Мантэцу» и национализацией железных дорог в Корее завершилось создание единой системы государственных железных дорог в метрополии и колониях, что имело значительный экономический эффект.

Положение в сельском хозяйстве

Несмотря на ощутимые результаты модернизации экономики, проявившиеся и в промышленности, и на транспорте и во многих других областях, в целом накануне первой мировой войны Япония все еще оставалась преимущественно аграрной страной. В 1913 г. в деревнях проживало 72% населения, и около 60% всех трудоспособных граждан были заняты в сельском хозяйстве (двадцатью годами ранее эти цифры составляли соответственно 84% и 75%).

Разумеется, определенный прогресс имел место и в сельском хозяйстве. Если в начале XX века, в 1900-1904 гг., среднегодовой урожай риса составлял 44,6 млн. *коку*, то в 1910-1914 гг. — 51,2 млн. *коку* или на 11,5% больше. Урожайность риса на 1 *те* за это время увеличилась с 15,6 *коку* до 17,1 *коку* или на 11,0%. Основной прирост урожайности был достигнут за счет создания более совершенных ирригационных систем, использования более качественных сортов семян, но главным образом — за счет расширения использования удобрений.

Правительство содействовало внедрению в сельское хозяйство новых культур и передовых методов производства: посылало экспертов за рубеж для изучения иностранного опыта, организовало сельскохозяйственные школы и колледжи, рассылало по стране инструкторов, обучавших крестьян новым методам работы и т.д. Но в целом к началу первой мировой войны никаких принципиальных изменений в технологии сельскохозяйственного производства не произошло. Сельскохозяйственные машины еще не появились, все операции по-прежнему производились вручную, и даже использование тягловых животных не получило большого распространения. Высокие налоги, арендная плата, съедавшая от 45% до 60% урожая риса, и очень высокий уровень процента по ссудам (до 20% в год), установленный помещиками и деревенскими ростовщиками, тормозили технический прогресс в деревне. Сдерживали его и крошечные размеры участков большинства крестьянских семей. В 1915 г. у 70% крестьян размеры участков не достигали 1 га.

Правда, хотя и медленно, но неуклонно шел процесс вымывания наиболее мелких крестьянских хозяйств (с наделами менее 0,5 га) и перехода их земли в руки богатых крестьян или помещиков. За 7 лет (1908-1915 гг.) количество таких хозяйств сократилось на 27 тыс. (до 1989 тыс.), а их доля в общем числе хозяйств упала с 37,3% до 36,5%.

Продолжали расширяться и масштабы аренды. Накануне войны в аренду сдавалось уже около 45% всей пахотной земли, а к разряду арендаторов относился каждый третий крестьянин.

Уровень жизни большинства крестьянских семей был крайне низок, и даже относительно возросшие доходы от подсобных промыслов или работы на фабриках дела не меняли, так как значительная их часть шла на уплату налогов, аренды, процентов по ссудам. Конечно, часть крестьян смогла успешно использовать возможности, связанные с общим раскрепощением экономической жизни (например, заняться торговлей или расширить подсобные производства, продукция которых пользовалась спросом на мировом рынке). Но таких было немного, а уделом большинства был тяжелый труд от зари до зари и полунищенское существование.

Эксплуатация колонии

Хотя в годы перед первой мировой войной Япония лишь начала освоение своих колоний, направления их использования в интересах развития японской экономики уже были определены. Во-первых, колонии рассматривались как источник сырья и материалов, которыми сама метрополия не располагала, а также как поставщик некоторых видов сельскохозяйственной продукции для удовлетворения нужд быстро растущего населения страны. Во-вторых, они должны были стать стабильным рынком сбыта для японской продукции, в то время еще не обладавшей достаточной конкурентоспособностью, и тем самым не только способствовать развитию японской промышленности, но и помочь Японии решить проблему дефицита торгового баланса.

Для привлечения в колонии частных инвестиций использовалась целая система мер. Так, в первые годы колонизации правительство взяло на себя львиную долю расходов по созданию в колониях производственной инфраструктуры (развитию транспорта, связи, обустройству дорог и т.д.). В начальный период освоения Тайваня (1901-1905 гг.) и

Кореи (1911-1915 гг.) на эти цели " направлялось до 80% всех государственных инвестиций в эти страны.

Наряду с этим были созданы чрезвычайно благоприятные условия для инвестиций частных фирм (низкие налоги, гарантированные дивиденды, субсидии и т.д.). В целях снижения для частного капитала политического риска и гарантирования стабильной прибыли использовалась и такая мера, как создание смешанных частно-государственных предприятий. В этот период крупнейшими из них стали Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (1906 г.) и компания по добыче и переработке древесины в районе реки Ялуцзян (Китай, 1908 г.).

Всего за 1900-1915 гг. в форме долгосрочных инвестиций в тайваньскую экономику было вложено свыше 155 млн. иен, а в экономику Кореи за 1911-1915 гг. — 108 млн. иен; при этом доля государства была преобладающей и составляла соответственно 74,1% и 60,3% общих инвестиций. В Китае с 1900 г. по 1914 г. японские инвестиции увеличились с 2 млн. иен до 440 млн. иен, при этом капитал только Южно-Маньчжурской железнодорожной компании составлял более 200 млн. иен.

О резком усилении позиций Японии в колониях говорит тот факт, что накануне первой мировой войны доля Японии в экспорте Кореи составляла около 80%, а в импорте — более 60%; по Тайваню оба эти показателя находились на уровне около 60%. К этому времени Япония также заняла первое место во внешней торговле Китая, оттеснив Великобританию на второе место, а США — на третье.

Освоение колоний и быстрое экономическое развитие привели к значительному расширению объемов внешней торговли: с 1905 г. по 1913 г. экспорт увеличился в 2 раза, а импорт — в 1,5 раза (составив соответственно 632 млн. иен и 729 млн. иен). К началу войны основными товарами японского экспорта были шелк-сырец (30%), хлопковая пряжа, хлопчатобумажные и шелковые ткани (20%). Что же касается импорта, то около 1/3 его приходилось на хлопок-сырец (хлопковой пряжи и тканей при этом резко сократился). Другими важнейшими статьями импорта были машины и оборудование, а также чугун и сталь.

Лекция 7

Япония в первой мировой войне (1914-1918):

1. Военные действия Японии против Германии.
2. Японские притязания в Китае.
3. Япония на Парижской мирной конференции.
4. Влияние войны на мировую экономику.

Первая мировая война стала для Японии важным этапом на пути становления ее как великой державы со сложившимся курсом агрессивной внешней политики.

Военные действия Японии против Германии

Причины вступления Японии в войну

Официально японское правительство объясняло свое вступление в войну против Тройственного союза (Германия, Италия, Австро-Венгрия) на стороне Антанты (Великобритания, Франция, Россия) выполнением союзнического долга в рамках англо-японского союза.

В действительности дело обстояло не так просто, как это пытались представить японские правящие круги. Ко второй половине 1914 г. противоречия между крупными империалистическими державами достигли предельной напряженности не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. И к моменту, когда обострение англо-германских отношений достигло наивысшего уровня, союзнические отношения Великобритании и Японии были в значительной мере подорваны.

Главной причиной этого было столкновение их интересов в Китае. Японцы пытались ослабить позиции англичан, успешно конкурируя с ними в торговле и активно проникая даже в «вотчину» английского капитала — в бассейн реки Янцзы. Правда, разорвать союзнические отношения с Великобританией и выступить на стороне Германии, с которой правительственные, особенно военные, круги имели тесные связи, Япония не решалась.

Решающее значение в этом смысле имела оценка перспектив военного противостояния двух военно-политических блоков: Япония стремилась оказаться в числе победителей, что укрепило бы ее позиции как великой державы. Она намеревалась использовать англо-германский конфликт для того, чтобы осуществить свои давние планы территориальных захватов. Участие в военных действиях против незначительных сил Германии на Дальнем Востоке рассматривалось Японией как чрезвычайно выгодная ситуация для расширения ее проникновения в Китай.

Понимая намерения японского правительства, Великобритания поспешила упредить действия своего союзника, послав 7 августа 1914 г. ноту Японии, освобождавшую ее от выполнения союзнического долга. Это была попытка оградить от японских притязаний как территорию Китая, так и германские островные владения на Тихом океане — разумеется, в собственных, британских интересах.

Однако японский министр иностранных дел Катō Такааки настойчиво добивался от Великобритании признания «общих оснований» для вступления Японии в войну, что должно было обеспечить полную «свободу рук» для японской политики в Китае.

Несмотря на попытки британского правительства сдерживать натиск японской дипломатии, ему пришлось уступить. Высказанные при этом надежды, что Япония ограничит сферу военных действий пределами китайских вод, территорией германских владений и защитой торговых путей в Тихом океане были, скорее, похожи на просьбы, на выполнение которых не особенно рассчитывали.

Начало боевых действий

15 августа 1914 г. японское правительство предъявило Германии ультиматум, срок которого истекал 23 августа. Весь германский военный флот должен был быть выведен из территориальных китайских и японских вод, оставшиеся суда — разоружены. Важнейшей частью ультиматума было требование передачи к 15 сентября Японии «безо всяких условий или компенсаций» арендованной Германией китайской территории Цзяочжоу с расположенной там военно-морской базой Циндао.

На другой день после предъявления ультиматума японские военные корабли уже курсировали в китайских территориальных водах. Задолго до окончания срока ультиматума японские военные корабли произвели высадку десанта на германских территориях в Тихом океане — Маршалловых, Каролинских и Марианских островах. Понимая, что подобные действия не могут не вызвать реакции держав, прежде всего США и Великобритании, японская дипломатия предприняла упреждающий маневр.

Премьер-министр Окума Сигэнобу выступил с несколькими пространными успокоительными заявлениями и обращением к мировому общественному мнению, прежде всего, к американскому народу. Он торжественно заявил, что Япония не имеет «скрытых побуждений», каких-либо территориальных притязаний и надеется стать «защитницей мира на Востоке».

Несмотря на эти торжественные обещания от имени японского народа, действия Японии вызвали большую тревогу у Китая. Не рассчитывая на «понимание» Японии, китайское правительство в начале августа обратилось к воюющим державам с просьбой не развигивать военных действий на китайской территории, арендованной Германией, Россией, Великобританией и Японией, а также в китайских водах. 6 августа правительство Китая официально объявило о нейтралитете своей страны.

Но это не остановило осуществление военных планов Японии. 23 августа, в день истечения срока японского ультиматума начались бомбардировки Циндао.

Взятие Циндао

Хотя крепость Циндао была вполне современным укреплением, ее гарнизон был невелик— всего 1500 солдат. Не имела она и серьезной защиты с моря. Основные соединения дальневосточного флота Германии были расположены на ее островных владениях в Тихом океане.

По тому, как готовились японские армия и флот к военной операции по взятии Циндао, можно было предположить, что масштабы действий будут гораздо шире, чем были обозначены в многократных заверениях японского правительства.

И действительно, японские войска были введены на территорию провинции Шаньдун более, чем на 150 миль севернее Циндао, а операция по взятию самой крепости, в которой принимало участие около 30 тыс. японских солдат, была растянута на два с половиной месяца.

Это время было использовано японцами для захвата значительной части провинции с ее минеральными богатствами, рудниками, текстильными фабриками, путями сообщения, в том числе с одной из важнейших железных дорог Циндао-Цзинань, построенной с участием германского и китайского капитала.

К завершению военных операций в Циндао в конце 1914 г. японским правительством была уже подготовлена программа широкого проникновения в Китай и завоевания там господствующих позиций.

Японские притязания в Китае

После того, как боевые действия на европейском театре приняли затяжной характер, для Японии создалась исключительно благоприятная международная ситуация. Отсутствие военных сил великих держав на Дальнем Востоке предоставило Японии полную свободу действий.

Укрепив свое положение в Шаньдуне, Япония сразу же отказалась от политики «успокоения» мирового общественного мнения, и уже открыто, устами министра иностранных дел Катō, заявила, что никому не давала никаких обещаний в отношении будущего этой территории.

Одновременно началась форсированная подготовка переговоров с Китаем для обсуждения вопроса о «японских правах» в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Это был первоначальный набор японских претензий, которые позднее в значительно расширенном виде вошли в группу требований, предъявленных Китаю в январе 1915 г.

7 января 1915 г. китайское правительство официально объявило о том, что Шаньдун перестал быть зоной военных действий, и потребовало вывода японских войск с территории провинции, за исключением базы Циндао.

Япония проигнорировала это требование. Затем, при вторичном требовании Китая вывести японские войска из пров. Шаньдун и из китайских территориальных вод «оскорбленная» японская сторона предъявила документ, вошедший в историю под названием «21 требование».

«21 требование»

Японский посланник Хиоки передал этот документ не министру иностранных дел, как это положено по дипломатическому протоколу, а непосредственно президенту Китая Юань Шикаю. Этот шаг содержал в себе элемент прямого шантажа — в условиях междоусобной борьбы политических клик в Китае президент получал или лишался поддержки японцев в зависимости от его позиции в отношении японских требований.

«21 требование» подразделялись на 5 групп. Первая группа относилась к Шаньдуну. Она предусматривала признание Китаем всех соглашений, которые могли быть заключены между Германией и Японией относительно Шаньдуна, и неотчуждение частей территории провинции. Предусматривались также передача Японии прав на постройку там железных дорог и открытие для Японии главных городов и портов.

Вторая группа требований касалась Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Япония требовала продления срока аренды Порт-Артура, Дайрена, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог на 99 лет, предоставления японцам права приобретения и аренды земель, права проживать, передвигаться и заниматься любым видом деятельности на данной территории, приглашения японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным

вопросам, а также предоставления Японии в аренду на 99 лет Гирин-Чаньчуньской железной дороги.

Третья группа предлагала превратить в смешанное японо-китайское предприятие Ханьпинский промышленный комбинат, объединявший рудники и железоделательные заводы.

Четвертая группа запрещала Китаю отчуждать и сдавать в аренду гавани, бухты и острова вдоль китайского побережья.

Наконец, пятая группа предусматривала приглашение японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при центральном правительстве Китая, признание права земельной собственности в Китае для японских храмов, больниц и школ, создание японо-китайских военных заводов при научно-технической помощи Японии, предоставление Японии прав на постройку железных дорог на китайской территории, консультации с Японией по вопросам строительства железных дорог, рудников и портов в провинции Фудзянь, предоставление японцам права религиозной пропаганды в Китае.

«21 требование» представляли собой, таким образом, программу политического, экономического и военного подчинения Китая Японии. Документ, который был предъявлен Китаю японским правительством, был настолько наглым и безнравственным, что даже его авторы воспринимали его как беспрецедентное нарушение норм международного права. Поэтому они пытались скрыть «21 требование» фактически от всех — от широких слоев населения Китая, от Великобритании, которой обязаны были сообщить о них согласно условиям договора о союзе, от других великих держав, наконец, от собственного народа.

Тем не менее, через несколько дней сведения о демарше японцев в Китае попали на страницы мировой печати. В конце января 1915 г. одновременно в Вашингтоне и Токио было опубликовано официальное заявление, отрицавшее факт предъявления Китаю каких-либо требований. Когда стало ясно, что это не соответствовало действительности, последовали опровержения МИД Японии по поводу содержания отдельных требований — нарушения принципа территориальной целостности Китая, прав иностранцев, наконец, по поводу предъявления пятой группы требований, которую японцы после ее опубликования пытались представить как просто «пожелания» Китаю.

С начала февраля до середины апреля шли японо-китайские переговоры по «21 требованию», на которых китайские представители пытались отстаивать независимость страны. Их упорство

дало определенные результаты, отдельные пункты были изменены, но в целом документ остался почти прежним.

Япония, продолжавшая жестко проводить свою линию, 7 мая предъявила ультиматум о принятии требований. Еще до этого, на начальном этапе переговоров японское правительство в целях демонстрации силы ввело свои войска в Южную Маньчжурию и Шаньдун. Позднее оно объявило мобилизацию.

Серьезное влияние на результаты переговоров могла бы оказать позиция стран Антанты. «21 требование» наносило значительный ущерб позициям империалистических соперников Японии в Китае. Однако, будучи заняты военными действиями в Европе, державы во время осады Циндао и последующего захвата Шаньдуна, несмотря на многочисленные протесты Китая, не реагировали на действия японцев и не пошли дальше формальных протестов, полагая, что финансовая слабость Японии не позволит ей осуществить объявленные планы.

Исключением была относительно твердая позиция США. После принятия Китаем японского ультиматума 7 мая, американским правительством были отправлены ноты обеим странам с предупреждением о непризнании любых японо-китайских соглашений, нарушающих права США и их граждан, а также провозглашенный в 1899 г. принцип «открытых дверей и равных возможностей» держав в Китае и политическую и территориальную целостность Китайской республики.

Все же Китай не мог оказать действенного сопротивления Японии. «21 требование» (за исключением пятой группы требований, вызвавшей открытое возмущение западных держав) было принято китайским правительством и стало основой широкой программы ограбления этой страны японским империализмом.

Не будучи удовлетворены переговорами с Китаем по «21 требованию», когда не удалось провести пятую группу требований и пойти на уступки еще в нескольких вопросах, японцы стремились найти предлог, чтобы усилить давление на Китай. Таким

предлогом стал инцидент в Чжэнцзятуне, где в августе 1916 г. произошло столкновение между японскими и китайскими войсками.

Япония предъявила Китаю претензии, в значительной мере восполнявшие «недополученное» в рамках «21 требования». Она потребовала ввода подразделений японской военной полиции в отдельные районы Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии для «защиты» японских подданных, а также обязательного присутствия в китайских войсковых частях и военных школах в этих районах японских военных советников и инструкторов.

Проблема Шаньдуна в японо-китайских отношениях стала перерастать в узел сложнейших противоречий между двумя странами. Только в 1922 г. международная конференция в Вашингтоне разрешила эту проблему, вернув Китаю его исконную территорию.

Маневры японской дипломатии в вопросе о сепаратном мире

19 октября 1915 г. Япония присоединилась к Лондонской декларации Великобритании, Франции, и России от ноября 1914 года, главным содержанием которой было обязательство не заключать с противником сепаратного мира и вести войну до победного конца. Союзники настойчиво побуждали ее к этому почти год, так как опасались захвата своих дальневосточных владений в случае неожиданного перехода Японии на сторону Германии.

Впрочем, было понятно, что декларация не могла стать безусловной гарантией соблюдения Японией своих союзных обязательств. В японском парламенте правительству прямо были высказаны претензии по поводу того, что из-за присоединения к Лондонской декларации Япония лишилась возможности заключить сепаратный мир. В действительности же правительство Оку-ма, оставаясь на стороне Антанты, весьма умело играло на опасениях и интересах главных противников в войне. Германия продолжала предлагать Японии заключение сепаратного мира, а японское правительство, делая вид, что оно собирается принять такое предложение, шантажировало союзников и добивалось от них уступок.

В такой ситуации 3 июля 1916 г. было подписано соглашение между Японией и Россией. Основное содержание этого документа, состоявшего из открытой и секретной частей, заключалось в установлении союзных отношений и поддержке друг друга в случае возникновения каких-либо политических обстоятельств, способных нанести ущерб договаривавшимся сторонам. Заклучая соглашение, Россия стремилась, прежде всего, обезопасить свои дальневосточные границы, а также обеспечить поставки японского оружия для использования его на германском фронте.

Секретные статьи русско-японского соглашения косвенно свидетельствовали о нарастании империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Декларированное в них стремление к тому, чтобы «Китай не подпал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии» было, конечно, не проявлением заботы о суверенитете Китая, а неявной констатацией прогрессирующего обострения японо-американских отношений и свидетельством намерения Японии найти поддержку у России в своем соперничестве с США.

Весьма ловко действовала японская дипломатия и при реализации плана в отношении бывших германских территорий на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Летом 1916 г. Япония предложила британскому правительству заключить секретное соглашение, обуславливавшее официальную передачу ей бывших германских островов на Тихом океане. А в январе 1917 г. Япония, используя напряженное положение на фронтах в Европе, потребовала от Великобритании формальных обязательств по передаче ей прав на бывшие германские арендованные владения в Шаньдуне на мирной послевоенной конференции.

В середине февраля 1917 г. японское правительство получило от Великобритании, а вслед за тем от Франции и России секретные обязательства поддержать ее требования на будущей мирной конференции. Эта договоренность Японии со странами Антанты не была известна Соединенным Штатам до самого начала мирной конференции в Версале.

Японо-американские трения по Китайскому вопросу

В апреле 1917 г. США объявили войну Германии и обратились к другим странам занимавшим позицию нейтралитета, в числе которых был и Китай, с предложением присоединиться к блоку стран Антанты.

Япония, совсем недавно препятствовавшая вступлению Китая в войну, поддержала это предложение. Ее позиции в дальневосточном регионе к тому времени значительно

укрепились. Получив тайные обязательства стран Антанты поддержать передачу ей Шаньдуна и бывших германских территорий в Тихом океане, Япония была уверена в благоприятных для нее решениях мирной конференции. Тем более, что фактически она уже осуществляла широкое экономическое проникновение в различные районы Китая.

После смерти Юань Шикая (1916) в Китае вспыхнули междоусобные войны. Военные губернаторы провинций боролись друг с другом и за независимость от центрального правительства. Со своей стороны Япония постаралась извлечь максимальные выгоды из этой ситуации.

Японцы фактически взяли на содержание китайского премьера Дуань Цижуня, а также губернаторов нескольких провинций.

Они регулярно оказывали им финансовую помощь в виде «нисихаровских займов» (по имени Нисихара Камэдзб, доверенного лица японского премьера Тэраути Масатакэ). Под предлогом оказания помощи экономическому развитию Китая — строительству железных дорог, развитию промышленности и разработке минеральных ресурсов, — за 150 млн. иен «нисихаровских займов» Япония получила разнообразные концессии — золотоносные прииски, соляные копи, угольные и рудные шахты и пр. При этом Япония стимулировала войны между военными правителями провинций, ослаблявшие Китай и помогавшие его закабалению.

Однако деятельность Нисихара вызвала протест не только среди китайского населения, но и в японском парламенте, где оппозиция, исходя из защиты интересов «обиженных компаний», обойденных при захвате китайского рынка, заявила, что поддержка войн в Китае, разрушавших общий китайский рынок, наносит ущерб интересам японского капитала.

Еще более неприятной для японского правительства оказалась резкая реакция США. Чтобы снизить напряженность в отношениях двух стран японцы отправили в Соединенные Штаты специальную миссию во главе с видным дипломатом Исии Кикудзирō.

2 ноября 1917 г. после длительных переговоров было подписано соглашение, получившее название «соглашение Лансинг-Исии» (Р.Лансинг был тогда государственным секретарем США).

Документ был откровенно компромиссным по содержанию. Помимо декларативного признания необходимости соблюдения суверенитета и территориальной целостности Китая в нем констатировались собственные интересы договаривавшихся сторон, имевшие, в значительной мере, взаимоисключающий характер. С одной стороны, это было признание принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» для политики держав в Китае, что было задачей первостепенной важности для США, с другой — признание «специальных интересов» Японии в той части Китая, «с которой граничат ее владения».

Обтекаемость фраз, недостаточная ясность формулировок, в частности, о территории Китая, на которую распространялось положение о «специальных интересах» Японии, давали возможность каждой из сторон толковать текст соглашения в соответствии со своими интересами и в момент его заключения, и в будущем.

Так оно и случилось. Японское правительство, используя соглашение, значительно усилило свое экономическое и политическое вмешательство как в дела отдельных районов Китая, так и в деятельность его центрального правительства. В мае 1918 г. были заключены два японо-китайских договора (военный и военно-морской), предоставившие Японии возможность не только контролировать китайские вооруженные силы, но и использовать территорию Китая для подготовки агрессивных акций против соседних стран.

Япония на Парижской мирной конференции

Одной из важнейших задач, стоявших перед кабинетом Хара Такаси, была подготовка к предстоявшей мирной конференции в Версале. Несмотря на некоторое снижение напряженности в японо-американских отношениях после заключения «соглашения Лансинг-Исии», Япония опасалась усилившихся за время войны США. Она спешила до начала конференции активизировать начатые правительством Тэраути переговоры с Китаем и добиться от него принятия ряда дополнительных требований к договору 1915 года и военному соглашению 1918 г.

Сфера этих дополнений была весьма обширна — расширение японских прав в Маньчжурии и Шаньдуне, фактический контроль над китайскими армией и флотом, формирование в них института советников. В преддверии конференции японцы стали

также добиваться согласия китайского правительства на представление их интересов японской делегацией на будущем международном форуме.

Однако осуществить это намерение не удалось. Даже подкупленные, прояпонски настроенные чиновники китайского правительства не решились пойти на такой шаг — слишком велико было в стране недовольство действиями японцев.

Не добилась Япония и удобного ей состава китайской делегации (из представителей клки Дуань Цижуня и японских военных советников): в нее вошли профессионалы из китайского министерства иностранных дел во главе с известными дипломатами Веллингтоном Ку и Альфредом Ши.

18 января 1919 г. открылась Парижская конференция (поскольку заседания проходили и в Версале, подписанные на ней договоры называют Версальскими). Почти сразу же японская делегация (ее возглавлял Сайондзи) заявила о своих требованиях — передаче всех германских прав в Шаньдуне и всех германских островов в Тихом океане.

Японский делегат Макино Нобуаки осуществил на конференции своеобразный маневр, предъявив одно за другим несколько предложений от имени японского правительства.

Первое предложение касалось устава Лиги Наций, в то время еще проходившей стадию формирования, — дополнение о равноправии иностранцев в странах-членах Лиги Наций независимо от их расы или национальности. С одной стороны, это было попыткой добиться отмены ограничений на «желтую» иммиграцию, существовавшую в США и в английских доминионах, с другой — стремлением занять позицию принципиального и бескорыстного «защитника» всей «желтой расы».

У Макино не было никаких иллюзий относительно того, насколько трудно будет решить эту проблему, поставленную неожиданно и без предварительной подготовки. США и британские доминионы не собирались соглашаться с такой формулировкой. По замыслу японских дипломатов, основные силы и время участников конференции должны были быть потрачены на бесконечные дискуссии, на фоне которых, как полагала японская сторона, шаньдунский вопрос мог бы пройти достаточно легко, без особого ажиотажа.

Второе, главное предложение Макино сделал в конце апреля, потребовав удовлетворить претензии Японии и предъявив секретные обязательства стран Антанты в поддержку требований в отношении Шаньдуна и тихоокеанских островов. Смысл этого демарша японской делегации был в том, чтобы поставить американского президента В.Вильсона перед фактом практически решенной проблемы.

Было подготовлено и завершающее заявление. В случае отказа удовлетворить японские претензии делегация, согласно инструкциям своего правительства, должна была покинуть конференцию. Последнее стало бы весьма чувствительным ударом по планам Вильсона относительно создания Лиги Наций. Уход Японии, одной из главных держав на конференции, сорвал бы подписание договора об учреждении этой международной организации.

В итоге президент США был вынужден уступить. 30 апреля 1919 г. главный орган конференции — Совет трех (в него входили представители США, Франции и Великобритании) — принял требования Японии по поводу Шаньдуна. В начале 1919 г. Япония получила от Верховного совета Антанты мандат на бывшие германские владения в Тихом океане — острова, лежащие к северу от экватора.

Таким образом, Япония в целом осуществила свои планы в отношении Китая. Получив права на Шаньдун и утвердившись в этой провинции, стратегическое положение которой было удобным для развития экспансии в Северном и Северо-Восточном Китае, Япония начала успешно распространять там свое влияние, проводя в жизнь планы экономического и политического подчинения крупнейшей страны дальневосточного региона.

Ответом народа Китая на решения Парижской конференции стали антияпонские демонстрации и бойкот японских товаров. Возвращение китайской делегации, отказавшейся подписать Версальский договор, было встречено массовыми выступлениями в Пекине и протестами по всей стране. Тогда же во Франции прошли демонстрации протеста обучавшихся там китайских студентов.

Влияние мировой войны на японскую экономику

Мировая война 1914-1918 гг. оказала чрезвычайно сильное влияние на экономическое развитие Японии.

В первые месяцы войны положение страны резко осложнилось: во-первых, были подорваны возможности регулирования финансовых расчетов через лондонский рынок

(традиционно обслуживание внешнеторговых расчетов и государственного долга Японии осуществлялось через Лондон). Во-вторых, из-за невозможности использовать ряд традиционных морских путей внешняя торговля страны была дезорганизована.

Однако уже в начале 1915 г. стало очевидным, что помимо отрицательных сторон война может принести Японии и массу неожиданных плюсов. Прежде всего, оказалось, что без своих традиционных поставщиков, занятых войной, остались мировые рынки, в том числе и громадный азиатский рынок. Кроме того, вскоре после начала войны союзные державы начали размещать в Японии заказы на военное снаряжение и другую продукцию. И наконец, резко возросли потребности в морских перевозках, что создавало исключительно благоприятные возможности для развития торгового флота Японии. Сочетание всех этих благоприятных обстоятельств привело к тому, что в стране начался небывалый экономический бум, продолжавшийся до весны 1920 г.

Прежде всего, резко возросли масштабы производства в отраслях тяжелой промышленности. Общий объем промышленного производства за 1914-1919 гг. увеличился на 80%, а численность фабричных рабочих — в 1,7 раза (до 2025 тыс. чел.). Производство чугуна и стали за эти годы почти удвоилось, а добыча угля возросла в 1,5 раза. Более, чем вдвое увеличилось производство и потребление электроэнергии. Однако наиболее впечатляющими были темпы развития судостроения.

Уже к 1915 г. все судостроительные компании Японии были завалены заказами отечественных и иностранных компаний. Началось строительство десятков новых верфей, и к концу войны количество только наиболее крупных из них, на которых сооружались суда водоизмещением более 1 тыс. т, возросло до 57 (в 1914 году их было всего 6). Тоннаж спущенных на воду судов увеличился с 65 тыс. т в 1913 г. до 612 тыс. т в 1919 г., и японское судостроение заняло 3-е место в мире.

Отсутствие конкуренции со стороны западных стран и высокий спрос на вооружение создали благоприятные условия для развития машиностроения, прежде всего производства промышленного оборудования, а также некоторых видов химических производств.

В годы войны продолжился предвоенный бум в шелкоткацкой и хлопкопрядильной промышленности; война дала также толчок развитию производства шерстяных тканей, использовавшихся для пошива военного обмундирования.

Военные годы были отмечены не только существенным расширением объемов промышленного производства, но и ростом его технического уровня. При общем увеличении числа фабрик (т.е. промышленных предприятий с 5 и более занятыми) за 1914-1919 годы с 31859 до 44087, количество фабрик, оснащенных различного рода двигателями, возросло с 14578 до 26947, а их доля — соответственно с 45,8% до 61,1%. При этом совокупная мощность установленных на них электромоторов увеличилась в 3,7 раза — с 279 до 992 тыс. л.с.

Сопровождавший экономический бум рост цен на рис и другие продукты питания привел к расширению сельскохозяйственного производства (на 16% за 1914-1919 гг.), а среднегодовой сбор риса в этот период был на 11,2% выше, чем в предвоенные годы. При этом численность занятых в сельском хозяйстве за 1914—1920 гг. сократилась на 1240 тыс. чел., а их доля в трудоспособном населении страны снизилась соответственно с 58,1% до 52,4%.

Огромные заказы стран Атлантики и практически свободный доступ на мировые рынки создали чрезвычайно благоприятные условия для развития японской внешней торговли. Экспорт страны за период 1914-1919 гг. вырос в 3,5 раза (с 591 млн. иен до 2099 млн. иен), что привело к небывалому росту положительного сальдо платежного баланса. Если в 1911-1914 гг. отрицательное сальдо в среднем составляло 65 млн. иен, то в 1915-1919 гг. положительное сальдо составило в среднем 270 млн. иен.

За время войны вдвое увеличился общий тоннаж торгового флота Японии (с 1,5 млн. т в 1914 г. до 3 млн. т в 1919 г.). При этом на японские суда приходилось уже не только 80% внешнеторгового оборота самой Японии, но и существенная часть мировых грузопотоков. Японские пароходные линии протянулись во все части света, а чистые доходы от фрахта выросли с 40 млн. иен в 1914 г. до 380 млн. иен в 1919 г.

Всего за 1914-1919 гг. по невидимым статьям платежного баланса (таким, как судоходство) Япония получила 1800 млн. иен, а по торговому балансу — более 1200 млн. иен. Эти деньги использовались, прежде всего, для наращивания золотых резервов страны — к декабрю 1920 г. они достигли 2178 млн. иен (в декабре 1914 г. они составляли всего лишь 342 млн. иен).

Итак, военные годы стали для Японии периодом беспрецедентного процветания: промышленность, внешняя торговля и другие отрасли экономики переживали настоящий бум, было организовано множество новых компаний, банки резко увеличили объемы кредитования, товарно-сырьевая биржа и рынок ценных бумаг демонстрировали невиданный взлет деловой активности, росли денежные доходы населения и еще более быстрыми темпами — прибыли компаний. Однако это процветание было в определенной степени фиктивным, ибо экономический рост сопровождался все более убыстрявшейся инфляцией. Ее механизм в самых общих чертах выглядел следующим образом.

Как уже говорилось, основная часть внешнеторговых и других международных расчетов Японии традиционно осуществлялась через Лондон. Но поскольку война осложнила использование этих каналов, Банк Японии был вынужден расширить кредитование банков, имевших лицензии на операции с иностранной валютой (объем предоставленных им кредитов вырос с 20 млн. иен в декабре 1915 г. до 440 млн. иен в июне 1918 г.). Ситуация еще более осложнилась в сентябре 1917 г., когда США ввели эмбарго на экспорт золота, и доходы японских экспортеров стали все больше оседать в Нью-Йорке. Расширение кредитной экспансии Банка Японии и значительный рост денежной эмиссии вели к раскручиванию инфляционной спирали. В результате индекс оптовых цен в марте 1920 г. составил 322 (1913 г.=100).

Из-за инфляции реальные доходы страны перераспределялись в пользу наиболее обеспеченных слоев населения. В промышленности, например, весь реальный прирост доходов пришелся на класс предпринимателей, в то время как наемные работники не получили ничего. Так, за 1914-1918 гг. при росте номинальной заработной платы промышленных рабочих на 64% стоимость жизни возросла на 74%.

В то же время за счет военных заказов, правительственных субсидий и спекулятивных операций на бирже произошло еще большее усиление крупных компаний. Если в 1914 г. капитал крупнейших акционерных обществ (с оплаченным капиталом свыше 5 млн. иен) составлял 40% капитала всех акционерных компаний, то в 1919 г. — уже 56,3%. Особенно заметно усилились позиции финансово-промышленных групп *дзайбацу*, главным образом за счет создания в каждой из них крупных предприятий тяжелой промышленности (судоостроительных, машиностроительных, металлургических и др.).

Благодаря значительному росту доходов как японского государства, так и корпораций в военные годы резко вырос вывоз капитала в колонии. Так, за 1916-1920 гг. объем японских долгосрочных инвестиций в Корею составил 340,6 млн. иен, а на Тайване — 173 млн. иен, что в 3 раза превысило объемы инвестиций в эти страны в предшествующие 5 лет. Кроме того, еще в период войны Япония, овладев богатой Шаньдунской провинцией и всем находившимся в ней германским имуществом, существенно увеличила вывоз капитала в Китай.

Таким образом, экономический рывок, совершенный Японией во время войны благодаря благоприятному для нее стечению обстоятельств, а также существенное расширение границ ее колониальных владений (помимо германских концессий в Шаньдуне в качестве «подмандатных территорий» Япония получила Каролинские, Маршалловы и большую часть Марианских островов) позволили ей выдвинуться в число ведущих империалистических держав. Тем не менее, разрыв в уровнях экономического и, прежде всего, промышленного развития между Японией и другими империалистическими странами был все еще весьма значителен, и ей предстояло проделать еще немалую работу, чтобы стать равной среди равных.

Лекция 8

Противоречия японской внешней политики в 1918-1930 гг.:

1. Участие в союзной интервенции на Дальнем Востоке.
2. Вашингтонская конференция и её итоги.

Внешняя политика Японии в 1918-1930 гг. отличалась заметной противоречивостью. С одной стороны, Япония активно участвовала в международных переговорах, призванных заложить основу «вечного мира», а с другой — продолжала уже ставшую традиционной политику военной экспансии (интервенция на русском Дальнем Востоке, интервенционистские акции в Китае). Причем, если первая внешнеполитическая линия была направлена на достижение максимального взаимопонимания с другими великими

державами, то вторая носила конфронтационный характер по отношению к ним же, поскольку прямо затрагивала их собственные империалистические интересы.

Такая непоследовательность внешнеполитической стратегии отражала двойственность интересов японских правящих кругов. Рост вовлеченности Японии в международные торговые связи во время первой мировой войны стимулировал поиск политических средств обеспечения стабильности этих связей и, соответственно, участие в системах международной безопасности. Но одновременно значительная роль военных в политической жизни страны, интересы производителей вооружения и присущие националистам автаркические экономические представления диктовали экспансионистский внешнеполитический курс, опиравшийся на военные средства.

Японская интервенция на русском Дальнем Востоке

С первыми известиями об октябрьской революции в России японское правительство стало разрабатывать планы захвата русских дальневосточных территорий. Для этого японское правительство приняло активное участие в совещаниях стран Антанты, вырабатывавших планы военной интервенции. Япония добивалась, чтобы проведение интервенции было поручено японским вооруженным силам, чтобы получить контроль над русским Дальним Востоком и Восточной Сибирью.

Начало интервенции

12 января 1918 г. японский крейсер «Ивами» вошел в бухту Владивостока для «защиты интересов и жизни проживающих на российской земле японских подданных». При этом утверждалось, что японское правительство не намерено «вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России». Через несколько дней во Владивосток прибыли военные корабли США, Японии и Китая.

18 февраля 1918 г. верховный военный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Однако США, опасавшиеся чрезмерного усиления Японии в северо-западной части Тихого океана в результате захватов русской территории, с подозрением следили за активностью Японии в Приморье и потребовали от Японии обязательства не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты, а также вывести свои войска после достижения целей интервенции. 16 марта японское правительство дало такие заверения.

4 апреля 1918 г. во Владивостоке произошло убийство двух японских служащих коммерческой компании. На следующий день, не дожидаясь расследования дела, японцы высадили в городе десант под предлогом защиты японских подданных. Вслед за японцами высадились английские интервенты. 29 июня 1918 г. с помощью мятежных чешских военнопленных во Владивостоке была свергнута советская власть.

2 июля 1918 г. верховный военный совет Антанты принял решение расширить масштабы интервенции в Сибири. Вскоре были высажены новые крупные десанты английских и японских войск. В августе к интервентам присоединились американские, канадские и французские контингенты. К октябрю 1918 г. численность японских войск достигла 72 тыс. чел. (американский экспедиционный корпус насчитывал 10 тыс. чел., войска других стран — 28 тыс.). Они оккупировали Приморье, Приамурье и Забайкалье. Главнокомандующим союзными войсками на Дальнем Востоке был назначен японский генерал Отани.

Для того, чтобы отторгнуть дальневосточные территории от России, японцы вынашивали план создания на них буферного «государства» под протекторатом Японии. Предполагалось включить в его состав и Восточную Сибирь вплоть до Байкала. В 1919 г. японский представитель вел переговоры с атаманом Семеновым о том, чтобы он возглавил такое «государство».

Тем временем Япония, которая к 1919 г. затратила на интервенцию 160 млн. иен, старались воспользоваться оккупацией русского Дальнего Востока для захвата ключевых позиций в экономике края. После ликвидации в июне 1918 г. советской власти на Дальнем Востоке японцы начали скупать у вернувшихся русских собственников земельные участки, заводы и фабрики, приобретать различного рода концессии.

Эксплуатация природных ресурсов оккупированных территорий шла полным ходом. Так, в апреле 1920 г. в Японии было зарегистрировано 29 новых лесопромышленных компаний с капиталом в 27 389 тыс. иен, образованных для эксплуатации лесных богатств Сибири. Все лучшие рыболовные участки на тихоокеанском побережье также были захвачены японскими рыбопромышленниками.

Действия интервентов вызвали сопротивление русского населения, принявшее форму широкого партизанского движения. Весной 1919 г. в Приамурье действовали 20 партизанских отрядов, насчитывавших (по японским оценкам) 25 тыс. бойцов, которые сковывали значительные силы японских интервентов. Огромные масштабы приобрело партизанское движение и в Приморье. Возникли целые партизанские районы, где была восстановлена советская власть.

Разгром армии адмирала Колчака (именно на него делали политическую ставку США) Красной Армией в начале 1920 г., огромный размах партизанского движения на Дальнем Востоке, а также признаки разложения в собственных войсках заставили американских и других интервентов вывести свои силы. В начале апреля 1920 г. эвакуация иностранных войск (кроме японских) с русского Дальнего Востока была завершена (американские военные корабли оставались во Владивостоке до 1922 г.). Однако численность японских войск продолжала там увеличиваться.

Подозрения США относительно аннексионистских намерений Японии в Приморье и в Восточной Сибири все росли. Последовали американские протесты против действий Японии. 9 февраля 1921 г. американский консул во Владивостоке опубликовал декларацию правительства США, в которой осудил нарушения территориальной целостности России. 31 мая 1921 г. США снова направили Японии ноту с предупреждением, что они не признают никаких притязаний и прав, являющихся следствием японской оккупации Сибири. **«Николаевский инцидент»**

Для того, чтобы обосновать продолжение своей оккупации, японцы использовали кровавые события в Николаевске-на-Амуре («николаевский инцидент»). Этот город был занят японскими войсками еще в сентябре 1918 г. В начале 1920 г. его осадил красный партизанский отряд под командованием некоего Тряпицына. 28 февраля в результате переговоров между партизанами и командованием японского гарнизона было заключено соглашение «О мире и дружбе японцев и русских», по которому партизаны мирно вошли в город. Однако ночью 12 марта 1920 г. между японскими войсками и партизанами вспыхнули столкновения. В результате японцы были разбиты, часть их попала в плен, а остатки японского гарнизона забаррикадировались в своих казармах. Партизаны обстреляли их из пушек, здания загорелись, и оборонявшиеся погибли в огне.

После этого в конце мая 1920 г. в Николаевск был направлен крупный японский контингент. Вынужденный отступить Тряпицын приказал расстрелять всех пленных (белогвардейцев и японцев), а также всех жителей, которые откажутся покинуть город вместе с ним. 27 мая город был подожжен партизанами и почти полностью сгорел (впоследствии за эти действия Тряпицын был расстрелян красными).

Этот инцидент был немедленно использован японскими правящими кругами. 31 марта 1920 г. японское правительство опубликовало заявление о том, что сложившаяся на Дальнем Востоке обстановка не позволяет ему вывести свои войска из края. Затем Япония оккупировала Северный Сахалин и заявила, что ее войска останутся там вплоть до образования «общепризнанного правительства в России», а также «благоприятного» разрешения «николаевского инцидента» (японцы требовали признания русскими своей полной ответственности за него).

Образование ДВР

Советское правительство искало возможности добиться вывода японских войск из Сибири и с Дальнего Востока, чтобы сохранить эти территории в составе России. Какая-либо военная акция при этом исключалась. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин писал по этому поводу:

«Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».

Выход был найден в создании на востоке страны отдельного, буферного государства— Дальневосточной республики (ДВР).

Мысль о создании буферного государства вынашивалась в японских правящих кругах с самого начала интервенции. Поэтому Япония согласилась с этой идеей, надеясь со временем превратить новое государство в свой протекторат. Советское правительство, с своей стороны, рассчитывало утвердить в ДВР свое влияние и в дальнейшем воссоединить восточные территории с Россией. При этом создание ДВР должно было предотвратить прямое военное столкновение с Японией.

Образование ДВР было провозглашено 6 апреля 1920 г. Ее суверенитет вначале распространялся лишь на Забайкалье, но 29 октября в Чите было объявлено об объединении в

Дальневосточную республику всех областей Дальнего Востока. Однако 26 мая 1921 г. во Владивостоке и в других оккупированных японцами местностях произошел переворот, приведший к свержению власти ДВР. Новое «правительство» возглавили крупные торговцы — братья Меркуловы, опиравшиеся на японские войска.

Провал японской интервенции

К лету 1922 г. 15 капиталистических государств признали РСФСР де-факто или дюре, что значительно улучшило ее международное положение. Это не благоприятствовало продолжению японской оккупации.

Нарастало и внутреннее противодействие продолжению интервенции. Летом в Японии 1922 г. возникло общество «Руки прочь от России!», проводившее многочисленные митинги протеста против продолжения интервенции. В сентябре 1922 г. была создана Кансайская (район Японии, где расположены города Осака, Киото, Кобэ) лига борьбы против интервенции в России. Идеи солидарности с «борющимся народом трудовой России» были характерны и для крупной профсоюзной организации Сбдбмэй, которая, несмотря на некоммунистическую, социал-демократическую ориентацию, наиболее активно протестовала против «сибирской экспедиции» японских войск.

Недовольство выражали и многие влиятельные политики и предприниматели. В то время, когда Россия разваливалась, и была надежда превратить ее в объект колониальной эксплуатации наподобие Китая, интервенция, в целом, пользовалась поддержкой японских промышленников. Однако, когда ситуация в России относительно стабилизировалась, а гражданская война фактически завершилась победой большевиков, эти надежды растаяли. Между тем интервенция стоила Японии больших расходов — около 600 млн. иен. Поэтому оппозиционная партия Кэнсэйкай, представлявшая торгово-промышленные круги, неоднократно выступала за вывод японских войск из Сибири.

Наконец, свою роль в изменении японской политики сыграло соперничество между армией флотом за военные ассигнования. Если генералы выступали за продолжение интервенции, то адмиралы — за перераспределение военных расходов в пользу военно-морских сил, что было невозможно при сохранении огромного экспедиционного корпуса в России. При этом «морская» группировка пользовалась поддержкой со стороны японских судостроительных компаний, имевших значительное влияние на прессу и правительство.

Все это оказало значительное влияние на внешнеполитический курс Японии, которая объявила о намерении вывести свои вооруженные силы из Приморья к 1 ноября 1922 г. 25 октября 1922 г. японские войска покинули Владивосток. Однако японская оккупация Северного Сахалина продолжалась еще 3 года, вплоть до установления дипломатических отношений между СССР и Японией.

7 ноября 1922 г. во Владивостоке была провозглашена советская власть. 15 ноября 1922 г. «по просьбе Народного собрания ДВР» Дальневосточная республика была объявлена нераздельной частью РСФСР «в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону».

Помимо больших человеческих жертв, японская интервенция нанесла огромный ущерб народному хозяйству русского Дальнего Востока. Кроме того, так и остался нерешенным вопрос о судьбе части золотого запаса России (более 40 т золота), переданного белогвардейцами Японии «на сохранение».

Установление дипломатических отношений между СССР и Японией

После окончания японской интервенции на русском Дальнем Востоке советское правительство неоднократно предлагало Японии установить нормальные дипломатические отношения. Японское правительство не спешило с ответом. Однако стабилизация обстановки в СССР и дипломатические успехи Советского государства, установившего отношения с рядом ведущих стран, побудили Японию к нормализации советско-японских отношений.

После длительных переговоров 20 января 1925 г. в Пекине была подписана советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений. Конвенция устанавливала дипломатические и консульские отношения между обоими государствами. К 15 мая 1925 г. Япония обязалась вывести свои войска с Северного Сахалина. Япония и СССР заявили о своем стремлении поддерживать мирные и дружественные отношения на основе принципа взаимного невмешательства во внутренние дела. Конвенция оставила в силе договор, заключенный между Японией и Россией в Портсмуте 5 сентября 1905 г., но специальная советская декларация, приложенная к конвенции, подчеркивала, что это «никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора».

Советско-японской конвенцией были определены и основы экономических взаимоотношений обеих стран. Был оговорен пересмотр русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., что стало основанием для подписания в 1928 г. новой конвенции. Была достигнута договоренность о предоставлении японским предпринимателям концессии на разведку и добычу нефти и угля на Северном Сахалине.

Нормализация советско-японских отношений представляла собой важный факт оздоровления обстановки на Дальнем Востоке. Но и после подписания конвенции отношения между двумя странами остались довольно напряженными. Япония не отказалась от своей антисоветской политики, рассчитанной на провоцирование конфликтов с Советским Союзом. Так, по вине японской стороны было сорвано заключение торгового договора, и в дальнейшем японское правительство чинило всевозможные препятствия для развития торговли с СССР.

Фактически не выполнялась также одна из важнейших статей конвенции — взаимное обязательство не допускать присутствия на территории, находящейся под их юрисдикцией, организаций или групп, «претендующих стать правительством на какой-либо части территории одной из договаривающихся сторон». Само появление этой статьи свидетельствовало об изначальном взаимном недоверии в советско-японских отношениях. Япония подозревала СССР в организации подрывной коммунистической деятельности, а СССР Японию — в поддержке многочисленных белоэмигрантских организаций, нашедших приют в Маньчжурии и в Японии. И те, и другие подозрения были небезосновательны, хотя справедливости ради нужно сказать, что японское правительство обладало гораздо большими возможностями в этом плане хотя бы потому, что белоэмигрантские вооруженные отряды неизмеримо превосходили по численности и агрессивности любые марксистские группы на территории Японской империи.

Вашингтонская конференция

Переустройство мирового порядка по итогам войны 1914-1918 гг., не могло обойти проблемы Восточной Азии и тихоокеанского региона, где переплелись интересы мощных империалистических держав — США, Великобритании и Японии.

Проблемы послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке

За время первой мировой войны Соединённые Штаты превратились в могущественную державу. Из страны-должника США сделали мировым кредитором. К ноябрю 1922 г. Великобритания задолжала им 4,7 млрд. долл., Франция — 3,8 млрд., Италия — 1,9 миллиарда. Одновременно США стали крупным экспортером капитала.

Следствием этого было, в частности, обострение англо-американского и японо-американского соперничества в Китае. Великобритания и Япония укрепляли свои позиции в там путем раздела этой страны на «сферы влияния». Сферой английского преобладания являлись главным образом район р. Янцзы и Южный Китай. В противовес этому США выдвинули лозунг «открытых дверей», который давал им возможность, используя свое экономическое превосходство, вытеснить из Китая своих империалистических конкурентов.

Империалистическое соперничество отражалось в гонке морских вооружений. В 1916 г. США приняли гигантскую судостроительную программу, направленную на то, чтобы закрепить за ними положение первой военно-морской державы мира. Кроме того в 1919 г. флот США был переведен с атлантического побережья на тихоокеанское.

Великобритания для защиты своих интересов также хотела усилить свои военные позиции на Дальнем Востоке, но в тот момент была не в силах это сделать. К востоку от Мальты она не имела ни морских, ни топливных баз, необходимых для активного функционирования флота. Поэтому был выдвинут план сооружения новой британской военно-морской базы в Сингапуре.

Этот план требовал огромных ассигнований, а финансовая и экономическая база страны была сильно подорвана длительной войной. Великобритания была вынуждена не увеличивать, а сокращать свой флот. Через год после Парижской конференции, в 1920 г., Лондон отказался от давнего принципа своей морской политики — иметь флот, равный флотам двух самых сильных морских держав («two powers standard»), и вынужден был заменить его принципом равенства одному крупнейшему иностранному флоту («one power standard»).

В результате Великобритания, вставшая за годы войны в финансовую зависимость от США, перестала быть для них прямым конкурентом. Первостепенную важность для обеих держав теперь приобрело соперничество с Японией, расширившей масштабы во-

енно-морского строительства. Интересы Великобритании и США временно совпадали и в том, чтобы не дать Японии утвердить свое господство на Дальнем Востоке.

Получение Японией мандата на управление бывшими германскими островами в Тихом океане по решению Парижской мирной конференции значительно приблизило ее владения к Австралии, Новой Зеландии и Юго-Восточной Азии, фактически поставило под ее контроль морские пути в Тихом океане, в том числе и коммуникации США с Филиппинами и Китаем.

Однако, несмотря на обостренность отношений с Японией, американская сторона не была заинтересована в открытом столкновении с ней, и фактически не была готова к нему. Как держава, достигшая мирового первенства в гонке морских вооружений, Соединенные Штаты, скорее, стремились зафиксировать на максимально возможный срок достигнутую позицию с тем, чтобы использовать флот как средство осуществления своей внешней политики.

Поэтому США выступили с предложением созвать конференцию по ограничению морских вооружений. 8 июля 1921 г. они послали предложение принять в ней участие Великобритании, Франции, Италии и Японии. Но еще до этого, 5 июля 1921 г. после завершения Британской имперской конференции, так и не принявшей окончательного решения по вопросу об англо-японском союзе, британский министр иностранных дел Керзон обратился к президенту США с предложением о созыве конференции по дальневосточным и тихоокеанским вопросам и связанным с ними проблемам вооружений. Так из объединения двух встречных предложений и родилась идея созыва конференции в Вашингтоне.

Открытие Вашингтонской конференции состоялось 12 ноября 1921 г. Главными на ней были вопросы морских вооружений, англо-японский союз, шаньдунский вопрос, вопрос о политике держав в Китае.

На конференцию собрались делегации США, Великобритании, Японии, Китая, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии и Португалии. Помимо них, отдельно были представлены британские доминионы и Индия; поэтому считалось, что в конференции участвуют 14 стран. Делегацию США возглавлял государственным секретарь Ч.Хьюз (Юз). Он же был избран и председателем конференции. Во главе британской делегации стоял А.Бальфур, французской — премьер-министр А.Бриан, а японской — Катō Томосабурō. Германия, у которой по Версальскому договору были отняты все владения на Тихом океане, приглашена не была. РСФСР также не получила приглашения под предлогом того, что «не существует единого русского правительства». Советское народный комиссариат иностранных дел направил по этому поводу ноту протеста в адрес Великобритании, Франции, США, Японии, и Китая, в которой, в частности говорилось:

«Российское правительство торжественно заявляет, что оно не признает никакого решения, принятого упомянутой конференцией, поскольку это совещание состоится без его участия».

В ноте содержался также протест против неприглашения на конференцию Дальневосточной республики (ДВР), созданной в качестве буфера между РСФСР и Японией в апреле 1920 г. Уже после начала конференции делегация ДВР по своей инициативе прибыла в Вашингтон безо всякого приглашения. Она была принята Хьюзом, который пообещал ей постараться добиться вывода японских войск с территории Приморья, но допустить делегацию на конференцию отказался.

Вашингтонская конференция сопровождалась шумной рекламной кампанией. Ее работа была объявлена публичной, выступления делегатов на пленарных заседаниях немедленно публиковались, что должно было продемонстрировать полную открытость для общественности этого международного форума. Однако уже с первых дней конференции стало очевидно, что ведущую роль в работе конференции играла «большая тройка» — США, Великобритания и Япония. Поэтому все важнейшие решения фактически принимались за пределами зала заседаний.

Ликвидация англо-японского союза

Судьба англо-японского союза затрагивала взаимоотношения не только Японии, Великобритании, но и США, причем каждая из трех стран имела в отношении него свои планы. Пользуясь тем, что они председательствовали на конференции, США постарались уделить главное внимание именно этой проблеме, и до завершения ее обсуждения другие вопросы, по существу, не имели перспективы разрешения.

Позиция Великобритании по данной проблеме складывалась из многих факторов. Англо-японский союз, откровенно направленный против интересов Германии и России на Дальнем Востоке, имел 20-летнюю историю и долгое время был полезен обеим сторонам. Однако затем у Великобритании появилось немало оснований для его аннулирования. Несмотря на раздел «сфер влияния» в Китае, в экономической сфере было достаточно свидетельств открытого наступления японского капитала на британские позиции в этой стране. Особенно страдали английские торговцы текстилем, испытывавшие усиливавшуюся конкуренцию со стороны японцев.

В то же время существовали важные обстоятельства, которые не позволяли британскому правительству решительно разорвать союз с Японией. Главное из них заключалось в активизации борьбы между великими державами за влияние на Тихом океане, где у Великобритании и Японии, помимо соперничества имелись и общие, антиамериканские интересы.

Все это, а также усиливавшаяся экономическая и внешнеполитическая самостоятельность доминионов ставили британское правительство в положение, когда оно опасалось разрыва англояпонского союза. Это привело бы к прямому военно-морскому соперничеству с Японией, которое Великобритании было бы нелегко выдержать.

Что касается Японии, то она стремилось продлить союз, видя в нем одно из средств противодействия США. Бесспорным свидетельством этого была поездка кронпринца Хирохито в Великобританию. Несмотря на то, что формально это был частный визит, обеим сторонам было ясно, что он являлся политической акцией. Ранее ни один император или наследник престола не покидали страну ради визита к «варварам».

Тем не менее, несмотря на широкую рекламную кампанию в японской и британской прессе, ожидаемого результата поездки Хирохито не дала. Британское правительство не смогло получить поддержки доминионов для однозначного положительного решения о союзе. Великобритания, Австралия и Новая Зеландия, которые в случае разрыва англо-японского союза могли оказаться перед лицом японской военной угрозы, были за его продление. Но Канада и Южно-Африканский союз вследствие укрепления их экономических и политических связей с США (особенно у Канады) заняли совершенно противоположную позицию. В случае продления союза они были даже готовы разорвать свои связи с метрополией.

Официальная позиция США в отношении англо-японского союза сложилась уже к началу 1920 г. Длительное нарастание (особенно в годы войны) напряженности в японо-американских отношениях привело к тому, что Соединенные Штаты стали решительными и активными противниками продления союза.

Из-за острого столкновения интересов обсуждение вопроса об англо-японском союзе на Вашингтонской конференции проходило почти целиком секретно, на заседаниях «большой тройки». Очевидно державы опасались выносить его на пленарные заседания, чтобы не обнаружить непримиримость своих противоречий.

В ходе переговоров Соединенные Штаты отклонили идею тройственного союза — США, Великобритании и Японии, — поскольку опасались, что в его рамках старые партнеры смогут договориться между собой и вместе оказывать давление на США, и настояли на включении в договор Франции. В результате 13 декабря 1921 г. был подписан «договор 4-х держав» — США, Великобритании, Франции и Японии. Стороны договорились уважать права друг друга на островные владения в районе Тихого океана, а возникающие споры разрешать на общих конференциях. Но главным пунктом соглашения была ст. 4, которая гласила, что после его ратификации англо-японский союзный договор 1911 г. теряет силу. Хотя формально договор был не аннулирован, а заменен «договором 4-х держав», т. е. двусторонний пакт уступил место четырехстороннему, это была очевидная победа американской дипломатии.

Шаньдунский вопрос

Шаньдунский вопрос был одним из важнейших факторов, обостривших японо-американские противоречия. Как известно, по Версальскому миру бывшие германские владения в Китае (Циндао, Шаньдунский п-ов) не были возвращены Китаю, а отошли к Японии. В результате Китай не подписал Версальского договора, а в дальнейшем передача Шаньдуна Японии стала одной из основных причин отказа американского сената ратифицировать Версальский мир.

После Парижской мирной конференции шаньдунский вопрос был объектом безрезультатных переговоров между Японией и Китаем. При этом продолжавшееся

хозяйничанье японцев в Шань-дуне приводило к подъему антияпонского движения в Китае и к бойкоту там японских товаров, что сильно ударило по японской внешней торговле (особенно в период экономического кризиса 1920-1921 гг.). Это определило позицию части японской буржуазии, требовавшей скорейшего разрешения шаньдунского вопроса.

В целом, вынесение шаньдунского вопроса на Вашингтонскую конференцию отвечало интересам как Японии, которая рассчитывала добиться на ней сохранения части захваченных ею привилегий в Китае, так и США, которые стремились к укреплению своего влияния в Шаньдуне. Кроме того, США предполагали использовать обсуждение шаньдунского вопроса в качестве разменной монеты, для того чтобы добиться уступок Японии по другим проблемам.

Еще до начала конференции между США и Великобританией было достигнуто соглашение о том, что шаньдунский вопрос будет рассмотрен не на пленарных, а на отдельных японо-китайских заседаниях. Тем самым Великобритания и США предоставили Японии возможность добиваться от Китая принятия ее требований за закрытыми дверями, без свидетелей.

На Вашингтонской конференции китайская делегация поставила вопрос о возвращении Китаю его владений. Американская дипломатия поддержала это требование. В конце концов Япония вынуждена была отказаться от Циндао и Шаньдунской провинции и вернуть их Китаю.

6 февраля 1922 г. участники Вашингтонской конференции подписали «договор 9-ти держав» о политике в Китае. Формально он обязывал уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Китая и соблюдать принцип «открытых дверей», т.е. «равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций». Это также было американской дипломатической победой, поскольку признание принципа «открытых дверей» подрывало принцип «раздела сфер влияния», который отстаивали Великобритания и Япония. В случае последовательного проведения в жизнь, принцип «открытых дверей» автоматически обеспечивал США господство на китайском рынке из-за их экономического превосходства.

Вместе с тем, надо иметь в виду, что частичное отступление Японии в шаньдунском вопросе диктовалось не столько американским нажимом, сколько внутри- и внешнеполитической обстановкой, сложившейся для Японии перед Вашингтонской конференцией. Отказ от бывших германских владений в Китае был уступкой с японской стороны, на которую она была бы вынуждена пойти независимо от хода обсуждения шаньдунского вопроса на конференции из-за бойкота японских товаров и роста антияпонского движения в Китае. При этом Японии удалось добиться сохранения своих экономических привилегий в Шаньдуне. Кроме того, возвращение Китаю Японией прав на Шаньдун сразу прекратило многолетний антияпонский бойкот и антияпонские выступления в разных районах Китая.

Согласие Японии на подписание «договора 9-ти держав» за ее признание доктрины «открытых дверей» также были лишь незначительными уступками, ибо она еще раньше формально признала эту доктрину в рамках «соглашения Лансинг-Исии». Кроме того, в договоре не было упоминания об отмене «специальных интересов» Японии в Китае. Вопрос об отказе от них вообще не был поставлен США, поскольку они не хотели дальнейшего обострения отношений с Японией.

Не были аннулированы и «21 требование». Выступая от имени японской делегации, Сидэхара Кидзюрō заявил, что «21 требование» были «подписаны и скреплены печатями в законном порядке уполномоченными представителями обоих правительств», что они были ратифицированы и сохраняют полную силу. Впрочем, Сидэхара обещал не настаивать на преимущественном праве Японии назначать своих советников и инструкторов по политическим, финансовым, военным или полицейским делам в Южной Маньчжурии, что вызвало удовлетворение американской стороны.

Что касается требований относительно пересмотра неравноправного статуса Китая, с которыми выступила на конференции китайская делегация, то они были фактически не были рассмотрены по существу. Торжественная декларация держав о целостности и независимости Китая не содержала для него никаких конкретных гарантий. Фактически, «договор 9-ти держав» был сделкой США, Великобритании и Японии за счет Китая и закреплял возможность совместной эксплуатации этой богатейшей страны

империалистическими державами.

Поскольку РСФСР и ДВР не были приглашены в Вашингтон, при обсуждении вопроса о выводе японских войск из Сибири конференция удовлетворилась словесными обещаниями японцев. 23 января на заседании дальневосточной комиссии с длинной речью по «сибирскому вопросу» выступил Сидэхара. Он заявил об уважении Японией территориальной целостности России и в принципе подтвердил обязательство вывести японские войска из Приморья. На этом обсуждение «сибирского вопроса» закончилось. Вопрос о конкретных сроках вывода японских войск даже не был поставлен.

Провокационный характер носила попытка обсуждения на конференции вопроса о КВЖД, фактически преследовавшая цель отнять эту дорогу у ее законного собственника — русского народа. США выдвинули идею «интернационализации» этой железной дороги, согласно которой КВЖД впредь должна была функционировать под руководством международного финансового консорциума, ведущая роль в котором принадлежала американским банкам. Это вызвало возмущение даже у пекинского правительства. В результате решительных протестов РСФСР и Китая, а также из-за разногласий среди участников конференции, американское предложение не было принято, и статус КВЖД остался неизменным.

Вопрос о морских вооружениях

В начале Вашингтонской конференции Соединенные Штаты предложили установить лимит тоннажа крупных военных кораблей по 500 тыс. т для Великобритании и США и в 300 тыс. т — для Японии. Было также предложено установить лимиты и для легких военных кораблей и подводных лодок. Появление этого предложения было вызвано тем, что США были заинтересованы в том, чтобы временно приостановить строительство своего флота, поскольку они еще не имела для него ни необходимых кадров, ни баз.

Великобритания легко согласилась с американскими предложениями. Из-за финансовых трудностей сокращение флота представлялось для нее только желательным. При этом она собиралась сохранить в составе флота только наиболее технически совершенные корабли. Таким образом, британское правительство, было готово пойти на количественное сокращение своих военно-морских сил, чтобы повысить их качество.

Японский представитель Като также заявил о готовности принять предложение о сокращении военно-морских сил. Однако японская делегация предложила иную пропорцию соотношения тоннажа крупных кораблей флотов США, Великобритании и Японии — 10:10:7 вместо 5:5:3. В ответ американцы пригрозили, что если Япония будет упорствовать, то они начнут строить по 4 своих корабля на каждый японский. Тогда японцы согласились принять американскую пропорцию при условии, что США не будут строить военно-морских баз на Тихом океане.

В результате длительного закрытого обсуждения были приняты следующие цифры максимального тоннажа крупных военных кораблей: США и Великобритания — по 525 тыс. т, Япония — 315 тыс. т.

Параллельно на конференции обсуждался вопрос о сокращении сухопутных сил. Однако по нему делегации не смогли прийти к какому-либо соглашению. Не удалось договориться и по сокращению подводного флота.

6 февраля 1922 г. между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией был подписан договор об ограничении морских вооружений («договор 5-ти держав»). Он установил соотношение тоннажа линейных кораблей 5:5:3:1,75:1,75 соответственно.

Одновременно на Вашингтонской конференции было решено запретить строительство новых укреплений и военно-морских баз, т.е. зафиксировать status quo. Из этого общего правила были сделаны исключения, наиболее существенными из которых были Гавайские о-ва для США и Сингапур для Великобритании.

«Договор 5-ти держав» ограничил линейный флот Японии, однако принятие на конференции требования японской делегации об ограничении строительства военно-морских баз и укреплений на Тихом океане почти сводило на нет эту уступку. Британский или американский флоты с учетом отдаленности их баз от Японии и Китая не могли использовать свое численное превосходство. Япония же, поступившись численностью флота, уменьшила для себя военную угрозу со стороны США, которым воспрещалось укреплять Филиппины и Гуам.

* * *

Решения Вашингтонской конференции завершили послевоенный передел сфер влияния империалистических держав на Тихом океане и Дальнем Востоке. Соединенным Штатам удалось добиться ряда важных уступок со стороны Великобритании и Японии.

Однако она не смогла устранить противоречий между державами и привести к прочному миру в дальневосточном и тихоокеанском регионах. Очень скоро неудовлетворенность ее итогами проявилась не только в Японии и в Великобритании, но и в самих США. Так же, как и Парижская конференция в Европе, Вашингтонская конференция создала договорную систему, чреватую дальнейшими международными конфликтами.

Победа экспансионизма во внешней политике «Чрезвычайный инцидент в Маньчжурии» 1928 г.

В Японии второй половины 20-х годов выработка политики в отношении Китая проходила в противоборстве двух курсов, которые на политическом жаргоне тех лет получили название «негативной» и «позитивной» политики. «Негативная» политика (ее главным идеологом был министр иностранных дел Сидэхара Кидзюрё) предполагала тактику мирного экономического проникновения в Китай и включала в себя, в частности, «четыре принципа политики в отношении Китая»:

- невмешательство в гражданскую войну;
- сосуществование и совместное процветание на основе экономических соглашений;
- терпимость и сочувствие по отношению к современному положению в Китае;
- рациональную защиту национальных интересов.

Противостоявшая ей «позитивная» политика предполагала возобновление открытой колониальной экспансии в Китае с опорой на военную силу.

С приходом к власти кабинета Танака Гиити в правящей группировке взяли верх элементы, придерживавшиеся «позитивной» политической доктрины. Ее осуществление началось с высадки японских войск в Шаньдуне весной 1928 г., что было актом открытой вооруженной интервенции Японии в Китае. В мае японские части блокировали продвижение на север Китайской национальной армии Чан Кайши, а затем заняли столицу провинции г. Цзинань.

4 июня армейскими офицерами был взорван специальный поезд, в котором ехал маршал Чжан Цзолинь, военный правитель Маньчжурии, считавшийся японским ставленником. Причина устранения Чжан Цзолиня заключалась в следующем. Когда войска армии Чан Кайши, совершавшие «северный поход» (гоминь-дановское правительство в Нанкине стремилось подчинить себе северные провинции, и тем самым завершить процесс объединения Китая), были на подходе к Пекину, японское правительство через своего посланника в Пекине рекомендовало Чжан Цзолиню отвести свои войска к северу, за Великую китайскую стену. Однако вместо этого Чжан Цзолинь выступил с заявлением, предложив гоминьдановскому правительству объединить усилия, чтобы «противостоять внешнему врагу».

Это стоило маршалу жизни. На Токийском процессе свидетель, генерал Танака Рюкити по этому вопросу показал:

«Убийство Чжан Цзолиня планировалось старшим штабным офицером Квантунской армии полковником Кавамото. ... Целью было избавиться от Чжан Цзолиня и учредить новое государство, независимое от нанкинского правительства...»

Поставленный перед фактом император Хирохито был возмущен произволом армейского командования и потребовал от премьер-министра Танака Гиити наказать ответственных за инцидент офицеров. Однако военные отказались выполнить распоряжение премьера на оснований того, что такое наказание «нанесет ущерб» престижу армии, и что по конституции вооруженные силы подчиняются не гражданскому правительству, а исключительно верховному главнокомандующему — императору.

Таким образом, «чрезвычайный инцидент в Маньчжурии» дал, по-видимому, первый серьезный пример самовольных, несанкционированных правительством действий японских военных. Он же продемонстрировал своеобразное понимание ими своей лояльности, когда они оставляли за собой право интерпретировать правительственные распоряжения с точки зрения их собственных представлений о государственных интересах.

Несмотря на все усилия, осуществление планов Танака в Китае продвигалось с трудом. Используя своего консула в Мукдене и специальную миссию во главе с известным военным и политиком Хаяси Сэндзюрё, японцы стремились удержать под своим влиянием наследника Чжан Цзолиня, его сына Чжан Сюэяна, и, следовательно, продолжать контролировать всю территорию Маньчжурии. Но в декабре 1928 г. Чжан Сюэянь выразил лояльность южно-китайскому, нанкинскому правительству. Кроме того в Китае поднялось широкое антияпонское движение. В результате намерение японцев остановить поход гоиньдановских войск на север, в сторону Шаньдуна, оказалось неосуществимым, и японское правительство вынуждено было

пойти на переговоры с китайцами о выводе своих войск из провинции Шаньдун, что и было сделано в марте 1929 г.

Несмотря на свой очевидный неуспех, японская интервенция в Шаньдуне свидетельствовала о сдвиге в японской внешней политике в пользу традиционных методов колониальной экспансии. В этом смысле она стала предвестником решительной победы этой тенденции, произошедшей в 1931 г. под влиянием мирового экономического кризиса, нарушившего систему международных торговых связей.

«Пакт Бриана-Келлога» и отставка Танака

Китайская политика правительства Танака вызвала все усиливающуюся критику оппозиции. Бесконечный поток претензий лоббистов интересов монополий в парламенте был вызван расширявшимся год от года бойкотом японских товаров в Китае. Руководство партии Минсэйтō (возникшей 1 июня 1927 г. в результате слияния партий Кэнсэйкай и Сэйюхонтō) жаждало отставки кабинета, сформированного Сэйюкай, и ожидало удобного момента, чтобы спровоцировать правительственный кризис.

Скоро такой случай представился. Летом 1928 г. был подписан «пакт Бриана-Келлога». По инициативе государственного секретаря США Келлога и министра иностранных дел Франции Бриана несколько стран подписали договор, обязывавший их разрешать все возникающие спорные проблемы и конфликты без применения военной силы.

В конце августа 1928 г. к «пакту Бриана-Келлога» присоединилась и Япония. Это стало поводом для резкого выступления оппозиции против ратификации документа в парламенте, причем с весьма неожиданной для правительства аргументацией.

Формулировка, использованная в тексте пакта, согласно которой правительства подписывали его «от имени своих народов», была использована оппозицией, чтобы обвинить премьера в нарушении конституции и посягательстве на прерогативы императора. По японской конституции заключение международных договоров совершалось императором, и только от своего имени, а не от имени японского народа.

Хотя процесс ратификации предусматривал оговорку о нераспространении упомянутой формулировки на Японию, оппозиция продолжала яростно атаковать правительство и добилась в конце концов отставки.

Конечно, среди набора разнообразных ухищрений, применявшихся в парламентских сражениях, обвинение правительства в нарушении конституции было достаточно рутинным приемом. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Танака, сторонник жесткого милитаристского курса, оказался тем японским политическим деятелем, который впервые в истории страны подписал документ, запрещающий применение военной силы. Это и сокрушило его карьеру. Причем в качестве его противников выступили те политические силы, которые противодействовали интервенционистской политике кабинета Танака в Китае.

Из этого следуют два важных вывода. Во-первых, «либерализм» японских парламентских партий того времени не имел под собой сколько-нибудь прочной идеологической основы, и для достижения сиюминутных политических целей они были готовы использовать средства из любого, в том числе и глубоко антилиберального идейного арсенала. Во-вторых, стала проявляться тенденция к отходу японских торгово-промышленных кругов (а именно их интересы представляла Минсэйтō) от ориентации на систему свободных международных торговых отношений, невозможную без поддержания прочного мира.

Главное и самое серьезное обвинение кабинету и лично Танака не было выражено открыто. Это было подспудное, негласное обвинение в пацифизме. Обязательства по «пакту Бриана-Келлога» противоречили стремлениям наметившегося блока военщины и монополистического капитала (прежде всего, производителей вооружений), интересы которого сомкнулись в программе широкого развития военной экспансии, в частности, в Китае, что вскоре продемонстрировали события 1931-1932 гг. в Маньчжурии.

Несмотря на то, что в тактическом плане политика Танака в целом соответствовала ожиданиям этого блока, в отношении внешнеполитической стратегии премьер не оправдал его ожиданий. Поэтому он был вынужден покинуть политическую сцену. 2 июля 1929 г. Танака подал в отставку, в сентябре он скоропостижно скончался.

Япония на Лондонской Конференции 1930 г.

Лондонская конференция продолжила процесс ограничения вооружений, начатый на Вашингтонской конференции в 1921 г. В Вашингтоне между пятью великими морскими державами было достигнуто соглашение о соотношении тоннажа линейных кораблей.

Попытка договориться по остальному составу флотов, сделанная на конференции в Женеве в 1927 г., не увенчалась успехом из-за столкновения позиций Великобритании и США. На Лондонской конференции 1930 г. было решено вновь попытаться прийти к соглашению по этому вопросу.

Японию на конференции представляли бывший премьер-министр Вакацуки Рэйдзирō, военно-морской министр Такарабэ Такэси и японские послы в Лондоне и в Брюсселе. Несмотря на то, что на конференции были представлены Великобритания, США, Япония, Франция и Италия, из-за итало-французских противоречий решения конференции были приняты только первыми тремя участниками и касались только их.

В то время министерство иностранных дел Японии возглавлял Сидэхара Кидзюрō, занявший этот пост в 1924 г. Проводившийся им курс «международного сотрудничества» был подчеркнута миролюбив. Вместе с тем японских лидеров не покидала мысль о том, чтобы добиться военного превосходства над Великобританией и Соединенными Штатами на Дальнем Востоке.

Правда, это стремление ограничивалось возможностями японского бюджета. Поэтому Япония выдвинула на конференции требование предоставить ей право иметь флот, достигающий 70% от американского. Эта квота значительно превосходила предоставленную Японии в свое время по Вашингтонскому соглашению (5:3, т.е. 60%), однако требования Японии были в основном удовлетворены.

Предельный тоннаж согласно решениям Лондонской конференции:

СТРАНА	Суммарный тоннаж, тыс. т		
	крейсера	эсминцы	подводные лодки
Великобритан	339	150	52,7
США	323	150	52,7
Япония	209	105	52,7

Внутриполитическая борьба вокруг Лондонского соглашения

Лондонское соглашение о сокращении морских вооружений было подписано 22 апреля 1930 г. и, спустя некоторое время, передано на рассмотрение тайного совета. Однако из-за разногласий в японских правящих кругах оно было ратифицировано только 1 октября.

При обсуждении соглашения между правительством и военными возникла дискуссия, известная как «вопрос о прерогативах верховного главнокомандующего». На следующий день после одобрения кабинетом министров проекта соглашения начальник главного морского штаба Катō Хирохару представил императору доклад и одновременно опубликовал заявление, где выражал свое несогласие с этим решением. Его аргументация состояла в том, что правительство отправляло инструкции японским представителям на конференции без согласия главного морского штаба, что являлось «нарушением прерогатив верховного главнокомандующего», который «осуществляет высшее командование» (ст. 11 конституции 1889 г.) и «определяет организацию и численность регулярного состава армии и военно-морского флота» (ст. 12).

Со своей стороны правительство Хамагути утверждало, что поскольку на Лондонской конференции рассматривались вопросы паритета морских вооружений, то их решение вполне укладывалось в прерогативы правительства, и посылка инструкций никак не нарушало прерогатив императора.

В поддержку позиции кабинета выступил член верхней палаты парламента, профессор Токийского императорского университета Минобэ Тацукити. Еще в конце периода Мэйдзи он получил скандальную известность, выдвинув концепцию, согласно которой суверенитет принадлежит государству, а император является его «высшим органом». Традиционалисты, считавшие императора прямым потомком богов, никак не могли согласиться с определением монарха как «государственного органа», вследствие чего профессор подвергся их острым нападкам. Теперь государственно-правовая дискуссия вновь оживилась, приняв политический характер. Общественное возбуждение было столь велико, что уже после ратификации Лондонского соглашения, 14 ноября 1930 г., премьер Хамагути был смертельно ранен террористом-«патриотом».

Отход Японии от политики ограничения вооружений

Несмотря на давление со стороны военных и террор ультранационалистов,

правительство продолжило курс на сокращение вооружений. Немалую роль в этом сыграла поддержка, оказанная правительству последним *гэнрō* Сайондзи Киммоти.

Тем не менее, на практике курс «сокращения вооружений» вылился в политику «реорганизации и перевооружения». Так, несмотря на то, что сумма военных ассигнований в бюджете 1930 г. по сравнению с предшествующим годом сократилась, ее удельный вес возрос до 28,5%, выведя Японию на ведущие позиции в мире по этому показателю (в 1930 г. доля военные расходов в бюджете составляла: в США — 21%; в Великобритании— 14%; во Франции—22%; в Италии —24%). При этом наряду с развитием чисто военной промышленности заметно интенсифицировался перевод мирных отраслей на производство продукции двойного назначения. Таким образом, с начала 30-х годов началась перестройка структуры японской экономики в соответствии с требованиями подготовки к большой войне.

В 1934 г. при формировании кабинета Окада армия и флот выдвинули свои политические требования. В частности, военно-морские круги потребовали аннулирования решений Вашингтонской конференции и настаивали на равном с США тоннаже военно-морского флота.

Правительство Окада, хотя и не было согласно с такой заранее неприемлемой для других участников переговоров позицией, выдвинуло на подготовительной конференции по сокращению морских вооружений в Лондоне (октябрь 1934 г.) предложение о равенстве своего флота с флотами США и Великобритании. Более того, оно предложило всем странам-участницам встречи аннулировать Вашингтонские соглашения и, встретив отказ, 29 декабря 1934 г. заявило об одностороннем их расторжении.

Несмотря на выход из Вашингтонского соглашения, Япония приняла участие в конференции по ограничению морских вооружений в Лондоне в декабре 1935 г. Однако после того как японское предложение о равенстве флотов было отклонено, японская делегация покинула конференцию.

Лекция 9

Рост политического авантюризма (1931-1936):

1. Рост влияния националистов в японской политике.
2. Развитие японской агрессии в Китае.
3. Закат эпохи «партийных кабинетов».
4. Японская экономика в первой половине 30-х годов.

Рост влияния националистов в японской политике

К началу 30-х годов на политической сцене Японии действовали три главные политические силы. Одной из них были парламентские партии. Именно они выражали интересы крупнейших японских концернов («Мицуи», «Мицубиси», «Ясуда» и др.), приобретавших, таким образом, непосредственное влияние на ведение государственных дел. Эту силу условно можно оценить как консервативную, — в позитивном смысле этого слова, поскольку парламентские партии, как правило, выступали оппонентами военных экстремистов в политической борьбе.

Другой политической силой была государственная бюрократия в совокупности с придворными кругами. Эта группировка, как считалось, выражала волю императора, и поэтому зачастую выступала в роли арбитра в споре между претендентами на власть. Наиболее ярко это проявилось в деятельности «государственных старейшин» (*гэнрō*), которые, исходя из прагматических соображений, допускали к проведению государственной политики ту или иную из противостоявших группировок.

Третьей политической силой были военные. Обычно историография характеризует их как радикалов и экстремистов, хотя на деле картина была более сложной. Во всяком случае, среди них имелись радикалы различных оттенков.

Конечно, за каждой политической силой стояли еще и определенные промышленные и финансовые интересы. Кроме того, каждая из них не была монолитной: среди парламентских политиков имелись радикалы, и среди военных встречались свои консерваторы и прагматики.

Роль военных в японской политике

В истории Японии военное сословие

всегда находилось на самом верху социальной пирамиды. Военные диктаторы-сёгуны с перерывами правили от имени императора в течение семи веков. Без преувеличения можно сказать, что традиции правления «от имени» императора были в Японии очень глубоки.

После *Мэйдзи исин* (реставрации Мэйдзи) в рамках созданной в Японии конституционной монархии армия и флот заняли особое положение, фактически неподконтрольное ни парламенту, ни правительству. Военный и морской министры имели право доклада императору, минуя премьера. Так как вопросы войны и мира согласно конституции 1889 г. решались императором самолично, армия могла вести войну, не нуждаясь в санкции парламента и даже в согласии правительства.

В 1910-1912 гг. были приняты законы, по которым военным министром мог быть только генерал, а морским министром — только адмирал действительной службы, что давало военным мощный рычаг воздействия на формирование кабинета. Отказываясь выдвинуть своего кандидата, военная верхушка имела возможность отвести неугодный ей состав правительства или добиться отставки действующего кабинета.

Правда, согласно императорскому указу от 1882 г. военным запрещалось заниматься политической деятельностью. Однако особое место военных в структуре государства не могло не породить у них соблазна встать над парламентом и правительством, подчинить их своей воле.

Годы «демократии Тайсё» несколько ослабили позиции военных. По настоянию парламентариев от партии Сэйюкай портфели военного и морского министров стали предоставляться не только генералам и адмиралам действительной службы, но и военным в отставке, которые, не будучи связаны военной дисциплиной, были более свободны в принятии решений.

С наступлением в 20-х годах периода «партийных кабинетов» военные были вынуждены делить власть с буржуазией, которая для упрочения своих позиций стремилась к расширению политической роли парламента и введению всеобщего избирательного права (для мужчин). В то же время, приход к власти генерала Танака Гиити, возглавившего крупнейшую парламентскую партию Сэйюкай, показал, что военные продолжали держать руку на пульсе политической жизни страны. Впрочем, в компромиссном, союзе военных и буржуазии в тот период были заинтересованы обе стороны. Буржуазия нуждалась в политической поддержке и покровительстве старых влиятельных кланов, которые представляли армия и флот, а последним нужна была экономическая мощь буржуазии.

Противоречия в японских военных кругах

На протяжении нескольких десятилетий в Японии продолжалось противостояние двух крупнейших кланов, состоявших из выходцев из бывших княжеств Сацума и Тёсю, сыгравших в свое время ведущую роль в реставрации Мэйдзи. При создании японских вооруженных сил соперничество между ними разрешилось компромиссом, по которому высшие командные посты в армии предоставлялись преимущественно представителям клана Тёсю, а на флоте, соответственно, клана Сацума. Компромисс оказался непрочным, и противостояние двух некогда могущественных феодальных домов переросло в соперничество армии и флота, что нередко сказывалось на политике Японии.

К концу 20-х годов положение в военной среде стало меняться. Происходившие в стране социальные изменения не могли обойти и вооруженные силы. Военная реформа, начатая в 1922 г., привела к вытеснению старого дворянского руководства более молодым поколением офицеров, представлявшим уже иные социальные слои — среднюю и мелкую буржуазию и помещиков-*дзинуси*. По закону о вольноопределяющихся (1927) выходцы из этих социальных групп получили широкий доступ в офицерские училища. Влияние прежних кланов стало ослабевать.

Новые офицерские кадры по своему демократическому происхождению лучше, нежели старое дворянство, подходили для выполнения командных функций в реформированных вооруженных силах. Вместе с тем, они привнесли в армию дух социального недовольства, вызванного обнищанием и разорением социальных слоев, выходцами из которых они были. Это положило начало процессу распространения в вооруженных силах политического радикализма в форме антимонополистических и крайне националистических настроений.

Примерно в то же время появился термин «молодые офицеры». Вначале он обозначал офицерский корпус нового поколения, но к концу 20-х годов, по мере переноса

деятельности праворадикальных организаций в военную среду, под ним стало пониматься политическое движение фашистского толка в вооруженных силах.

Процесс обновления затронул и высшие слои японского офицерства. Генералы из некогда всемогущих кланов Сацума и Тёсю вынуждены были уступать место менее родовитым преемникам.

Одним из первых генералов нового поколения был военный министр Угаки Кадзусигэ — вдохновитель и официальный руководитель реорганизации армии, который не принадлежал ни к клану Сацума, ни к клану Тёсю. Он был тесно связан с группой титулованной буржуазии, преуспевшей в годы первой мировой войны, тяготевшей к партии Минсэйтё. Именно благодаря поддержке этих кругов генерал Угаки возглавлял военное министерство в пяти кабинетах вплоть до 1930 г., когда был заменен более молодым генералом Минами. Последний представлял лагерь «модернистов», оппонировавших «молодым офицерам». Эту группу составляли бывший начальник генштаба генерал Судзуки, командующий ВВС генерал Ватанабэ, шеф военной жандармерии генерал Хата и другие высшие офицеры.

Группе Минами противостояла «группа Сага» (по названию префектуры), которую возглавлял член высшего военного совета генерал Мутё. В нее входили сменивший Минами на посту военного министра генерал Араки Садао, командующий Квантунской группировкой войск в Маньчжурии генерал Хондзё Сигэру, начальник оперативного управления генштаба генерал Мадзаки Дзиндзабурё, а также ряд полковников генштаба (Исивара, Итагаки, Нагата, Доихара и Окамура), которые сблизились с главным организатором фашистского движения Окава Сюзэмэ и его идеологом Кита Икки. Вскоре эти офицеры были произведены в генерал-майоры и впоследствии заняли ведущие посты в армии.

Офицеры, входившие в «группу Сага», делали карьеру, в основном, после первой мировой войны. У них отсутствовали прочные связи со старыми аристократическими кругами, и поэтому члены группы делали ставку на «молодых офицеров», о которых они писали как о «мозге» и о «главном богатстве» нации и армии.

Идейным лидером «группы Сага» был генерал Араки Садао, в связи с чем ее часто называют в исторической литературе «группой Араки». Широко афишируя отсутствие связей с «воротилами финансовых концернов, продажными чиновниками и партийно-парламентскими авантюристами», он заявлял, что только армия, свято хранящая моральные принципы самурайской доблести *бусидё*, сможет сменить «разложившиеся и подкупленные капиталистами» политические партии у руля государственной политики и «бескорыстно, не зная никаких других интересов, кроме интересов родины и империи», вывести страну из кризисного состояния. Такая «антикапиталистическая» риторика имела немалый успех среди мелкой и средней буржуазии города и деревни и, конечно же, у «молодых офицеров».

В начале 30-х годов генералы Араки Садао и Мадзаки Дзиндзабурё вместе с несколькими офицерами (в основном из «группы Сага»), создали новую группировку Кёдёха (Группа императорского пути), идеология которой — «государственный социализм» — была очень близка популярной среди гражданских фашистских групп концепции «национального социализма». В противовес группе аракистов генералы Нагата, Тёдзё, Мутё создали другую группировку—Тёсэйха (Группа контроля).

Обе группировки объединяло стремление создать в Японии политическую систему «государства военного времени», или, другими словами, государства, способного вести «большую войну». Различие между ними касалось выбора средств, методов и путей для создания такой политической системы. По этому критерию группу Кёдёха можно определить как ультрарадикальную, а Тёсэйха — как умеренно-радикальную.

В Тёсэйха были представлены, в основном, высшие офицеры старшего поколения, сохранявшие строгую лояльность государству. Поэтому эта группа отвергала экстремистские действия, предпочитая путь постепенного установления контроля (отсюда ее название) над существующими государственными институтами. Иначе говоря, приверженцы Тёсэйха стремились произвести концентрацию власти в своих руках конституционным путем.

В противоположность «умеренным», радикалы из группы Кёдёха собирались прийти к власти путем военного переворота, приостановки действия конституции и установления диктатуры. Несмотря на широкоповествовательные заявления о «почитании императора», они, по меткому определению японских журналистов, собирались реставрировать политическую систему сёгуната — разумеется, в обновленном варианте. Другими

словами, сторонники этой группы собирались править от имени императора, фактически узурпировав его полномочия.

В своей борьбе с оппонентами группа Араки умело использовала фашистские организации Кита Икки и Окава Сюмэй и «молодых офицеров», чьими руками совершались террористические акты. Выступления фашистов в армии позволяли аракистам обвинять противостоявшую им группировку «умеренных радикалов» в высшем руководстве вооруженных сил в «неспособности наладить дисциплину», а террористические акты фашистов в отношении гражданских политических деятелей давали им пищу для нападок на правительство, которое «было не в состоянии поддерживать порядок в империи». Последний аргумент, кстати, часто использовался против политических партий обеими противоборствовавшими армейскими группировками.

Становление фашистского движения в Японии

Говоря о японском фашизме, следует четко разделять понятия «фашистский режим» и «фашистское движение». Фашистский режим — это сформированная на основе идеологического монизма тоталитарная политическая структура, для которой характерна абсолютная концентрация власти в руках ее лидеров. А фашистское движение — это оппозиционное националистическое движение, как правило носящее террористический характер и стремящееся к установлению диктатуры в той или иной форме. Далее речь пойдет именно о фашистском движении.

Предшественниками японского фашистского движения были организации ультранационалистов, сформировавшиеся во второй половине XIX в., и выдвигавшие, в основном, внешнеполитические лозунги, такие как *тайрику синсюцу* (продвижение на материк). Их целью было усиление влияния Японии в сопредельных странах и расширение границ империи.

Позднее идеологи националистического движения восприняли идеи социального протеста, получившие большую популярность на волне революционных процессов в Европе, и выдвинули отвечающие духу времени лозунги «национального» или «государственного» социализма (очень близкие по сути). Новые идеи придали националистическому движению в Японии новое качество: оно приобрело признаки фашистского (мессианство, борьба за власть и стремление к диктатуре).

Однако неверно было бы относить все японские правые организации к фашистским. Среди них можно выделить 3 течения. Прежде всего, это возникшие еще в период Мэйдзи организации ультранационалистического толка — Гэньёся (Общество черного океана, основано в 1881 г.), Кокурюкай (Общество черного дракона, 1901) и др., созданные на их основе. Это течение положило начало организованному правому движению в Японии и было наиболее консервативным, т.е. наименее восприимчивым к социальным идеям новой эпохи. Его лидерами были Тояма Мицуру и Утида Рёхэй.

Другим крылом японского правого движения было национал-социалистическое (государственно-социалистическое) течение, которое возглавляли Кита Икки и Окава Сюмэй. Оба они в свое время были членами группы Кокурюкай, но социалистические взгляды, которые проповедовал Кита Икки, не были восприняты консервативными националистами, что привело к обособлению национал-социалистического течения. Впрочем, противоречия между ними не носили непримиримого характера и не мешали в дальнейшем проводить совместные акции. Основными национал-социалистическими организациями были Юдзонся (Общество критикующих, 1919), Гётися (Общество действия, 1925) и др.

Промежуточную позицию занимало третье течение, которое условно можно обозначить как центристское. Оно было представлено обществом Кокухонся (Общество государственных основ, 1918) и теми организациями, которые вокруг него группировались. Основателем Кокухонся был барон Хиранума Киитиро, во главе общества стояла группа государственных деятелей высокого ранга. Течение отражало взгляды националистических элементов в высших слоях государственной бюрократии, которые были обеспокоены ширившимся вовлечением больших масс населения страны в политическую борьбу.

Из всех вышеперечисленных фашистскими в точном смысле слова были только организации национал-социалистического (государственно-социалистического) течения. Только там достаточно отчетливо проявились основные признаки фашистского движения.

Несомненным лидером национал-социалистического движения в Японии был Кита Икки (настоящее имя — Кита Тэрудзирё). Он родился 3 апреля 1883 г. на о-ве Садо в семье богатого хозяина пивоваренного завода. В юности он изучал труды Маркса,

Лассалья, Бебеля, Бернштейна, Дарвина. Первая его работа «Теория *коку тай* и чистый социализм», в которой он изложил свои социал-дарвинистские взгляды на японскую историю, была запрещена за ^к критику теории *коку тай*. В качестве представителя Кокурюкай Кита активно участвовал в Синхайской революции в Китае.

Наиболее известна его вышедшая в 1919 г. работа под названием «Основные положения проекта реконструкции Японии» (в 1923 г. она была переиздана под названием «План реконструкции Японии»). Эта книга стала своего рода библией японских национал-социалистов. «План реконструкции» Кита заключался в построении «государственного социализма», под которым он понимал военную диктатуру, уничтожение всех демократических институтов и установление тоталитарного режима. После стабилизации внутреннего положения, по плану Кита, Япония должна была начать войну за передел мира.

Высказывания Кита Икки были близки нацистской идее о предопределенности господства «высшей расы», делавшей «справедливыми» войны за его установление. Как программная работа «План реконструкции Японии» соответствовал по духу «25 пунктам НСДАП» и книге «Моя борьба» А.Гитлера. Его можно назвать настоящей программой фашистского движения, программой создания тоталитарного общества.

Если Кита Икки был идеологом фашистского движения, то ведущим его организатором стал Окава Сймэй. Сын врача из деревни Нисиарэ (префектура Ямагата), бкава родился 6 декабря 1886 года. По окончании школы он решил посвятить себя индийской философии, однако после заинтересовался современной политикой. В 1916 г. он познакомился с Тояма Мицуру, Утида Рёхэй и другими представителями течения *коккасюги* («государственниками»). Благодаря своей энергии и личным способностям, Окава в 1919 г. возглавил редакционный отдел департамента исследования экономики Восточной Азии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), а вскоре стал и директором департамента.

Первой организацией фашистского типа можно назвать общество Юдзонся, образованное в августе 1919 г. Его организаторами были Окава Сюмэй, Мацукава Комэтаро и Кита Икки, которые надеялись реализовать на практике идеи Кита. В декларации по поводу образования общества утверждалось, что «японское государство является единственным, которое может претворить в жизнь революционные идеи», но для решения поставленных задач необходима «реконструкция государства» с целью создания «революционной Японии». Идеиные установки общества характеризовались откровенным национализмом, мессианством и стремлением к насильственному изменению социального порядка путем установления диктатуры во главе с императором.

Несмотря на то, что общество Юдзонся не пользовалось существенным влиянием в политической жизни страны, оно стало своеобразным идеологическим центром японского фашистского движения. Основой его деятельности была агитационно-пропагандистская работа. В середине 1923 г. общество распалось, но это не привело к забвению идей Кита Икки. Можно сказать, что Юдзонся выполнило свою пропагандистскую миссию.

Продолжателем принципов Юдзонся стала созданная в конце 1924 г. при участии Окава новая организация Гётися (Общество действия). После того, как Окава стал во главе организации (1927), деятельность общества стала быстро расширяться, в ряде городов (Осака, Киото и др.) были созданы его отделения, в него стала активно вовлекаться молодежь. Гётися взяло на вооружение тактику «прямого действия». При нем были созданы нелегальные боевые отряды, налажены тесные связи с «молодыми офицерами» в армии и на флоте. По мнению Окава, только таким путем можно было содействовать «укреплению императорской власти», «подрываемой» парламентскими партиями.

Приблизительно тогда же бкава сблизился с офицерами генерального штаба, которые учились в Токийском императорском университете — Итагаки Сэйсиро, Коисо Куниаки, Доихара Кэндзи и др. В недалеком будущем им предстояло стать ведущими фигурами в стране. Хотя Окава разошелся с Кита по организационным вопросам, он продолжал поддерживать его идеи и знакомить с ними своих новых друзей — будущих членов «группы Сага», а позже — группы Кёдбха.

Тем временем Кита вместе со своими последователями в 1924 году создал боевую организацию Хакурёкай (Общество белого волка). В отличие от Окава, Кита считал, что главная задача заключалась в создании не широких массовых организаций, а небольших

замкнутых групп, которые при помощи террора сумеют повлиять на политику правительства.

Японское фашистское движение тесно связано с именем еще одного сподвижника Кита Икки, бывшего армейского лейтенанта Нисида Мицугу. Один из лидеров Гётися, ярый сторонник идей Кита Икки, Нисида занимался изучением социальных проблем; особенно привлекала его кемалистская революция в Турции. В 1928 г. он вышел из организации Хакурёкай и, не порывая связей с Кита, создал свое общество Сириносё (Собрание самураев). Эта организация сочетала пропаганду паназиатских и национал-социалистических идей с тактикой «прямого действия». Основным направлением своей деятельности Сириносё избрала работу с офицерской молодежью и с членами Императорского союза резервистов (Тэйкоку дзайгёгундзин кай). Деятельность Нисида и его общества среди «молодых офицеров» активизировали создание организаций фашистского типа в армии и на флоте.

Фашистское движение в вооруженных силах

На начальном этапе основным направлением деятельности гражданских фашистских организаций была агитация и пропаганда, и они практически не совершали актов террора. В дальнейшем, по мере переноса акцента на террористические методы, появилась потребность не просто в боевиках, а в специалистах. Поэтому лидеры фашистского движения активизировали свою деятельность среди военных.

Военно-фашистское движение, как правило, ассоциируется с появлением такой организации, как Сакуракай (Общество вишни). Оно было создано в сентябре 1930 г. группой офицеров военного министерства во главе с подполковником Хасимото Кингорё, побывавшим в Турции и восторгавшимся диктатурой Кемалья Ататюрка. В эту группу входил также генерал-лейтенант Татэкава Ёсицугу, создавший вскоре аналогичную организацию из офицеров действительной службы — Кодзакуракай (Малое общество вишни). Несколько позже на базе этого общества была создана организация под названием Сэйэйкай (Общество избранных), объединявшая офицеров армии и флота. На учредительном собрании последнего присутствовало только 187 офицеров, но уже через 2 года в это общество входило около 4 тыс. чел., или примерно 1/6 всех офицеров действительной службы.

Немаловажной причиной быстрого роста военно-фашистского движения стали итоги Лондонской конференции 1930 г. На основании подписанного на ней соглашения Япония должна была несколько сократить свой военно-морской флот, что, соответственно, сопровождалось урезанием расходов на ВМФ, увольнением в запас немалого числа офицеров, а также сокращением жалования офицерам действительной службы. Поэтому Лондонское соглашение было воспринято офицерством крайне враждебно. Профессиональные военные обвиняли правительство и политические партии, «которые экономят на армии и флоте, но покрывают скандальные прибыли спекулянтов-финансистов», в «подрыве могущества империи».

Сближение военных с фашистскими организациями, распространение фашистских идей в армии и на флоте и появление «военно-фашистского движения» представляло собой закономерный процесс. По времени он пришелся на годы экономического кризиса, который лег тяжким бременем, в первую очередь, на плечи крестьян. Из деревни тогда рекрутировалась подавляющая часть младшего офицерства, которое поэтому стало питательной средой радикализма и антикапиталистических настроений. Молодые офицеры, считавшие виновниками всех бед парламентские партии и «паразитирующие на народе» монополии, активно вступали в имевшиеся фашистские организации и создавали новые.

Первые военные заговоры

Рост влияния фашистских группировок на руководство армии пришелся на время, когда военным министром стал Минами ' Дзирё. Тогда же военные стали постепенно укреплять свои политические позиции, оттесняя лидеров политических партий, ставленников финансовых кругов.

Так, в марте 1931 г. группа военных во главе с Минами потребовала отставки премьера Хамагути Осати. Одновременно готовился и антиправительственный переворот («мартовский инцидент»), который, однако, был раскрыт полицией. В полицейском отчете в качестве руководителей готовившегося «мартовского заговора» прямо назывались генералы Угаки и Минами, а исполнителями должны были стать организации Гётися, Дайкёся, Сириносё и Сакуракай. Заговорщики ставили целью вооруженный захват здания парламента, узлов связи и редакций либеральных газет.

Поскольку в заговоре было замешано руководство армии, правительство Хамагути постаралось замаять скандал. Практически никто из участников не был серьёзно наказан: лишь несколько человек, в том числе руководители общества Сакуракай, были переведены в Квантунскую армию.

Безнаказанность вдохновила военных заговорщиков. 17 октября 1931 г. полиция раскрыла новый антиправительственный заговор, участниками которого были в основном те же лица, что готовили переворот в марте: руководители и активисты организации Сакуракай (Хасимото Кингорō, Нэмото Хироси), а также члены организации Гётися во главе с Ōкава Сюмэй. Заговорщики ставили своей задачей убийство премьер-министра Вакацуки Рэйдзирō, министра иностранных дел Сидэхара, министра двора Макино Нобуаки (Синкэн), после чего предполагалось объявить в столице военное положение и ввести войска. По их планам новым премьер-министром должен был стать генерал Араки, министрами — Ōкава, Хасимото, Нага и др.

На этот раз по приказу военного министра руководители заговорщиков Хасимото и Нага были арестованы, и заговор предотвращен. В то же время, наказание опять ограничилось понижением в должности руководителей заговора и переводом их на новое место службы. Правда, после октябрьского провала общество Сакуракай распалось.

Спустя всего полмесяца, 3 ноября 1931 г., группа генерала Араки, а также ряд группировок, входивших в Кокухонся, в том числе и люди генерального секретаря Социал-демократической партии Японии (Сякайминсютō) Акамацу Кацумаро, подготовили новый переворот. Начать его должен был митинг резервистов в день рождения императора Мэйдзи 3 ноября, который затем должен был перерасти в шествие перед императорским дворцом. Одновременно социал-демократы должны были вывести на улицу рабочих и организовать погромы редакций ведущих газет. Вызванные для разгона толпы солдаты и императорские гвардейцы вместо подавления бунта должны были соединиться с рабочими, а затем вместе с резервистами собраться перед дворцом, подать петицию с просьбой об объявлении военного положения. После занятия министерств, отделений ведущих политических партий Минсэйтō и Сэйюкай, а также Банка Японии и других финансовых учреждений, по всей стране должна была быть установлена диктатура во главе с императором.

Заговор провалился, но как и прежде, каких-либо значительных мер к организаторам заговора принято не было: после ареста участников лишь один из заговорщиков — полковник Нэмото — был отправлен в Маньчжурию, а все остальные отпущены. Такая безнаказанность в отношении заговорщиков объяснялась прежде всего тем, что задачи, которые ставили перед собой заговорщики, находили отклик среди как представителей высшего командования армии, так и парламентариев и даже членов правительства. Националистические идеи были весьма популярны в японском обществе, и официальная пропаганда не осуждала и даже зачастую превозносила заговорщиков как «радетелей нравственности», «хранителей чистоты японских традиций».

Радикально настроенные военные активно использовали для обвинения «партийных правительств» в «недостатке патриотизма» договор об ограничении морских вооружений, подписанный на Лондонской конференции в 1930 г. Ратификация Лондонского соглашения вызвала ярость фашистских групп. Утром 14 ноября на платформе Токийского вокзала выстрелом из пистолета был тяжело ранен премьер-министр Хамагути. Преступником оказался молодой человек Сагоя Томэо, член организации Айкокуся (Общество патриотов), руководимой Ивата Айносукэ.

Премьер-министр Хамагути так и не смог оправиться после покушения, и 13 апреля 1931 г. подал в отставку (26 августа он скончался от последствий ранения). Уже на следующий день, 14 апреля, было сформировано новое правительство во главе с Вакацуки Рэйдзирō. Большая часть членов предыдущего правительства вошла и в новый кабинет, в том числе министр иностранных дел Сидэхара Кидзюрō, министр финансов Иноуэ Дзюнносукэ и военный министр Минами Дзирō

Развитие японской агрессии в Китае

<

Ситуация в Маньчжурии постепенно менялась не в пользу Японии. Ежегодный прирост населения там составлял примерно 1 млн. чел., в основном за счет миграции из собственно Китая. Среди переселенцев были как крестьяне, стремившиеся на «свободные земли», так и рабочие и ремесленники. В немалой степени сюда перемещался и китайский национальный капитал, привлеченный стремительным ростом маньчжурской экономики, в основном за счет развития сырьевых и добывающих отраслей.

Перед лицом японской экспансии национальный капитал оказывал помощь Чжан Сюэляну, сыну убитого японцами маршала Чжан Цзолина, стремясь подтолкнуть его на путь объединения усилий с правительством Гоминьдана. Поэтому, вопреки надеждам японских генералов, Чжан Сюэлян стал проводить политику сближения с Чан Кайши. В декабре 1928 г. Чжан Сюэлян признал власть нанкинского правительства и поднял над своим дворцом национальный флаг Китайской республики. Это не могло не встревожить японскую армию.

«Маньчжурский инцидент»

На совещании командиров дивизий 4 августа 1931 г. военный министр Минами заявил о необходимости решить военной силой «вопрос о Маньчжурии и Монголии». Его выступление было широко опубликовано. Надо сказать, что средства массовой информации весьма активно поддерживали «патриотические стремления» военных, подготавливая общественное мнение к будущим «активным шагам» в Маньчжурии. В период экстенсивного развития народного хозяйства в японском обществе существовало ощущение ограниченности «жизненного пространства», которое умело подогревалось идеологической обработкой. Поэтому планы военщины по расширению территории империи за счет соседей на азиатском материке находили отклик среди населения Японии.

В такой обстановке в августе 1931 г. в одном из отдаленных пунктов на северо-западе Маньчжурии местными китайскими войсками были убиты двое японских военнослужащих, которые, переодевшись в гражданскую одежду, занимались сбором разведывательной информации.

Для японских военных, которые искали только подходящего случая для того, чтобы начать активные действия, этот инцидент был хорошим предлогом. Командование немедленно предъявило ультиматум Чжан Сюэляну, а в самой Японии началась мощная антикитайская пропагандистская кампания.

18 сентября в 10 час. вечера в Лютяогоу, севернее Мукдена (ныне Шэньян), произошел новый инцидент — взрыв на железной дороге. Относительно этого события есть несколько версий. В отчете комиссии Лиги Наций под председательством лорда Литтона взрыв был назван «незначительным и случайным», поскольку он не помешал своевременному прибытию в Чанчунь следовавшего всего через 15-20 мин. после него поезда. А тогдашний государственный секретарь США Стимсон в своих мемуарах утверждал, что никакого взрыва вообще не было, просто «японская армия пришла в движение согласно заранее разработанному стратегическому плану». Так или иначе, обвинив во взрыве китайскую сторону, японская армия, расположенная в Маньчжурии, напала на казармы китайских войск. Утром 19 сентября над Мукденом уже развивался японский флаг. В течение последующих пяти дней все важнейшие населенные пункты маньчжурских провинций Мукден и Гирич были оккупированы японскими войсками.

Известие о молниеносной акции японской армии в Маньчжурии повергло мир в изумление. В не меньшей растерянности от такого самоуправства армии было и японское правительство. На экстренном заседании кабинета 19 сентября было решено не допустить дальнейшего расширения инцидента в Маньчжурии. На заседании кабинета 21 сентября предложение военного министра Минами послать в Маньчжурию подкрепления вызвало возражения министра иностранных дел Сидэхара и министра финансов Иноуэ. Тем не менее, в тот же день японские войска, дислоцированные в Корее, без императорского приказа, по личному распоряжению генерала Хаяси Сэндзюрё перешли китайскую границу и вступили в пределы Маньчжурии.

Правительство Вакацуки потеряло контроль над ситуацией, и ему ничего не оставалось, как 22 сентября санкционировать действия армии задним числом. Правда, в официальном заявлении, опубликованном 24 сентября, говорилось, что правительство стремится не допустить дальнейшего расширения конфликта и желает уладить его как можно скорее. Однако Квантунская армия, фактически вышедшая из-под контроля правительства, продолжала расширять свои действия. Много позже, давая показания Токийскому трибуналу, Сидэхара заявил, что кабинет министров принял решение пресечь «незаконные и самовольные» действия Квантунской армии, но приказы военного министра не выполнялись его подчиненными.

21 сентября Китай официально внес на заседании Лиги Наций вопрос об агрессивных действиях Японии. На следующий день Лига направила Японии и Китаю одинаковые телеграммы с предложением приложить усилия для ограничения масштабов инцидента и немедленно отозвать войска обоих государств. В ответ японское правительство

заявило, что Япония не имеет никаких территориальных претензий в Маньчжурии и в кратчайший срок отведет свои войска из зоны железной дороги. Однако события развивались независимо от обещаний японских дипломатов. 8 октября Квантунская армия подверглась бомбардировке г. Цзиньчжоу, что вызвало новое заявление со стороны Лиги Наций.

Беспомощность японского правительства усугублялась тем, что военные получали поддержку со стороны как значительной части общественности, так и ведущих политических партий. Так, в специальной резолюции партии Сэйюкай было заявлено, что армия «поступила правильно», и в инциденте виновата «слабая» политика правительства, которая привела к агрессивным действиям китайских войск против Японии. В заявлении партии Минсэйтō говорилось, что Япония проявила исключительное терпение в отношении Китая, который в течение последних лет проводил «антияпонскую» политику, и что японцам пришлось «обороняться» от китайских войск, которые первыми на них напали. Поэтому, несмотря на вызывающие действия армейского командования, правительство Вакацуки продолжало удовлетворять все возрастающие финансовые запросы военных.

В то же время реакция международного сообщества не была подкреплена реальной силой: позиции имеющих непосредственные интересы в Маньчжурии Великобритании и США оставались довольно пассивными. Правда, государственный секретарь США Стимсон 7 января 1932 г. обратился к Японии и Китаю с идентичными нотами, в которых говорилось, что США не намерены признавать положение, входящее в противоречие с Парижским договором 1928 г., подписанным как США, так и Японией и Китаем. Однако Великобритания не поддержала позицию США. 11 января 1932 г. британское правительство заявило о своем стремлении продолжать политику «открытых дверей» и о том, что оно «не считает необходимым направлять японскому правительству какую-либо официальную ноту».

Комментируя это решение британского правительства, газета «Таймс» писала, что Япония не может считаться с Китаем, который даже не представляет собой целостного государства:

«Эта целостность не существовала в 1922 г., не существует она и сегодня. Со времени подписания договора 9-ти держав не было ни одного случая, когда центральное правительство Китая продемонстрировало бы свою реальную административную власть над обширными и разнообразными районами его громадной территории».

Пассивная позиция ведущих западных держав объяснялась их обеспокоенностью усилением советского влияния на Дальнем Востоке и, прежде всего, в Китае, где благодаря советской поддержке все более укреплялись политические и военные позиции местных коммунистов. По мнению держав, японские войска в Маньчжурии должны были стать противовесом «советской экспансии». Кроме того, Великобритания, чьи интересы были особенно велики в центральном Китае, рассчитывала, что, направив агрессию японской военщины в северном направлении, она сумеет избежать столкновения с ней.

Таким образом, агрессия Японии в Маньчжурии не вызвала серьезного противодействия. Поэтому всего за 3 месяца Квантунская армия полностью овладела тремя провинциями на северо-востоке Китая.

«Шанхайский инцидент»

Легкость, с какой армия провела операции в Маньчжурии, и значительные ассигнования, полученные ею на «чрезвычайные военные расходы», не могли оставить безучастным постоянного соперника армии — японский флот. Уже 23 января 1932 г. под предлогом защиты японских резидентов в Шанхае началась высадка на берег контингента японской морской пехоты (всего 2800 солдат).

Японцы потребовали от шанхайского муниципалитета вывести из города китайские войска и в одностороннем порядке стали расширять границы японского сэттльмента, что привело к вооруженному столкновению японского десанта с китайскими войсками. Начались бои, в которых японцы применили морскую авиацию. В Шанхай стали перебрасываться новые подкрепления. В шанхайской операции участвовали войска, в 2 раза превышавшие по численности контингент, осуществивший захват Маньчжурии. Но в отличие от Маньчжурии, где японцы имели дело с войсками Чжан Сюэляна, в Шанхае японцы встретили хорошо организованное сопротивление армии Гоминьдана и жителей города. К тому же Великобритания и США, имевшие интересы в этом районе, заявили резкий протест против действий японцев и направили в Шанхай свои военные корабли.

Однако прекратить военные действия удалось только 3 марта 1932 г., когда командование японских войск в Шанхае опубликовало заявление о прекращении операций. 5 марта было подписано соответствующее соглашение, после чего японские войска были выведены из Шанхая.

Создание Маньчжоуго

К началу января 1932 г. Квантунская армия практически завершила оккупацию Маньчжурии; далее встал вопрос о статусе оккупированных областей. С самого начала маньчжурского конфликта правительство Вакацуки заявило, что не имеет никаких территориальных притязаний в отношении Маньчжурии. И, действительно, Маньчжурия не была включена в состав Японской империи. Ей была уготована судьба марионеточного государства.

Идея образования «независимого государства в Маньчжурии» выдвигалась задолго до «маньчжурского инцидента». В качестве первых шагов по ее реализации сначала в Мукдене, а затем и в других занимаемых японскими войсками городах создавались автономные правительства, номинально возглавляемые местными деятелями, сотрудничавшими с японскими военными властями. Для организации центральной власти в Мукден был доставлен из Тяньцзиня Пу И — последний император из маньчжурской династии Цин, свергнутой Синхайской революцией 1911 г.

Под охраной военного конвоя Пу И был доставлен в Маньчжурию, где 1 марта 1932 г. было объявлено о создании государства Маньчжоуго, в котором Пу И отводилась роль «правителя». В июне на заседании нижней палаты японского парламента единогласно была принята резолюция о немедленном признании Маньчжоуго, которая была предложена совместно партиями Минсэйтō и Сэйюкай. Было также решено учредить в Маньчжурии должность японского посла, в задачу которого входила координация деятельности всех японских учреждений в Маньчжурии, а также функции командующего Квантунской армией и начальника Квантунской области. Соответственно, послом в Маньчжурии был назначен командующий Квантунской армией Мутō Нобуэси.

15 сентября 1932 г. был подписан японо-маньчжурский протокол, в котором было два пункта: Маньчжоуго признает права и интересы Японии и японских граждан в Маньчжоуго; Япония и Маньчжоуго осуществляют совместную оборону страны, а японские войска остаются на территории Маньчжоуго. Таким образом, Япония официально признала государство Маньчжоуго.

Чан Кайши старался избегать крупных столкновений с японскими войсками; тем более, что среди руководства Гоминьдана все чаще стали высказываться мнения о необходимости поскорее уладить конфликт с Японией. В результате 31 мая 1933 г. между японским и китайским командованием в городе Тангу было подписано соглашение, предусматривавшее взаимный отвод войск в Северном Китае и создание между ними демилитаризованной зоны. К августу отвод войск обеих сторон был завершен, и в Северном Китае установилось непрочное перемирие. Таким образом, японская армия утвердилась не только в Маньчжурии, но и в прилегающих районах Северного Китая.

1934 год стал, пожалуй, единственным в истории маньчжурских событий, когда Япония не предпринимала военных действий в отношении Китая. 1 марта 1934 г. правитель Маньчжурии Пу И был объявлен императором, а Маньчжоуго (Маньчжурское государство) было переименовано в Маньчжоудиго (Маньчжурскую империю). В своей речи в японском парламенте в январе 1935 г. министр иностранных дел Хирота Кōки призвал не выступать угрозами и не осуществлять агрессии в отношении Китая и настаивал на заключении японо-китайского соглашения. В мае 1935 г. Япония и Китай даже обменялись ослами.

Тем не менее, напряженность в отношениях между Японией и Китаем сохранялась. Летом 1935 г. в японском селтльменте города Тяньцзиня были убиты несколько сотрудничавших с японцами журналистов. Генерал Умэдзу Ёсидзирō, командующий японской армией в Китае, предъявил китайской стороне ряд требований, среди которых были вывод китайских войск из провинции Хэбэй, ликвидация партийных органов Гоминьдана и запрещение всякой партийной и антияпонской деятельности на всей территории провинции. Примерно в то же время аналогичные требования были выдвинуты и в адрес властей провинции Чахар, с которыми было подписано соглашение, предусматривавшее ликвидацию антияпонских организаций в провинции и отвод китайских войск от границ Маньчжурии.

Закат эпохи «партийных кабинетов»

Образование кабинета Инукаи

21 сентября 1931 г. Великобритания заявила об отмене золотого стандарта. Это вызвало цепную реакцию в мире и переполох на финансовых рынках, отразившийся и на японской экономике. Ожидая изменений в финансовой политике правительства, японские банки стали лихорадочно вкладывать капиталы в валютные ценности, что привело к сильному расстройству финансов и углублению кризиса в промышленности, которая и так уже находилась в состоянии депрессии.

Кроме того, обесценивание китайского серебра на фоне мирового экономического кризиса нанесло серьезный удар японским промышленникам, вложившим капиталы в текстильную промышленность, работавшую на экспорт, в первую очередь, в Китай. Поэтому эта часть японского капитала настойчиво добивалась введения запрета на вывоз золота и осуществления демпинговой политики, основанной на низком валютном курсе. И, наконец, начав военные действия в Маньчжурии, армия требовала увеличения ассигнований.

Все это привело к тому, что ряд политиков, недовольных деятельностью кабинета Вакацуки, в частности, несоответствием внешнеполитического курса Сидэхара развитию маньчжурских событий, а также финансовым положением страны, потребовали создания коалиционного правительства. Эту группу возглавили министр внутренних дел в кабинете Вакацуки, член партии Минсэйтō Адати Кэндзō и один из руководителей партии Сэйюкай Кухара Фусаносукэ.

Действия Адати привели к расколу внутри Минсэйтō и повлекли за собой правительственный кризис. 11 декабря правительство Вакацуки ушло в отставку. 13 декабря 1931 г. было сформировано новое правительство во главе с Инукай Цуёси, которому суждено было стать последним «партийным» кабинетом. Пост военного министра в новом составе занял генерал Араки Садао, а министра финансов — Такахаси Корэкиё. В первый же день после прихода к власти правительство Инукай ввело эмбарго на вывоз золота и взяло курс на проведение инфляционной экономической политики.

Разгул терроризма в стране

Провал японской интервенции в Шанхае и негативное отношение к действиям Японии в Китае со стороны Лиги Наций способствовали активизации антиправительственных террористических сил. Обвиняя правительство в нерешительности, националисты видели выход в дальнейшей активизации тактики «прямого действия». Значительно расширилась социальная база таких организаций, как Кэцумэйдан (Лига кровавого братства), которую многие исследователи считают ядром антиправительственного террористического движения.

Своим появлением эта организация была обязана последователю секты Нитирэн Иноуэ Ниссё (Химэси). Иноуэ еще в 1910 г. эмигрировал в Маньчжурию. Здесь он, работая в штате ЮМЖД, вплоть до конца 1921 г. занимался содействием секретным агентам японской армии. По возвращении в Японию Иноуэ вступил в буддийскую секту «Белый лотос». В префектуре Ибараки, недалеко от города Мито он основал свой Храм защиты отечества, где воспитывал учеников в духе собственной трактовки учения дзэн, готовя их к скорой смерти и давая читать националистические журналы и брошюры.

В результате Иноуэ удалось сплотить вокруг себя несколько сот человек, сторонников идеи «второй реставрации» (или «реставрации Сёва») методами «прямого действия». В 1930 г. при своем храме он создал специальную группу Кэцумэй (Братство крови), целью которой была борьба «с продажными политическими партиями, связанными с плутократией», путем индивидуального террора. Лозунг группы гласил: «*хитори итисисюги*» («один человек — одно убийство»). Она стала основой новой организации Кэцумэйдан (Лига кровавого братства), которая была разбита на ячейки по 5 чел. и организационно подготовлена для осуществления террористических акций.

Фактическое попустительство правительства подстегнуло активность террористических организаций. 9 февраля 1932 г. активист Кэцумэйдан Онума Масаси выстрелом из пистолета убил бывшего министра финансов в кабинетах Хамагути и Вакацуки и одного из лидеров партии Минсэйтō Иноуэ Дзюнносукэ, когда тот выступал перед избирателями в помещении начальной школы в Токио. Онума был схвачен и на первом же допросе заявил, что «Иноуэ имеет непосредственное отношение к бедствиям, переживаемым деревней».

5 марта того же года в управлении концерна «Мицуи» был убит управляющий акционерной компанией «Мицуи гōмэй» барон Дан Такума. Полиция арестовала 14 членов Кэцумэйдан во главе с их лидером Иноуэ Ниссё. Арестованные не скрывали, что активисты общества ставили целью убийство *гэнрō* Сайондзи, а также ряда других

политических и финансовых деятелей. На этот раз реакция властей была жесткой — террористы были приговорены к каторжным работам (сам Иноуэ и трое его сподвижников — к пожизненным). Но политическая ситуация в стране оставалась напряженной. Вот как описывал то время один из руководителей концерна «Мицуи» Икэда Сэйхин в своих воспоминаниях:

«Недовольство масс, вызванное событиями в Маньчжурии и скупкой долларов, а также недовольство деятельностью банка «Мицуи» и моими действиями особенно возросли в октябре 1931 года. 2 ноября группа в 20 человек, возглавляемая Акамацу Кацумаро из Социал-демократического союза молодежи, проникла в здание, где размещалось управление банка, и пыталась учинить беспорядки. 21 декабря несколько десятков человек-членов социал-демократической партии ворвались к Мицуи Хатирōэмон и Ивасаки Хисая прямо в грязной обуви и потребовали, чтобы прибыли, полученные от скупки долларов, были использованы на оказание помощи голодающим крестьянам на северо-востоке страны и на выдачу пособия миллионам безработных.

Но это были только внешние, можно сказать, безобидные формы проявления недовольства, к которым прибегали Социал-демократический союз молодежи или социал-демократы. Мы ощущали на себе куда большее давление со стороны сил, действовавших скрытно. Не проходило и дня, чтобы тебя не назвали по телефону бандитом; возле дома бродили шайки каких-то подозрительных типов, бесконечным потоком поступали анонимные письма. Этот поток непрерывно усиливался, особенно в сентябре и октябре, и не ослабевал вплоть до декабря... В феврале 1932 г. был убит Дан Такума. Обстановка усложнялась... Все это время мы жили в непрерывном страхе».

«Инцидент 15 мая 1932 года»

15 мая 1932 г. группой экстремистов была совершена серьезная попытка путча. В ней участвовали молодые офицеры армии и флота, группа боевиков из Айкёдзюку (Школа любви к родной земле), Дзиммукай (Общество императора Дзимму) и Кэцумэйдан. Разделившись на четыре отряда, путчисты напали на резиденцию премьер-министра Инукай (он был смертельно ранен), на министерство внутренних дел, штаб-квартиру партии Сэйюкай, дом хранителя государственной печати Макино, Банк Японии, банк «Мицубиси», полицейское управление, электростанцию.

Налетами руководили морские офицеры Кōга Киёси (Сэйси), Накамура Ёсио и Хитоси Дзётакэ. Путчисты распространяли листовки с призывами бороться против парламентских партий и финансовых клик за «реставрацию Сёва», за передачу власти военным, которые установят порядок в стране. В одной из листовок, в частности, говорилось:

«Мы против политических партий, которые заботятся только о власти и собственных интересах, мы против капиталистов, которые находятся в блоке с политическими партиями, чтобы угнетать своих соотечественников, мы против мягкотелой дипломатии, против опасных мыслей, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду».

У организаторов путча нашли список приговоренных к смерти лиц, среди которых, кроме Инукай, были: *гэнрō* Сайондзи, хранитель государственной печати Макино, председатель палаты пэров Токугава, член тайного совета Итō, ряд лидеров партий Сэйюкай и Минсэйтō и руководители концернов «Ясуда», «Окура», «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и др.

После совершения акций участники путча явились в жандармерию с повинной. Во время процесса над террористами в Токио в суд шел поток петиций от крестьянских общин и союзов, в которых выражалось сочувствие подсудимым как к «истинным патриотам и верноподданным императора» и ходатайства об их оправдании. Адвокаты заключенных предоставили суду 111 тыс. писем, с просьбой о помиловании.

«Кабинет национального единства» адмирала Сайто

После гибели премьер-министра Инукай кабинет немедленно ушел в отставку.

Встал вопрос об образовании нового правительства. Лидеры страны были сильно встревожены последними событиями, тем более, что в попытке путча участвовали офицеры военно-морского флота, всегда считавшегося более лояльным к существующим государственным институтам, нежели армия.

Проведя консультации, *гэнрō* Сайондзи Киммоти предложил императору кандидатуру адмирала Сайтō Макото, бывшего генерал-губернатора Кореи. Принимая во внимание радикальные настроения в армии и утрату политическими партиями поддержки в обществе, Сайондзи исходил из того, что кандидатура Сайтō, представителя военно-морского флота, занимавшего умеренную позицию, смягчит противоречия между

вооруженными силами и правительством и поможет избежать в будущем событий, подобных «инциденту 15 мая».

25 мая 1932 г. адмирал Сайтō образовал «кабинет национального единства». В его правительство вошли представители военных кругов, бюрократии и 7 представителей политических партий. Характерно, что ответственный за майские события генерал Араки был оставлен на посту военного министра: предполагалось, что он сможет осуществлять контроль над армией и сдерживать фашиствующие группы «молодых офицеров».

Кабинет Сайтō представлял собой сложный конгломерат различных соперничавших политических сил: высших сановников (*дзюсин*), представителей партий, бюрократии и военных. У такого кабинета не было прочной политической опоры. Вынужденный балансировать между различными политическими интересами кабинет Сайтō, в целом, был довольно пассивен. Вместе с тем, новое правительство сделало для себя из майских событий определенные выводы. По флоту был издан приказ об укреплении воинской дисциплины, запрещавший военным служащим вмешиваться в политику. В армии было запрещено создание каких-либо организаций военнослужащих. Поскольку одним из основных лозунгов путчистов был призыв «помочь деревне», для стабилизации положения правительство предложило на обсуждение парламенту проект «возрождения деревни», предусматривавший финансовую помощь селу, а также ассигнования на строительные работы.

Одновременно концерны «Мицуй» и «Мицубиси» выделили на борьбу с безработицей и на общественные нужды по 3 млн. иен каждый, а концерн «Сумитомо» — 1 млн. иен. Таким образом, новое правительство, обеспокоенное тревожным положением внутри страны, пыталось предпринимать меры для стабилизации социальной обстановки.

Падение кабинета Сайтō. Правительство Окада

Агрессия в Маньчжурии требовала постоянного увеличения расходов на армию. Флот также не оставался в стороне, и в 1934 г. его командование, заявив о необходимости пересмотра Лондонского соглашения, потребовало огромных дополнительных ассигнований, поставив финансы страны в сложное положение.

Несмотря на призывы к «единству нации» в «чрезвычайное время» кабинет Сайтō не смог преодолеть противоречий между соперничавшими политическими силами. Попытки найти выход в компромиссном союзе с партиями также не увенчались успехом. Уровень доверия к «партийным политикам» со стороны населения оставался низким, и уже давало знать о себе формировавшееся вокруг представителей армии политическое течение, выступавшее против возрождения «партийных кабинетов».

Назревал правительственный кризис. В сентябре 1933 г. ушел в отставку министр иностранных дел Утида Кōсай (Ясуя), политика которого была связана с признанием независимости Маньчжурии и выходом из Лиги Наций. Ему на смену пришел Хирота Коки, бывший до этого послом в Москве. Новый министр сразу заявил о намерении правительства развивать дружественные отношения с такими странами, как США, Советский Союз и Китай.

Возможная смена политического курса вызвала у военных беспокойство. В связи с этим военный министр Араки внес на рассмотрение кабинета предложение, согласно которому все внешнеполитические инициативы должны были выдвигаться правительством при неременном согласовании с военным и военно-морскими министрами.

Это вызвало беспокойство теперь уже у бюрократии — принятие предложения Араки означало бы непомерное усиление влияния военных. На заседаниях правительства выявились разногласия между представлявшими бюрократию министрами Такахаси и Хирота с одной стороны и военным министром Араки и его сторонниками с другой. На этот раз военные не смогли одержать верх, победила линия Такахаси-Хирота. В январе 1934 г. Араки ушел в отставку (официально — по болезни), и пост военного министра занял Хаяси Сэндзюрō.

Обновленное правительство приняло следующую программу:

- содействие здоровому развитию Маньчжоуго, связанному неразрывными узами с Японией;

- совершенствование обороноспособности страны в пределах, обеспечивающих ее полную безопасность, с учетом финансовых возможностей;

- проведение такого внешнеполитического курса, в основе которого лежало бы стремление к международному сотрудничеству и развитию дружественных отношений со всеми странами и в особенности с соседними - Китаем, Америкой и Россией;

- обновление всей политики в соответствии с международным положением и обстановкой внутри страны и мобилизация национального духа

Отставка генерала Араки означала поражение радикального крыла военных. Но, как показали дальнейшие события, оно не было окончательным. Воспользовавшись скандалом с компанией искусственного шелка, оппозиция обвинила министра финансов Такахаси в коррупции, и 3 июля 1934 г. правительство Сайтō вынуждено было подать в отставку.

Сайтō предложил в качестве своего преемника адмирала в отставке Окада Кэйсукэ. В этом его поддержал *гэнрō* Сайондзи. После назначения ведущих министров Окада предложил партиям Сэйюкай и Минсэйтō занять оставшиеся министерские посты. Минсэйтō согласилась на сотрудничество, а Сэйюкай отказалась.

Давление военных привело к значительному росту ассигнований на нужды армии и флота, которые в проекте бюджета 1935 г. составили 46,6% его расходной части. По этой причине государственная помощь деревне с этого года была прекращена. Для сбалансирования бюджета новый министр финансов Фудзии Масанобу попытался ввести налог на сверхприбыли в промышленности, что вызвало сильные возражения других членов кабинета, и в результате Фудзии был вынужден подать в отставку, а его место вновь занял Такахаси.

Дискуссия о «сущности императорской власти»

К началу 1935 г. вновь возобновилась дискуссия по поводу теории профессора Минобэ о «сущности императорской власти», согласно которой суверенитет принадлежал государству, а император осуществлял его только в качестве высшего государственного органа.

Дискуссия по поводу теории Минобэ была лишь внешним проявлением борьбы, которая велась между группировками радикалов и «умеренных» в военных кругах. Один из лидеров радикальной армейской группы Кōдōха, генеральный инспектор военного обучения Мадзаки Дзиндзабурō выступил с резкой критикой теории Минобэ. Позицию другой, «умеренной» армейской группы Тōсэйха выразил военный министр Хаяси:

«Теория профессора Минобэ распространяется уже в течение ряда лет, и нет доказательств, что это учение оказывает вредное влияние на армию».

Ситуация обострилась после того, как в этот спор включилась партия Сэйюкай, которая, поддерживая радикалов, стремилась свалить правительство. Борьба разворачивалась следующим образом. Генерал Мадзаки распорядился проводить занятия с личным составом армии на тему о сущности государственного строя. Это распоряжение вызвало негативную реакцию со стороны правительства и высших сановников, и военный министр Хаяси добился отставки Мадзаки.

В ответ группа Кōдōха обвинила Хаяси в том, что он вместе с бюрократией, *дзайбацу* и высшими сановниками порочит императорскую армию и посягает на права верховного командования. Один из лидеров группы подполковник Айдзава Сабурō 12 августа 1935 г. проник в военное министерство и зарубил саблей начальника отдела кадров генерала Нагата Тэцудзан — одного из лидеров группы Тōсэйха. Это привело к отставке военного министра

Хаяси, пост которого занял сторонник группы Кōдōха генерал Кавасима Ёсиюки.

* * *

Срок полномочий парламента, избранного в 1932 г., истекал, и когда в январе 1936 г. партия Сэйюкай собралась поставить вопрос о доверии правительству, последнее приняло решение распустить парламента. Новые выборы были назначены на 20 февраля 1936 г.

Чтобы обеспечить спокойное проведение выборов, еще в середине 1935 г. правительство выдвинуло лозунг «очищения политических кругов», т.е. проведения кампании против различного рода радикальных и преступных элементов, чтобы, помимо прочего, поставить под контроль правые организации. Особенность этой акции состояла в том, что она проводилась не просто как полицейская операция, но как общегосударственный курс. В частности, во всех префектурах были созданы комитеты по укреплению порядка, возглавленные, как правило, губернаторами.

Предвыборная кампания не была острой, поскольку и Минсэйтō, и Сэйюкай понимали невозможность формирования «партийного» кабинета. В целом, выборы 1936 г. также прошли вяло. Сэйюкай, имевшая ранее большинство в парламенте, получила лишь 175 мест, а Минсэйтō — 205 мест. Результаты выборов для других партий оказались следующими: союз Сёвакай (отколовшаяся часть Сэйюкай) — 20 мест,

Социалистическая массовая партия— 18, Народный союз— 15, Лига защиты государства — 3, другие — 32 места. Таким образом, большинство в парламенте перешло к партии Минсэйтō.

Путч 26 февраля 1936 г.

К середине 1935 г борьба между «умеренными» и опиравшимися на фашистские группировки радикальными силами в руководстве армии достигла своей кульминации. Суд над подполковником Айдзава стал прологом нового, самого крупного выступления — путча 26 февраля 1936 г., превратившегося в завершающий акт фашистского движения в Японии.

Идеологом путча, как и всего фашистского движения, был Ки-< та Икки. Правда, до сих пор не найдены документы, которые свидетельствовали бы о его непосредственном участии в мятеже. Тем не менее, именно его программная работа «План реконструкции Японии» стала настольной книгой для мятежных офицеров. Об этом свидетельствовали высказывания одного из организаторов мятежа, бывшего интенданта I ранга Исобэ Асаити, изгнанного годом ранее из армии за создание подпольной организации в военном училище. По его мнению, основной задачей реставрации Мэйдзи 1868 г. было превращение Японии в конституционное государство, в котором император выступал бы «в качестве политического центра». Вместо этого в Японии установилась «диктатура *гэнрō*, дворян, военной верхушки, политических партий и *дзайбацу*». Поэтому, как считал Исобэ, долгом каждого патриота было провести новую «реставрацию Сева» и освободить императора от влияния этих «привилегированных классов».

Исобэ и его соратники планировали, организовав путч, при помощи военного министра Кавасима склонить императора к назначению на пост премьер-министра генерала Мадзаки, разделявшего, как не без основания считали мятежники, их взгляды. Это должно было стать переходной ступенью к установлению непосредственной власти мятежных офицеров.

Рано утром 26 февраля 1936 г. около 1400 солдат 1-го и 3-го полков 1-й дивизии и 3-й полк гвардейской дивизии, поднятые по тревоге, напали на резиденции премьер-министра, министров финансов, внутренних дел, двора и генерал-инспектора военного обучения. Мятежниками были убиты хранитель императорской печати Сайтō Макото, министр финансов Такахаси Корэкиё, генерал-инспектор военного обучения Ватанабэ Дзётарō, был тяжело ранен главный камергер двора Судзуки Иситарō. Премьер-министр Окада, предупрежденный о нападении начальником своей канцелярии полковником Кобаяси Мацуо, сумел спрятаться и избежал смерти.

Мятежники захватили полицейское управление, редакцию газеты «Асахи» и пытались проникнуть в военное министерство и генеральный штаб. К концу дня под контролем путчистов оказались центральные кварталы Токио, включая резиденцию премьера и здание парламента.

Интересно, что одним из главных противников «реставрации Сёва» был сам император Сёва (Хирохито). Утром 26 февраля, получив сообщение об офицерском бунте, император сказал своему старшему адъютанту:

«Они убили моих советников и сейчас пытаются надеть шелковую удавку на мою шею. Я никогда им этого не прощу. И не имеет значения, какими мотивами они руководствуются».

После чего он отдал распоряжение военному министру Кавасима «подавить путч немедленно».

В течение всего 26 февраля, несмотря на распоряжение императора, против мятежников не было предпринято никаких действий. Укрепившись в центральной части Токио, путчисты послали петицию на имя Кавасима, требуя «немедленно распустить парламент, назначить премьером генерала Мадзаки и сформировать новое правительство». Позже их требования смягчились и свелись к назначению Мадзаки командующим Квантунской армией.

27 февраля император вызвал командующего императорской гвардией генерала Хондзё Сигэру и в резкой форме заявил ему, что, если не будут начаты активные действия против путчистов, он примет на себя командование императорской гвардией и подавит их. В это время высшее армейское руководство продолжало вести переговоры с восставшими (в частности, через того же генерала Мадзаки Дзиндзабурō), всячески увещевая их и стараясь склонить к прекращению мятежа.

Поскольку объектами покушений были адмиралы Сайтō, Судзуки и Окада, для подавления мятежа ставка была сделана на флот. В Токийский залив вошла 1-я эскадра военно-морских сил, и в столицу были доставлены наземные части ВМС из Сибаура.

К утру 29 февраля были перекрыты все дороги, ведущие в Токио, а населению центральных районов было предложено эвакуироваться. После обращения военного министра к мятежникам по радио солдаты и унтер-офицеры стали постепенно возвращаться в свои казармы, а сами мятежные офицеры — приходить в резиденцию военного министра, где их разоружали и арестовывали.

Перед судом военного трибунала предстали 17 офицеров, включая Исобэ, а также двое гражданских, одним из которых был Кита Икки. Все были приговорены к смерти и повешены на площади Ёёги в Токио; 15 человек — 12 июля, а остальные — 19 августа 1936 г. Был казнен и убивший генерала Нагата подполковник Айдзава. Верный своим взглядам Кита единственный из всех отказался крикнуть перед казнью «банзай» императору. 7 членов высшего военного совета вынуждены были уйти в отставку, в их числе Араки, Мадзаки, Хаяси и Абэ, которые совсем покинули воинскую службу.

* * *

Разгром февральского путча 1936 г. фактически стал концом фашистского движения в Японии. Консервативная политическая система отвергла ультрапатриотическую инициативу снизу и сумела подавить потенциал социального недовольства, накопившийся в вооруженных силах страны. Важную роль в этом сыграла стабилизирующая роль монархии, а также позиция самого императора, который не сделал никаких шагов навстречу национал-радикалам, хотя последние постоянно апеллировали к нему.

Вместе с тем, нельзя сказать, что дело фашистских заговорщиков оказалось полностью проиграно. Японские правящие круги восприняли многие из их идей и позднее претворили их в жизнь. Это касалось как планов внешней экспансии, так и перестройки японского общества в тоталитарном духе. Можно сказать, что в последующие годы руками бюрократии были отчасти воплощены мечты бунтаря Кита Икки о «государственном социализме».

Японская экономика в первой половине 30-х годов

Начало нового промышленного подъема

В целом, японская экономика (прежде всего - промышленность) пережила «великую депрессию» легче, чем другие капиталистические страны, и вышла из нее быстрее, чем они. Уже с 1932 г. в Японии вновь начался промышленный подъем, движущими силами которого стали быстрое расширение экспорта и рост военных расходов.

Толчком к нарастанию объемов экспорта стала девальвация иены: с ноября 1931 г. по ноябрь 1932 г. она подешевела в 2,4 раза (с 0,494 долл. до 0,207 долл. за 1 иену); затем после девальвации доллара в 1933 г. она поднялась до уровня 0,30 долл. за 1 иену и оставалась на этой отметке до конца 30-х годов.

За 6 лет (1931-1937) объем японского экспорта вырос в 2,8 раза. В его структуре по-прежнему лидировала текстильная продукция, хотя ее доля снизилась до 53% (в конце 20-х годов на нее приходилось 2/3 стоимости экспорта). В этот период Япония значительно увеличила объемы вывоза металлов и металлоизделий, машин и инструментов, а также многих видов продукции легкой промышленности (игрушки, посуда, бижутерия, электролампы, рыбные консервы и т.д.). Японский экспорт стал носить более диверсифицированный характер, а доля готовых изделий к 1937 г. поднялась в нем почти до 60%. Но международная конкурентоспособность японских промышленных товаров (прежде всего, машин и оборудования) была все еще относительно низка, и ее позиции в мировом экспорте оставались весьма скромными (около 4% в 1937 г.). При этом в США (доля которых в японском экспорте сократилась до 22%) направлялись шелк-сырец, рыбные консервы, чай и посуда; машины, оборудование и прочая продукция тяжелой промышленности шли в основном в Маньчжурию и Корею, а всевозможные потребительские товары — в континентальную Азию и страны Южных морей.

В не меньшей степени, чем бурный рост экспорта, промышленное развитие стимулировало расширение государственных военных расходов, предпринятое новым правительством, сменившим правительство Минсэйтō. За 1930/1931-1936/1937 фин. годы государственные расходы возросли с 1558 млн. до 2282 млн. иен, или почти на 50%, а доля расходов на армию и флот увеличилась в них соответственно с 31 % до 47%. Для их покрытия был значительно расширен выпуск государственных займов, и за этот период объем внутреннего долга почти удвоился и достиг 8520 млн. иен. В то же время, чтобы не сдерживать деловую активность, правительство решило не

увеличивать налогообложение физических и юридических лиц, и дело обошлось лишь введением умеренного налога на сверхприбыли предприятий.

В результате проведения «политики контролируемой инфляции», разработанной министром финансов Такахаси Корэкиё, экономическое положение в стране стало улучшаться. Рост капиталов акционерных компаний в 1934 г. по сравнению с предыдущим годом составил огромную для Японии цифру в 1 млрд. иен, т.е. превысил докризисный уровень в два с лишним раза, а такой показатель, как стоимость

Год	произведенной промышленной продукции, превысил докризисный уровень уже в 1933 г.:
1929	
1931	Млн. иен
1933	7419
1934	5178
	7871

9389

Изменения в структуре японской промышленности

Вплоть до конца 20-х годов, несмотря на значительный прогресс, общие направления развития японской промышленности оставались в целом теми же, что и в начале индустриализации — производство и экспорт специализировались главным образом на текстиле. Однако в 30-е годы после выхода экономики из депрессии в этой области произошли знаменательные перемены. При общем росте числа фабричных рабочих с 1825 тыс. чел. в 1929 г до 2937 тыс. чел. в 1937 г. (на 60%), доля занятых в текстильных производствах сократилось с 50,4 до 35,2%, а доля занятых в машиностроении, напротив, возросла с 13,8 до 20,5%, в металлургии — с 6,2 до 10,6%, в химической промышленности — с 6,4 до 11%.

Наиболее быстрыми темпами развивались в 30-е годы отрасли тяжелой промышленности, важные не только с точки зрения удовлетворения нужд гражданских отраслей, но и для форсирования военных приготовлений. Так, если общий рост промышленного производства за 1931-1936 гг. составил 63%, то производство потребительских товаров возросло на 33%, а товаров производственного назначения — на 83%.

Быстро нарастали объемы выпуска чугуна и стали. Производство чугуна за 1929-1936 гг. почти удвоилось, а выпуск стали возрос более, чем в 2 раза при значительном расширении номенклатуры выпускаемых изделий. Средняя мощность доменных печей за этот период удвоилась, значительно повысились мощность и эффективность сталеплавильных печей, а расход топлива на производство 1 т стали сократился почти на 40%. В эти же годы был освоен выпуск ряда специальных сталей, и в 1936 г. их экспорт даже превысил импорт.

В машиностроении наблюдалась та же картина: значительный рост масштабов производства, улучшение качества продукции при существенном расширении ее ассортимента. В результате к 1937 г. Япония была уже в состоянии собственными силами удовлетворять большую часть потребностей отечественной промышленности в машинах и оборудовании. Решающую роль в этом сыграло повышение качества сталей, выпускавшихся японскими металлургическими комбинатами.

Особо следует отметить прогресс, достигнутый в судостроении. Тоннаж спущенных на воду судов увеличился с 54 тыс. т в 1932 г. до 446 тыс. т в 1937 г. В результате к середине 1937 г. общий тоннаж торгового флота Японии достиг 4500 тыс. т, и по этому показателю она вышла на 3-е место в мире.

Быстрыми темпами набирала силу химическая промышленность, особенно производство взрывчатых веществ, красителей, химических удобрений. Численность занятых в ней за период 1929-1937 гг. увеличилась в 2,7 раза, и к 1937 г. она стала крупнейшей отраслью японской промышленности. В 1937 г. на химические производства приходилось уже 25% стоимости фабричной промышленной продукции (на машиностроение — 22,6%, металлургию—13%, текстильные, производства —14,3%).

Несмотря на относительное снижение значения текстильной промышленности существенный прогресс был достигнут и здесь. Во многих подотраслях заметно выросла производительность труда, наблюдался массовый переход от производства дешевой продукции к выпуску более дорогих и качественных тканей. Исключение составляло лишь производство шелка-сырца: в 1929-1936 гг. число занятых здесь сократилось на 200 тыс.

чел. (более, чем на 60%), а стоимость продукции упала более, чем в 2 раза (при том, что физический объем производства сократился незначительно).

В 30-е годы во всех текстильных производствах были внедрены различные технико-организационные новшества. В хлопкопрядении, например, в результате внедрения автоматических станков выработка на одного занятого возросла на 33%, а в ткацких производствах за счет различных усовершенствований выработка на одного занятого увеличилась на 36%. Всего за 1930-1936 гг. производство текстиля возросло на 25%, в том числе производство синтетических волокон — в 7,4 раза.

Иными словами, 30-е годы стали для Японии периодом значительного наращивания промышленного потенциала. Рост масштабов производства и расширение номенклатуры продукции сопровождались укрупнением заводов и интенсивным обновлением технической базы производства. Западные специалисты, посещавшие Японию в те годы, с удивлением отмечали также значительное повышение квалификации японских рабочих и инженерно-технического персонала.

Роль государства в экономике

Хотя к началу 30-х годов государство оставалось крупнейшим собственником, в его руках находились главным образом объекты инфраструктуры. Так, в 1930 г. на его долю приходилось 98,2% телеграфно-телефонных услуг, 81,9% объема железнодорожных перевозок; ему принадлежало 72,5% мощностей портового хозяйства, 95% — авиатранспорта, 50,9% — парка судов, 48,2% — автомобильного парка. Промышленность же за исключением нескольких крупных предприятий находилась в руках частного капитала, и ее регулирование осуществлялось в основном косвенными методами (через кредитование, субсидирование, льготное налогообложение).

Однако с начала 30-х годов началось ужесточение государственного контроля в промышленности и энергетике. Так, в 1931 г. на основании специального закона было проведено принудительное объединение всех частных электроэнергетических предприятий в 5 региональных концернов. Упорядочив таким образом организационную структуру и ликвидировав конкуренцию, государство затем установило прямой контроль над тарифами и ввело строгое квотирование поставок электроэнергии.

В том же году был принят закон о контроле над основными отраслями промышленности, легализовавший и фактически поощривший создание картелей в отраслях, имевших военно-стратегическое значение. При этом правительство ставило перед картелями общие задачи по достижению определенных объемов выпуска продукции, а непосредственное регулирование производства, продаж и цен оставалось в ведении самих картелей. В 1936 г. этот закон был пересмотрен в сторону расширения прав министерств вмешиваться в дела картелей и проводить принудительное картелирование предприятий.

Дальше всего дело зашло в металлургии. Ввиду особой стратегической важности этой отрасли в январе 1934 г. на основании специального закона было произведено слияние государственного комбината «Явата сэйтэцу» и шести частных металлургических компаний. Образованная в результате компания «Нихон сэйтэцу» сразу же заняла монопольные позиции в отрасли: в 1934 г. на ее долю пришлось 96% производства чугуна и 52% выплавки стали. Доля государства в ее капитале составляла более 80%, благодаря чему акции этих компаний стали котироваться значительно выше их номинальной стоимости.

Аналогичные тенденции имели место и в других отраслях экономики. Так, правительством была создана компания по добыче жидкого топлива «Тэйкоунэнре», проведена реорганизация Банка Японии, сделаны правительственные вклады в Промышленный банк и др.

В июле 1937 г. началась война Японии с Китаем, и страна вступила в новый период — период военной экономики.

Лекция 10

Япония в войне на Тихом океане (1941-1945):

1. Начальный этап войны.
2. Внешняя политика Японии в период военных успехов.
3. Закат могущества Японской империи.

4. Внутреннее положение в Японии в годы войны.

5. Япония на пороге поражения.

После того, как императорское совещание 2 июля 1941 г. фактически выбрало курс на войну против США и Великобритании, генеральные штабы армии и флота разработали общий стратегический план, согласно которому в начальном периоде военных действий (ориентировочно 4-5 мес.) предполагалось захватить Филиппины, Британскую Малайю (совр. Малайзия и Сингапур), Голландскую Индию (совр. Индонезия), Бирму (совр. Мьянма), оккупировать Таиланд и овладеть рядом тихоокеанских островов. В Китае активные действия на это время не планировались.

5 ноября, после принятия императорским совещанием решения начать войну в декабре 1941 г., император Хирохито утвердил планы операций, представленные начальником генерального штаба армии маршалом Сугияма Хадзимэ и начальником генерального штаба флота адмиралом Нагано Осами. Вскоре были отданы приказы о непосредственной подготовке японских вооруженных сил к предстоявшим боевым действиям.

Начальный этап войны

7 декабря 1941 г. вооруженные силы Японии без объявления войны совершили нападение на основные базы США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Японское авианосное соединение нанесло мощный удар по кораблям Тихоокеанского флота США в Пирл-Харборе. В тот же день японская авиация, базировавшаяся на о-ве Тайвань, совершила налеты на аэродромы Филиппин.

Нападение на Пирл-Харбор

Подготовке гавайской операции было уделено особое внимание. Ее план был разработан под руководством командующего Объединенным флотом адмиралом Ямамото Исороку. Для удара по Пирл-Харбору было сформировано мощное авианосное соединение, в которое вошли 6 тяжелых авианосцев, 2 линкора, 3 крейсера, 11 эсминцев, 3 подводные лодки. Ему был также придан передовой отряд из 27 подводных лодок.

7 ноября авианосное соединение получило приказ сосредоточиться в районе о-ва Итуруп (Эторофу). 11 ноября начали выдвигаться к Гавайским о-вам подводные лодки передового отряда. Основные силы под командованием адмирала Нагумо Тюити скрытно покинули залив Бидокап (Хитокаппу) на Итурупе и направились к Пирл-Харбору 26 ноября. К тому времени японские подводные лодки уже заняли позиции у Гавайских о-вов.

Соединение Нагумо направилось к Гавайям через редко посещаемые торговыми судами районы в северной части Тихого океана. Чтобы затруднить действия американских патрульных самолетов, корабли следовали вместе с медленно перемещавшимся погодным фронтом, характерным для этого времени года. Во время перехода соблюдалось полное радиомолчание, а японские военные корабли, находившиеся вблизи метрополии, вели ложный радиообмен, чтобы создать впечатление, что ударное авианосное соединение маневрировало в районе о-ва Кюсю.

Дата начала военных действий против США, Великобритании и Голландской Индии была окончательно определена японским руководством 1 декабря. При этом было решено, что формальное объявление войны США «не является необходимым». Ночью 2 декабря соединение Нагумо получило по радио условный сигнал «Восхождение на гору Ниитака 1208», означавший, что 8 (по гавайскому времени — 7) декабря назначено днем начала войны.

Не встретив на своем пути ни одного судна, японские авианосцы к 7 декабря вышли в район нанесения удара. В 6 час. утра, когда оно находилось на расстоянии 230 миль к северу от Пирл-Харбора, с них поднялись самолеты первой волны (140 торпедоносцев и бомбардировщиков и 43 истребителя). Через 55 мин. на американские военные корабли и аэродромы посыпались торпеды и бомбы. В 9 утра последовала вторая атака. Отбомбившись, самолеты удалялись в разных направлениях, поэтому американцы не смогли определить точного местонахождения японских авианосцев.

В Пирл-Харборе в это время находились 8 линкоров, 8 крейсеров и 29 эсминцев. 7 декабря было воскресенье, и более трети личного состава получило увольнение на берег. Противовоздушная оборона Гавайев оказалась не готовой к отражению нападения. Самолеты на аэродромах стояли ровными рядами, представляя собой удобную мишень для японской авиации.

В результате ударов по Пирл-Харбору были уничтожены или выведены из строя все линейные корабли, 6 легких крейсеров, эсминец и 272 самолета. Потери в людях составили 3400 чел., в том числе 2402 убитыми. Японцы потеряли 29 самолетов.

Правда, в одном отношении американцам повезло. Все 3 их авианосца, базировавшихся в Пирл-Харборе, были выведены оттуда на учения и потому не пострадали.

Утром 8 декабря президент Ф.Рузвельт выступил на совместном заседании обеих палат американского конгресса с сообщением о японском нападении. Ранее среди американских законодателей, как и в американском обществе, были сильны настроения «изоляционизма», т. е. стремление не допустить вступления США в войну. Однако японская атака на Пирл-Харбор резко переломила эти настроения, и конгресс немедленно принял резолюцию об объявлении войны Японии. Опрос общественного мнения показал, что это решение поддержало 96% населения США.

11 декабря союзники Японии — Германия и Италия — объявили войну Соединенным Штатам. В связи с этим Рузвельт обратившись с посланием к конгрессу, заявил о готовности США присоединиться к тем народам мира, «которые полны решимости оставаться свободными», и объединенными усилиями добиться победы «над силами дикости и варварства».

Помимо США войну Японии объявили Великобритания, Канада, Голландия, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и ряд государств Латинской Америки. Китай также объявил войну Японии и ее европейским союзникам. До тех пор, несмотря на то, что боевые действия японской армии на китайской территории продолжались уже более четырех лет, обе страны формально не находились в состоянии войны друг с другом. Мировая война распространилась на огромные пространства Тихого и Индийского океанов, Юго-Восточной Азии, Индию, район Южных морей, Австралию, и в нее оказалось вовлеченным большинство населения земного шара.

С нападением Японии на Пирл-Харбор связана одна из загадок второй мировой войны. Дело в том, что американской разведке удалось раскрыть японский дипломатический шифр, и американцы читали все радиogramмы из Токио, передававшиеся японскому посольству в Вашингтоне. Хотя перехваченные сообщения не содержали конкретной информации относительно направления основных ударов японских вооруженных сил и времени их нанесения, американское руководство знало о высокой вероятности японского нападения. Тем не менее, американские вооруженные силы на Тихом океане не были приведены в боевую готовность.

Кроме того, британская разведка раскрыла военно-морской код Японии, и была хорошо информирована о конкретных планах действий японских вооруженных сил. Она сообщала эти сведения британскому политическому руководству, но то не передало их своему американскому союзнику.

После войны все это дало почву для многочисленных обвинений в адрес Рузвельта и Черчилля. Первого подозревали в том, что он сознательно пожертвовал жизнями американских военнослужащих, чтобы заставить изоляционистски настроенный американский конгресс санкционировать вступление Соединенных Штатов в войну, предполагаемая победа в которой обеспечила бы США доминирующие позиции в мире. Что касается британского премьера, то он, якобы, также сделал все, чтобы втянуть США в войну, чтобы облегчить тем самым положение собственной страны.

Эти обвинения выглядят довольно правдоподобно с политической и исторической точек зрения. Однако до сих пор не обнаружены документальные свидетельства существования подобных интриг с участием лидеров западных стран.

Захват Филиппин

Одновременно с атакой на Пирл-Харбор японские вооруженные силы начали Филиппинскую операцию. Японская авиация внезапными ударами по американским аэродромам и военно-морской базе на о-ве Лусон уничтожила половину американских тяжелых бомбардировщиков и более трети истребителей, не успевших подняться с земли. Таким образом, японцам сразу удалось захватить господство в воздухе. 10 декабря они высадили на Лусон свои передовые части, а 22-24 декабря — главные силы под командованием генерала Хомма. Американо-филиппинские войска, которыми командовал генерал Д. Макартур, начали отступать. 2 января 1942 г. японцы вступили в столицу Филиппин Манилу:

На п-ове Батаан 12,5 тыс. американских и 67 тыс. филиппинских солдат продолжали сопротивление еще 3 мес, тщетно надеясь на прибытие помощи. 11 марта 1942 г. по приказу Рузвельта Макартур покинул свои войска и отправился в

Австралию, чтобы принять командование союзными силами в юго-западной части Тихого океана. В начале апреля японская армия полностью овладела полуостровом. 7 мая японцы захватили последний очаг сопротивления американцев на Филиппинах — остров-крепость Коррехидор, взяв в плен 12 тыс. солдат и офицеров.

Падение Сингапура

Кроме действий против американских вооруженных сил Япония провела малайскую операцию, в которой ее противником были британские войска. Ее целью был захват Британской Малайи, богатой стратегическим сырьем.

Для этого японское командование выделило 70-тысячную армию во главе с генералом Ямасита Томоюки, 9 крейсеров, 16 эсминцев, 16 подводных лодок и около 600 самолетов. Им противостояли силы под командованием генерала А.Персиваля (около 100 тыс. чел.), которые поддерживал британский Восточный флот.

Перед японскими войсками стояли непростые задачи. Им предстояло, в частности, взять Сингапур, где перед войной было завершено строительство мощной военно-морской базы.

Японские десанты были высажены в ночь на 8 декабря одновременно в Британской Малайе и в Южном Таиланде. На рассвете японская авиация совершила налеты на британские аэродромы. В течение первых двух дней боев японцы уничтожили 1/3 британской авиации, а оставшиеся самолеты британское командование перебросило в Сингапур.

Для борьбы с японским десантом 9 декабря из Сингапура вышли линкор «Принс оф Уэлс» и линейный крейсер «Рипалс». Корабли следовали без прикрытия с воздуха. Они были обнаружены японскими самолетами-разведчиками, и утром 10 декабря японская авиация потопила их. Британские войска остались без поддержки с моря и были разбиты.

Японская армия быстро продвигалась на юг, наступая одновременно вдоль восточного и западного побережья п-ова Малакка. Попытки британских войск остановить японское наступление не увенчались успехом. 31 января британские и малайские части отошли в Сингапур, куда тем временем были доставлены подкрепления — 45 тыс. чел. и 141 самолет.

Несмотря на то, что в Сингапуре были сосредоточены большие силы и имелось значительное количество боеприпасов и продовольствия, британское командование потеряло надежду удержать свою главную цитадель в Юго-Восточной Азии. В связи с тяжелой обстановкой в Малайе командование британских сил на Дальнем Востоке было переведено из Сингапура в Коломбо (о-в Цейлон).

8 февраля японцы высадились на о-в Сингапур и захватили аэродромы и водохранилища. 15 февраля британский гарнизон безоговорочно капитулировал. Сингапур утратил свое имя — он был переименован японцами в Сёнан.

Общие потери британских войск составили 140 тыс. чел., включая попавших в плен в Сингапуре (100 тыс. чел.), среди которых был и генерал Персиваль. 40 тыс. этих пленных в скором времени очутились в бирманских джунглях на затеянном японцами строительстве стратегической железной дороги, соединявшей Бирму и Таиланд, где не менее 16 тыс. из них погибли. Японцы потеряли 3507 чел. убитыми и 6150 ранеными.

С захватом японцами п-ова Малакка и падением Сингапура рухнул фронт стратегической обороны союзников («малайский барьер»), проходивший от Индии до Австралии. Создались благоприятные условия для дальнейшего развития наступления японских вооруженных сил как на север — на Бирму, так и в юго-восточном направлении — на Суматру и Яву.

Нанеся первые сокрушительные поражения американским и британским вооруженным силам, японцы постарались немедленно развить свой успех. В середине февраля 1942 г. японские воздушный и морской десанты захватили нефтепромыслы на о-ве Суматра (Голландская Индия). После этого японские войска высадились на о-в Бали, расположенный восточнее Явы, и перебазировали туда свою авиацию.

Чтобы исключить возможность доставки союзниками подкреплений на Яву, авианосное соединение адмирала Нагумо 19 февраля совершило налет на порт Дарвин (Австралия), уничтожило все находившиеся там суда и разрушило портовые сооружения. Вслед за этим японцы захватили о-в Тимор. Выйдя на ближние подступы к Яве, они перекрыли выходы из Яванского моря и блокировали там объединенную эскадру союзников под командованием голландского адмирала Доормана (5 крейсеров и 10 эсминцев), которая была почти полностью уничтожена в

ходе морского сражения в Яванском море 27-28 февраля. Сам Доорман погиб. Разгромив флот союзников, японцы высадили десант на Яву и к 15 марта овладели всей Голландской Индией.

Одновременно на севере японское командование проводило Бирманскую операцию, целью которой было создание плацдарма для последующего вторжения в Индию. Кроме того, овладение Бирмой позволяло Японии перерезать пути снабжения Китая оружием и боеприпасами и в перспективе заставить правительство Чан Кайши капитулировать.

Еще в середине января японское командование, считая судьбу Малайи предрешенной, отдало своим войскам приказ перейти бирманскую границу и начать наступление на Рангун (совр. Янгон). Японцам противостояли англо-индийские войска под командованием британского генерала Хаттона. Сюда же были переброшены 3 китайские армии. Этим силам удалось ненадолго задержать противника, но японцы вынудили их отступить и 8 марта овладели Рангуном. После этого японское командование начало наступление к китайской границе. 29 апреля японцы перерезали бирманско-китайскую дорогу, а затем вступили на территорию Китая, в провинцию Юньнань.

На западном участке бирманского фронта англо-индийские войска не смогли остановить противника и, бросив технику и вооружение, ушли через горы в Индию. Из 35 тыс. солдат британской группировки до Индии добрались лишь около 12 тыс. Потери японцев, по их данным, составили 1280 убитых и 3158 раненых.

Одновременно с наступлением в Бирме японский флот провел успешную операцию по нарушению британских морских коммуникаций. 26 марта 1942 г. авианосное соединение адмирала Нагумо (5 авианосцев, 4 линкора, 3 крейсера, 8 эсминцев) вышло в Индийский океан, чтобы уничтожить британский Восточный флот, базировавшийся на Цейлоне.

Командующий Восточным флотом адмирал Сомервилл, получив сведения о готовящемся ударе, попытался перевести основные силы на Мальдивские о-ва. Однако японские самолеты обнаружили часть этих сил на переходе и уничтожили авианосец, 2 тяжелых крейсера и 2 сторожевых корабля. Затем массированными ударами соединение Нагумо разрушило британские базы в Коломбо и Тринкомали на Цейлоне. Британский Восточный флот был вынужден перебазироваться на восточное побережье Африки, и территория Индии осталась без прикрытия с моря.

В результате действий японцев союзники были отброшены к границам Индии и Австралии, а Япония получила в свое распоряжение богатейшие сырьевые ресурсы, позволившие ей значительно укрепить свою экономическую базу.

Борьба за стратегическую инициативу

Итоги первых месяцев войны превзошли самые оптимистические ожидания японского командования. К весне 1942 г. японские вооруженные силы выполнили все задачи, намеченные на первый период войны, захватив территорию в 3,8 млн. кв. км с населением почти в 150 млн. чел. При этом потери Японии были незначительными, тогда как союзники лишились почти всех соединений, принимавших участие в боевых действиях. Соотношение сил сторон резко изменилось в пользу Японии.

Однако, несмотря на все успехи, перспективы Японии в войне не были безоблачными. Хотя США и Великобритания были вынуждены вступить в войну с Японией, когда еще не были вполне к ней готовы, они многократно превосходили Японию по экономической мощи, что в затяжной войне имело решающее значение.

Военное преимущество Японии неумолимо приближалось к концу. Накапливание американских сил на Тихом океане шло ускоренными темпами. К октябрю 1942 г. на этом театре было развернуто 5 воздушных армий (против Германии с британской территории действовала тогда 1 воздушная армия США). Одновременно США развернули массовое строительство боевых кораблей.

При всем своем авантюризме японское руководство хорошо понимало грозившую опасность. Его расчет на победу строился на том, чтобы, не давая противнику опомниться, продолжать наносить удары и сохранять стратегическую инициативу. Учитывая успехи Германии на европейском театре военных действий, Япония рассчитывала, что со временем союзники будут если не полностью побеждены, то настолько истощены борьбой на два фронта, что заключат мир на японских условиях.

Как ни странно, существенное влияние на дальнейшие действия японского командования оказала откровенно демонстративная американская акция 18 апреля 1942 г., когда 16 бомбардировщиков Б-25, поднявшись с авианосца, совершили налет на Токио. Это вызвало в стране настоящую истерию. Адмирал Ямамото, одетый в

парадную форму, явился во дворец, чтобы принести извинения за «осквернение» императорской столицы. После этого японцы, наряду с подготовкой запланированного ранее вторжения в Австралию, форсировали операцию по захвату расположенного в центральной части Тихого океана атолла Мидуэй, так как по считали, что бомбардировщики вылетели именно оттуда.

Сражение у атолла Мидуэй

Нападение на Мидуэй было запланировано 4 июня 1942 г. На сутки раньше должна была начаться японская десантная операция в западной части Алеутской гряды, которая, как предполагалось, должна была отвлечь силы американского флота на север.

К проведению операции были привлечены основные силы японского флота. Непосредственно к Мидуэю направились ударное авианосное соединение адмирала Нагумо Тюити (4 тяжелых авианосца, 2 линкора, 3 крейсера, 12 эсминцев) и десантное соединение под командованием адмирала Кондо Нобутаке, состоявшее из 15 транспортов (5 тыс. чел. десанта), легкого авианосца, 2 авиатранспортов, 2 линкоров, 10 крейсеров, 21 эсминца.

Для захвата Алеутских о-вов (Ат-ту и Кыска) предназначалось соединение адмирала Хосогая Босирб, включавшее 2 легких авианосца, 6 крейсеров, 12 эсминцев, 6 подводных лодок, 2450 чел. десанта.

Главные силы японского Объединенного флота под командованием адмирала Ямамото Исороку развертывались в 600 милях к северо-западу от Мидуэя и должны были одновременно поддерживать операции на центральном и на северном направлениях. В их состав входили 7 линкоров, легкий авианосец, 3 крейсера, 21 эсинец, 2 авиатранспорта.

Американцы раскрыли японский военно-морской шифр и заблаговременно знали о готовившихся действиях противника. Однако для отражения атаки они смогли выставить значительно меньшие силы — 3 тяжелых авианосца (233 самолета), 8 тяжелых крейсеров и 14 эсминцев под общим командованием адмирала Ф.Флетчера. Кроме того на Мидуэе имелось около 120 самолетов, а на подходах к атоллу заняли позиции 19 американских подводных лодок. Для обороны Алеутских о-вов было выделено 5 крейсеров, 14 эсминцев, 6 подводных лодок и самолеты берегового базирования. Общее руководство всеми американскими силами осуществлял из Пирл-Харбора адмирал Ч.Нимиц.

Боевые действия, как и планировало японское командование, начались на алеутском направлении. Высадка японских десантов на острова Кыска и Атту прошла без помех. Только через четверо

суток американская авиация обнаружила японские войска на островах и начала периодически их бомбить. Эта отвлекающая японская операция вызвала сильную тревогу у американской общественности — впервые нога японского солдата ступила на землю Соединенных Штатов.

3 июня в 600 милях к западу от атолла Мидуэй американский самолет-разведчик обнаружил японский десантный конвой. В воздух была поднята американская авиация. Неожиданно в 150 милях от Мидуэя были обнаружены японские самолеты, а в 180 милях — авианосцы. Японским самолетам все же удалось прорваться к острову, однако главной цели — уничтожения американской авиации на земле — они не достигли, так как та уже была в воздухе и направлялась для нанесения удара по японским кораблям.

После ряда безуспешных атак пикирующим бомбардировщикам, поднявшимся с тяжелых авианосцев «Энтерпрайз» и «Йорк-таун», менее чем за 5 минут удалось уничтожить 3 (из 4) японских тяжелых авианосца с находившимися на них 137 самолетами. Американцы потеряли при этом 69 самолетов.

Четвертый тяжелый авианосец («Хирю») из соединения адмирала Нагумо в то время находился значительно севернее и не был обнаружен американцами. Поднятые с него самолеты атаковали авианосец «Йорктаун» (флагманский корабль Флетчера) и нанесли ему тяжелые повреждения. 6 июня его торпедировала японская подводная лодка, и на следующий день он затонул.

В тот момент, когда самолеты с авианосца «Хирю» атаковали «Йорктаун», сам «Хирю» был атакован американской авиацией, получил тяжелые повреждения и 5 июня был потоплен своим эсминцем. Авианосное соединение адмирала Нагумо, в течение полугода с лишним громившее флоты и базы союзников в Тихом и Индийском океанах, перестало существовать.

В результате соотношение сил флотов на Тихом океане существенно изменилось в пользу США. У японцев оставался 1 тяжелый и 4 легких авианосца, в то время как

американцы имели 3 тяжелых. При этом в Японии в постройке находилось 6 авианосцев, а в США—13 тяжелых и 15 эскортных авианосцев. Возможности Японии проводить стратегические наступательные операции резко сократились.

Борьба на подступах к Австралии

С весны 1942 г. японцы стремились усилить свои плацдарм для вторжения в Австралию. В начале мая они попытались захватить австралийскую базу на Новой Гвинее Порт-Морсби. В случае успеха Япония получила бы удобный пункт для базирования своего флота и авиации. Однако в результате морского сражения в Коралловом море 6-8 мая американскому флоту (им командовал Ф.Флетчер) несмотря на большие собственные потери удалось сорвать японскую десантную операцию.

Несмотря на быстрое изменение соотношения сил в пользу США и их союзников после сражения у атолла Мидуэй, японское командование не оставило надежды на удержание Новой Гвинеи и Соломоновых о-вов, которые рассматривались им теперь, скорее, не как плацдарм для вторжения в Австралию, а как линия стратегической обороны японских завоеваний начального периода войны.

Со своей стороны, союзники стали готовиться к наступлению, чтобы овладеть стратегической инициативой. 7 августа 1942 г. 11 тыс. американских морских пехотинцев беспрепятственно высадились на о-ве Гуадалканал. Затем последовала высадка 5-тысячного десанта о-в Тулаги. Получив сведения об этом, японское командование срочно отправило в район десанта 5 тяжелых и 2 легких крейсера и эсминцев. К этому времени американский десант прикрывали 6 тяжелых крейсеров и 6 эсминцев.

В ночь на 9 августа у о-ва Саво состоялся первый из множества морских боев у Гуадалканала, который был начисто проигран союзниками: 4 их тяжелых крейсера были потоплены и 1 получил серьезные повреждения. При этом лишь 2 тяжелых японских крейсера были повреждены. Однако несмотря на это борьба за Гуадалканал продолжилась с возрастающим ожесточением. Обе стороны стали наращивать свои силы на острове, высаживая там подкрепления.

Хотя в морских сражениях в районе Гуадалканала успех чаще сопутствовал японскому флоту, он не смог решить главную задачу — обеспечить наращивание японских сил на самом острове. Японцы смогли сосредоточить там 30 тыс. чел., тогда как американцам к концу 1942 г. удалось довести численность своих войск до 58 тыс. чел.

31 декабря 1942 г. на совещании в присутствии императора было решено прекратить бесперспективную операцию и вывести японские войска с Гуадалканала. 7 февраля 1943 г. эвакуация была завершена. Утром следующего дня американцы обнаружили, что противника перед ними нет.

Военные действия на Тихом океане в 1943 г.

Хотя в 1943 г. инициатива на тихоокеанском театре перешла в руки союзников, они не вели там крупных

наступательных операций. Военные действия в основном сводились к затяжным боям местного значения и к эпизодическим столкновениям военно-морских сил на коммуникациях. Тем не менее, их ход выявил неспособность Японии удержать захваченные территории.

После того, как в июне 1942 г. японцы захватили острова Алеутской гряды Атту и Кыска, американская общественность продолжала проявлять беспокойство по поводу продолжавшейся оккупации части территории США войсками противника. Хотя провал, японского наступления в центральной части Тихого океана сделал местный успех японцев в этом районе практически бессмысленным, американское командование решило отвоевать острова. Для этого был сформирован 11-тысячный десант и соединение поддержки в составе 3 линкоров, эскортного авианосца, 6 крейсеров и 19 эсминцев.

Бои на Атту продолжались с 11 до 30 мая 1943 г. Японский гарнизон (около 2,5 тыс. чел.) оказал ожесточенное сопротивление и был почти полностью истреблен. Американцы потеряли убитыми 550 чел. С потерей Атту о-в Кыска оказался в тылу американских сил, и японское командование решило оставить его. 29 июля 2 крейсера и 10 эсминцев под прикрытием тумана подошли к острову, за 45 мин. приняли на борт весь его гарнизон (5,1 тыс. чел.) и удалились.

Американцы не заметили эвакуации и продолжали готовить штурм Кыски. 16 августа после многодневной авиационной и артиллерийской подготовки на него высадились 34 тыс. американских солдат. Оборудовав плацдарм, они на следующий день продолжили наступление и лишь через сутки обнаружили, что на острове нет ни одного японца. На этом активные действия в северной части Тихого океана прекратились.

Летом и осенью 1943 г. союзники провели серию десантных операций по овладению Соломоновыми о-вами. Несмотря на большое превосходство американцев, бои приняли затяжной характер. В конце концов американским авиации и флоту удалось настолько затруднить снабжение японских войск, что императорская ставка приняла решение эвакуировать свои силы и перебросить их на о-в Бугенвиль. Хотя американцы пытались препятствовать эвакуации, она в целом успешно завершилась ко 2 октября 1943 г.

В конце ноября 1943 г. американцы, собрав самую крупную военную группировку из всех, ранее создававшихся на Тихом океане (13 линкоров, 19 авианосцев, 17 крейсеров, 42 эсминца, 22-тысячный десант и около 1100 самолетов), овладели о-вами Гилберта (атоллами Макин и Тарава), которые обороняли около 5,5 тыс. японцев. Это укрепило позиции союзников в центральной части Тихого океана и обеспечило благоприятные условия для наступления на Маршалловы и Каролинские о-ва.

1943 г. ознаменовался еще одной американской боевой операцией, которая, хоть и была совсем невелика по масштабам, имела большой резонанс. В середине апреля американской разведке удалось перехватить и расшифровать сообщение, в котором содержались сведения о маршруте и сроках инспекционной поездки командующего Объединенным флотом адмирала Ямамото на о-в Бугенвиль. 18 апреля американские истребители сбили оба самолета, на которых следовал Ямамото со своим штабом. Японцам удалось найти останки своего знаменитого флотоводца, и 5 июня Ямамото был торжественно похоронен в Токио.

Военные действия в Китае

К концу 1941 г. Япония захватила 800 китайских уездов с населением около 215 млн. человек. В руках японцев оказались самые развитые районы страны, главным образом приморские китайские провинции, где находились наиболее крупные города, морские порты и промышленные предприятия, основные железнодорожные магистрали и водные пути.

Оккупированными территориями формально управляли марионеточные власти: в Северо-Восточном Китае — правительство Маньчжоуго во главе с императором Пу И, в Нанкине — прояпонское правительство Ван Цзинвэя, во Внутренней Монголии — правительство князя Дэвана, в Пекине — политический совет Северного Китая во главе с Ван Итаном.

Правительство Чан Кайши сохраняло свою власть в западных районах страны с центром в г. Чунцин. Гоминьдановское командование располагало войсками численностью около 2,6 млн. чел., боеспособность которых была невысокой. Им не хватало подготовленных командных кадров, остро ощущался недостаток боевой техники, почти не было танков и авиации.

В армии Гоминьдана имелись и другие проблемы. Китайские военнослужащие почти не получали довольствия. Главным их занятием стала торговля, так как иначе они не могли бы существовать. Одновременно в китайской армии процветало воровство. Офицеры наживались за счет солдат, которые зачастую голодали. Слаба была дисциплина, особенно в армиях провинций. Их генерал-губернаторы нередко не выполняли боевых приказов Чан Кайши. Кроме того, в главном штабе в Чунцине было сильно влияние прояпонских элементов.

На северо-западе Китая было создано временное (коммунистическое) правительство Пограничного (Особого) района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Его местопребыванием стал уездный город Янь-ань, где размещались ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) и военный совет Народной Революционной армии (НРА). Кроме того, на оккупированной японцами территории существовало несколько «освобожденных районов» и партизанских баз, которые контролировали коммунисты. На территории «освобожденных районов» Северного Китая действовала 8-я, а в восточной части Китая — Новая 4-я армия. Их численность (вместе с партизанскими отрядами) к январю 1942 г. достигала 650 тыс. чел., которые были вооружены в основном трофейным стрелковым оружием.

Антияпонская борьба в Китае значительно затруднялась из-за острого соперничества в борьбе за власть между ведущими политическими силами китайского общества — Гоминьданом и КПК, — которое проходило, в том числе, в форме вооруженной борьбы. Японцы активно использовали это обстоятельство, натравливая китайцев друг на друга и укрепляя таким образом собственные

позиции.

* * *

После начала войны на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии ограниченный характер военных действий в Китае не изменился. Японское командование, намеревавшееся зимой 1941-весной 1942 г. удерживать линию фронта, сложившуюся к началу декабря 1941 г., провело несколько операций местного значения. Со своей стороны гоминьдановское командование придерживалось стратегии пассивной обороны. При этом, несмотря на формальное провозглашение единого антияпонского национального фронта, продолжалась вооруженная борьба между силами Гоминьдана и коммунистами.

В связи с началом войны правительства США и Великобритании стремились побудить Чан Кайши активизировать боевые действия, чтобы сковать в Китае как можно больше японских сил. Однако способность гоминьдановских войск развернуть активные действия во многом зависела от материальной помощи Соединенных Штатов и, соответственно, от положения в Бирме, через которую осуществлялись военные поставки союзников Китаю.

В начале 1942 г. в Китай был направлен американский генерал Дж.Стилуэлл, который должен был согласовывать с Чан Кайши вопросы участия китайских войск в операциях в Бирме и в Индии, а также следить за тем, чтобы поступающие из США по ленд-лизу военные материалы расходовались по прямому назначению—для борьбы против Японии. Стилуэлл стал главным военным советником Чан Кайши, начальником штаба и командующим китайскими экспедиционными войсками в Бирме.

С захватом японцами части бирманско-китайской дороги США и Великобритания потеряли возможность оказывать Чан Кайши эффективную военно-экономическую помощь. Снабжение Китая военными материалами стало осуществляться воздушным путем через Индию в ограниченных масштабах (в среднем не более 13 тыс. т грузов в месяц).

Под влиянием поражений союзников на начальном этапе войны с Японией среди части генералов гоминьдановской армии усилились капитулянтские настроения, и они стали переходить со своими войсками на сторону нанкинского «правительства» (т.е. японцев). Только с января по апрель 1942 г. к противнику ушли 8 дивизий и 3 отдельные бригады.

В 1942 г. активизировались действия американской авиации с китайских аэродромов. Японская императорская ставка в своей директиве от 30 апреля 1942 г. потребовала от главнокомандующего экспедиционными войсками в Китае маршала Хата Сюнроку в кратчайшие сроки уничтожить аэродромы, находившиеся в провинции Чжэцзян.

Операция японских войск началась 15 мая. Основные силы японской 13-й армии перешли в наступление из района Ханчжоу. В течение второй половины мая и июня они разгромили противостоявшие им китайские войска и соединились в середине июня с частями японской 11-й армии в Хэнфэне. В результате была захвачена Чжэцзян-Хунаньская железная дорога. Однако затем по приказу верховного командования обе армии (11-я и 13-я) к концу августа вернулись на исходные позиции.

В конце 1942-начале 1943 г. правительство Чан Кайши продолжало придерживаться пассивной линии в ведении войны с Японией и было занято в основном решением внутриполитических проблем: Гоминьдан стремился уменьшить влияние компартии, а также подорвать авторитет нанкинского марионеточного правительства. Что касается боевых действий между японскими и чунцинскими войсками, то они имели ограниченный характер и не оказали существенного влияния на ход войны.

Внешняя политика Японии в период военных успехов

Главными целями японской внешней политики в начальный период войны на Тихом океане было обеспечить благоприятные условия для включения захваченных территорий в состав своей колониальной империи. Для этого предполагалось поддерживать союзные отношения с Германией и Италией и проводить активную политику в отношении азиатских народов. Никаких попыток вести переговоры по вопросам заключения мира с военными противниками на этом этапе не предпринималось: японцы продолжали надеяться на поражение антифашистской коалиции в Европе и, соответственно, на заключение мира с позиции силы.

Отношения Японии со своими союзниками

В целом японо-германские союзные отношения с началом тихоокеанской войны получили дальнейшее развитие. «Тройственный пакт» был дополнен двумя соглашениями военного характера. Первое из них было заключено 11 декабря 1941 года, в день вступления Германии и Италии в войну с Соединенными Штатами. Япония, Германия и Италия брали обязательство вести войну против США и Великобритании до победы, не заключать сепаратного перемирия или мира без полного взаимного согласия и после

победы «тесно сотрудничать в установлении справедливого нового порядка в духе тройственного пакта, заключенного 27 сентября 1940 г.».

Второе соглашение было подписано 18 января 1942 г. Оно касалось разделения зон военных операций как на суше, так и на море. По нему в зону операций и соответственно влияния Японии отходили все территории восточнее 70° восточной долготы, т.е. большинство восточных районов Советского Союза.

Впрочем, реальной коалиционной стратегии выработано не было. Соглашение от 18 января 1942 г. осталось, по существу, лишь декларацией. То же самое можно сказать и о заключенных годом позже (20 января 1943 г.) японо-германских экономических соглашениях. Из-за расширения масштабов военных действий и в целом неблагоприятного их развития для стран оси сообщение между Японией и Германией было крайне затруднено. Реально сотрудничество свелось к обмену разведывательной информацией, предоставлению документации по технологии производства отдельных видов вооружений и т.п. Кроме того, германские и японские генеральные штабы информировали друг друга о ходе военных действий и о планах некоторых операций.

Уже с 1942 г. между Японией и Германией наметились серьезные расхождения, осложнившие их отношения. Они касались перспективы вступления Японии в войну с СССР на стороне Германии.

Вопрос об участии Японии в войне против СССР

После начала тихоокеанской войны политика Японии по отношению к Советскому Союзу продолжала оставаться столь же враждебной, как и раньше. Японская сторона, не считаясь с советско-японским пактом о нейтралитете, продолжала готовить войну против СССР.

В течение всей зимы 1941/42 г. продолжалась интенсивная у подготовка к нападению на советский Дальний Восток весной 1942 г. Однако оно не состоялось. Начало военных действий было отложено на 6 мес., а затем перенесено на весну 1943 г. Такая осторожность была обусловлена поражениями вермахта зимой 1941/42 г. на советско-германском фронте. Разгром гитлеровских армий под Москвой показал, что, несмотря на тяжелые потери первых месяцев войны, боеспособность советских вооруженных сил возросла, и победа Германии уже не казалась предрешенной.

Развитие событий на советско-германском фронте повлияло и на позицию Германии, которая решила активно добиваться вовлечения Японии в войну против СССР. 23 марта 1942 г. германский министр иностранных дел И.Риббентроп в беседе с японским послом в Берлине Осима Хироси заметил, что, «если бы в этом году Япония была достаточно сильной, чтобы напасть на Россию, это способствовало бы быстрому и окончательному уничтожению России, учитывая ее все ухудшающееся положение». В ответ германофильски настроенный Осима заверил, что «сделает все возможное, чтобы убедить свое правительство предпринять наступление против Владивостока и Восточной Сибири в этом году, так как такой хороший случай больше не представится».

Несмотря на успехи, достигнутые гитлеровскими войсками на восточном фронте в ходе летней кампании 1942 г., японское правительство не торопилось со вступлением в войну против СССР. Поэтому Риббентроп 9 июля 1942 г. вновь встретился с Осима и разъяснил германскую позицию по этому вопросу:

«До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас ввиду успешного осуществления военных действий в России... он также пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией в том случае, если она считает себя достаточно сильной. Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом конец войны будет предрешен».

Однако 30 июля Осима сообщил Риббентропу, что, по мнению Токио, «выступление Японии приведет к чересчур большому распылению сил Японии», вследствие чего правительство «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге и в Китае». Далее он отметил, что «увеличивающееся давление на США и Великобританию» со стороны Японии способствует «ведению совместной войны».

Такое решение японского правительства было вызвано двумя факторами. Во-первых, летом 1942 г. Япония постепенно начала утрачивать стратегическую инициативу в войне. Сражение у о-ва Мидуэй показало, что японский флот больше не был полным хозяином в

Тихом океане. Во-вторых, не меньшую роль сыграло неверие японских правящих кругов в прочность успехов гитлеровских войск на советско-германском фронте.

Надо сказать, что Япония «способствовала ведению совместной войны» не только своим «давлением на США и Великобританию», но и давлением на СССР. Япония продолжала поддерживать численность и высокую боеготовность своих сил (в первую очередь Квантунской армии) в Маньчжурии и Корее. Хотя советское руководство на основании разведывательных данных и аналитической работы дипломатов и специалистов-востоковедов пришло к выводу, что японское нападение отсрочено на неопределенное время, и перебросило часть войск из Сибири и Дальнего Востока на советско-германский фронт, на протяжении всего периода войны с Германией оно было вынуждено считаться с фактором существования мощной японской военной группировки в непосредственной близости от советских границ. Это, безусловно, играло на руку Германии, что отмечалось и ее руководством. Так, Риббентроп в телеграмме в Токио 15 мая 1942 г., в очередной раз призывая японское правительство совершить нападение на Советский Союз, в то же время признал, что «нейтралитет» Японии сам по себе является формой активной помощи Германии в войне против СССР, «поскольку во всяком случае Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения».

Тем временем дела у вермахта на восточном фронте шли все хуже и хуже. В конце 1942 г. в связи с тяжелой для немцев обстановкой под Сталинградом руководство Германии усилило попытки вовлечь Японию в войну, но гибель немецкой 6-й армии в Сталинградской битве поставило на этих планах крест. Ждать «благоприятной» ситуации для нападения на СССР стало для ЯгГ6-нии бессмысленным. К тому же она к тому времени основательно завязла в оборонительных боях на островах Тихого океана. 6 марта 1943 г. в очередной беседе с Риббентропом бсима заявил:

«Предложение германского правительства о нападении на Россию детально и исчерпывающим образом обсуждалось на совещании японского правительства с императорской ставкой. В результате было принято следующее решение: ...Японское правительство полностью осознает опасность, которая исходит от России, и прекрасно понимает желание своего союзника—Германии,— чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки японское правительство не может вступить в войну, оно скорее убеждено в том, что в общих интересах не начинать в настоящее время войны против России. В то же время, японское правительство никогда не будет игнорировать русского вопроса».

Риббентроп все же попытался еще раз воздействовав на японское правительство. 18 апреля 1943 г. при встрече с Осима он заявил, что для Японии «этот год представляет самую удобную иозможность напасть на Россию, которая никогда больше не будет такой слабой, какой она является теперь». Однако японские политики и военные к тому времени прекрасно понимали, что решение открыть боевые действия еще на одном фронте стало бы > для Японии самоубийственным. Поражение немцев на Курской дуге в июле 1943 г. подвело черту под японскими планами войны против СССР.

Политика Японии в отношении азиатских народов

Политика Японии в отношении азиатских народов отличалась определенным своеобразием/Японские правящие круги стремились использовать в своих целях националистические и антиколониальные настроения в азиатских странах, и поэтому стремились представить свою агрессию как расовую войну между азиатами и европейцами. Широко пропагандировался лозунг «Азия для азиатов». Была выдвинута доктрина «сферы совместного процветания великой Восточной Азии», свободной от «англо-американского рабства», в которой Японии, разумеется, должна была принадлежать главенствующая роль./

Такая пропаганда отчасти возымела действие. Так, действия японских войск в Бирме в начальный период войны облегчались тем, что японцы пообещали бирманскому народу независимость. В результате вместе с японскими войсками на территорию страны вступила армия независимости Бирмы (АНБ), сформированная из бирманцев в Таиланде. Она была поддержана населением, и в ряды армии стали вступать добровольцы.

Такую же политику японцы проводили и в отношении Индии. Им удалось привлечь на свою сторону видного деятеля индийского национально-освободительного движения Субхаса Чандра Боса, который возглавил т. н. индийскую национальную армию (ИНА), созданную при помощи японцев в Сингапуре из военнопленных и индийцев,

проживавших за границей. Когда в 1942 г. Япония готовила вторжение на территорию Индии, эти индийские силы были использованы в антибританской пропагандистской кампании, а затем и в реальных боевых действиях против союзных войск.

Значительного успеха японская пропаганда добилась в Голландской Индии, где многие поверили в «освободительную» миссию японской армии. В результате вторжение японских войск получило поддержку в виде стихийных народных выступлений против голландских колониальных властей. Точно так же обещание предоставления независимости позволило японцам найти опору в руководстве Национальной партии Филиппин и даже добиться определенной поддержки католической церкви в этой стране. Несколько иначе действовали японцы в Таиланде, который всегда сохранял свою независимость. С военной точки зрения Таиланд был важным плацдармом для ведения операций в Малайе и Бирме. Поэтому еще за неделю до нападения на Пирл-Харбор Япония в ультимативной форме потребовала от правительства Таиланда дать согласие на проход японских войск через территорию страны. 7 декабря после длительных дебатов японский ультиматум был принят. Фактически Таиланд капитулировал перед Японией.

Вскоре, 21 декабря 1941 г., Япония подписала с Таиландом договор «о союзе». Он формально провозглашал взаимное уважение суверенитета и независимости договаривающихся сторон, оказание друг другу военной, экономической и политической помощи в случае конфликта с третьей державой, отказ обеих сторон от сепаратного заключения перемирия или мира в случае вступления в войну. Договор содержал секретный протокол, касавшийся взаимопомощи обоих государств в войне против США и Великобритании. 25 января 1942 г. правительство Таиланда под давлением Японии объявило войну Великобритании и США.

В дальнейшем японцы поставили задачу создать из своих стран-сателлитов т. н. восточно-азиатский блок, который обеспечил бы полный политический и экономический контроль Японии над захваченными территориями. В его состав должны были войти, помимо Японии, Маньчжоуго, Китай, Индокитай, Таиланд, Малайя, Филиппины и острова Южных морей. Предполагалось, что состав блока в дальнейшем может быть расширен за счет захвата новых территорий. В организационном отношении восточно-азиатский блок был оформлен на конференции стран Восточной Азии (*дайтоа кайгу*), состоявшейся 5-6 ноября 1943 г. в Токио,

Особую проблему для Японии представляло вовлечение в ее «сферу совместного процветания» Китая. Одержатъ полную победу над Чан Кайши никак не удавалось, поэтому японцы сделали ставку на марионеточное нанкинское правительство Ван Цзинвэя.

С конца 1942 г. Япония начала осуществлять в отношении Китая «новую политику». В Токио рассчитывали, что установление ' «равноправных» отношений с режимом Ван Цзинвэя может втянуть оккупированную часть Китая в войну на стороне Японии. В дальнейшем японцы надеялись укрепить позиции прояпонской группировки внутри Гоминьдана и добиться заключения сепаратного мира с Китаем и вывода его из войны.

В конце декабря 1942 г. Ван Цзинвэй был приглашен в Токио, где ему устроили официальную встречу как «главе китайского правительства». 9 января 1943 г. нанкинский режим объявил войну США и Великобритании. Японский премьер-министр Тōдзэ Хидэки в этой связи заявил, что «отношения между Японией и китайским национальным правительством в Нанкине отныне будут строиться на новой, равноправной основе», и сообщил о решении Японии отказаться от своих концессий на оккупированной территории Китая. Однако расчет японцев на то, что таким образом удастся выбить почву из под ног Чан Кайши и побудить его прекратить сопротивление, не оправдался. Война в Китае продолжилась.

* * *

Политика Японии, направленная на создание в Юго-Восточной Азии, странах Южных морей, а также в оккупированной части Китая военного, политического и экономического блока полностью зависимых от нее «государств», в 1942-1943 гг. достигла определенных результатов. Вместе с тем, проводившийся курс на японизацию и экономическое ограбление оккупированных территорий очень быстро рассеяли иллюзии оказавшихся в сфере влияния Японии народов относительно обретенной ими «независимости». Поэтому вскоре Японии пришлось столкнуться с массовым сопротивлением населения захваченных стран, в том числе и в форме партизанского движения.

Закат могущества Японской империи

С начала 1943 г. в японские правящие круги стали терять уверенность в благоприятном для Японии исходе войны. В течение весны и лета 1943 г. происходили дальнейшие изменения в соотношении сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. К осени 1943 г. на тихоокеанском театре союзники значительно превосходили японцев в военно-морских силах. Кроме того, последовавшие в 1943 г. новые тяжелые поражения вермахта на советско-германском фронте, начало стратегического воздушного наступления союзников против Германии, выход Италии из войны осложнили военно-политическое положение Японии. Стало ясно, что перспективы войны как для Японии, так и для ее союзников выглядят достаточно мрачно. Сложившаяся обстановка заставила японскую императорскую ставку переосмыслить свои стратегические установки.

Новая японская стратегическая концепция была утверждена на императорском совещании 30 сентября 1943 г. Вооруженным силам ставилась задача во что бы то ни стало удержать стратегически важную для Японии зону, включавшую в себя Марианские, Каролинские, Курильские острова, о-ва Бонин (Огасавара), западную часть Новой Гвинеи, Зондские о-ва и Бирму. Для дальнейшего ведения войны предполагалось также мобилизовать весь экономический потенциал страны для удовлетворения нужд армии и флота.

Хотя в утвержденном на совещании документе декларировалось намерение в конечном счете захватить инициативу в войне, можно сказать, что в сентябре 1943 г. фактически завершился переход Японии к стратегической обороне. Понимая превосходство противника, японское командование на 1944 г. планировало вести упорную оборону важнейших стратегических позиций, прежде всего островов в центральной части Тихого океана и Филиппин. Оно рассчитывало, втянув американцев в борьбу за бесчисленные острова, нанести им большие потери и воспрепятствовать их дальнейшему продвижению к метрополии.

Операции в центральной части Тихого океана

Сосредоточив крупные силы, союзное командование в конце 1943 г. развернуло наступление на Маршалловы о-ва, закрывавшие доступ к японским базам на о-вах

Трук и к Филиппинам. 1 февраля 1944 г. американские войска высадились на острова Кваджалейн (Меньшикова), Рой и Маджуро. Это создало серьезную угрозу для гарнизонов на Каролинских и Марианских о-вах и особенно на о-вах Трук, где базировались основные силы японского Объединенного флота.

Развивая успех, американская десантная группа захватила атолл Энвевток. Оставшиеся в руках японцев атоллы из группы Маршалловых о-вов подвергались непрерывным ударам авиации. Поэтому снабжение их гарнизонов осуществлялось только подводными лодками.

Захват основных японских баз на Маршалловых о-вах вынудил японское командование перебазировать Объединенный флот с о-вов Трук на о-ва Палау. Это значительно ухудшило положение японских войск на архипелаге Бисмарка и на Новой Гвинее. Американцы же получили новые базы в 3900 км западнее Гавайских о-вов. Создались условия для прорыва японской стратегической оборонительной линии на Тихом океане.

11 июня 1944 г. главные силы 5-го флота США (7 тяжелых и 8 легких авианосцев, 7 линкоров, 21 крейсер и 66 эсминцев) нанесли удары по японским авиабазам на Марианских о-вах. В результате были выведены из строя аэродромы, уничтожены и серьезно повреждены 215 японских самолетов. Это обеспечило американцам господство в воздухе.

Утром 15 июня после мощной артиллерийской и авиационной подготовки американцы высадились на о-в Сайпан. Основные силы американского десанта насчитывали до 70 тыс. чел. К 9 июля им удалось сломить организованное сопротивление японцев. Гарнизон на Сайпане был почти полностью истреблен — из 43,5 тыс. чел. погибла 41 тыс. (потери американцев составили 3,5 тыс. чел. убитыми). Японские командиры предпочли самоубийство сдаче в плен. Среди них был и адмирал Нагумо Тюити, который после потери своего авианосного соединения в сражении у Мидуэя командовал на Сайпане 7-тысячным отрядом военных моряков. Оставшиеся в живых японские военнослужащие, укрывшись в горах, вплоть до середины марта 1945 г. продолжали предпринимать вылазки против американских войск. Бои за Сайпан знаменательны еще и тем, что там американская авиация впервые применила напалм.

Кроме Сайпана крупные американские десанты были высажены на острова Гуам и Тиниан. Как и на Сайпане, их защитники были почти полностью истреблены. Так, на Гуаме японцы потеряли убитыми 18,4 тыс. чел., а пленными — только 1250.

Овладение группой Марианских о-вов позволило американцам создать на них передовые военно-морские базы и аэродромы, с которых их тяжелые бомбардировщики осенью стали совершать налеты на территорию Японии. Кстати, именно с Тиниана годом позже поднялся бомбардировщик Б-29, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму.

В сентябре 1944 г. американцы провели десантные операции в обширном Каролинском архипелаге, насчитывающем 936 островов, разбросанных в океане на площади около 2 млн. кв. км. Наиболее крупные из них — о-ва Палау — расположены в западной части архипелага. 15 сентября 1944 г. на них был высажен американский десант общей численностью 48 тыс. чел. Японские войска понесли тяжелый урон. Из 25 тыс. защитников островов погибли 16 тыс.

Овладение западными Каролинскими о-вами еще на шаг приблизило американцев к японской метрополии. Американский флот мог теперь базироваться на атолл Улити, расположенный более чем в 1800 милях западнее Энветока, который до этого был основной передовой базой военно-морских сил США в центральной части Тихого океана. Это облегчило действия американцев в районе Филиппин.

* * *

Одновременно с операциями в центральной части Тихого океана вооруженные силы США вели наступление в юго-западной его части — на Новой Гвинее и других островах. В результате боев за Палау японская авиация в этом районе была практически уничтожена. На Новой Гвинее насчитывалось не более 70 японских боевых самолетов. Лишенные поддержки авиации и флота, японские войска, действовавших в районе Новой Гвинеи, к осени оказались блокированными.

Таким образом, осенью 1944 г. сложилась весьма благоприятная обстановка для высадки американских войск на Филиппины. Овладение ими позволило бы американцам перерезать главную морскую коммуникацию Японии, по которой она получала из Голландской Индии и Бирмы нефть, каучук, олово и другие материалы, крайне необходимые для ведения войны.

Военные действия в Бирме в 1944 г.

Намереваясь удержать Бирму во что бы ни стало, японское командование решило провести упреждающую операцию (операция «У»), чтобы сорвать предполагаемое наступление союзников. Японцы наметили вторгнуться на территорию Индии и, развивая наступление на запад, перерезать вражеские коммуникации и разрушить аэродромы, обслуживавшие воздушный мост с Китаем.

Японские войска перешли в наступление 8 марта 1944 г. К началу апреля они вышли на Импхальскую равнину и блокировали индийский город Импхал. Создалась непосредственная угроза авиационным базам союзников.

Надеясь использовать в своих интересах антибританские настроения среди индийцев, японцы включили в состав своих сил формирования индийской национальной армии (ИНА) численностью около 7 тыс. чел. Предполагалось, что появление этих войск, а также «национального правительства» на занятой ими территории Индии приведет к восстанию во всей северо-восточной части страны. Однако эти расчеты не оправдались. Подтянув дополнительные силы, союзникам удалось остановить продвижение японцев. Бои приняли затяжной характер, и японские войска были вынуждены перейти к обороне.

Несмотря на то, что провал Импхальской операции стал очевиден, японское командование тянуло с ее прекращением. Только 10 июля главнокомандующий Южной группой армий Тэраути Хисаити, в подчинении которого находился бирманский фронт, издал приказ об отводе войск. Но это решение было запоздалым. К тому времени британские войска отрезали японской армии удобные пути отхода, вынудив ее отступать по бездорожью.

В сезон муссонных дождей остатки японских войск и дивизии ИНА, побросав оружие и боеприпасы, пробирались по размокшим джунглям. Многие умерли от голода и болезней. Из 100 тыс. чел., участвовавших с японской стороны в Импхальской операции, было убито и вышло из строя свыше 72 тыс. К 19 августа 1944 г. японских войск на территории Индии не осталось.

Союзники также понесли потери. Причем, если в боях было убито и ранено менее 17 тыс. чел., то за полгода действий в горах

и джунглях Бирмы и на границе Индии от болезней вышло из строя 288 тыс. чел. В целом же военные действия в Бирме в 1944 году закончились тяжелым поражением японских войск.

Наступление японских войск в Центральном Китае

Терпя неудачи на тихоокеанском театре, японское командование решило добиться стратегического успеха в Китае и превратить эту страну в базу дальнейшего ведения войны. Оно поставило цель разгромить гоминьдановские войска в Центральном и Южном Китае, захватить находившиеся там американские военно-воздушные базы (к июню 1944 г. там было 547 самолетов, в том числе 339 истребителей, 79 средних и 39 тяжелых бомбардировщиков) и обеспечить прямое сообщение по суше между японскими войсками в Китае и в Юго-Восточной Азии.

Активные боевые действия в Центральном Китае начались во второй половине апреля 1944 г. Войска Гоминьдана, превосходя противника по численности, уступали ему в вооружении, были хуже подготовлены и не смогли оказать серьезного сопротивления. В результате в руках японцев оказалась большая часть территории провинции Хэнань и вся железнодорожная линия от Пекина до Ханькоу. Таким образом, они сделали важный шаг к созданию прямых наземных коммуникаций между Китаем и Индокитаем и создали реальную угрозу американским авиабазам.

27 мая японские войска перешли в наступление из района Уханя в южном направлении. В середине июня японцам удалось прорвать оборонительные позиции с фронта и одновременно основными силами обойти китайские войска. Опасаясь окружения, гоминьдановцы стали в беспорядке отходить. 19 июня японские войска вступили в г. Чаншу.

Успехи противника встревожили военного советника Чан Кайши генерала Стилуэлла, который предложил Чан Кайши вступить в переговоры с руководством Коммунистической партии Китая и добиться согласованных действий 8-й и Новой 4-й армий с го-миньдановскими войсками против японцев. Однако Чан Кайши, боясь усиления влияния компартии, отверг это предложение и потребовал от правительства США отозвать Стилуэлла, вместо которого в октябре 1944 г. был прислан генерал А.Ведемейер.

Между тем к концу октября японские войска достигли района Гуйлиня. 10 ноября защитники города капитулировали. Вскоре японцы захватили Лючжоу и Наньнин. Путь в Индокитай был открыт.

К концу 1944 г. стратегическая цель японского командования была достигнута — у Японии появилась сквозная сухопутная коммуникация от Пекина до границы с Индокитаем. Это позволяло даже в условиях американского господства на море продолжать вывозить из Юго-Восточной Азии в Японию стратегическое сырье и продовольствие и, в конечном счете, давало шансы японским правящим кругам на затягивание войны. Была решена и другая важная задача — ликвидация части американских авиабаз в Китае.

В ходе операций японских войск в апреле-декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн. чел., 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов. Японцы установили контроль почти над всеми китайскими железными дорогами. Все это поставило армию Чан Кайши на грань катастрофы.

И все же японское командование не смогло добиться полного разгрома гоминьдановцев. Поражения на Тихом океане и в Бирме вынудили японцев в конце 1944 г. прекратить крупные наступательные операции в Китае, чтобы привлечь дополнительные силы для обороны метрополии.

Филиппинское морское сражение

Утром 17 октября 1944 г. передовой американский отряд высадился на небольшие острова, расположенные у входа в залив Лейте на Филиппинах. 20 октября после мощной авиационной и артиллерийской подготовки началась высадка на сам о-в Лейте. Получив сообщение о начале высадки, японское командование решило попытаться разгромить американцев на море. Японский флот должен был действовать тремя группами. Центральная группа под командованием вице-адмирала Курита Такэо (5 линкоров, 12 крейсеров, 15 эсминцев) направилась к проливу Сан-Бернарди-но, чтобы атаковать американский флот в заливе Лейте с севера. Одновременно южная группа под командованием вице-адмирала Нисимура Сёдзи (2 линкора, крейсер, 4 эсминца) должна была нанести удар с юга. Третьей группе под командованием вице-адмирала Одзава Дзисабурё в составе 4 авианосцев (108 самолетов), 2 линкоров, 3 крейсеров и 8

эсминцев ставилась задача отвлечь американское авианосное соединение от залива Лейте до окончания боя в районе высадки десанта.

В ночь на 23 октября американские подводные лодки обнаружили японскую центральную группу и потопили 2 крейсера, в том числе флагманский корабль. Эта атака стала началом крупнейшего во второй мировой войне Филиппинского морского сражения, в ходе которого были разгромлены главные силы японского Объединенного флота.

Утром 24 октября американские авианосные группы, находившиеся к востоку от Филиппинских о-вов, были атакованы японской авиацией. В результате был сильно поврежден авианосец «Принстон».

В свою очередь, американцы нанесли страшные удары по японскому флоту. Японская южная группа погибла, встретив крупные американские силы (6 линкоров, 8 крейсеров, 28 эсминцев, 39 торпедных катеров): от нее остался только эсминец. Адмирал Нисимура был убит. Американские самолеты также нанесли удар по центральной группе, после чего летчики доложили, что они потопили множество японских кораблей и вынудили оставшиеся лечь на обратный курс.

На этом основании американское командование решило, что центральная группа японского флота разгромлена. В действительности же она сохранила боеспособность. Когда атаки американской авиации прекратились, вице-адмирал Курита вновь повернул на восток, продолжив выполнение своей задачи. Его корабли ночью 25 октября прошли пролив Сан-Бернардино и направились к заливу Лейте.

Сообщение о ее появлении стало для американцев полной неожиданностью. Сложилась критическая ситуация, так как японцы могли почти беспрепятственно уничтожить эскортные авианосцы, а затем нанести удар по десантным судам.

Однако Курита, в свою очередь, совершил ошибку. Он принял эскортные авианосцы за группу ударных авианосцев американского 3-го флота, в состав которой входили линкоры и крейсера, и не решился атаковать. Внезапно для американцев японские корабли прекратили огонь и удалились. Выйдя из боя, они в течение нескольких часов маневрировали под ударами американских самолетов, не решаясь следовать к заливу Лейте. Гибель трех крейсеров и повреждение других кораблей окончательно подорвали веру японского адмирала в успех и заставили его отказаться от выполнения своей главной задачи — уничтожения десанта.

В это время командующий третьей, авианосной группой вице-адмирал Одзава, решив, что его задача по отвлечению сил американского флота выполнена, двинулся к берегам Японии. На переходе его корабли были атакованы американскими самолетами и подводными лодками. Погибли 2 эсминца, легкий крейсер и все 4 японских авианосца. Это означало конец японского авианосного флота.

В Филиппинском морском сражении 23-26 октября японцы впервые применили *камикадзе* (летчиков-смертников). Однако это не помогло им добиться успеха.

Подготовка к вторжению на Японские о-ва

К началу 1945 г., несмотря на ожесточенное сопротивление, японские войска не смогли удержаться на намеченных рубежах на островах Тихого океана. Ухудшились их позиции и в Юго-Восточной Азии. Стало очевидным, что союзники вскоре выйдут на ближние подступы к метрополии, а затем предпримут вторжение на Японские о-ва.

Кроме того, развитие военных действий на европейском театре ясно показывало, что нацистская Германия доживает последние месяцы. Япония оказалась перед перспективой остаться один на один со всей военной мощью союзников.

Вместе с тем, под властью Японии все еще находилась огромная территория. Японская армия добилась успеха в Китае, где в результате кампании 1944 г. ей удалось установить сообщение по суше с Индокитаем, а через Малайю — с Сингапуром. Это в известной мере компенсировало утрату контроля над морской коммуникацией Сингапур-Япония, по которой в метрополию поступали стратегически важные материалы и сырье из стран Южных морей.

Поэтому японское руководство не расценивало стратегическую обстановку как безнадежную, и собиралось продолжать сопротивление. 20 января 1945 г. японская императорская ставка утвердила «Основы оперативного плана императорской армии и военно-морского флота». Новый план исходил из того, что противник попытается высадиться на Японские о-ва, и был направлен на то, чтобы сорвать такую высадку, максимально затянуть войну и избежать безоговорочной капитуляции.

Во исполнение «Основ оперативного плана» в Японии была проведена серия мобилизаций. В итоге к середине августа в метрополии была создана крупная группировка сухопутных войск в составе 58 пехотных, 2 танковых и 8 авиационных дивизий общей численностью почти 2,4 млн. чел. Правда, хотя эти формирования были укомплектованы личным составом, полностью обеспечить их оружием и боевой техникой не удалось.

В 1944 г. японский флот понес настолько большие потери, что восполнить их в обозримые сроки было невозможно. Поэтому в 1945 г. военно-морское командование Японии сделало упор на массовое производство карликовых подводных лодок и специальных катеров, управлявшихся смертниками. Из-за нехватки опытных летчиков ставка на смертников была сделана и в авиации. Поэтому в Японии была развернута широкая пропагандистская кампания по привлечению молодежи в ряды *камикадзе*.

Хотя в начале 1945 г. США и Великобритания считали своей первоочередной задачей завершение разгрома Германии, параллельно они развернули активную подготовку к решительному наступлению на Японию. 29 марта 1945 г. комитет начальников штабов утвердил план под кодовым наименованием «Даунфол», предусматривавший высадку американских войск на Японские о-ва. Ее предполагалось провести в два этапа: сначала, 1 ноября 1945 г., в южной части о-ва Кюсю (операция «Олимпик»), а затем, 1 марта 1946 г., на о-в Хонсю (операция «Коронет»). Завершение военных действий против Японии планировалось на конец 1946 г.

По расчетам американского командования,

для выполнения плана «Даунфол» требовалось не менее 5 млн. чел. Весной 1945 г. США имели для ведения войны против Японии 1385 тыс. солдат и офицеров сухопутных войск и 473 тыс. морских пехотинцев. Поэтому после разгрома Германии Соединенные Штаты немедленно приступили к переброске войск из Европы на Тихий океан. К середине августа 1945 г. американское командование успело довести общую численность сухопутных войск под командованием Макарттура, ставшего к тому времени главнокомандующим всеми силами армии США на Тихом океане, до 1,8 млн. солдат и офицеров.

Таким образом, в 1945 г., несмотря на объективно безнадежное стратегическое положение Японии, война на Тихом океане продолжилась и вступила в особенно ожесточенную и кровопролитную фазу.

* * *

8 интересах выполнения плана «Даунфол» в начале 1945 г. вооруженные силы США высадились на крупнейший в Филиппинском архипелаге о-в Лусон, на котором расположена столица Филиппин Манила.

Общее командование американскими силами осуществлял генерал Д.Макартур. Всего в операции по захвату Лусона участвовало около 275 тыс. чел., до 2200 самолетов и около 1000 боевых, транспортных и десантных кораблей. Соотношение сил было в пользу американцев: по численности личного состава сухопутных войск — **1,1:1**, по авиации — 5,5:1. На море в районе Филиппин японцам было нечего противопоставить американскому флоту.

9 января 1945 г. американские десантные силы начали высадку в заливе Лингаен. Преодолевая сопротивление японских войск, американцы повели наступление на Манилу и 5 февраля достигли столицы Филиппин.

В течение февраля американские войска вели ожесточенные уличные бои в Маниле. Город сильно пострадал, погибло около 100 тыс. мирных жителей. Только 3 марта остатки 17-тысячного японского гарнизона прекратили сопротивление. До начала марта не сдавался и 5-тысячный гарнизон острова-крепости Коррехидор, расположенного у входа в Манильскую бухту.

После взятия Манилы американцы развернули наступление в южных районах Лусона и к 30 июня фактически овладели всем островом. Потери американцев составили 37,8 тыс. убитыми и ранеными. Японцы, по американским данным, потеряли убитыми 205,5 тыс. чел. К концу июня 1945 г. американцы также практически завершили разгром японских войск и на других островах Филиппинского архипелага, где в марте-апреле они высадили 38 десантов, в основном небольших.

5 июля штаб Макарттура официально объявил о том, что операции на Филиппинах закончены. Вооруженные силы союзников приобрели новый стратегический плацдарм

для дальнейших действий против Японии. С аэродромов и военно-морских баз, созданных на Лусоне, Тавитави и других островах, флот и авиация могли наносить эффективные удары по японским коммуникациям в Южно-Китайском море, у берегов Индокитая и Малайи и поддерживать свои войска, действовавшие в юго-западной части Тихого океана.

Еще в ходе боев за Филиппины американское командование наметило захват о-ва Иводзима, входящий в группу о-вов Волкано архипелага Нампо. Такой интерес к небольшому (площадью 20,3 кв. км) острову объяснялся тем, что он расположен на расстоянии 1200 км от Токио и пригоден для базирования авиации. К тому времени американцы совершали налеты на японскую метрополию с Марианских о-вов (Сайпан, Гуам, Тиниан), которые отстояли от Японии более чем на 2,5 тыс. км. Даже для тяжелых бомбардировщиков Б-29 это был почти предельный радиус действия, и поэтому они несли неполную бомбовую нагрузку. Кроме того, Б-29 приходилось действовать без истребителей сопровождения. С захватом Иводзимы американцы получили бы передовые аэродромы, с которых могли более эффективно и с меньшими потерями действовать против Японии.

Для захвата Иводзимы американское командование выделило крупные силы: 111,3 тыс. чел., 1522 самолета и более 680 боевых, транспортных и десантных кораблей. Американские войска имели почти пятикратное превосходство в людях и абсолютное — в самолетах и кораблях. Общее руководство десантной операцией осуществлял адмирал Ч.Нимиц, а непосредственное командование — адмирал Р.Спрюэнс.

Утром 19 февраля 1945 г. началась высадка десанта. Организованное сопротивление японцев удалось сломить лишь к 16 марта, но стычки на острове продолжались еще 10 дней. 26 марта 300 японцев предприняли последнюю контратаку, в которой были почти все уничтожены. За 36 дней боев на Иводзиме была взята в плен всего 1 тыс. японских солдат и офицеров, остальные 22 тыс. погибли.

После захвата Иводзимы американцы разместили там истребители дальнего сопровождения П-51 «Мустанг», которые стали прикрывать бомбардировщики во время налетов на Японию.

Последней и самой крупной десантной операцией американских вооруженных сил в ходе второй мировой войны была операция «Айсберг» по захвату о-ва Окинава. По своим масштабам она уступала только операции «Оверлорд» (высадка в Нормандии).

Окинава рассматривалась американским командованием как база для развертывания военных действий на территории собственно Японии. Чтобы овладеть довольно большим (1254 кв. км) и населенным (445 тыс. чел.) островом, к тому же расположенным относительно близко (на расстоянии около 600 км) к военно-морским и военно-воздушным базам главных островов Японии, американское командование выделило огромные силы. В общей сложности в боях за Окинаву приняли участие свыше 2400 самолетов, более 1500 боевых кораблей, десантных и вспомогательных судов, в том числе 59 ударных и эскортных авианосцев, 22 линкора, 36 крейсеров и более 140 эскадренных и эскортных миноносцев. Общая численность личного состава сухопутных войск, флота и морской пехоты составляла около 550 тыс. чел., причем непосредственно в состав десанта было включено 183 тыс. Общее руководство операцией осуществлял адмирал Ч.Нимиц.

Этим силам противостояли 77 тыс. солдат и офицеров японской армии и около 10 тыс. военных моряков — личный состав военно-морской базы. Кроме того в ходе боев японское командование пополняло свои силы за счет мобилизации населения. На острове имелось 5 аэродромов, на которых базировалось 250 самолетов. Предполагалось также использовать авиацию с о-ва Тайвань (420 самолетов, из них 220 смертников *камикадзе*), из метрополии — (550 самолетов, из них 330 *камикадзе*) и несколько сот самолетов военно-морского флота. Особые надежды возлагались на *камикадзе*, с помощью которых японское командование рассчитывало уничтожить крупные американские корабли и таким образом лишить десант авиационной и артиллерийской поддержки. Из военных кораблей на Окинаве имелись отряд торпедных катеров, группа карликовых подводных лодок и около 700 специальных катеров, управлявшихся смертниками.

За несколько дней до высадки американцы провели массированные бомбардировки оборонительных сооружений и аэродромов Окинавы, совершив до начала операции 3 тыс. самолето-вылетов. В результате к 29 марта японская авиация на Окинаве была почти полностью уничтожена. Японцы также потеряли половину специальных катеров.

Утром 1 апреля 1945 г. американские войска начали высадку. Уже через 3 часа были заняты аэродромы Ёнтан и Кадэна. К наступлению темноты на берегу сосредоточилось около 50 тыс. чел. и большое количество танков и артиллерии.

Японское командование попыталось нанести удар по десанту, послав эскадру в составе линкора «Ямато» (самого крупного в мире), легкого крейсера и восьми эсминцев. Корабли следовали без авиационного прикрытия. 6 апреля, уже через 2 часа после выхода с базы Токуяма на о-ве Хонсю, они были обнаружены американскими подводными лодками, и на следующий день их атаковали почти 400 самолетов. В «Ямато» попало 10 торпед и 5 бомб, он опрокинулся и затонул. Были потоплены также крейсер и 4 эсминца. Погибло около 3700 японских моряков (в т.ч. на «Ямато» — 2498). Американцы потеряли 10 самолетов.

Гибель «Ямато» фактически означала конец некогда могучего японского флота. После войны бывший командующий Объединенным флотом адмирал Тоёда Соэму говорил, что у него не было иллюзий относительно судьбы линкора, и поэтому в целях экономии дефицитного горючего «Ямато» был заправлен топливом только в один конец. Все же японцы рассчитывали, что бывший флагман адмирала Ямамото сумеет нанести американскому флоту тяжелые потери. Однако он даже не сумел дойти до места предполагаемого морского сражения.

К 12 апреля завершилась высадка всех эшелонов десанта, и численность американских войск на острове достигла расчетной цифры (183 тыс. чел.). Но к этому времени американцы достигли главной полосы японской обороны, преодоление которой заняло у них больше месяца. В связи с серьезными потерями американскому командованию пришлось неоднократно проводить пополнение и замену своих частей.

Только в ночь на 14 мая американские войска смогли вклиниться в японскую оборону. В ходе дальнейших боев, с 15 по 31 мая, американцы захватили основные опорные пункты японцев, в том числе столицу Окинавы г. Наха.

Однако боевые действия на острове на этом не закончились. Борьба продолжалась до 22 июня, когда японские войска прекратили организованное сопротивление. 23 июня японский командующий генерал Усидзима Мицуру, не пожелав сдаться в плен, совершил ритуальное самоубийство *сэнпуку* (харакири). 2 июля американское командование официально объявило об окончании боевых действий на о-вах Рюкю, хотя и после этого отдельные группы японцев еще долгое время не складывали оружия.

Генерал Макартур назвал битву за Окинаву самым тяжелым сражением за всю войну на Тихом океане. Особенно трудной оказалась борьба с *камикадзэ*. В период боев на Окинаве они, действуя с баз на территории Японии, совершили 10 массированных налетов на корабли американского флота (в одном из них участвовало 355 самолетов). Атаки *камикадзэ* вызывали страх у американских моряков, и для поддержания морального духа своих войск американское командование долгое время запрещало любые публичные сообщения об их действиях.

Потери американских вооруженных сил составили 49,1 тыс. чел., из них 12,5 тыс. убитыми (погиб и командовавший войсками десанта генерал С.Бакнер). Было потоплено 33 и повреждено 370 кораблей и вспомогательных судов (большинство — в результате атак с воздуха). Авиация потеряла более 1 тыс. самолетов. С японской стороны в ходе боев за Окинаву было убито около 100 тыс. солдат и офицеров и 7,8 тыс. взято в плен, потеряно свыше 4200 самолетов, потоплено 16 кораблей и судов, в том числе линкор, легкий крейсер и 4 эсминца. Меньшие потери японского флота объяснялись его малочисленностью — он был уничтожен практически полностью. Во время боев погибло также примерно 10% населения острова.

В результате битвы за Окинаву американское командование добилось своей стратегической цели — был создан плацдарм для вторжения на Японские о-ва. Еще в начале мая 1945 г. на Окинаву и другие острова архипелага Рюкю начала перебазироваться американская авиация, что позволило резко расширить масштабы воздушного наступления против Японии.

Воздушное наступление на Японию

В начале войны японское командование было уверено, что массированные воздушные налеты на Японию невозможны, и не уделяло большого внимания организации противовоздушной обороны. И действительно, до осени 1944 г. города Японии не подвергались авиационным ударам, если не считать демонстративной бомбардировки Токио 18 апреля 1942 г. и нескольких налетов на северную часть о-ва Кюсю с американских аэродромов в Центральном и Южном Китае.

Захват американцами Марианских о-вов летом 1944 г. принципиально изменил ситуацию. Япония оказалась в пределах досягаемости американской стратегической авиации. На островах Сайпан, Гуам и Тиниан было построено несколько крупных аэродромов, и удары по Японии стали регулярными.

Весна 1945 г. стала поворотным пунктом в воздушной войне против Японии. Если в 1942-1944 гг. американская авиация провела 76 налетов, в которых приняли участие 2079 самолетов, то только в марте 1945 г. она бомбила японские города 91 раз, а число участвовавших самолетов составило 3509.

Япония оказалась совершенно неподготовленной к отражению налетов американской авиации. Ее противовоздушная оборона не имела достаточного количества зенитных орудий, средств обнаружения и оповещения. Когда число объектов бомбардировок расширилось, служба ПВО вообще оказалась беспомощной. Так, американские самолеты часто вели бомбометание со средних высот (порядка 2 тыс. м), почти не встречая противодействия со стороны зенитной артиллерии.

Очень слабой была и организация гражданской обороны. В городах почти полностью отсутствовали бомбоубежища для населения. Поэтому единственным средством уменьшения потерь среди мирных жителей от бомбардировок стала массовая эвакуация, которая дезорганизовала экономику и транспорт. Число эвакуированных достигло 8,3 млн. чел.

Тем временем американцы стали прибегать к тактике воздушного террора. Если раньше целью воздушных налетов были, как правило, военные объекты, по которым старались нанести прицельный удар, то с марта 1945 г. бомбардировки все чаще велись по площадям.

Налеты проводились как правило ночью, причем широко использовались зажигательные бомбы. Поскольку японские города плотно застроены деревянными домами (каменные здания составляли не более 10%), то на земле немедленно возникали катастрофические пожары. Результатом было огромное число жертв среди населения. Только во время налета в ночь на 10 марта 1945 г. в Токио погибло свыше 83 тыс. чел.

За время войны в Японии американскими бомбардировками было разрушено 98 городов, причем в 72 из них не было никаких военных объектов. Пожары уничтожили 50% домов в районе Токио-Иокогама, 52% — в Нагоя и 57% — в Осака. Всего было уничтожено 2210 тыс. домов, что составляло 1/4 жилого фонда страны. Осталось без крова 9,2 млн. чел. (12% населения).

Вместе с тем, американцам не удалось нанести японской военной промышленности смертельный удар с воздуха. Хотя индекс военного производства (1941 г.=100) снизился с 291,9 в январе 1945 г. до 156,6 в июле, главными факторами кризиса военной экономики Японии были не бомбардировки, а нарушение снабжения стратегическим сырьем и топливом из-за морской блокады и недостаток квалифицированной рабочей силы, вызванный мобилизацией в армию.

Борьба на морских коммуникациях

Зависимость Японии от ввоза стратегического сырья всегда была ее уязвимой стороной. С захватом многочисленных территорий у нее появилась необходимость защищать коммуникации на огромном пространстве от Алеутских о-вов до Новой Гвинеи и Голландской Индии.

Япония производила перевозки войск, военных материалов и стратегического сырья по океанским линиям общей протяженностью свыше 40 тыс. км. Наибольшее значение имели коммуникации с базами в юго-западной части Тихого океана, и линии доставки в метрополию стратегического сырья из Китая, Индокитая, Филиппин, Голландской Индии.

В отличие от союзников, которые, учитывая опыт борьбы в Атлантике, придавали важное значение мерам по защите своих и нарушению вражеских коммуникаций, военноморское командование Японии полагало, что уничтожение флота противника само по себе позволит достичь этих целей.

Опыт первого года войны, казалось, подтвердил правильность такого подхода: японцам временно удалось завоевать господство на море и нанести серьезный ущерб судоходству союзных и нейтральных стран. За первые 13 мес. войны они потопили 665 судов водоизмещением свыше 1,7 млн. т и потеряли 209 судов водоизмещением 846 тыс. т. С учетом пополнения своего флота Япония фактически стала располагать даже несколько большим торговым тоннажем, чем в начале войны.

Однако уже в 1943 г. стал очевиден сделанный просчет: потери торгового флота Японии составили 1803 тыс. т. Японская судостроительная промышленность смогла восполнить лишь 62% потерь. В 1944 г. положение стало еще хуже — тоннаж вновь построенных транспортов составил около 36% потерянных.

В ноябре 1943 г. в Японии для защиты океанских коммуникаций был создан Объединенный эскортный флот. Несмотря на громкое название, он был весьма слаб и так и не смог обеспечить защиту японского судоходства. Его корабли и самолеты были в основном устаревшими, недостаточно оснащенными гидроакустическими и магнитными приборами для поиска подводных лодок, не имели радиолокаторов.

К началу 1944 г. в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и в западной части Тихого океана одновременно действовало 30-35 американских подводных лодок. С захватом Маршалловых о-вов их базы на 2300 км приблизились к основным японским коммуникациям, что намного увеличило время пребывания на боевых позициях. Из-за слабости японской противолодочной обороны потери американцев были невелики. С декабря 1943 г. по май 1944 г. США потеряли на Тихом океане всего 6 лодок, в то время как Япония — 26.

Одновременно американская авиация, получив новые аэродромы на захваченных к тому времени островах, стала наносить удары по судам противника в районах Борнео, Целебеса и южной части Филиппин. Это привело к таким потерям в японском транспортном флоте, что японское командование было вынуждено использовать для снабжения островных гарнизонов подводные лодки.

Целью №1 для американских подводных лодок и авиации были японские танкеры. За первое полугодие 1944 г. их было уничтожено 43. В результате ввоз нефти в Японию в мае 1944 г. по сравнению с январем сократился с 1 млн. до 600 тыс. баррелей.

С мая 1943 г. по май 1944 г. тоннаж торгового флота Японии упал с 5630 тыс. до 4308 тыс. т. В 1944 г. ввоз стратегического сырья и продовольствия в метрополию уменьшился до 10,1 млн. т (в 1943 г. — 16,4 млн. т). В Японии таяли стратегические запасы нефти, цветных металлов, угля, каучука, бокситов.

Япония, со своей стороны, не смогла создать угроз коммуникациям союзников. Океанские перевозки США через Тихий океан к районам боевых действий и вдоль тихоокеанского побережья Америки осуществлялись практически беспрепятственно. В июне-сентябре 1944 г. японским подводным лодкам не удалось потопить ни одного боевого корабля или судна союзников в Тихом океане. За октябрь-декабрь они уничтожили 2 эсминца, танкер и 2 торговых судна. Столь скверные результаты объяснялись тем, что большинство японских лодок не имели радиолокаторов и не могли своевременно обнаруживать противника.

В 1945 г. Япония продолжала расплачиваться за прежние ошибки в организации защиты своих коммуникаций. За 7 месяцев 1945 г. японский торговый флот смог обеспечить доставку 2743 тыс. т различных грузов, т.е. в 3,7 раза меньше, чем за 1944 год. За тот же период японцы построили 473 тыс. т торгового тоннажа, сумев восстановить лишь 1/3 потопленного.

Военная экономика Японии

Война стоила Японии колоссального напряжения всех видов ресурсов — финансовых, производственных, людских. Приоритетным направлением экономического развития стала военная промышленность, а функционирование всех других сфер хозяйства во все большей степени ориентировалось на обслуживание нужд армии и флота. Война также поставила на повестку дня вопрос о создании механизма государственного регулирования экономики, адекватного требованиям военного времени.

Кризис военной экономики Японии

Вплоть до 1944 г. рост военной продукции в Японии обеспечивался увеличением ввоза стратегического сырья с захваченных территорий и сокращением невоенных отраслей промышленности. Тогда эта промышленность производила для японской армии в основном достаточное количество оружия.

Начиная с 1944 г. основные отрасли промышленности Японии стали испытывать серьезные трудности. Несмотря на рост потребностей в основных видах промышленной продукции, соответствующим образом увеличить ее выпуск не удалось. Производство электроэнергии, угля, чугуна, стали, цветных металлов, достигнув в 1943 г. высшей точки, пошло на убыль.

По сравнению с предыдущим финансовым годом в 1944/45 фин. г. добыча угля на территории Японии снизилась с 55,5 млн. до 49,3 млн. т, выработка электроэнергии — с 34,8 млрд. кВт-ч до 32,2 млрд., выплавка стали — с 7,8 млн. т до 5,9 млн., производство проката — с 4,1 млн. т до 2,6 млн., алюминия (включая Корею и Тайвань) — со 141,1 тыс. до 110,4 тыс.

Правда, несмотря на трудности, японскому правительству в основном удалось обеспечить потребности военной промышленности в стали и других металлах и увеличить производство вооружения. Если в 1943/44 фин. г. общая стоимость его составила 11 млрд. иен (в ценах 1945 г.), то в 1944/45 фин. г. — 15,8 млрд. иен. Авиационная промышленность Японии с января по декабрь 1944 г. выпустила более 28 тыс. самолетов, тогда как годом ранее их число не доходило до 17 тыс.

Однако к концу 1944 г. кризис коснулся и чисто военных отраслей. Индекс производства вооружения, достигший в сентябре наивысшего за всю войну уровня — 332,5, в декабре снизился до 314,9 (1941 г. = 100). Производство самолетов продолжало расти до сентября 1944 г. включительно, а затем пошло на убыль. Подъем производства различных видов вооружения для военно-морского флота продолжался лишь до лета — осени 1944 г., после чего оно также стало снижаться. В первой половине 1944 г. выпуск полевой артиллерии оставался на уровне предшествовавшего полугодия (около 3200 орудий за 6 мес), а производство танков и минометов уменьшилось на 35%.

Снижение выпуска вооружения и боевой техники было вызвано прежде всего уменьшением поступления стратегического сырья. В 1944 г. его ввоз в Японию значительно сократился, и его резервы в метрополии быстро уменьшались. Несмотря на то, что был принят ряд законов, жестко регламентировавших производство и потребление металла, запасы железного лома с апреля 1943 г. по март 1944 г. понизились с 3099 тыс. т до 1437 тыс., бокситов с декабря 1943 г. по март 1944 г. — с 297 тыс. т до 238 тыс. Возросшее в связи с войной потребление нефти и нефтепродуктов также пришлось удовлетворять за счет стратегических запасов: еще в 1942/43 фин. г. из них было использовано 10664 тыс. баррелей (в 1941/42 фин. г. — 688 тыс. баррелей).

Внутреннее положение в Японии в годы войны

К началу тихоокеанской войны в Японии уже существовали «новая политическая» и «новая экономическая» структуры, направленные на обеспечение «тотальной мобилизации» японского народа для ведения войны. Довоенные политические партии и профсоюзы были распущены, вся политическая жизнь страны регулировалась государственно-бюрократической Ассоциацией помощи трону, существовали серьезные ограничения политических свобод.

Вместе с тем, конституция 1889 г. не была изменена, а ее действие не было каким-либо образом ограничено. В Японии продолжал действовать парламент, осуществлялись обычные политические процедуры, менялись и реорганизовывались кабинеты министров, даже проводились выборы. Японская государственно-политическая система оказалась вполне приспособленной для проведения в жизнь любых чрезвычайных мер военного времени без внесения в нее каких-либо формальных изменений.

Деятельность японского парламента в годы войны

Деятельность японского парламента в 1941-1945 гг. в основном сводилась к утверждению многочисленных правительственных законопроектов, направленных на обеспечение военных действий. Через 9 дней после нападения на Пирл-Харбор, 16 декабря 1941 г., открылась 78-я чрезвычайная сессия парламента, созванная специально для утверждения срочных правительственных мероприятий, связанных с войной. Она, в частности, приняла новый закон, жестко ограничивавший свободу слова, печати и собраний и предусматривавший получение специальных разрешений на деятельность не только для новых, но и уже существующих общественных организаций. На основании этого закона были закрыты несколько сот различных обществ.

Следующая, регулярная сессия, работавшая с 26 декабря 1941 года по 26 марта 1942 г., утвердила военный бюджет Японии на 1942/43 фин. г., а также еще 84 правительственных законопроекта. Среди них был закон о трудовой повинности, предоставивший правительству право призывать гражданских лиц мужского и женского пола в возрасте от 12 до 70 лет для работы в любой отрасли промышленности и в любом районе Японии вне зависимости от постоянного местожительства.

В конце января 1942 г. кабинет министров назначил новые парламентские выборы — первые после самороспуска политических партий. Всю подготовку к ним провела

Ассоциация помощи трону. В частности, была создана специальная организация, которая рекомендовала кандидатов для избрания в нижнюю палату. Таким образом заранее обеспечивалась лояльность будущего депутатского корпуса по отношению к правительственной политике. В результате на выборах, состоявшихся 30 апреля 1942 г., из 466 избранных депутатов 381 чел. (около 82%) был рекомендован Ассоциацией.

Однако даже такой состав парламента не полностью удовлетворил правительство Тōдзэ, и оно сделало попытку усовершенствовать «новую политическую структуру». 20 мая 1942 г. с одобрения премьера было основано Общество политического содействия трону (Ёкусан сэйдзи кай) во главе с бывшим премьер-министром Абэ Нобуюки. Программа общества предусматривала сплочение всех политических сил страны для достижения победы в войне, создания «сферы совместного процветания» в Восточной Азии и построения «нового порядка» во всем мире. После его создания все сохранившиеся до тех пор политические организации объявили о своем самороспуске.

Последующие сессии парламента продолжали исправно утверждать военные бюджеты и правительственные законопроекты, направленные на тотальную мобилизацию материальных и людских ресурсов Японии для ведения войны. Максимум, что позволяли себе депутаты — это запросы по поводу неотложных мер для ликвидации нехваток продовольствия в стране.

* * *

Ближе к концу войны, когда положение Японии сильно ухудшилось, японские правящие круги стали искать новые политические средства для того, чтобы еще больше сплотить нацию для «решающих военных усилий». Одним из них стало создание новой всеяпонской политической организации, которая объединила в себе функции Ассоциации помощи трону и Общества политического содействия трону (т.е. идеологию и политику).

30 марта 1945 г. состоялся учредительный съезд новой организации, получившей название «Политическое общество Великой Японии» (Дайниппон сэйдзикай). Ее руководителем стал генерал Минами Дзирō. Задачей Политического общества была прямая поддержка всех военных и политических мероприятий правительства. По сути, это была попытка сementировать японский народ, в котором к тому времени стали проявляться признаки брожения, путем создания массовой политической организации. Такое решение не соответствовало японским традициям и было свидетельством кризиса японской политической системы и замешательства правящих кругов страны.

Другим признаком политического кризиса было беспрецедентное решение 86-й парламентской сессии (26 декабря 1944 г. — 26 марта 1945 г.) о резервировании специальных мест в парламенте для представителей Кореи и Тайваня (Корее предоставлялось 7 мест в верхней палате и 23 места в нижней, Тайваню — 3 места в верхней и 5 мест в нижней). Правда, оно так и не было реализовано, так как выборы предполагалось провести лишь 28 сентября 1946 г.

Последней сессией японского императорского парламента до капитуляции стала 87-я чрезвычайная, прошедшая 9-13 июня 1945 г. Одним из важнейших ее решений стало принятие законов о чрезвычайных мерах военного времени и о добровольной военной службе населения. Правительству были предоставлены полномочия призвать в армию любого подданного (мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин — от 17 до 40 лет). Сессия также утвердила закон о предоставлении правительству права без одобрения парламента осуществлять любые меры военного характера и издавать декреты, имеющие силу закона. Тем самым кабинет министров получил диктаторские полномочия.

Проявления недовольства войной

По мере того, как война затягивалась, и достижение победы становилось проблематичным, в Японии стали все отчетливее проявляться настроения недовольства.

В стране, где отсутствовали легальные политические партии и организации, а профсоюзы были распущены, протест против невыносимых условий жизни, созданных войной, принимал причудливые формы. Одной из них были массовые прогулы рабочих промышленных предприятий. Так, в 1943 г. около 10% всех рабочих Японии не являлись на работу без уважительных причин.

С течением времени количество прогулов все возрастало. В 1944 г. 15% рабочих, занятых на 761 заводе, под различными предлогами уклонились от явки на работу. При этом на некоторых заводах количество прогульщиков достигало 40%. Массовые прогулы большей частью охватывали предприятия военной промышленности, что было связано,

по-видимому, с большим числом отбывающих трудовую повинность на таких предприятиях.

К концу войны число невыходов на работу драматически возросло. Если в июле 1944 г. процент не вышедших на работу на предприятиях, производивших вооружение, составлял 18, в судостроительных доках — 24 и на авиазаводах — 21, то в июле 1945 г. он соответственно повысился до 40, 52 и 51. В первую очередь, это объяснялось массовым недоеданием в результате нищенских зарплат и недостаточного снабжения продовольственными карточками. Рабочие стремились под различными предлогами не выходить на работу, пытаясь найти способы выживания — уезжали в деревню, чтобы выменять продовольствие и т.п.

Помимо массовых прогулов, в Японии во время войны случались и обычные забастовки и характерные для довоенной Японии арендные конфликты. Например, осенью 1942 г. бастовали рабочие предприятий «Фурукава» (префектура Тотиги) и «Хитати» (Токио). Ежегодно возникали 300-400 трудовых конфликтов на промышленных предприятиях и 2-3 тыс. арендных конфликтов в деревне.

Политика «духовной мобилизации» народа

С началом войны на Тихом океане в Японии были усилены репрессии против «ненадежных элементов» - пацифистов, предполагаемых коммунистов, вообще всех несогласных с политикой правительства. Уже на второй день войны по всей Японии было арестовано 3 тыс. чел. Репрессии коснулись также и профсоюзов.

Взамен распущенных профсоюзных организаций насаждались «патриотические» профсоюзы, входившие в Общество служения отечеству на производстве (Дайниппон сангё хёкоку кай), созданное с целью увеличения выпуска военной продукции и достижения «социального мира». Из-за принудительного характера членства его ряды постоянно росли: с 3,5 млн. чел. в апреле 1940 года до 5,8 млн. чел. в июне 1943 г.

К идеологической обработке населения были привлечены и многие деятели культуры и искусства. Активно велась радиопропаганда, выпускались кинофильмы, прославлявшие японские победы. В ноябре 1942 г. в Токио был созван съезд писателей «Великой Восточной Азии», на котором обсуждались вопросы «духовной мобилизации» народов для победоносного завершения войны.

Наряду с пропагандой и с проведением политики вовлечения людей в организации, находившиеся под правительственным контролем, власти прибегали к репрессиям в отношении тех, кто проявлял признаки недовольства. Летом 1943 г. премьер-министр Тбдзё на конференции губернаторов префектур прямо указал, что «народ не должен выражать нетерпения и недовольства» и что антиправительственные митинги должны немедленно разгоняться. В стране свирепствовала цензура. В частности, летом 1944 г. «за пропаганду пацифизма» были закрыты популярные общественно-политические журналы «Кайдзё» и «Тюкброн».

Кроме того в стране насаждались шпиономания и повальная полицейская слежка. Проводились даже многодневные «учения по поимке шпионов», когда полиция и жандармерия проводили повальные проверки документов на улицах городов. Под наблюдением находились все бывшие профсоюзные деятели, руководители и члены давно распущенных левых партий и организаций, ученые, деятели культуры и т.п. Жандармерия ежемесячно привлекала к ответственности за распространение «вредных слухов» более 6 тыс. чел. В 1944 г. в палате пэров рассматривался вопрос о создании специального комитета, призванного бороться с «непатриотическими» настроениями населения.

Япония на пороге поражения

Последнее японское правительство военного времени

7 апреля 1945 г. к власти пришел кабинет адмирала Судзуки Кантаро, последний японский кабинет военного времени. Главные министерские посты в нем заняли: министра иностранных дел и министра по делам Восточной Азии — Тогё Сигэнори; военного министра — генерал Анами Корэтика; военно-морского министра — адмирал Ёнаи Ми-цумаса; министра вооружений — адмирал Тоёда Тэйдзирё.

Формально кабинет Судзуки провозгласил продолжение войны против США и Великобритании до полной победы, однако всем было понятно, что главной его задачей должен стать поиск путей для приемлемого завершения войны.

В своем первом выступлении в качестве премьера 7 апреля 1945 г. Судзуки признал, что империя находится перед лицом величайшего кризиса. Далее он заявил о необходимости крепить «боевой дух народа» и

«самоотверженно защищать родину». Этот призыв отражал мнение военных Кругов, В частности, Военного Судзуки Кантарō министра Анами, что только отчаянное сопротивление может дать надежду избежать безоговорочной капитуляции и сохранить японский государственный строй.

Одновременно, находясь в почти полной международной изоляции, Япония стремилась каким-либо образом вступить в переговоры относительно условий прекращения войны.

Попытки Японии избежать безоговорочной капитуляции

Критическое военное и внешнеполитическое положение Японии побудило наиболее дальновидных представителей японских правящих кругов к поиску пути, который мог бы привести к достижению компромиссного мира. К числу «миротворцев» принадлежали видные государственные деятели, бывшие премьер-министры Вакацуки, Окада, Коноэ, министры иностранных дел Тōгō, Сигэмицу и др.

¹ Зондирование велось по трем направлениям: во-первых, Япония стремилась заключить сепаратный мир с чанкайшистским Китаем; во-вторых, пыталась начать переговоры о мире непосредственно США и Великобританией; в-третьих, старалась использовать Советский Союз в качестве посредника в таких переговорах¹ или хотя бы удержать его от вступления в войну.

Попытка достичь сепаратного мира с Китаем была сделана в марте 1945 г., когда в Японию был приглашен Мяо Бин — один из высокопоставленных чиновников марионеточного правительства Ван Цзинвэя, который тем не менее продолжал поддерживать тесные связи со многими деятелями чунцинского правительства.

На основании имевшейся у него информации Мяо Бин ознакомил японского премьер-министра Коисо Куниаки с примерными условиями, выполнение которых могло бы побудить Чан Кайши к заключению сепаратного мира с Японией. Они включали в себя вывод японских войск из Китая, признание правительства Чан Кайши и его переезд в Нанкин, проведение переговоров о статусе Маньчжурии и заключении мира между Японией и западными союзниками. Эти условия рассматривались на заседаниях японского высшего совета по руководству войной, однако были признаны неприемлемыми.

Еще осенью 1944 г. японское правительство попыталось установить связь с руководителями Великобритании и США путем неофициальных контактов со шведским посланником в Японии В.Багге. Эти попытки продолжались вплоть до мая 1945 г., когда из-за разногласий в японских правящих кругах по вопросу об условиях начала мирных переговоров министр иностранных дел Японии Того не смог отправить Багге, уже вернувшемуся в то время на родину, официального подтверждения просьбы японского правительства о посредничестве Швеции. В результате связь по этой линии прервалась. Не получили развития и контакты, которые японцы установили с А.Даллесом в Швейцарии и с сотрудниками американской миссии в Лиссабоне. В данном случае помешала неуступчивость японской стороны в вопросе о сохранении за Японией территорий, захваченных ею до начала второй мировой войны.

Идея каким-то образом разыграть «советскую карту» имела в японской дипломатии относительно долгую историю. Еще в сентябре 1943 г. Токио выступил с дипломатической инициативой о посредничестве между СССР и Германией в мирных переговорах.

Японское предложение по-видимому преследовало несколько целей. Во-первых, японские правящие круги рассчитывали в случае его принятия советской стороной и достижения перемирия на советско-германском фронте облегчить стратегическое положение своего основного союзника — гитлеровской Германии. Во-вторых, японское предложение содержало в себе элемент «дипломатической провокации»: согласие советского правительства вести подобные переговоры, даже если бы они окончились безрезультатно, означало бы нарушение им своих союзнических обязательств и, возможно, привело бы к развалу антигитлеровской коалиции. Наконец, в обоих случаях Япония надеялась обезопасить себя от вступления СССР в тихоокеанскую войну на стороне США и Великобритании, чего японские правящие круги стали к тому времени серьезно опасаться.

Тогда СССР отверг японское предложение и немедленно поставил в известность своих союзников о дипломатических маневрах Японии. Тем не менее, в сентябре 1944 г. японское правительство попыталось возобновить переговоры по данному вопросу. К тому времени военное положение как Японии, так и Германии драматически ухудшилось, поэтому в основе японской инициативы помимо тех же причин, что и в 1943 г., лежало

стремление в случае успеха миссии найти для себя путь к заключению компромиссного мира с США и Великобританией при содействии СССР. Во главе миссии в Москву и Берлин предполагалось поставить Хирота Коки. Однако советское правительство снова ответило на японское предложение отказом.

5 апреля 1945 г. советское правительство объявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. В тот день народный комиссар иностранных дел В.М.Молотов заявил послу Японии в Москве Сатō Наотакэ:

«Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен... до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным... В соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 г.».

Несмотря на это безрадостное для Японии событие, японские правящие круги не оставили надежды втянуть Советский Союз в свою дипломатическую игру. На этот раз речь шла только о возможном посредничестве СССР в достижении мира между Японией с одной стороны и США и Великобританией — с другой. 20 апреля 1945 г. министр иностранных дел Тōгō «неофициально» высказал советскому послу в Токио Я.А.Малику пожелание о встрече с Молотовым при его возвращении с учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. После того как и эта попытка не дала результата, Тōгō поручил Хирота, который считался специалистом по Советскому Союзу, поскольку в 30-х годах занимал пост посла Японии в СССР, вновь встретиться с Маликом и выяснить его позицию.

Эти встречи состоялись в июне 1945 г., однако остались без каких-либо практических последствий. Поэтому в июле 1945 г. Тōгō сделал попытку организовать поездку в Советский Союз официальной миссии. После консультаций было решено, что ее возглавит Коноэ Фумимаро.

13 июля 1945 г. японский посол в СССР Сатō Наотакэ посетил заместителя народного комиссара иностранных дел С.А.Лозовского и вручил ему письмо на имя Молотова, в котором сообщалось, что японский император изъявил желание командировать в СССР Коноэ в качестве своего официального представителя. Было передано также послание императора, в котором указывалось, что он хочет «положить скорее конец войне».

18 июля Лозовский передал послу ответ советского правительства:

«Высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ... Ввиду вышеизложенного советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу послания императора, а также по поводу миссии Коноэ».

Когда 30 июля Сатō вновь посетил Лозовского, чтобы выяснить советскую позицию относительно миссии Коноэ, Лозовский сообщил ему, что ввиду отсутствия в Москве председателя совета министров и министра иностранных дел советское правительство не может дать окончательного ответа. Однако фактически ответ уже имелся. 26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, требовавшая от Японии немедленной безоговорочной капитуляции.

Потсдамская декларация

Проект совместной декларации союзных держав был подготовлен Соединенными Штатами еще до начала конференции в Потсдаме. По идее демарш трех держав должен был побудить Японию капитулировать. Однако подготовка декларации имела для американцев еще один, скрытый, смысл. В случае отказа Японии принять ее условия США получали формальный повод применить против нее ядерное оружие. Характерно, что текст декларации был передан Черчиллю и Чан Кайши только 24 июля — после того, как Трумэн одобрил приказ командующему стратегической авиацией генералу Спаатсу об атомной бомбардировке Японии.

Потсдамская декларация была выработана без непосредственного участия СССР. Ее текст был направлен советской делегации одновременно с его передачей для объявления

по радио. Вместе с тем, в ней в целом были учтены советская позиция и советские интересы, что позволило СССР в дальнейшем солидаризироваться с ее духом и основными положениями.

В Потсдамской декларации были подытожены прежние заявления и соглашения, касавшиеся совместной борьбы против Японии. В ней содержались не только конкретные условия капитуляции, но и принципы основных послевоенных преобразований, которые должны были быть проведены в этой стране.

В декларации указывалось, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний»; что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдō, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем»; что «японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа». «Мы призываем правительство Японии, — говорилось в ней в заключение, — провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил... Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром».

Правительство Японии в течение двух дней не могло решить, как реагировать на Потсдамскую декларацию. Колебания были связаны главным образом с тем, что под ней отсутствовала подпись Советского Союза, и Японии не была ясна его позиция. Министр иностранных дел Тōгō предлагал не отвергать условия декларации и продолжить ее изучение, а самое главное — выяснить точку зрения СССР. Руководители же армии и флота требовали отклонить декларацию, поскольку они считали, что в то время, когда японские войска еще оккупируют огромные территории за пределами собственно Японии, говорить о капитуляции преждевременно.

На состоявшемся 27 июля совещании высшего совета по руководству войной японские руководители решили поручить послу в Москве Сатō выяснить намерения СССР, а до тех пор опубликовать Потсдамскую декларацию в сокращенном виде, а в комментариях намекнуть, что Япония, по-видимому, оставит ее без внимания. Однако под давлением генералитета премьер-министр Судзуки уже 28 июля выступил с заявлением, в котором говорилось, что правительство «игнорирует» декларацию и «будет неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Это заявление фактически предрешило атомную бомбардировку Японии.

Атомные бомбардировки японских городов

10 июля 1945 г. в пустынном районе штата Нью-Мексико, недалеко от авиабазы Аламогордо, был произведен первый экспериментальный ядерный взрыв мощностью 15-20 тыс. килотонн. Продолжавшийся 4 года атомный «Манхэттенский проект» завершился полным успехом.

Еще в апреле только что вступивший в должность после смерти Рузвельта президент Трумэн был проинформирован о ходе создания атомной бомбы. Он сразу оценил возможности, которые предоставляло новое оружие. С самого начала Трумэн рассматривал атомную бомбу не столько как средство достижения военной победы над Японией, сколько как средство добиться уступок от СССР в вопросе о послевоенном устройстве мира.

К тому времени приготовления к боевому применению атомного оружия уже зашли довольно далеко. В конце 1944 г. в качестве базы для проведения атомной бомбардировки Японии был избран о-в Тиниан в Марианском архипелаге. Одновременно несколько бомбардировщиков Б-29 были переоборудованы для использования атомных бомб, и их экипажи начали специальные тренировки. В апреле 1945 г. «атомные» бомбардировщики были переброшены на Тиниан.

В апреле же были отобраны цели для атомной бомбардировки: японские города Хиросима, Кокура, Ниигата и Киото. С согласия президента США командующий ВВС генерал Арнольд дал указание не подвергать эти города обычным налетам, чтобы получить более точное представление о результатах использования нового оружия.

Намерение правительства США применить атомную бомбу вызвало протест многих ее создателей. Ученые призвали Трумэна отказаться от атомной бомбардировки и предложили вместо нее устроить показательный взрыв перед японскими представителями в какой-нибудь необитаемой местности. Однако американское руководство полагало, что для достижения наибольшего эффекта в давлении на СССР следует продемонстрировать реальное боевое применение атомной бомбы. Кроме того оно надеялось добиться

капитуляции Японии до вступления в войну Советского Союза, и таким образом отстранить СССР от участия в послевоенном переустройстве на Дальнем Востоке.

В конце июля крейсер «Индианаполис» доставил атомные бомбы на Тиниан. 5 августа экипаж самолета Б-29 под командованием полковника П.Тиббетса получил боевое задание, и утром 6 августа атомная бомба была сброшена на г. Хиросима. Сразу после этого Белый дом опубликовал официальное заявление, в котором предупреждал Японию, что в случае отказа от капитуляции ее ожидают невиданные разрушения.

Американское руководство надеялось, что Япония немедленно капитулирует. Однако никакого заявления со стороны японского правительства не последовало. Поэтому американцы постарались как можно скорее сбросить вторую (последнюю из имевшихся у них тогда) бомбу, чтобы продемонстрировать Японии и всему миру, что США могут продолжать атомные удары. 9 августа вторая атомная бомба примерно такой же мощности, как и первая (около 20 килотонн), была сброшена на г. Нагасаки, который был запасной целью.

И в Хиросима, и в Нагасаки десятки тысяч людей погибли сразу; еще больше было ранено и поражено радиацией, многие из пораженных впоследствии умерли. Точное число жертв атомных бомбардировок неизвестно до сих пор, однако от них пострадало не менее 500 тыс. чел.

* * *

Вопрос об оправданности применения ядерного оружия против Японии до сих пор вызывает споры. Если за пределами Соединенных Штатов атомные бомбардировки обычно считают варварским актом, не имеющим никакого оправдания, то в США распространено мнение, что они послужили главной, если не единственной, причиной капитуляции Японии и потому оправданы с военной, а с учетом того, что они, предположительно, помогли сохранить множество жизней американских солдат, и с моральной точки зрения.

На деле применение Соединенными Штатами атомной бомбы преследовало главным образом политические, а не военные цели. Желание продемонстрировать в действии новое оружие огромной разрушительной силы, а также стремление добиться капитуляции Японии до вступления в войну СССР объясняют торопливость, с которой США пошли на применение ядерного оружия.

Что касается капитуляции Японии, то она была вызвана лавинообразным развитием событий в начале августа 1945 г. (6 августа — первый ядерный удар, 8 августа — объявление Советским Союзом войны Японии, 9 августа — новая атомная бомбардировка), которое продемонстрировало японскому руководству невозможность дальнейшего затягивания войны.

Вступление СССР в войну с Японией

Вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией поднимался задолго до того, как поражение гитлеровской Германии стало очевидным. Соединенные Штаты еще в декабре 1942 года пытались добиться согласия на создание на советском Дальнем Востоке своих военно-воздушных баз под предлогом оказания помощи Советскому Союзу в случае японского нападения.

Принятие этого предложения привело бы к крайнему обострению советско-японских отношений и, с большой вероятностью, к войне, что заставило бы СССР вести борьбу на два фронта. Поэтому Сталин ответил Рузвельту отказом.

Однако по мере улучшения ситуации на советско-германском фронте проекты участия Советского Союза в войне против Японии стали вызывать интерес у советского руководства. Сталин видел во вступлении в войну шанс существенно укрепить международные позиции СССР на Дальнем Востоке, а также изменить пограничную линию с Японией, определенную условиями Портсмутского договора (советское правительство никогда не признавало Портсмутский договор справедливым и всегда стояло за изменение его условий путем переговоров).

Впервые Советский Союз заявил о своем намерении вступить в войну против Японии во время Тегеранской конференции. На пленарном заседании 28 ноября 1943 г. во время обсуждения хода военных действий на Тихом океане Сталин заявил, что для проведения успешных наступательных операций против японских войск Советский Союз должен увеличить свои силы на Дальнем Востоке по крайней мере в 3 раза, что стало бы возможным после капитуляции Германии. «Тогда — общим фронтом против Японии», — заключил Сталин.

Заявление советского руководителя имело большое военно-политическое значение. Позиция, занятая СССР, приближала перспективу окончания тихоокеанской войны и обещала уменьшить предполагаемые потери американских и британских войск (по оценке американского военного министра Г.Стимсона потери американцев в случае высадки в Японии должны были превысить потери в войне против Германии и составить более 1 млн. чел.). Поэтому руководители союзных держав ухватились за советскую инициативу. Черчилль в беседе со Сталиным 30 ноября 1943 г. подчеркнул, что заявление о присоединении СССР к борьбе против Японии после разгрома Германии является «историческим» и открывает широкие перспективы в войне с Японией. Рузвельт, желая поскорее перевести предварительную договоренность на конкретную основу, 29 ноября послал Сталину записку с предложением условиться о предварительном планировании возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны.

Более конкретные решения относительно вступления СССР в войну с Японией были приняты 11 февраля 1945 г. в ходе Крымской конференции, когда было подписано соглашение трех держав по вопросам Дальнего Востока. Советское правительство обязалось выступить против Японии примерно через 2-3 месяца после окончания войны в Европе на следующих условиях:

1. Сохранение status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановление принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а)возвращение Советскому Союзу южной части о-ва Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

б)интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в)совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передача Советскому Союзу Курильских островов.

Советское обещание имело особое значение для США в связи с их планами вторжения на Японские о-ва. Дело в том, что американцы не были уверены в немедленном победоносном завершении войны даже в случае завоевания метрополии. Они не исключали возможность объединения Квантунской армии с экспедиционными войсками в Китае с целью продолжения войны на азиатском континенте. Поэтому американское командование было заинтересовано в том, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские». Макартур даже утверждал, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии».

Однако до того, как все планы и обещания воплотились в жизнь, в позиции США по вопросу о вступлении СССР в войну с Японией возникли колебания, связанные с успешным завершением «Манхэттенского проекта» — программы создания ядерного оружия.

Еще до первого испытательного атомного взрыва в Аламогордо некоторые высокопоставленные сотрудники американской администрации высказывали мнение, что наличие атомной бомбы позволит США отказаться от помощи Советского Союза в разгроме Японии и тем самым ограничить его участие в решении дальневосточных проблем. С таким подходом в целом был согласен и президент США Г.Трумэн. Однако до тех пор, пока атомная бомба не прошла испытаний, не было абсолютной уверенности в том, что она окажется эффективным оружием. Поэтому Трумэн решил все-таки добиваться личных гарантий Сталина о вступлении СССР в войну.

Во время Потсдамской конференции советская делегация подтвердила, что СССР выполнит заключенное в Ялте соглашение. Началось согласование, в частности, с китайской стороной, связанных с этим технических вопросов, обсуждались условия оккупации Японии.

Тем временем Трумэн получил подробный отчет о результатах экспериментального взрыва атомной бомбы, который произвел на него сильнейшее впечатление. Стало понятно, что США стали единственным обладателем невиданного в истории

сверхоружия. Это вновь вернуло американского президента к мысли, что лучше закончить войну с Японией без участия СССР. Правда, он не считал возможным в один день изменить свою позицию на 180°. Теперь он решил как можно скорее применить атомную бомбу, чтобы добиться капитуляции Японии еще до вступления Советского Союза в войну.

* * *

В начале мая 1945 г., т.е. ко времени окончания войны в Европе, дальневосточные границы СССР прикрывала группировка численностью около 1,2 млн. чел., оснащенная более чем 20 тыс. орудий и минометов, 2,3 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 4,3 тыс. самолетов.

Еще до окончания боев на западном фронте Советский Союз начал подготовку к военным действиям на Дальнем Востоке. В конце февраля — марте 1945 г. советский генеральный штаб утвердил планы по развертыванию там войск. В мае 1945 г. началась стратегическая перегруппировка для нанесения удара по Японии, и к 9 августа советские силы насчитывали там более 1,7 млн. чел., около 30 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5,1 тыс. самолетов. Они превосходили противостоявшие им японские силы в людях в 1,8 раза, в танках — в 4,8, в авиации — в 1,9 раза.

8 августа 1945 г. Молотов, приняв японского посла, сделал следующее заявление:

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требование трех держав... о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву».

Сказав далее о присоединении СССР к Потсдамской декларации, и о том, что такая политика «является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий», Молотов в заключение заявил, что «с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Союзники СССР официально приветствовали вступление Советского Союза в войну. Так, британское правительство в своем заявлении от 8 августа указывало:

«Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира».

Что касается японского правительства, то для него вступление СССР в войну означало потерю последней надежды отсрочить свое поражение как военными, так и дипломатическими средствами. 10 августа 1945 г. Того сообщил Малику, что японское правительство «готово принять условия декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось и советское правительство». Одновременно аналогичные заявления были переданы через Швецию правительствам США, Великобритании и Китая.

Вступление Советского Союза в войну против Японии является непростым эпизодом в истории советско-японских (а «по наследству» и российско-японских) отношений. До сих пор в Японии можно услышать обвинения в адрес СССР в вероломстве, в нарушении обязательств, взятых на себя по советско-японскому пакту о нейтралитете, в то время как Япония, со своей стороны, эти обязательства выполняла.

Безусловно, под претензиями в адрес Советского Союза есть формальные основания. Советское правительство имело право расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете и сделало это в полном соответствии с буквой этого документа. Однако оно было обязано в течение года после этого придерживаться его условий, а война Японии была объявлена уже через 5 месяцев.

В последующие годы в оправдание решения о вступлении в войну против Японии в СССР приводились разные соображения: намерения Японии самой нарушить пакт и напасть на СССР, многочисленные инциденты с советскими судами в Тихом океане по вине японской стороны, тесное партнерство Японии с гитлеровской Германией и т.п. Все это правда, и все это не меняет того факта, что первым условия советско-японского пакта о нейтралитете нарушил Советский Союз.

Вместе с тем, не следует давать оценку действиям советского правительства без учета исторического контекста советско-японских отношений в первой половине 40-х годов. В соперничестве с максимальными ставками, развернувшимся тогда на мировой арене, любой договор воспринимался его участниками как эпизод борьбы, а не как моральное обязательство. В условиях, когда целью государственной политики было полное

уничтожение противника, действовал принцип «победителей не судят». И Япония, и Советский Союз были готовы нарушить пакт о нейтралитете при благоприятных обстоятельствах. Япония так и не дождалась удобного момента, а СССР пошел на это, исходя из сложившейся в 1945 г. международной обстановки.

Операции советских войск на Дальнем Востоке

Заявление японского правительства о принятии условий Потсдамской декларации еще не означало прекращения войны. Продолжались боевые действия между советскими и японскими войсками. Они начались в ночь на 9 августа сразу на нескольких направлениях. Соединения Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов при активном содействии авиации и Тихоокеанского флота вступили на территорию Маньчжурии одновременно с востока и с запада.

В первый же день советские войска добились значительных успехов. Так, соединения Забайкальского фронта продвинулись на расстояние 50-70 км, а 6-я гвардейская танковая армия, наступавшая на Чанчунь,—даже на 150 км. Японское командование под ударами советских войск спешно отводило свои силы в глубь Маньчжурии. Оно собиралось организовать оборону на рубеже железных дорог Тумынь-Чанчунь и Чанчунь-Дальний, однако продвижение сил Забайкальского фронта к жизненно важным центрам Маньчжурии было настолько быстрым, что планы командования Квантунской армии оказались сорванными.

В течение первых пяти суток 6-я гвардейская танковая армия Забайкальского фронта продвинулась более чем на 450 км. В результате боев 9-14 августа войска Забайкальского фронта вышли на Маньчжурскую равнину, в глубокий тыл японских войск, создав предпосылки для окружения и полного разгрома основных сил Квантунской армии.

Продвижение войск 1-го Дальневосточного фронта было не столь быстрым, поскольку его частям пришлось преодолевать наиболее мощные линия обороны. Тем не менее к исходу 14 августа они углубились на территорию Маньчжурии на 120-150 км и вступили в бой за г. Муданьцзян. Японцы оказали там ожесточенное сопротивление. Поскольку бои приняли затяжной характер, советское командование, стараясь поддержать высокий темп наступления, приняло решение обойти Муданьцзян с юга и прорваться в район Гирина. Тем временем Квантунская армия оказалась отрезанной и от Японии, и от Кореи, поскольку десанты советского Тихоокеанского флота овладели портами на побережье Японского моря.

Войска 2-го Дальневосточного фронта к 14 августа прорвали оборону японцев в районе Хэйхэ, преодолели горный хребет Малый Хинган и продвигались к Цицикару. Основная группировка войск фронта вела бои за овладение опорными пунктами в районе городов Цзямусы и Баоцин, которые прикрывали подступы к Харбину. Таким образом, войска этого фронта за 6 дней наступления продвинулись примерно на 120 км и завязали бои за выход в Центральную Маньчжурию.

15 августа по радио был передан императорский указ о принятии условий капитуляции. С этого дня боевые действия между американскими, британскими и японскими вооруженными силами были прекращены. Однако части Квантунской армии, противостоявшие советским войскам, приказа о капитуляции не получили и продолжали сопротивление. Поэтому 16 августа Генеральный штаб Красной Армии дал специальное разъяснение, согласно которому «капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан прик'аз своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие, и когда этот приказ будет практически выполнен». Поэтому советские войска продолжали наступательные операции.

С 15 по 20 августа 1945 г. проходил второй этап маньчжурский наступательной операции. В это время войска Забайкальского фронта продвинулись в глубь Маньчжурии на 360-600 км, а войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолев свыше 500 км, достигли центральных районов Маньчжурии и продолжали движение на соединение с Забайкальским фронтом. Основная для 2-го Дальневосточного фронта сунгарийская наступательная операция завершилась к 20 августа с прибытием кораблей Амурской флотилии в Харбин, где 18 августа уже был высажен воздушный десант.

Находясь перед фактом военного разгрома, японское командование обратилось к главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А.М.Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных

действий. 17 августа командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзō уведомил советскую сторону о том, что он отдал приказ войскам о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия. Однако фактически на многих участках фронта японские войска продолжали сопротивление. Поэтому Василевский передал Ямада в тот же день следующую радиogramму:

«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен... Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

18 августа генерал Ямада передал войскам приказ прекратить сопротивление. 19 августа он подписал в Чанчуне акт о безоговорочной капитуляции.

Только тогда началась организованная сдача в плен японских войск в Маньчжурии. Она продолжалась до конца месяца. Однако даже это не означало, что боевые действия полностью прекратились. Только 22 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки удалось штурмом овладеть Хутоуским узлом сопротивления, 3-тысячный гарнизон которого был почти полностью истреблен. Еще более упорное сопротивление советским войскам пришлось преодолеть при ликвидации Дуннинского укрепленного района, остатки гарнизона которого сдались лишь 26 августа. В ходе военных действий в Маньчжурии советскими войсками было взято большое число пленных (почти 600 тыс.) и захвачены многочисленные трофеи: 686 танков, 861 самолет, 1836 орудий, 2361 автомашина, множество боеприпасов.

Одновременно с Маньчжурской разворачивалась Южно-Сахалинская операция, начавшаяся 11 августа. Там советские войска встретили ожесточенное сопротивление. Прорвать полосу обороны японцев удалось лишь 17 августа. Действия советских наземных сил затруднялись недостаточной — из-за нелетной погоды — поддержкой авиации. 20 августа был высажен морской десант в районе порта Маока (совр. Холмск), а 25-го числа был занят последний опорный пункт японцев на острове — военно-морская база Отомари (совр. Корсаков).

Напряженные бои шли и в ходе Курильской десантной операции, которая началась 18 августа десантом на о-в Шумшу и завершилась высадкой на о-в Кунашир 1 сентября. Всего на Курильских о-вах было взято в плен до 60 тыс. японских солдат и офицеров.

В обращении к советскому народу по случаю подписания Японией акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. говорилось:

«Поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания.. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

* * *

После принятия Японией условий Потсдамской декларации вся подготовительная работа по организации официального подписание акта о капитуляции проводилась штабом Макартура в Маниле. Там 20 августа японским представителям был вручен акт о капитуляции, согласованный союзными державами. Церемония его подписания была назначена на 2 сентября 1945 г. Этот день принято считать датой окончания второй мировой войны.

Лекция 11

Послеоккупационный период (1952-1960):

1. Завершение восстановления экономики.
2. Создание «политической системы 1955 года».
3. Поиск места в системе международных отношений.

Завершение восстановления экономики

В первой половине 50-х годов никто в Японии не помышлял о быстрых темпах экономического роста, первые признаки которых появились лишь в середине десятилетия. Задачи были прозаичнее: накормить страну, сократить бедность и материальную нужду. Требовалось найти экономическую модель, которая позволила бы быстро обеспечить основные жизненные потребности общества. В таких условиях японская правящая элита продемонстрировала трезвое понимание характера взаимосвязи экономических и политических проблем, стоявших перед страной.

«Доктрина Ёсида»

Именно в этот период формируется система стратегических приоритетов, получившая название «доктрина Ёсида» — концепция сосредоточения Национальных ресурсов на решении, в первую очередь, экономических задач при обеспечении внутренней стабильности и обороны от внешней угрозы за счет тесного союза с Соединенными Штатами.

На первый взгляд, этот союз был навязан Японии исходом второй мировой войны. Проигравший должен был следовать в русле политики победителя, нередко повинаясь диктату. Однако следует отдать должное японской политической элите — она сделала, в целом, правильные выводы из уроков прошлого. Победа американцев в войне была воспринята как доказательство эффективности их модели общественного устройства, способной обеспечить более высокий уровень экономического и технического развития.

Политика ориентации на США в решающей мере была следствием осмысленного рационального выбора. Те, кто определял стратегию страны, понимали, что опора на Соединенные Штаты, наиболее богатую и развитую страну, может дать Японии преимущества в ликвидации последствий войны, что, в свою очередь, позволило бы за счет повышения жизненного уровня населения подорвать социальную базу левого, в частности, коммунистического движения, весьма влиятельного в послевоенной Японии.

Исторически ставка на приоритет экономических задач, безусловно, оправдалась. Созидание мощной индустриальной базы, в конечном счете, стало предпосылкой и для выравнивания отношений с США, развития этих отношений на основе равноправия, взаимной выгоды и уважения национального достоинства. Однако для решения этой задачи нужно было пройти еще большой путь.

Первые экономические достижения послевоенной Японии

По окончании бума, вызванного Корейской войной, промышленное производство Японии продолжало быстро развиваться, и к 1957 г. процесс послевоенного восстановления экономики был полностью завершен. Большинство предприятий были восстановлены и частично переоборудованы, и объем промышленного производства превысил довоенный уровень в 2,5 раза, а экспорт достиг 90% от уровня середины 30-х годов.

Интересно отметить, что в период войны в Корее началось постепенное воссоздание «старых *дзайбацу*». Огромное значение при этом имело то, что роспуск *дзайбацу* не затронул их головные банки, благодаря чему они смогли стать центрами, вокруг которых началось воссоединение предприятий. Во второй половине 50-х годов группы «Мицуи», «Мицубиси» и «Сумитомо» уже вполне оформились и взяли под свой контроль существенную часть промышленности и финансов страны. (Что касается «новых *дзайбацу*», возникших на волне японской колонизации и политики милитаризма, то их воссоздание произошло лишь в 60-е годы, так как из-за потери колоний они лишились значительной части своих «империй», и им потребовалось больше усилий на восстановление и реструктуризацию производства).

Позитивные сдвиги произошли в сельском хозяйстве страны. После проведения земельной реформы жизнь деревни стала довольно быстро налаживаться. Высокие цены на продовольствие в первые послевоенные годы, обесценение крестьянских долгов вследствие инфляции, а с начала 50-х годов возрастающие возможности получить дополнительные заработки в городе, привели к быстрому росту доходов крестьянских семей. Это, в свою очередь, позволило крестьянам закупать больше удобрений, пестицидов, механических средств, а также диверсифицировать производство. Рис, разумеется, оставался основной культурой, не из года в год росло производство овощей и фруктов, мяса животных и птицы. В целом питание японцев стало более разнообразным и калорийным.

Таким образом, примерно к середине 50-х годов процесс послевоенного восстановления японской экономики был завершен. Страна вступила в качественно

новый этап своего экономического развития, получивший название «периода высоких темпов роста».

Вступление Японии в научно-техническую гонку

Американская оккупация сопровождалась привнесением в японскую жизнь элементов американской материальной цивилизации. Это привело к одному из важных последствий оккупации — психологическому шоку, испытанному японцами от осознания того, насколько их страна отстала в техническом отношении от Соединенных Штатов. В определенной мере это было повторением шока мэйдзийской эпохи, когда страна ужаснулась, поняв, что ей грозит, если не удастся ликвидировать огромное отставание от Запада. Осознание масштабов отставания претворилось в общественном сознании в национальную задачу «догнать и перегнать» Америку.

В этот же период в принципе сформировалась национальная концепция научно-технического развития. Суть ее заключалась в максимальном использовании достижений зарубежной мысли и реализации их в отечественном производстве.

Жадный поиск технических новинок, интересных фундаментальных идей, способных быть воплощенными в массовом производстве товаров ежедневного спроса и длительного пользования, стал нормой поведения японских компаний. Так, изобретение в США полупроводников осталось незамеченным американскими компаниями, и было подхвачено японцами, сумевшими воплотить их в производстве радиоаппаратуры и электробытовых товаров.

В этот период начинают выходить на отечественный, а потом и мировой рынок такие компании как «Тёсиба», «Хитати», «Сони», «Мацусита дэнки». Уже в 1955 г. «Тёсиба», а затем и остальные, наладила массовое производство телевизоров, холодильников, стиральных машин, электропечей, миксеров и пр.

Результаты научно-технического рывка оказались совершенно поразительными. Уже в 1957 г. Япония занимала первое место в мире в судостроении, производстве керамической посуды, пряжи, штапеля, сульфата аммония, вылову рыбы, второе-третье место по производству хлопчатобумажных нитей, искусственного шелка, синтетических волокон, ткацких станков, фотоаппаратов, швейных машин, радиоприемников и производству риса.

Начался массовый выход японских товаров на зарубежные рынки. В 1957 г. Японии принадлежало первое место в экспорте хлопчатобумажных и синтетических тканей, пряжи, судов, цемента, швейных машин, ткацких станков, посуды, игрушек, второе-третье место в экспорте листового стекла, консервных изделий, фотоаппаратов, велосипедов, сельскохозяйственных удобрений, железнодорожных вагонов, сульфата аммония.

Это было началом внешнеторговой экспансии обновленной японской экономики. В отличие от довоенных времен, когда японские товары пользовались репутацией «дрянных, зато дешевых», теперь японским производителям удалось добиться победы в конкурентной борьбе с продукцией развитых стран. Со временем популярность японских товаров значительно выросла по мере роста их качества и налаживания разветвленной сети послепродажного обслуживания.

Создание «политической системы 1955 года»

Послеоккупационный период японской истории стал не только рубежом начала быстрых темпов экономического роста на базе новой экономической модели, но и, одновременно, временем окончательного формирования политической структуры, которую принято называть «политической системой 1955 года».

Расстановка политических сил

После окончания оккупации в Японии продолжился процесс структуризации политических сил. В формировавшемся политическом спектре, в целом, можно было выделить два лагеря: правящий консервативный и оппозиционный, причем последний был в высокой степени левоориентированным. Отношения между ними приобретали весьма конфронтационный характер.

Консервативный лагерь был достаточно пестр, однако в нем явно обнаруживалась тенденция к консолидации. Здесь действовали две основные политические фигуры, вокруг которых блокировалась консервативная элита — Ёсида Сигэру и Хатояма Итирō.

Оба эти политика были связаны с находившейся в то время у власти Либеральной партией. В свое время Ёсида наследовал пост ее председателя у Хатояма, сформировавшего ее в 1945 г. на базе довоенной партии Сэйюкай. Лишь вмешательство

американцев и принудительное устранение Хатояма с политической арены не позволило ему прийти к власти в апреле 1946 г., когда на парламентских выборах Либеральная партия заняла первое место. Поэтому после окончания оккупации и политической реабилитации Хатояма его приход к власти стал вопросом времени.

Оппозиционное движение имело несколько составляющих — общедемократическое движение в защиту и за развитие реформ, начатых при американской оккупации, левое марксистское движение, социальное движение, связанное с ростом политической силы профсоюзов и движение за «независимость» от США, имевшее националистический оттенок. На практике идеология всех этих движений была сильно перемешана. Так, леворадикальное молодежное движение, связанное поначалу, в основном, с компартией Японии, быстро восприняло антиамериканские националистические лозунги и впоследствии заняло крайне враждебные КПЯ позиции, обвиняя коммунистов в оппортунизме и соглашательстве.

Наиболее влиятельный среди оппозиции левый лагерь был представлен, прежде всего, Социалистической и Коммунистической партиями. В Социалистической партии произошел раскол, и выделившиеся два крыла — левое и правое — постепенно продвигались в сторону создания двух самостоятельных партий. В компартии царил более строгая партийная дисциплина, которая до поры до времени позволяла сохранять единство партийных рядов. Но уже в тот период внутри нее началась подспудная борьба разных политических ориентации, и после того, как она была подвергнута критике Коминформом, в ней начался процесс дробления.

Левое движение в послеоккупационные годы было весьма мощным политическим соперником консерваторов. 1952 г. был крайне напряженным с точки зрения поддержания внутренней стабильности. Первомайская демонстрация 1952 г. была первой, с которой японским властям следовало справиться самостоятельно, без помощи штаба оккупационных сил. Ее масштабы явно напугали правительство Ёсида, и сдерживание левого движения стало лейтмотивом его внутренней политики.

В этих условиях правительство предприняло ряд мер по укреплению режима и его государственных институциональных элементов. Был принят закон о предотвращении подрывной деятельности и расширены полицейские силы. Существовавший в годы оккупации «резервный полицейский корпус» в 1953 г. был реорганизован в «силы национальной безопасности», а в следующем году — в «силы самообороны», поначалу явно предназначенные для подавления массовых беспорядков внутри страны.

Перемены в лагере консерваторов

В конце 1954 г. в Японии произошла смена политического лидера. К руководству страной пришел Хатояма Итирō.

В ноябре 1954 г. путем слияния ряда консервативных групп была образована новая Демократическая партия Японии, председателем которой стал Хатояма. Хатояма возглавлял старую политическую элиту в лагере консерваторов, подвергнувшуюся репрессиям в период чистки американцами государственного аппарата. В лагерь его единомышленников входили такие известные деятели, как Киси Нобусукэ, Сигэмицу Мамору, Исибаси Тандзан и Исии Мицудзирō.

Эта группа лидеров выступала оппонентами курсу Ёсида, который они считали слишком проамериканским. По их мнению, конституция 1947 г. должна была быть пересмотрена, и Японии следовало иметь полноценную сильную армию — неперменный атрибут государственного суверенитета и фактор силы во внешней политике. Хатояма был убежден, что Японии следует поскорее покончить с состоянием «прострации», охватившим страну после жестокого поражения, и возродить былой дух великой независимой нации. Курс на усиление самостоятельности и независимости японской политики и экономики получил отражение и в программе Демократической партии.

Впрочем, выдвижение на политическую авансцену старой политической элиты не означал возврата к прошлому. Более того, она, если и не стала горячо проповедовать демократические принципы в политике, то, по крайней мере, воспользовалась плодами послевоенных политических реформ. В отличие от Ёсида, «отца японской демократии», придерживавшегося закулисных методов управления страной и не любившего гласной политики, Хатояма активно апеллировал к общественному мнению, стремясь добиться популярности среди широких слоев населения.

В отличие от Ёсида, выходца из бюрократической элиты, Хатояма представлял политический клан. Его отец Хатояма Кадзуо одно время возглавлял нижнюю палату

японского парламента, а сам он, тогда 32-летний адвокат, был впервые избран депутатом в 1915 г.

То, что Хатояма прошел серьезную политическую школу, принесло ему высокий личный авторитет и популярность даже среди политиков оппозиционного лагеря. Социалисты, резко критикуя «реакционную» политику кабинета, не связывали ее с личностью премьера. Один из видных социалистов Каваками Дзётарō заявлял, что он испытывал глубокую симпатию только к двум политикам того времени — Хатояма и социалисту Катаяма. 6 декабря 1954 г. на внеочередной сессии парламента голосами Демократической партии и левых и правых социалистов был вынесен вотум недоверия правительству. На следующий день последний — пятый — кабинет Ёсида ушел в отставку. Новое правительство Японии возглавил Хатояма Итирō.

Образование Либерально-демократической партии

1955 год оказался знаменательным с точки зрения политического развития послевоенной Японии. 15 ноября произошло объединение двух консервативных партий — Либеральной и Демократической — в единую Либерально-демократическую партию (ЛДП). 5 апреля 1956 г. на внеочередном съезде ЛДП ее председателем был избран действующий премьер-министр Японии Хатояма Итирō.

Объединение двух партий было инициировано, главным образом, объективными моментами: стране была необходима сильная консолидированная власть, способная решать насущные задачи, такие как обеспечение условий для быстрых темпов экономического роста, достижение равноправных отношений в рамках союза с США, противодействие левому и рабочему движению.

* * *

Объединение двух консервативных партий — Либеральной и Демократической — означало завершение формирования политической структуры, характеризовавшейся конфронтацией буржуазно-консервативного и левого лагерей. Образовались два политических центра, привлечших к себе более мелкие партии и группировки. Их противоборство охватывало практически все вопросы социально-экономического развития страны, а также все аспекты внешней и внутренней политики.

Фактическим центром консолидации левых сил стала Социалистическая партия, опиравшаяся на мощную поддержку профсоюзного движения. В октябре 1956 г. СПЯ смогла временно преодолеть внутренние разногласия и провела свой XII «объединительный» съезд. Объединенная СПЯ обладала внушительным представительством в парламенте страны — ей принадлежало 154 места в нижней палате.

Тем не менее, левое движение в Японии при всем его расцвете в 40-е-50-е годы не имело серьезных шансов на успех. Традиционные общественные структуры и психологические особенности, строгая иерархичность отношений в рамках социальных групп, глубоко укоренившийся в японском обществе патернализм обрекали его на неудачу. Эти же факторы определяли специфичность философии и организационных принципов левого движения в Японии, а также его крайнюю раздробленность и фракционность.

Поэтому биполярная политическая структура (или «система 1955 года») отличалась важной особенностью — отсутствием реальной альтернативы политическому господству ЛДП. Оппозиция фактически не принимала конструктивного участия в формировании национальной политики. Ее роль ограничивалась лишь функциями критики правящей партии и определенного парламентского контроля над ее деятельностью. Такая ситуация сохранялась без малого 40 лет — вплоть до 1993 г.

Поиск места в системе международных отношений

Благодаря заключению Сан-Францисского мирного договора Япония стала равноправным членом международного сообщества. Но сепаратный характер этого договора и заключение «договора безопасности» с США порождали многие препятствия развитию отношений Японии с ее ближайшими соседями. Возникшая в годы оккупации большая зависимость от США, будучи закреплена в договорной форме, побуждала Японию в ее международной политике приспособляться к американским интересам, следовать в фарватере мировой стратегии Соединенных Штатов.

В 1952-1954 гг. были завершены основные контуры первого японо-американского военно-политического союза с элементами американского диктата и неравноправия сторон. Реализация этой задачи стала главным содержанием внешнеполитической

деятельности правительства Ёсида и его Либеральной партии.

Развитие японо-американских отношений

В 1952 г. президентом США был избран Д.Эйзенхауэр. Его администрация ставила своей целью резкое усиление американских позиции на международной арене в условиях конфронтации и консолидацию связей со своими стратегическими партнерами.

К этому времени возникла реальная угроза американскому влиянию в Азии в лице недавно образовавшейся КНР. Дипломатия тогдашнего государственного секретаря Дж.Ф.Даллеса видела в пекинском руководстве своего основного противника в регионе и рассматривала стратегическое окружение и изоляцию коммунистического Китая как свою главную задачу на Дальнем Востоке. Поэтому значение Японии как союзника США в этом районе мира сделалось критически важным.

Стремление укрепить союзнические отношения с Японией проявилось, в частности, в том, что американцы начали постепенно возвращать Японии ее бывшие территории в Тихом океане. Первыми в 1953 г. стали о-ва Амамиосима. Начался процесс, завершившийся в начале 70-х годов передачей Японии административных прав на архипелаг Рюкю (Окинава).

Начало самостоятельной внешней политики

Одновременно с принятием внешнеполитических решений, направленных на усиление японо-американского союза, шла отладка институциональной инфраструктуры «договора безопасности». Его важнейший элемент — «административное соглашение» — из-за больших привилегий для американских вооруженных сил, ущемлявших суверенитет Японии, подвергался критике оппозиции чаще, чем сам «договор безопасности».

В сентябре 1953 г. США согласились внести поправки в «административное соглашение», распространив на Японию принципы, применявшиеся внутри блока НАТО. В результате японские власти получили ограниченную уголовную юрисдикцию над личным составом американских войск, размещенных в Японии. Таким образом, был смягчен один наиболее раздражающих факторов в японо-американских отношениях.

Японо-«китайский» мирный договор 1952 г

Закрепление статуса американского союзника требовало от Японии демонстрации своей лояльности по отношению к старшему партнеру. Важнейшим таким актом стал ее мирный договор с Тайванем, который, в значительной мере, был и уступкой, и шагом навстречу США.

Этот договор, подписанный 28 апреля 1952 г., т.е. в день вступления в действие Сан-Францисского мирного договора, был представлен как основополагающий документ послевоенного урегулирования с Китаем — главной жертвой японской агрессии в Азии. Таким образом, гоминьдановское правительство рассматривалось как единственное законное правительство Китая, а руководству КНР было отказано в праве представлять китайский народ.

Для Японии открытая конфронтация с материковым Китаем была трудным и в значительной мере вынужденным шагом. Кроме многовековых культурных связей Японию влекли к Китаю и серьезные экономические интересы — ее довоенная экономическая структура была напрямую связана с китайским рынком. Но такова была плата Токио за близкие отношения с США и за американский «ядерный зонтик».

Договор определял: окончание состояния войны между двумя странами (ст.1); отказ Японии, согласно Сан-Францисскому мирному договору, от всех прав, правооснований и претензий на о-в Тайвань, о-ва Пэнхуледао и Спратли (ст.2) и от всех особых прав Японии в отношении Китая, зафиксированных в протоколах, подписанных в Пекине 7 сентября 1901 г.; процедуру решения имущественных претензий и проблем рыболовства и установления воздушного сообщения между Тайбэем и Токио,

Японо-«китайский» договор 1952 г. стал частью нового геополитического баланса на Дальнем Востоке и знаком жесткого размежевания двух глобальных военно-политических блоков.

Ко времени объединения консервативных сил национальные задачи Японии существенно изменились. Если целью кабинетов Ёсида было достижение наиболее выгодных условий послевоенного развития на основе тесного союза с США, то теперь политическая элита пыталась вывести японскую внешнюю политику на уровень глобальных отношений. Отсюда вытекали и главные направления международной деятельности новообразованной ЛДП и ее лидера.

Первое из них заключалась в исправлении перекосов, возникших в результате политики сближения с США, и проявилось в стремлении добиться подлинно партнерских

отношений со своим главным союзником. В результате был поставлен вопрос о пересмотре «договора безопасности» для придания ему более равноправного характера.

Вторым направлением был активный выход на международную арену для обеспечения доступа к мировым сырьевым и экспортным рынкам, чего настойчиво стала требовать быстро развивавшаяся японская экономика. Это воплотилось в активном курсе на восстановление дипломатических отношений с СССР, во вступлении в ООН, в попытках нормализации отношений с КНР.

Восстановление дипломатических отношений с СССР

В октябре 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, обширный документ, положивший конец состоянию войны между двумя странами. Этому предшествовала трудная дипломатическая подготовка. В самом японском правительстве не было единства по вопросу о характере и конечных целях переговоров с СССР. Премьер-министр Хатояма и его сторонники считали необходимым юридически прекратить состояние войны между Японией и СССР, обменяться послами, а затем приступить к поэтапному урегулированию спорных вопросов в двусторонних отношениях. Однако министр иностранных дел Сигэмицу предлагал начать заведомо длительные переговоры по заключению полномасштабного мирного договора, которому должны были предшествовать решение всех советско-японских проблем.

Главной из них была территориальная проблема, касавшаяся суверенитета над островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и группой маленьких островов Хабомаи. Этот спор так и не был урегулирован и до сих пор мешает заключению полнокровного мирного договора России с Японией.

С июня 1955 по март 1956 г. в Лондоне проходили предварительные советско-японские переговоры по нормализации двусторонних отношений. На них японская сторона выдвинула претензии на Южный Сахалин и Курильские о-ва. Это прямо противоречило условиям подписанного и ратифицированного Японией Сан-Францисского мирного договора, в котором говорилось, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские о-ва и на ту часть о-ва Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.».

Понимая слабость своей позиции, японская делегация в дальнейшем модифицировала ее, предложив исключить острова Итуруп и Кунашир и острова Малой Курильской гряды из понятия «Курильские острова» как «исконно японские территории» на том основании, что они никогда не принадлежали никакому иному государству помимо Японии. Таким образом были сформулированы территориальные претензии Японии к СССР, которые и по сей день «по наследству» осложняют российско-японские отношения.

Желая способствовать продвижению вперед переговоров, советская сторона сообщила о своей готовности рассмотреть вопрос о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан при условии окончательного урегулирования территориального спора между двумя странами при заключении мирного договора.

В августе 1956 г. советско-японские переговоры возобновились, на этот раз в Москве, куда приехал министр иностранных дел Японии Сигэмицу.

Нормализации советско-японских отношений серьезно препятствовали действия США. Еще перед началом лондонских переговоров государственный секретарь Даллес направил Хатояма послание, в котором предостерегал японское правительство против улучшения отношений с СССР, угрожая в противном случае прекратить оказывать помощь Японии. А в августе 1956 г. Даллес от имени американского правительства заявил, что если Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские о-ва частью территории Советского Союза, то США навечно сохраняют за собой о-ва Рюкю.

Заявление Даллеса вызвало бурю возмущения в Японии. Вместе с тем, противники компромиссов с СССР стали активно добиваться отставки правительства Хатояма. За их спиной стояли, прежде всего, финансовые и промышленные круги, деловые интересы которых были связаны с США, и которые опасались охлаждения японо-американских отношений.

Японское правительство оказалось в сложном положении. Тем не менее, Хатояма проявил твердость и 7 октября 1956 г. сам отправился в Москву. Результатом переговоров на высшем уровне стало подписание 19 октября Совместной советско-японской декларации, основное содержание которой выглядело следующим образом:

«1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливается мир и добрососедские дружественные отношения.

2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. ...

3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций...

СССР и Япония подтверждают, что, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

СССР и Япония взаимно обязуются не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

4. Союз Советских Социалистических Республик поддержит просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций.

5. Все осужденные в Союзе Советских Социалистических Республик японские граждане со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации будут освобождены и репатриированы в Японию. ...

6. Союз Советских Социалистических Республик отказывается от всех репарационных претензий к Японии....

7. Союз Советских Социалистических Республик и Япония соглашаются в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения.

8. Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море, подписанные в Москве 14 мая 1956 года, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации. ...

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоры о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами».

Накануне подписания Совместной декларации был подписан меморандум между первым заместителем министра иностранных дел А.А.Громыко и полномочным представителем Японии на мирных переговорах с СССР Мацумото Сюнъити о согласии сторон продолжить переговоры о заключении мирного договора.

Толкование международно-правовых аспектов Совместной декларации до сих пор остается предметом споров. Тем не менее, ее значение состоит в том, что она составляет основу послевоенных отношений между Россией и Японией. Более того, декларация — единственный документ, который регулирует эти отношения, т.е. составляет их международно-правовую базу. Декларация была ратифицирована японским парламентом и Верховным Советом СССР и обрела силу закона. Ни одно последующее решение (в частности, заявление советского правительства в 1960 г.) юридически не «достигало» уровня этого документа и не может рассматриваться как акт, меняющий или уточняющий его — хотя бы в силу того, что является позицией одной из сторон, не подтвержденной соответствующим постановлением верховного органа власти.

Вступление Японии в ООН

Прекращение состояния войны между двумя странами оживило искусственно сдерживавшиеся советско-японские отношения.

Стала активно развиваться двусторонняя торговля, перспективы которой казались особенно радужными в первой половине 60-х годов. Советский Союз после восстановления дипломатических отношений с Японией выполнил свое обещание и поддержал ее просьбу о вступлении в ООН, которому ранее советская дипломатия, пользуясь правом вето в Совете Безопасности, препятствовала под разными предлогами в течение нескольких лет.

18 декабря 1956 г. Япония стала 80-м членом ООН. Вступление страны в эту международную организацию завершило процесс восстановления международных позиций Японии после мировой войны. Впоследствии Япония расширила свое участие в ООН, став вторым после США финансовым донором этой организации.

Вместе с тем, особенно в первые годы, стал проявляться противоречивый характер деятельности Японии в ООН. Японская дипломатия пыталась играть несколько ролей: представителя Азии, тесного партнера США и страны, ориентирующейся на цели и идеалы ООН. С самого начала японская дипломатия стремилась ввести принцип сотрудничества с ООН как один из самых важных принципов своей внешней политики. Однако в реальности обязательства и соображения, связанные с тесным сотрудничеством с США, превалировали над принципами ориентации на ООН и азиатские страны.

Возврат к «доктрине Ёсида»

Несмотря на определенные успехи в укреплении международных позиций Японии, положение самого Хатояма все более осложнялось. Его относительно независимый внешнеполитический курс вызывал все большее давление со стороны как правительства США, так и проамериканских сил внутри Либерально-демократической партии.

В итоге полной неудачей (в первую очередь, из-за крайне негативной реакции США) закончились попытки Хатояма нормализовать отношения с КНР. Та же судьба постигла и его шаги в сторону ревизии конституции. 31 января 1956 г. в нижней палате парламента Хатояма недвусмысленно высказался за пересмотр главного закона страны. Но из-за резко отрицательной реакции со стороны американцев и части правящей партии ему пришлось спустя несколько дней дезавуировать свое заявление.

В конце 1956 г. Хатояма ушел в отставку. Из обширной программы пересмотра послевоенного наследства ему удалось осуществить лишь нормализацию отношений с СССР.

Завершился период попыток старой политической элиты во главе с Хатояма радикально пересмотреть итоги оккупационного периода и вернуть стране статус самостоятельного центра силы на международной арене. Успех первых лет экономического роста, меняющееся общественное сознание определили приход к власти тех, кто стремился сохранить курс, очерченный в «доктрине Ёсида» — концентрация сил и энергии на решении экономических задач при использовании тесного союза с США как фактора, позволяющего экономить (и существенно) на обороне и активной внешней политике.

Кабинет Исибаси

Смена политического курса в Японии произошла поэтапно. На политической арене в качестве переходной фигуры выступил Исибаси Тандзан, политический деятель, близкий Хатояма. 23 декабря 1956 г. он стал новым премьер-министром Японии, правда, всего лишь на два месяца.

Исибаси был известным ученым-экономистом, блестящим журналистом, обладал энциклопедическими познаниями. Его перу принадлежат многочисленные работы по политэкономии. Он основал ныне действующее издательство «Тёё кэйдай». По своим убеждениям, которые он отстаивал и в довоенные годы, Исибаси был либералом и демократом.

Исибаси пришел к власти в результате внутривнутрипартийных выборов. На пост председателя партии претендовали трое — сам Исибаси, генеральный секретарь партии Киси Нобусукэ и Исии Мицудзирё из клана Ёсида. В первом туре голосования больше всего голосов набрал Киси, но во втором тура с небольшим перевесом победил Исибаси. Его поддержали сторонники Исии.

Для Исибаси эта победа оказалась недолгой. Уже 31 января 1957 г. из-за тяжелой болезни он приостановил свои полномочия и назначил исполняющим обязанности премьер-министра министра иностранных дел Киси Нобусукэ, а 23 февраля и вовсе подал в отставку.

Формирование фракционной структуры ЛДП

Тот факт, что Исибаси стал премьером в результате внутривнутрипартийных выборов, прошедших по необычной демократической схеме (традиционно пост председателя как бы «завещался» предшественником), свидетельствовал о том, что в тот период сложилась и начала по-настоящему действовать фракционная структура ЛДП. При ней партия выступает не как единое целое, а как политический альянс разных влиятельных сил и групп. Посты в партии и в правительстве распределяются согласно числу набранных депутатских мест.

Фракционность ЛДП таила в себе как минусы, так и плюсы. Явным минусом было то, что при такой системе политические посты распределялись не столько на основе рационального отбора наиболее подходящих по своим деловым качествам партийных функционеров, сколько в результате торгов и компромиссов между фракциями, часто с использованием принципа пропорционального представительства различных группировок. К плюсам следует отнести охват партией широкого спектра интересов и политических взглядов, которые позволял за счет борьбы между фракциями обеспечивать динамику политического процесса, что было особенно важно в отсутствие реальной многопартийности, так как оппозиция не могла реально претендовать на приход к власти, хотя и была важной политической силой.

Внешняя политика кабинета Киси

25 февраля новым премьер-министром Японии стал Киси Нобусукэ, имя которого вошло в японскую историю в связи с драматическими, бурными событиями, сопровождавшими заключение нового «договора безопасности» с США.

Киси был вторым из трех братьев в семье некоего Сатō Юсукэ из префектуры Ямагути (еще в школьные года Киси по настоянию отца взял фамилию одного из близких родственников, не имевшего наследника), каждый из которых вошел в японскую историю. Старший брат Сиро сделался вице-адмиралом, а младший брат Эйсаку через 8 лет стал, как и Киси, премьер-министром Японии. Это единственная семья, давшая стране двух премьер-министров.

В довоенные годы Киси приобрел репутацию чиновника с относительно либеральными взглядами. В годы войны он входил в кабинет Тбдзё, из-за чего при чистке госаппарата американцами был отнесен к группе «А» военных преступников, лишен политических прав и заключен в тюрьму.

После окончания оккупации Киси был полностью реабилитирован и скоро вернулся на политическую арену. Ему потребовалось лишь 5 лет, чтобы стать премьер-министром. Любопытно, что его политическая карьера состоялась в рядах Демократической партии Хатояма, выступившей с политическими установками, которые могли даже расцениваться как антиамериканские. Но в качестве главы кабинета министров Киси прославился как раз как «проамериканский» политик.

Впрочем, «проамериканизм» Киси можно считать, скорее, политическим ярлыком. Киси не были чужды идеи укрепления независимости и самостоятельности Японии. Но путь достижения этих целей виделся ему иначе, чем его предшественникам. Он вернулся к сути доктрины Ёсида — концентрации усилий на экономическом развитии при экономии на оборонных и внешнеполитических усилиях за счет тесного партнерства с США. Во внешней политике Киси стремился наладить новое партнерство с Соединенными Штатами, несколько подорванное за годы правления Хатояма, и добиться от США уступок при заключении нового «договора безопасности».

Видимо, у Японии не было более рационального и реального сценария послевоенного развития. Тесный союз с США принес Японии большие дивиденды. А идеологические символы и красивые фразы о «независимости» и «самостоятельности», рассуждения об ущемленной национальной гордости, и необходимости возрождения «национального духа» остались в прошлом. В конечном счете, все эти цели были достигнуты не за счет политической или, тем более, военной конфронтации с Соединенными Штатами, а за счет формирования мощного экономико-технологического центра, сопоставимого с двумя другими — США и Европейским Союзом.

В годы правления Киси резко усилилось азиатское направление японской дипломатии. В середине мая 1957 г. премьер посетил 6 стран Юго-Восточной Азии. Здесь он предложил идею создания Азиатского фонда развития. Фактически с этого момента стала реализовываться японская стратегия глубокого проникновения в Азию за счет использования торгово-экономических рычагов.

Вместе с тем в Восточной Азии Киси столкнулся с целым рядом проблем, как политического, так и психологического плана. Наиболее сложными были отношения с Южной Кореей. После того, как в 1952 г. Ли Сынман объявил обширное водное пространство вдоль берегов Южной Кореи зоной, на которую распространяется ее суверенитет, отношения между Токио и Сеулом заметно ухудшились. Оказались ущемленными интересы японских рыбаков, т.е. промысла, который имел жизненно важное значение для страны. Конфликт по поводу «линии Ли Сынмана» затрагивал чувствительные стороны двусторонних отношений, связанных с недавним прошлым, отчего реакция обеих сторон была особенно болезненной и эмоциональной.

К этому моменту японо-южнокорейские переговоры по заключению мирного договора оказались в тупике и были прерваны. Киси удалось добиться согласия Сеула на возобновление переговоров и о взаимном освобождении задержанных в результате конфликта рыбаков.

В отношении Тайваня японское правительство сохраняло линию Ёсида на признание гоминдановского правительства в качестве единственно законного представителя Китая. Вместе с тем с годами стал усиливаться курс на установление с КНР неформальных отношений по линии частных торговых контактов. Это не могло не вызвать обеспокоенности в Тайбэе, но японцам удалось сгладить противоречия с Чан Кайши и убедить его, что эти контакты не означают какого-либо политического сближения. К тому же произошедший 2 мая 1958 г. инцидент, когда был сорван государственный флаг КНР на выставке почтовых марок в Нагасаки, резко осложнил обстановку в отношениях с Пекином и нанес серьезный урон попыткам Японии наладить с ним неформальные каналы связи.

Украшением азиатской дипломатии правительства Киси стал визит в ноябре 1957 г. в Токио популярнейшего политического деятеля, яркого представителя «третьего мира» премьер-министра Индии Джавахарлала Неру. В совместном заявлении двух премьер-министров от 13 ноября 1957 г. подчеркивалась солидарность азиатских стран, а официальный Токио обещал играть роль защитника интересов Азии.

Визит Неру оказал серьезную моральную поддержку усилиям японской дипломатии по поискам новой роли в Азии, ее попыткам гармонизировать свои интересы в Азии с тесными отношениями с США.

«Договор о безопасности» 1960 г.

В середине июня 1957 г. Киси отправился в Соединенные Штаты, где в ходе переговоров с Эйзенхауэром добился от США определенных уступок — в частности, согласия на создание специальной комиссии по изучению вопроса о заключении нового «договора безопасности» и сокращении контингента сухопутных сил США на базах в Японии.

После возвращения из Вашингтона Киси приступил к реализации планов пересмотра «договора безопасности». Для этого, в первую очередь, он реорганизовал кабинет министров, доставшийся ему в наследство от Исибаси. Весь 1959 г. был посвящен работе над проектом нового «договора безопасности» с Соединенными Штатами. Окончательный проект был к началу 1960 г. и был пописан 19 января в Вашингтоне.

Документ, получивший официальное название «Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности», обязывал стороны «в соответствии с положениями и процедурами конституций каждой из сторон предпринимать действия по отражению общей угрозы в случае признания, что вооруженное нападение на одну из сторон на территории, находящейся под японской юрисдикцией, ставит под угрозу мир и безопасность данной страны» (ст.5). Кроме того, в целях защиты безопасности Японии, а также для «внесения вклада в обеспечение международного мира и безопасности на Дальнем Востоке» он предоставлял США право размещать свои сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы на ее территории (ст. 6).

В отличие от редакции 1951 г. договор определял необходимость взаимных консультаций при приведении его в действие. По сути, это означало, что США могли использовать свои базы на японской территории только с согласия японской стороны (ст.4). Кроме того, для реализации договора должно было быть заключено новое административное соглашение, которое определяло бы порядок размещения и функционирования американских баз на японской территории. Как известно, предыдущее административное соглашение предоставляло американцам фактическое право экстерриториальности.

Осложнение советско-японских отношений

После подписания Совместной декларации 1956 г. советско-японские отношения стали быстро развиваться. Японская общественность, в целом, приветствовала восстановление отношений с СССР. Когда Хатояма 1 ноября 1956 г. вернулся в Токио, в аэропорту Ханэда его приветствовали восторженные толпы. 27 ноября Совместная декларация и другие подписанные в Москве документы были единогласно ратифицированы нижней палатой японского парламента (правда, около 60 депутатов демонстративно не явились на заседание). 3 декабря последовала ратификация верхней палатой (224 голоса «за», 3 — «против»). 8 декабря, после утверждения ратификации императором Хирохито и ратификацией документов Президиумом Верховного совета с советской стороны, соглашения вступили в силу.

Нормализация советско-японских отношений привела к заметному развитию научных, культурных и деловых связей между двумя странами. Большой интерес к торговле с СССР стали проявлять как деловые круги Токио и Осака, так и бизнесмены из японских городов, расположенных на побережье Японского моря.

6 декабря 1957 г. в Токио был подписан советско-японский торговый договор. Согласно ему был предоставлен «режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех видов таможенных пошлин, сборов, таможенных формальностей и других правил, связанных с импортом товаров другой Договаривающейся Стороны и с экспортом своих товаров в другую Договаривающуюся Сторону» (ст.2). В Японии было учреждено советское торговое представительство (ст. 11).

Однако подъем в советско-японских отношениях продлился недолго. Несмотря на некоторые признаки смягчения международной напряженности, глобальное противостояние СССР и США продолжалось. Поэтому советское руководство нервно прореагировало на заключение нового японо-американского «договора безопасности».

27 января 1960 г., через 9 дней после подписания в Вашингтоне японо-американского договора, министр иностранных дел СССР Громыко вручил японскому послу в Москве Кадоваки «Памятную записку советского правительства», составленную в очень жестких выражениях. В ней, в частности, говорилось:

«19 января с.г. подписан т.н. "Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности" между Японией и США....

Увековечение договором фактической оккупации Японии, предоставление ее территории в распоряжение иностранной державы, отрыв от Японии островов Окинава и Бонин, неизбежно вытекающая из положений договора военная, экономическая и политическая зависимость Японии — все это вызывает законный вопрос, что же в действительности останется от суверенитета Японии после вступления в силу договора? Уже тот факт, что в Японии будут и впредь стоять иностранные войска, означает, что страна ограничена в своих действиях. По существу дело обстоит таким образом, что, заключая новый военный договор, Япония собственными руками передает иностранной державе значительную часть своих прав как суверенного государства, теряет свою национальную независимость.

В прямой связи с этим находится и зафиксированное в договоре обязательство Японии наращивать свой военный потенциал. Ни для кого не секрет, что в программе ее перевооружения, которое призван форсировать этот договор, особое место отводится оснащению вооруженных сил Японии, как и размещенных на ее территории иностранных войск, ракетно-ядерным оружием. Тем самым Япония открыто становится на путь широкой ремилитаризации, вопреки многократным заверениям ее правительства о миролюбии, вопреки своей конституции, которая провозглашает отказ Японии навечно от войны и от угрозы применения военной силы....

...Советский Союз не может, разумеется, проходить мимо такого шага, как заключение Японией нового военного договора, подтачивающего устои мира на Дальнем Востоке, создающего препятствия развитию советско-японских отношений. В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции, продолжат свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотана.

Соглашаясь на передачу Японии указанных островов после заключения мирного договора. Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выразившиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством

Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено совместной Декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г. ».

«Памятная записка» советского правительства была весьма противоречивым документом. С одной стороны, она отражала справедливую обеспокоенность советского руководства развитием военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. Не секрет, что японо-американский «договор безопасности» своим острием был направлен против СССР и союзной ему в то время КНР. Он, несомненно, непосредственно затрагивал вопросы безопасности Советского Союза, и советское правительство имело все основания выразить свою озабоченность по этому поводу.

С другой стороны, «Памятная записка» содержала в себе ряд сомнительных утверждений, таких как тезисы о грядущем перевооружении японской армии ракетно-ядерным оружием или о неизбежной утрате Японией своей независимости. Текст японо-американского договора сам по себе не давал оснований для таких выводов. Кроме того, подписание Японией договора с США формально не противоречило советско-японской Совместной декларации 1956 г., ст. 3 которой подтверждала, что «в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону».

Но, главное, «Памятная записка» фактически подвергла ревизии содержание Совместной декларации, ратифицированной парламентами обеих стран и составляющей (вплоть до будущего заключения мирного договора) международно-правовую основу советско-японских отношений. Она ввела новые, не предусмотренные в ней условия (вывод всех иностранных войск с японской территории) передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан. Создалась ситуация, весьма необычная в истории международных отношений и международного права.

Хотя «поправки» к Совместной декларации, содержащиеся в «Памятной записке», касались, скорее, будущего советско-японских отношений, они осложнили их настоящее. В дальнейшем проблема возврата к положениям Совместной декларации 1956 г. не раз обсуждалась в контексте улучшения и развития советско-японских, а затем и российско-японских отношений.

Массовое движение протеста против «договора безопасности»

Развернувшееся в стране движение протеста против заключения и, особенно, ратификации нового «договора безопасности» в конце 1959-первой половине 1960 г. было беспрецедентным по накалу и масштабам. Это был, безусловно, пик массового социально-политического движения в послевоенные годы.

Оно было не только и, может быть, не столько движением против японо-американского договора, сколько общенациональным социальным движением на переломном этапе японской истории, при переходе от одной фазы социально-политического развития к другой. Вместе с тем, эти выступления, несомненно, были связаны и с пробуждением национального сознания японцев, отходом от комплекса неполноценности и вины, возникшего после поражения в войне.

Американское военное присутствие символизировало и реально воплощало тяжелое историческое прошлое. Поэтому движение протеста против заключения нового «договора безопасности» носило массовый характер: в нем участвовали не только левые силы и профсоюзы, традиционные политические противники консерваторов, но и представители бурно нарождающегося среднего класса, подавляющее большинство интеллигенции, учащаяся молодежь и политические партии умеренного крыла. Движение затронуло и те политические, экономические и духовные структуры общества, которые в целом не выступали против тесного союза с США, но хотели более достойной международной роли для своей страны.

Размах протеста усиливали тактическая безграмотность и растерянность самого Киси и членов его кабинета. Особое возмущение японской общественности вызывало то, что правительство, вопреки японским традициям стремления к консенсусу, взяло курс на силовое протаскивание договора голосами одной только правящей партии при бойкоте заседаний парламента оппозицией.

В январе 1960 г. была достигнута договоренность о первом в истории двусторонних отношений визите американского президента в Японию. Эйзенхауэр должен был прибыть в Токио 19 июня, после завершения планировавшейся поездки в Советский Союз (сорвавшейся из-за инцидента с американским самолетом-разведчиком U-2). Киси рассчитывал к этому времени провести ратификацию нового «договора безопасности» и превратить визит во внушительную демонстрацию японо-американской дружбы и «нового партнерства».

19 мая 1960 г. руководство ЛДП предложило продлить сессию парламента с тем, чтобы ратифицировать договор. Оппозиция попыталась помешать председателю нижней палаты провести голосование по этому вопросу. Тогда в здание парламента была введена полиция, которая силой удалила оппозиционных депутатов из зала заседаний. После этого сессия была продлена, и новый японо-американский «договор безопасности» был ратифицирован голосами только депутатов от ЛДП (часть из которых также отказалась принять участие в голосовании).

На следующий день крупнейшая оппозиционная партия СПЯ объявила ратификацию недействительной и начала бойкот заседаний парламента. Одновременно была развернута беспрецедентная кампания массовых акций, демонстраций, забастовок, транспортных блокад и т.п., направленных против Киси и «его американских хозяев».

10 июня в рамках подготовки к приезду Эйзенхауэра в Токио прилетел его пресс-секретарь Хагэрти, Уже в аэропорту его встретили тысячи демонстрантов. Когда Хагэрти попытался проехать сквозь толпу, его машина была блокирована, и все попытки полиции освободить его не увенчались успехом. Дело кончилось тем, что на выручку ему был брошен американский военный вертолет, и пресс-секретарь был эвакуирован с помощью люльки. 16 июня Киси, который ранее не раз заявлял о своей уверенности в том, что визит американского президента пройдет без инцидентов, был вынужден отменить приглашение Эйзенхауэру посетить Японию. Своей кульминации события достигли в ночь на 19 июня, когда вокруг японского парламента, где готовилась ратификация договора в верхней палате, собралось 330 тыс. чел. Демонстранты окружили также резиденцию премьер-министра и посольство США и до утра скандировали лозунги, требуя отставки Киси.

20 июня палата советников утвердила поправки к 32 законам, связанным с введением в действие нового «договора безопасности». 23 июня состоялся обмен ратификационными грамотами между участниками договора, после чего он вступил в силу. В тот же день кабинет Киси ушел в отставку.

Массовые протесты продолжались, постепенно затухая, еще несколько месяцев. Последним трагическим отголоском острейшего общественно-политического противостояния стала гибель одной из наиболее популярных и влиятельных фигур периода борьбы против «договора безопасности» председателя Социалистической партии Асанума Инэдзирō, который был убит правым террористом во время предвыборной кампании 12 октября 1960 г.

* * *

Подписанием в 1960 г. нового японо-американского «договора безопасности», установившего новые, более равноправные и взаимоответственные отношения между Японией и США, закончился послеоккупационный период японской истории, вобравший в себя первые экономические успехи и эволюцию структуры политической власти. С ратификацией «договора безопасности» и уходом в отставку Киси, взявшего на себя ответственность за беспорядки, к которым привело массовое движение протеста, начался принципиально новый этап в японской истории XX века, этап беспрецедентных темпов экономического роста, улучшения социальных условий и формирования мощного «среднего класса» гаранта политической стабильности и демократического развития страны.

Лекция 12

Утверждение самостоятельной роли Японии в мире (1971-1980):

1. Окончание периода высоких темпов экономического роста.
2. Активизация японской дипломатии.

Окончание периода высоких темпов экономического роста

Социально-экономические итоги периода высоких темпов роста

Бурное экономическое развитие позволило Японии решить задачи, стоявшие перед ней в первые послевоенные десятилетия — ликвидировать отставание от ведущих капиталистических стран по уровню промышленного развития, изменить структуру производства и экспорта в пользу тяжелой промышленности, добиться положительного сальдо платежного баланса, обеспечить занятость рабочей силы.

В этот период Япония совершила огромный скачок в своем экономическом развитии. Из среднеразвитой страны с преобладанием легкой промышленности и сельского хозяйства она превратилась в одну из ведущих индустриальных держав мира. Доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте за 1957—1973 гг. сократилась с 18,7% до 5,9%, а доля промышленности возросла с 32,3% до 44,7%. Из страны, имевшей постоянный дефицит торгового баланса, Япония превратилась в страну с его большим положительным сальдо, что позволило ей стать одним из крупных экспортеров капитала.

Вместе с тем, быстрый рост экономики породил ряд крупных проблем. Наиболее острой из них было загрязнение окружающей среды из-за чрезмерного развития материалоемких отраслей промышленности. Одновременно, все более сказывались нехватка земли и воды для промышленного использования, крайне неравномерное размещение производства по территории страны, дефицит рабочей силы (особенно молодых возрастов), перенакопление основного капитала в ряде отраслей.

Кроме того, по уровню жизни населения Япония еще сильно отставала от ведущих капиталистических стран. Хотя реальная заработная плата в промышленности в тот период возросла почти в 2 раза, средняя почасовая оплата труда была все еще существенно ниже, чем в развитых странах (в 1969 г. лишь 25% от уровня США и 60% от уровня Англии и ФРГ).

Неважно обстояло в Японии дело и с обеспеченностью жильем. Из-за быстрой концентрации населения в крупных промышленных центрах условия жизни большинства городских семей не претерпели значительных изменений, несмотря на существенно возросшие масштабы жилищного строительства: в конце 60-х годов примерно пятая часть городских семей жила в квартирах, где на одного человека приходилось менее 4 кв. м площади.

Япония по-прежнему значительно уступала развитым странам и по калорийности рациона питания. Так, в 1969 г. в Японии на одного человека приходилось в среднем 2447 ккал в день, в то время как в США — 3420, в Великобритании — 3280, в ФРГ — 2960, во Франции — 3180.

Пожалуй, единственным показателем, по которому Япония прочно заняла место в одном ряду с развитыми капиталистическими странами, был уровень обеспеченности населения предметами длительного пользования: в начале 70-х годов холодильники имели 90,8% японских семей, стиральные машины — 91,6, пылесосы — 73,8, телевизоры — 89,8%.

Планы структурной перестройки японской экономики

На рубеже 60-70-х годов становилось все более очевидным, что в развитие экономики Японии и, прежде всего, промышленности должны быть внесены существенные коррективы. Факторы, определявшие бурный подъем ее экономики как «догоняющей страны», стали исчерпываться, а темпы роста замедляться. Перед Японией встала перспектива конкуренции со странами Запада на примерно равных условиях.

В качестве новых стратегических, развитие которых было способно помочь Японии преодолеть возникшие проблемы и обеспечить ей успех в соперничестве на мировых рынках, были избраны интеллектуалоемкие отрасли, требующие применения передовой технологии, больших затрат квалифицированного труда и значительных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР).

К этой категории были отнесены: наукоемкие отрасли (производство компьютеров, самолетов, промышленных роботов, интегральных схем, оборудования АЭС, тонкие химические технологии); отрасли сложной сборки (оборудование связи, станки с числовым программным управлением (ЧПУ), учебное оборудование, автоматизированные склады, комплектное заводское оборудование); отрасли модных товаров (высококачественная одежда, мебель, бытовая электроника, акустическая аппаратура); индустрия информации (услуги по сбору, обработке и предоставлению информации).

Японская экономика и мировой энергетический кризис

Разработанная правительственными экспертами программа предусматривала плавное и постепенное реформирование производственной структуры Японии, но

разразившийся в 1973-1974 гг. энергетический кризис резко ускорил этот процесс. 4-кратное удорожание энергии внутри страны привело к тому, что многие компании, занятые в энер-го- и материалоемких отраслях промышленности, энергетике и на транспорте, оказались на грани краха. В большинстве отраслей резко снизился уровень загрузки оборудования, упали прибыли, начались увольнения рабочих. Уровень промышленного производства в период наименьшей точки падения (январь-март 1975 г.) составил лишь 80,3% максимального предкризисного уровня.

Оживление началось лишь в 1976 г., однако оно затронуло далеко не все отрасли. В целом ряде отраслей, получивших название «структурно-больных», производство продолжало снижаться, загрузка оборудования не увеличивалась, продолжались увольнения рабочих и служащих. К этой группе относились, прежде всего, энерго- и материалоемкие производства (черная металлургия, нефтехимия, производство алюминия, химических удобрений), а также судостроение, пострадавшее из-за сокращения заказов на крупные танкеры вследствие спада в мировых перевозках нефти.

Тем не менее, можно сказать, что по сравнению с другими развитыми странами Япония относительно благополучно пережила кризисные явления в мировой экономике, осуществив переход к новой модели экономического роста и перестройку производственной структуры. Однако урок энергетического кризиса в сочетании с общим ухудшением конъюнктуры международного рынка ресурсов, необходимых для промышленного производства, поставил первоочередной целью японской политики обеспечение национальной экономической безопасности. Одновременно Япония стремилась укрепить собственное политическое влияние на решение всех интересующих ее международных дел.

2. Активизация японской дипломатии

Вступив в 70-е годы, Япония продолжала приспособлять свою внешнюю политику к глобальной конфронтационной стратегии США, концентрируя главные усилия на отстаивании национальных экономических интересов.

Тем не менее, в 70-80-е годы японская внешняя политика заметно видоизменилась. Япония стала ощущать неадекватность своей политической роли в международных делах достигнутому ей положению второй экономической державы капиталистического мира. Оставаясь на одной из сторон биполярной схемы мирового устройства, Япония провозгласила переход от преимущественно экономической дипломатии, которая давала повод зарубежным критикам пренебрежительно навешивать на Японию ярлыки «экономического животного» и «политического карлика с большим кошельком», к «многосторонней дипломатии». Начался процесс глобализации японской внешней политики.

Подвижкам во внешнеполитической деятельности Японии способствовали три главных фактора. Во-первых, укрепление экономических позиций Японии в мире и превращение ее в крупного экспортера капитала предполагало проведение самостоятельной и активной внешней политики в районах размещения японских инвестиций, прежде всего, в Азии. Во-вторых, из-за хронически нестабильной обстановки на Ближнем Востоке обеспечение экономической безопасности Японии требовало диверсификации источников сырья и энергоносителей. В-третьих, американская дипломатия, искавшая выход из ставшего очевидным тупика вьетнамской войны, предприняла неожиданные и односторонние действия в Азии без должного учета интересов Японии как своего военно-политического партнера. Последнее обстоятельство стало как бы сигналом для выхода Японии в самостоятельное внешнеполитическое плавание, к которому страна была уже готова в силу объективных причин.

«Шок Никсона»

В июле 1971 г. президент США Р. Никсон, не поставив в известность Японию, заявил о своем намерении посетить Пекин. Поездка американского президента в Китай состоялась в феврале 1972 г. В результате США и КНР договорились установить дипломатические отношения.

Неожиданный визит американского президента в Пекин и нормализация двусторонних американо-китайских отношений стали для японского правительства настоящим потрясением. В Японии за этим политическим эпизодом прочно закрепилось название «шок Никсона». Во-первых, Токио был обескуражен тем, что США совершили столь крутой поворот в своей политике, не только не посоветовавшись со своим главным стратегическим партнером в регионе, но даже не поставив его об этом в известность. Во-

вторых, шаг американцев застал японскую дипломатию врасплох, и она вынуждена была в спешке искать какие-то контрмеры, чтобы «сохранить лицо».

Ситуация усугублялась тем, что непосредственно перед сенсационным поворотом в американской азиатской политике Никсон объявил об отмене золотого паритета доллара и о введении 10%-го налога на импорт, что особенно больно ударило именно по Японии, имевшей огромные долларовые запасы и считавшей США приоритетным направлением для развития своего товарного экспорта.

Действия американцев вызвали определенный кризис в правящей Либерально-демократической партии. Вместо «законного» претендента на пост председателя партии и главы кабинета Фуку-да Такэо пришел Танака Какуэй, что не только нарушило преемственность власти, но и внесло дестабилизирующие элементы в весь политический процесс. С этого момента вплоть до конца 80-х годов Танака и его последователи обладали в нижней палате парламента самой мощной фракцией, которая фактически определяла выбор последующих премьер-министров страны. Финансовые возможности фракций и их лидеров стали играть определяющую роль в их политической судьбе.

Концепция «многосторонней дипломатии»

Начало «многосторонней дипломатии» было положено при кабинете Танака. Ее суть — расширение круга партнеров по международному, в первую очередь, экономическому, сотрудничеству при сохранении приоритета за японо-американскими отношениями.

Реализация концепции «многосторонней дипломатии» началась на весьма благоприятном фоне: 15 мая 1972 г. состоялась официальная церемония передачи под японский суверенитет Окинавы и других островов Рюкю, в течение всего послевоенного времени находившихся под оккупацией американских войск. Восстановление японского суверенитета над о-вами Рюкю было очевидным внешнеполитическим успехом и представляло собой политический актив Либерально-демократической партии.

Танака развил беспрецедентную активность на дипломатическом поприще. В 1972-1974 гг. он выезжал, помимо обычных визитов в Вашингтон, на трудные переговоры в Пекин и Москву, побывал в столицах стран Западной Европы, Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки. По его поручению японские дипломаты развернули бурную деятельность в странах Ближнего и Среднего Востока, впервые обозначили японское присутствие в Африке. Япония установила дипломатические отношения с Монголией (1972 г.), Германской Демократической Республикой и Демократической Республикой Вьетнам (1973 г.). В 1975 г. делегация депутатов парламента от правящей партии впервые выехала в КНДР.

Установление отношений с КНР

Преыдущие японские правительства, несмотря на настойчивые требования нормализации отношений с КНР, исходившие от деловых кругов, оппозиционных партий и общественных движений, даже немалого числа политиков из ЛДП, фактически демонстрировали пренебрежение к Пекину, солидаризируясь в этом с США.

После «шока Никсона» Танака предпринял энергичные усилия, чтобы не отстать от США. Получив приглашение из Пекина, он принял его и в сентябре 1972 г. выехал в Китай, предварительно проконсультировавшись с американской стороной на переговорах с Никсоном, состоявшихся на Гавайских о-вах.

На переговорах в Пекине наибольшую сложность для Японии представляла проблема ее отношений с Тайванем, закрепленных договором и получивших большое развитие и в экономической, и в политической сферах. Китайская делегация во главе с премьером Государственного совета Чжоу Эньлаем требовала официального признания «трех принципов»: КНР — единственное законное правительство, представляющее Китай; Тайвань — неотъемлемая часть территории КНР; японо-тайваньский договор 1952 г. не имеет силы.

Японская сторона приняла непростое решение и согласилась с китайскими требованиями. 29 сентября 1972 г. в Пекине было подписано совместное заявление Японии и КНР, провозгласившее установление дипломатических отношений. Япония признала правительство КНР единственным законным правительством Китая, заявила о «полном понимании и уважении» позиции правительства КНР, считающего Тайвань неотъемлемой частью территории КНР. Третий китайский «принцип» был удовлетворен сделанным при подписании публичным высказыванием японского министра иностранных

дел Охира Масаёси, что японо-тайваньский договор «утратил смысл своего существования и поэтому прекратил действие».

Следствием установления отношений с КНР стал разрыв японо-тайваньских дипломатических отношений. В то же время Японией было сделано все возможное, чтобы, переведя обширные связи с Тайванем на неправительственный уровень, сохранить с ним экономическое сотрудничество. Это удалось сделать: КНР смогла достичь с Японией уровня японо-тайваньского товарооборота лишь через 20 лет после подписания в 1972 г. пекинского совместного заявления.

Японская сторона признала «ответственность за тот серьезный ущерб, который Япония нанесла в прошлом во время войны китайскому народу», и принесла извинения. В свою очередь, КНР «в интересах дружбы между китайским и японским народами» отказалась от требований к Японии о выплате репараций.

В 1974-1975 гг. после сложных переговоров между Японией и КНР были заключены соглашения о торговле, воздушном сообщении, судоходстве и рыболовстве. Экономические связи стали развиваться быстрыми темпами.

Более трудным оказалось заключение Договора о мире и дружбе. В обстановке конфронтации с Советским Союзом руководство КНР настаивало на включение в этот договор положения о совместном «противодействии гегемонии третьих стран в Азии».

Но японская сторона не желала втягиваться в советско-китайские раздоры. В конечном счете, была достигнута компромиссная формула:

«Ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана или в любом другом районе, и каждая сторона выступает против усилий любой страны или группы стран, направленных на установление такой гегемонии».

Кроме того, Китай и Япония отложили на неопределенное время рассмотрение спорного вопроса о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюдай) в Восточно-Китайском море.

Подписанный 12 августа 1978 г. японо-китайский Договор о мире и дружбе закрепил обязательство сторон решать все спорные вопросы мирными средствами, строить отношения на основе принципов взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, взаимном ненападении, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Объявленный в том же году Пекином курс на «реформы и политику внешней открытости» создал предпосылки для дальнейшего расширения японо-китайских экономических отношений. Правительство Японии начало предоставлять на льготных условиях новые займы для модернизации китайской экономики.

Советско-японские отношения Отвечая на повышение интереса советского руководства к развитию связей с Японией, премьер-министр Танака в октябре 1973 г. выехал в Москву, где впервые после восстановления государственных отношений были проведены переговоры на высшем уровне.

Центральным моментом переговоров стала проблема заключения мирного договора. Она не была разрешена ввиду несогласия японской стороны ограничиться в территориальном споре частичными уступками Советского Союза (с советской стороны выражалась готовность передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, как это было записано в Совместной Декларации 1956 г.). Танака не мог решиться на такой шаг. Его визиту в Москву предшествовало единогласное принятие парламентской резолюции с требованием возвращения «северных территорий», включая всю южную часть Курильских о-вов. В Японии уже сформировалось единое мнение правящей и оппозиционных партий по этому вопросу. В Москве была достигнута лишь договоренность продолжить переговоры о мирном договоре.

Японскую сторону удовлетворило включение в совместное заявление фразы об «урегулировании нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны». Она была воспринята как изменение советской позиции в сторону признания наличия между двумя странами территориальной проблемы, что ранее отрицалось советской стороной.

Более результативным стало обсуждение путей расширения советско-японских экономических связей. В совместном заявлении была отмечена необходимость «форсировать экономическое сотрудничество, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири, а также развитие торговли и сотрудничества в сельском хозяйстве, транспортных перевозках и других областях». Правительства Японии и СССР взяли на себя обязательство содействовать экономическим связям и поощрять их.

Политика Японии на Ближнем Востоке

Очень заметно переход к «многосторонней дипломатии» отразился на ближневосточной политике Японии.

В ходе очередного арабо-израильского противостояния осенью 1973 г. арабские страны объявили о резком повышении цен на нефть и взяли курс на сокращение ее поставок «недружественным государствам», к которым причислили и Японию.

Для японцев «нефтяной шок» был особо чувствительным, поскольку из этих стран импортировалось свыше 80% потребляемой в Японии нефти. В национальных интересах Япония отказалась от следования американской политике односторонней поддержки Израиля в его конфликте с арабскими странами. Правительство Японии призвало Израиль к полному и незамедлительному выполнению резолюции ООН, касающейся урегулирования конфликта, и одновременно заверило арабские страны в дружественном отношении, подкрепив это предоставлением им значительной экономической помощи.

Начиная с 1975 г. Япония стала участником ежегодных совещаний глав государств и правительств ведущих капиталистических стран (США, Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Япония, а с 1976 г. и Канада), на которых согласовываются позиции по широкому кругу международных проблем. Поддерживая, как правило, американские предложения, в частности, о мерах по преодолению тяжелых последствий мирового валютно-финансового и энергетического кризисов, Япония, тем не менее, расширила возможность отстаивания собственных позиций.

Новые тенденции во внутривнутриполитической жизни

Главным, что определяло развитие внутривнутриполитической обстановки в Японии в 70-е годы, было продолжавшееся падение политического влияния Либерально-демократической партии. Эта тенденция проявилась еще в 60-е годы, однако в то время сокращение поддержки либерал-демократов избирателями из-за особенностей японской избирательной системы реально не отразилось на соотношении политических сил в парламенте. Либерально-демократическая партия продолжала сохранять там устойчивое большинство. Однако в 70-е годы ситуация изменилась: после ряда относительных неудач на выборах положение ЛДП в парламенте стало нестабильным, а партии оппозиции получили возможность более эффективно влиять на политику страны.

Первые признаки кризиса монопольного правления ЛДП Изменение в соотношении политических сил отчетливо показали результаты выборов в палату представителей японского парламента, состоявшихся в декабре 1972 г. После них места в этой палате распределились между основными политическими партиями следующим образом: Либерально-демократическая партия получила 271 место (в 1969 году — 288 мест), Социалистическая партия — 118 (90), Коммунистическая партия, ставшая второй партией оппозиции по степени влияния в парламенте, — 38 (14), Кōмэйтō — 29 (47), Партия демократического социализма — 19 (29).

Серьезные потери, которые понесла Либерально-демократическая партия, были тем более болезненными, что перед выборами создались условия, которые объективно благоприятствовали успеху ЛДП.

Незадолго до выборов пост председателя партии и соответственно премьер-министра занял Танака Какуэй, которому удалось обеспечить себе солидную поддержку внутри партии и, сформировав состав нового кабинета министров с учетом интересов различных фракций, временно притушили соперничество между ними. В области внутренней политики Танака объявил программой деятельности своего правительства амбициозный план «реконструкции Японских островов». Благодаря широкой рекламе своего плана в средствах массовой информации Танака сумел на первых порах создать себе репутацию энергичного руководителя, способного преодолеть отрицательные социальные и экологические последствия периода высоких темпов экономического роста и улучшить условия жизни японского народа.

Росту популярности кабинета Танака и повышению шансов Либерально-демократической партии на предстоявших выборах способствовала и состоявшаяся в сентябре 1972 г. нормализация отношений с Китайской Народной Республикой, чего добивались как оппозиционные партии, так и широкие слои японской общественности. Этот шаг правительства Танака выбил из рук оппозиции незадолго до выборов один из наиболее актуальных политических лозунгов. Другими словами, японским консерваторам удалось добиться как бы «всенародного консенсуса», всеобщего одо-

брения своих политических мероприятий, что, несомненно, явилось их важной тактической победой.

И все же, несмотря на перечисленные благоприятные для японских консерваторов обстоятельства, ЛДП в декабре 1972 г. потерпела относительную неудачу на выборах. В основе этой неудачи лежали такие тенденции в японской внутривнутриполитической жизни как постепенное размывание избирательной базы ЛДП, изменения в социальной структуре японского общества, которые предоставили более широкие возможности для деятельности оппозиционных партий, привели к расширению политического спектра. В этом смысле можно сказать, что в 1972 г. общие тенденции внутривнутриполитического развития оказались в Японии сильнее, чем частные, тактические успехи либерал-демократов.

Вместе с тем, результаты выборов 1972 г. временно нарушили тенденцию, наметившуюся в 60-х годах, когда от выборов к выборам происходило уменьшение поляризации на японской политической арене за счет потери голосов избирателей главными противоборствующими силами — ЛДП и СПЯ — в пользу партий центра. Причина этого, по-видимому, заключалась в том, что в течение 1972 г. внимание японского общественного мнения было приковано к вопросам внешней политики, а именно в этой сфере левые силы предлагали тогда наиболее разработанную альтернативу. Сыграло свою роль и чувство беспокойства, связанного с определенными осложнениями в японо-американских отношениях («шок Никсона» и т.п.).

Правящее положение ЛДП оставалось неизменным. Однако политическая стабильность заметно пошатнулась. В предыдущий период Икэда возглавлял правительство более 4 лет, а Сатō — в течение почти 8 лет. А за последующие 17 лет, начиная с 1972 г., коренная смена состава кабинета министров, не считая их частичных реорганизаций, происходила в среднем чаще, чем раз в 2 года. Исключением было лишь правительство Накасонэ, продержавшееся 5 лет. К руководству страной за это время последовательно приходили Танака, Мики, Фукуда, Охира, Судзуки, Накасонэ, Такэсита и, наконец, Уно (последний всего на 69 дней).

Быстрое чередование кабинетов создавало видимость сменяемости власти, которая присуща демократическим государствам. Принятие тем или иным правительством непопулярных среди населения решений, таким образом, всегда можно было списать на счет его главы и министров, ушедших в отставку, тогда как сама правящая партия сохраняла возможность проводить свой принципиальный политический курс, не внося в него существенных изменений.

Коррупция в правящей партии

Неизменность власти ЛДП на протяжении долгого времени породила сращивание либерал-демократов с бюрократией и финансово-промышленным капиталом. Тесные связи в этом «железном треугольнике», как его именуют в Японии, с одной стороны, давали правящей партии важное преимущество перед парламентской оппозицией. ЛДП имела на парламентских выборах мощную поддержку государственного аппарата и предпринимателей с их большими, особенно с точки зрения финансирования политической деятельности, возможностями. С другой стороны, связка «политики-бюрократия-предприниматели» ограничивала свободу правительства в принятии решений, которые в принципе должны были исходить из общенациональных, а не корпоративных интересов. Наконец, она привела к беспрецедентной коррупции среди деятелей ЛДП.

Распространению коррупции способствовала фракционность в правящей партии. По существу, главная функция фракций (*хабацу*), т.е. внутривнутрипартийных группировок депутатов парламента, состояла в том, чтобы совместными усилиями их членов обеспечить себе избрание на чрезвычайно дорогостоящих парламентских выборах и помогать друг другу в продвижении по лестнице партийной и правительственной карьеры. Лидер фракции считался потенциальным премьер-министром; продвигаясь к этому заветному посту при поддержке членов своей фракции, он добивался расширения ее численности. Успех в этом деле зависел не только от его способностей как политика, но и его возможностей найти достаточные денежные средства на частые выборные кампании. Финансовую поддержку фракции находили у банков, промышленных и прочих компаний, балансируя при этом на грани закона, а иногда и переходя эту грань.

Следствием долгого сохранения либерал-демократами правящего положения стал рост в их среде самонадеянности, вседозволенности, пренебрежения морально-этическими нормами. Эти пороки электорат был склонен игнорировать и прощать правящей партии,

долгое время считая их неизбежными и отдавая предпочтение реальным достижениям ее экономической политики.

В октябре 1974 г. журнал «Бунгэй сундзю» опубликовал материал об «источниках существования и связях» Танака Какуэй, в котором утверждалось, что премьер нажил большое состояние путем земельных спекуляций, создания фиктивных компаний, уклонения от уплаты налогов и т.п. Эти сведения немедленно изложили все японские газеты. Это послужило одной из причин вынужденной отставки главы правительства. В феврале 1976 года в японской прессе появились более сенсационные сообщения — о получении Танака в бытность его премьером крупной взятки от американской авиастроительной компании «Локхид» в обмен на содействие в размещении в Японии заказов на ее самолеты (скандальное разоблачение началось в стенах американского конгресса). Оппозиционные партии на 3 с лишним месяца блокировали работу парламента, добиваясь расследования «дела Локхид». С требованием сурового наказания взяточников выступили профсоюзы и другие общественные организации.

Неудачная попытка реформ в ЛДП

После отставки Танака Либерально-демократическую партию возглавил лидер небольшой фракции Мики Такэо. На волне общественного возмущения коррупцией его избранию премьером способствовала приобретенная им репутация незапятнанного политика.

Время краткого пребывания Мики во главе кабинета было не совсем обычным для правления ЛДП. Правительство провело через парламент поправки к закону о контроле над политическими фондами, согласно которым под контроль ставились денежные пожертвования отдельным публичным политикам (депутатам и кандидатам на выборах), а сами политики были обязаны отчитываться в получении и расходовании денежных средств. Кроме того, Мики поощрял расследование «дела Локхид».

В ноябре 1976 г. кабинет министров под его руководством принял важное решение о том, что ежегодные оборонные расходы Японии не должны превышать одного процента валового национального продукта (ВНП). При Мики правительством была предпринята, хотя и безуспешная, попытка вернуться к нормам «антимонопольного законодательства» 1947 года, даже с усилением некоторых его положений. Добиваясь «модернизации» ЛДП, Мики планировал введение выборов ее председателя всеми членами партии и «друзьями партии» (такой порядок был принят в ЛДП в 1977 г., уже после отставки Мики). Наконец, Мики стремился перевести отношения правящей партии с оппозицией в русло конструктивного диалога.

Деятельность Мики вызвала недовольство внутри ЛДП, лидеры фракций требовали его смещения. Неудачный для ЛДП исход парламентских выборов в 1976 г. стал удобным поводом для его отставки.

Первый раскол ЛДП

В июне 1976 г. шесть депутатов парламента от ЛДП во главе с Конб Ехэи решили отмежеваться от своей партии. По их инициативе был создан Новый либеральный клуб (НЛК), начавший деятельность в качестве самостоятельной партии и объявивший о намерении разработать «новую консервативную политику», которая должна привести к искоренению коррупции и «утверждению нового либерализма». Однако ориентация НЛК на ту же социальную базу, что и у ЛДП, мешала ему принять существенно отличный политический курс.

За свое десятилетнее существование НЛК то склонялся к сотрудничеству с центристской оппозицией, то вновь блокировался с либерал-демократами. Его первоначальные успехи на парламентских выборах продолжались недолго, а по мере неудач утрачивалась и его оппозиционность. В 1983 г. ЛДП предоставило одно место для НЛК в своем правительстве, а в 1986 г. НЛК был распущен, большинство его членов вернулось в ЛДП.

«Дело Локхид» и первый организационный раскол в рядах либерал-демократов сигнализировали о начале кризиса правящей партии. Об этом же свидетельствовали и парламентские выборы.

Начиная с 1967 г. ЛДП уже не удавалось собирать на выборах палаты представителей более половины голосов избирателей. Выборы этой палаты в 1976 г., проходившие на фоне разоблачения коррупции («дело Локхид»), еще более ослабили парламентские позиции правящей партии. За кандидатов ЛДП отдали голоса 41,8% избирателей (на выборах 1972 г. — 46,8%), ее представительство сократилось с 271 до 249 мест. Либерал-

демократы сохранили большинство лишь благодаря присоединению к ним восьми независимых депутатов.

Тенденция к снижению популярности ЛДП, состояние «консервативно-реформистского равновесия» (так характеризовали в Японии сложившееся соотношение сил в парламенте между правящей партией и оппозицией) послужили почвой для возникновения идеи формирования «второй консервативной партии». О такой возможности говорили тогда даже в финансово-промышленных кругах. «Мы поддерживаем Либерально-демократическую партию, — заявлял президент Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Докō Тосио, — поскольку нет никакой другой партии, которую мы могли бы поддерживать». Вместе с тем, Докō одобрительно высказался о «двухпартийной системе» по американскому образцу и указал, что деловые круги могут поддержать и другую партию, если она не будет слишком отличаться от ЛДП и станет отстаивать «систему свободного предпринимательства».

Однако в то время идея формирования «двухпартийной системы» не вышла за пределы общих разговоров. Среди либерал-демократов развернулась дискуссия о модернизации партии, причем острой критике подверглась, уже не первый раз, внутривнутрипартийная фракционность. В 1977 г. ЛДП утвердила план реформы партийной структуры, который должен был продемонстрировать стремление ослабить ее зависимость от денежной поддержки финансово-промышленных кругов и положить конец коррупции в среде политиков. Одним из звеньев реформы своей партии либерал-демократы назвали роспуск фракций, но это решение вскоре было забыто.

Планы «коалиционного правления»

Хотя в 70-х годах, в целом, сохранилась возникшая в предыдущем десятилетии тенденция снижения электоральной поддержки либерал-демократов, значительная масса населения продолжала связывать экономические успехи страны и рост собственного материального достатка именно с правлением ЛДП.

Для завоевания голосов избирателей даже самая острая критика политики ЛДП была уже недостаточна. Оппозиция остро нуждалась в привлекательных для разных слоев населения альтернативных программах, прежде всего, экономических.

Исходя из реального соотношения политических сил, среди партий оппозиции укреплялось понимание того, что ни одна из них в отдельности, включая крупнейшую, Социалистическую, не способна заменить у власти либерал-демократов. Этого можно было попытаться достичь лишь путем формирования коалиций.

Поскольку в 70-е годы начала вырисовываться определенная перспектива ликвидации монополии ЛДП на власть, в 1973-1974 годах оппозиционные партии разработали и начали активную пропаганду собственных концепций «коалиционного правления», дополненных позже развернутыми экономическими программами.

Кбмэйтб призвала к созданию «коалиционного правительства среднего пути», а Партия демократического социализма (ПДС) — «национального правительства реформистской коалиции». Делая акцент на руководящей роли «центристских партий» в предлагаемых коалициях, обе партии были заинтересованы в привлечении социалистов к участию в них. Они высказывались и за привлечение в коалицию «части либерал-демократов», допуская даже возможность «консервативно-реформистской коалиции». При этом Кбмэйтб и ПДС решительно отвергали какое-либо сотрудничество с коммунистами и требовали от социалистов полного разрыва с ними.

Экономические взгляды Кбмэйтб и ПДС нашли отражение в «среднесрочных планах экономического развития», опубликованных в 1978 г. ПДС отправной точкой делала построение «общества благосостояния», настаивала на рыночном хозяйстве с внесением в управление экономикой элементов планирования и государственного регулирования. Она выступала за расширение производственной демократии — «публичности, участия и ответственности», за налаживание сотрудничества труда и капитала. Близкие к ПДС взгляды высказывала и Кбмэйтб, считавшая, что повышение народного благосостояния требует предоставления каждому человеку гарантий права на частную собственность, свободу частной инициативы, но при обязательном сочетании рыночной структуры с демократией, «народным участием в принятии решений».

Компартия Японии предложила программу «демократического коалиционного правительства», призванную изменить господствовавшее в Японии представление о коммунистах как о людях, не способных к конструктивному сотрудничеству. КПЯ объявила себя сторонницей демократических преобразований в экономике Японии, проявив более осторожный, чем прежде, подход к проблеме национализации. В 1977 г.,

конкретизируя свою экономическую программу, КПЯ разъясняла, что предлагаемые ею «реформы в сторону экономической демократии» имеются в виду осуществлять «в рамках капитализма».

Социалисты предложили концепцию «народного коалиционного правительства» с участием в нем всех оппозиционных партий. В то время они надеялись исполнить роль связующего элемента коалиции, «моста» между ее левым крылом в лице КПЯ и правым, представленным партиями «среднего пути». Согласно концепции СПЯ, народное коалиционное правительство, опираясь на «народный антимонополистический фронт», выступающий против власти либерал-демократов, должно добиваться полного осуществления конституции, готовя тем самым условия для «мирного перехода к социализму».

К конкретизации экономической программы СПЯ приступила позже других оппозиционных партий. В ее «среднесрочном плане экономического развития», появившемся в 1979 г., подчеркивалась необходимость избавления японской экономики от перекосов, порожденных политикой, ориентированной на нужды крупного капитала. Сбалансированное развитие экономики мыслилось через сочетание традиционных для Японии методов регулирования рыночных отношений с общественным контролем, в том числе над частными капиталовложениями.

Публикуя свои взгляды на коалиционное правление, партии оппозиции использовали их, в первую очередь, как выборные пропагандистские лозунги. Переговорам о практическом осуществлении их собственных предложений препятствовали как партийные амбиции (претензии на руководящую роль в коалиции), так и существенные расхождения в политических взглядах.

В 1976 г., когда в правящей партии произошел раскол, возникло надпартийное «Общество размышляющих о Японии», члены которого занялись изучением перспектив практического взаимодействия в рамках СПЯ-Кōмэйтō-ПДС. Кроме того, Кōмэйтō и ПДС в 1977 г. совместно разработали политическую платформу «коалиции партий среднего пути». В начале 1980 г. Кōмэйтō достигла договоренности с СПЯ вступить в консультации о совместных усилиях по формированию коалиционного правительства. Эта договоренность сопровождалась условием исключить всякую возможность участия коммунистов в коалиции.

Пока лидеры оппозиционных партий вели дискуссии вокруг разных вариантов формирования коалиционного правительства, потенциальная сменяемость власти по воле избирателей стала приобретать реальные черты на местах. Совместные действия оппозиции, главным образом, социалистов и коммунистов, при сотрудничестве с профсоюзами и другими общественными организациями во многих случаях помогали провести их общих кандидатов на посты губернаторов префектур, мэров городов, старост поселков и деревень. Пик «прогрессивных администраций» относится к 1975 г., когда они функционировали в пяти префектурах, включая столичную, четырех городах с населением свыше миллиона каждый, ста прочих городах, множестве поселков и деревень.

Оппоненты либерал-демократов на практике демонстрировали способность компетентно решать сложные административные и хозяйственные задачи. Однако поиски союзников в правящей партии вскоре нашли выражение в блокировании Кōмэйтō и ПДС с ЛДП на выборах в органы местного самоуправления. Число «прогрессивных администраций» стало сокращаться. Этот процесс ускорился в 80-е годы, когда руководство СПЯ аннулировало курс на «сотрудничество всех партий оппозиции», иначе говоря, исключило совместные действия с коммунистами. К 1990 г. «прогрессивные администрации» сохранились только в двух префектурах, двух важнейших и 39 прочих городах.

Политические дискуссии второй половины 70-х годов

В 70-е годы совместные действия партий оппозиции проводились лишь при совпадении их взглядов по отдельным актуальным проблемам, главным образом в парламенте. Разобщенность оппозиции благоприятствовала либерал-демократам. Однако связь оппозиционных партий с различными массовыми организациями, их способность мобилизовать общественное мнение побуждали ЛДП прислушиваться к мнению парламентской оппозиции.

Японский парламент многократно становился ареной острых столкновений между ЛДП и оппозицией по вопросам законодательства, затрагивающего политические и гражданские права и свободы.

В 1978 г. кабинет Фукуда внес в парламент два законопроекта, касавшихся судопроизводства. Под предлогом усиления борьбы против ультралевых группировок, совершавших, в частности, угоны самолетов, правительство собиралось ввести упрощенное судопроизводство без участия защиты. Этому решительно воспротивились СПЯ и КПЯ, получившие поддержку профсоюзов и различных общественных групп. За короткий срок в парламент были переданы протесты от более чем 6 тыс. организаций. Правительство воздержалось от постановки законопроектов на голосование.

В том же году Фукуда дал указание разработать проекты законов о действиях в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Предложения Управления национальной обороны (УНО) по этому вопросу были одобрены кабинетом министров и поддержаны руководством ПДС. Однако, СПЯ и КПЯ усмотрели в этих планах стремление ущемить демократию, наделить правительство правом принимать решения, выходящие за его прерогативы. Обе партии договорились о совместных действиях в парламенте и получили поддержку от Генерального совета профсоюзов (Сбхё). Кōмэйтō, первоначально позитивно отнесшаяся к планам правительства, после внутрипартийной дискуссии осудила их. Выяснив общий настрой японской общественности, правительство отказалось от своего намерения.

За 1969-1974 гг. правительство 5 раз вносило в парламент законопроект о передаче в ведение государства синтоистского храма Ясукуни, где почитается память японцев, погибших в войнах. Оппозиция апеллировала к положениям конституции, определяющим отделение религии от государства, и законопроект так и не был принят.

Продолжалось противостояние между правящей партией и оппозицией по вопросу о принятии «самостоятельной конституции» (в отличие от конституции 1947 г., созданной под контролем оккупационных властей). Однако, поскольку партии оппозиции, в целом, сохраняли настороженное отношение к этой идее, ЛДП в своей политической программе 1985 г., хоть и подтвердила, что «самостоятельный пересмотр конституции» является одной из целей партии, конкретную задачу ограничила продолжением «изучения вопроса».

Ежегодно при определении государственного бюджета в парламенте разгорались споры вокруг ассигнований на оборону. Кабинет Мики в 1976 г. одобрил «Общую программу национальной обороны», предусматривавшую качественное совершенствование «сил самообороны». Перед японскими вооруженными силами была поставлена задача поддерживать высокую боевую готовность в мирное время и обеспечить эффективное отражение «ограниченной по масштабам агрессии».

В целом, во второй половине 70-х годов оппозиционные силы занимали резко критическую позицию по отношению к военной политике правящей партии. Это в немалой степени было связано с перспективами создания коалиционного правительства. Поскольку наиболее мощная партия оппозиции — СПЯ — строила свою внешнеполитическую программу на лозунгах «невооруженного нейтралитета» и роспуска «сил самообороны», ее потенциальные партнеры по коалиции также активно использовали антимилиитаристскую фразеологию, стремясь облегчить достижение политического соглашения с социалистами. В дальнейшем, когда наметился упадок СПЯ, и партии «среднего пути» стали искать сближения с ЛДП, они быстро достигли консенсуса с консерваторами по вопросу об отношении к «силам самообороны» и «договору безопасности».

На рубеже 80-х годов в Японии, как и во многих других странах мира, широкое распространение получило антиядерное движение. Это была реакция на угрозу ядерной войны в условиях международной конфронтации и беспримерного накопления запасов ядерного оружия, прежде всего в США и Советском Союзе.

Органы местного самоуправления стали объявлять свои территории безъядерными зонами и требовали твердого соблюдения Японией «трех неядерных принципов». На конец 1986 г. такие декларации провозгласили 7 префектур, 6 крупнейших и 382 других городов (всего 1105 органов местного самоуправления), на территории которых проживало более половины населения страны.

В отличие от предыдущих лет, когда большая часть массовых антивоенных выступлений, проводилась по инициативе организаций, связанных либо с КПЯ (Японский совет борьбы за запрещение атомного и водородного оружия — Гэнсуйкё и др.), либо с СПЯ (Японский национальный конгресс борьбы за запрещение ядерного оружия — Гэнсуйкин), антиядерное движение приобрело более выраженный надпартийный характер. При этом выступления потеряли преимущественно

антиамериканский характер и были направлены теперь против ядерного оружия независимо от его принадлежности.

* * *

В 70-х годах во внутривнутриполитической жизни Японии стали намечаться изменения, отразившиеся на функционировании парламентской демократии в стране. Хотя политическая борьба по-прежнему носила конфронтационный характер, партии левого крыла и профсоюзы постепенно освобождались от радикализма. Усиливался надпартийный характер массовых гражданских движений. В соответствии с внутренними и международными переменами в спорах политических сил происходил поворот от идеологических вопросов в сторону практических нужд человека, повышения качества его жизни, расширения народного участия в решении актуальных проблем.

Вместе с тем длительная несменяемость власти одной — Либерально-демократической — партии порождала коррозию всей политической системы, что, в свою очередь, тормозило перестройку страны для ее успешного развития в усложняющихся условиях.

Лекция 13

Японская экономика после структурной перестройки:

1. Преодоление последствий энергетического кризиса.
2. Политика в отношении «структурно-больных» отраслей.
3. Изменение облика японской экономики.
4. Вынос производства за рубеж.

За годы, прошедшие после энергетического кризиса 1973-1974 гг., Япония совершила огромный скачок в своем экономическом развитии и по многим экономическим показателям не только догнала, но и опередила ведущие капиталистические страны. Опираясь на использование достижений научно-технического прогресса (НТП), она фактически совершила переход от индустриальной к постиндустриальной системе производительных сил.

Именно на основе интенсивного внедрения достижений НТП были достигнуты поразительные успехи в области экономии сырья и энергии, обеспечено значительное повышение технического уровня производства во многих отраслях, освоено производство огромного числа качественно новых продуктов и услуг. НТП стимулировал также крупные сдвиги в отраслевой структуре производства и занятости, результатом которых стало превращение японской экономики в «экономику услуг»: за 1970-1994 гг. доля сферы услуг в структуре производства возросла с 49,4 до 62,2%, а по числу занятых — соответственно с 46,5 до 61 %.

Преодоление последствий энергетического кризиса

После энергетического кризиса 1973-1974 г.г. началась коренная перестройка энергетики Японии. Ее приоритетным направлением стало максимальное ослабление зависимости энергобаланса страны от импортируемой нефти за счет развития атомной энергетики и освоения альтернативных нефти источников энергии (в том числе и таких экзотических, как геотермальная энергия, энергия солнца, ветра, приливов и отливов). Работы по этим направлениям, объединенные в программу «Солнечный свет», были объектом приоритетного государственного финансирования.

Одновременно была принята программа «Лунный свет», предусматривавшая разработку энергосберегающих технологий для различных отраслей. В 1979 г. был принят «Закон о рациональном использовании энергии», который предусматривал разработку норм расхода тепла и энергии на производстве для всех отраслей народного хозяйства и установление строгого государственного контроля над их соблюдением. Для этого министерством внешней торговли и промышленности был создан отряд специальных контролеров, инспектировавших частные предприятия и обладавших правом применять к нарушителям штрафные санкции.

Результаты этих усилий говорят сами за себя: по сравнению с предкризисным временем к концу 80-х годов удельная энергоемкость промышленного производства была снижена на 31%, и сейчас по удельному потреблению энергии на единицу валового национального продукта Япония занимает место в ряду самых передовых стран.

Кроме того, резко изменилась структура энергетического баланса Японии. Доля нефти сократилась с 67,5% в начале 70-х до 57% в начале 90-х годов. Резко выросло значения атомной энергии (соответственно, с 0,1% до почти 13%), а также природного газа (с 2,2% до 10,6%). Теперь по объему мощностей атомных электростанций Япония занимает третье место в мире после США и Франции.

Политика в отношении «структурно-больных» отраслей

С целью оздоровления экономики начиная с 1977 г. японское правительство предприняло ряд важных мер. Прежде всего, в указанном году было разрешено создание или возобновление деятельности антидепрессивных картелей. Это должно было предотвратить крах предприятий в ряде важных производств и предоставить правительству и бизнесу время для разработки программы выхода из кризиса. В течение 1977 г. картели были созданы в десяти «структурно-больных» отраслях и производствах. А в 1978 г. был принят «Базисный план стабилизации экономики», основу которого составляла программа структурной перестройки промышленности.

Основными ее направлениями стали: свертывание производства в энерго- и материалоемких отраслях; ускоренное развитие отраслей и производств с высокой степенью наукоемкости; обновление производственного аппарата во всех отраслях на основе последних достижений НТП.

На основании двух специальных законов — «О временных мерах по стабилизации отраслей, охваченных структурным кризисом» (1978 г.) и «О чрезвычайных мерах по структурной перестройке некоторых отраслей» (1983 г.) — в Японии началось ширококомасштабное скрапирование (т.е. демонтаж оборудования с последующей переплавкой) мощностей в ряде отраслей, еще в начале 70-х годов составлявших основу и гордость японской промышленности. К середине 80-х годов мощности судостроительной промышленности были сокращены на треть, алюминиевой промышленности — почти на 60%, нефтехимии — более, чем на треть, промышленности химических удобрений — более, чем на 50%, производства синтетических волокон — на 20%. В черной металлургии было ликвидировано мартеновское производство, демонтирована треть мощностей по выпуску электростали, а из 65 домен в эксплуатации были оставлены лишь 39.

Наряду с мерами по оздоровлению «структурно-больных» отраслей и производств правительство предпринимало шаги по стимулированию развития новой промышленной структуры Японии. Приоритет был отдан, прежде всего, различным видам машиностроения: самолетостроению, производству тяжелого электрооборудования, промышленного электронного оборудования, интегральных схем, компьютеров. Предприятиям этих отраслей предоставлялись субсидии на проведение НИОКР и другие цели. Банк Японии осуществлял их льготное кредитование, на них была распространена система льготной амортизации, введено льготное налогообложение и т.д. В результате, во второй половине 70-х - 80-х годов их развитие шло ускоренными темпами, и объем производства увеличился в десятки раз.

Что касается «структурно-больных» отраслей, то в некоторых из них во второй половине 80-х годов были осуществлены дополнительные программы скрапирования. На этот раз прибегнуть к этому болезненному шагу вынудило стремительное повышение с конца 1985 г. курса иены, нанесшее серьезный удар по конкурентоспособности японского экспорта. Так, в 1986-1988 гг. на 20% были сокращены мощности в судостроении и в нефтеперерабатывающей промышленности. В черной металлургии в 1988—1990 гг. были остановлены еще 12 домен (таким образом, число действующих домен сократилось до 27).

Изменение облика японской экономики

Надо отметить, что во второй половине 70-х и в 80-х годах во всех без исключения отраслях японской промышленности — старых и новых, «структурно-больных» и наукоемких — осуществлялась модернизация оборудования на основе последних достижений научно-технического прогресса.

Говоря о резком расширении влияния НТП на развитие японской экономики, следует особо подчеркнуть, что со второй половины 70-х годов Япония во все большей степени опирается на собственные научно-технические разработки, хотя и сейчас она остается крупнейшим покупателем лицензий, расходуя на эти цели суммы, в 2-3 раза превышающие аналогичные расходы других стран.

Росту научно-технического потенциала страны способствовало, прежде всего, значительное увеличение расходов на НИОКР: за 1975-1993 гг. они возросли почти в 6 раз, и по их абсолютным размерам Япония опередила все развитые страны за исключением США. Но если в начале 70-х годов разрыв между нею и США был 8-кратным, то в начале 90-х годов он сократился до 25%.

В результате, облик японской промышленности заметно преобразился. Если еще в середине 70-х годов его формировали, главным образом, отрасли среднего уровня наукоемкости (автомобилестроение, бытовая электроника, судостроение, производство стали), то в конце 80-х-начале 90-х годов — прежде всего наукоемкие, высокотехнологичные производства.

В начале 90-х годов на долю Японии приходилось около 2/3 мирового производства роботов, около половины — станков с числовым программным управлением (ЧПУ) и продуктов «чистой керамики», около 3/4 мирового выпуска сверхбольших интегральных схем, от 60 до 90% производства отдельных типов микропроцессоров. По масштабам использования таких прогрессивных видов промышленного оборудования, как станки с ЧПУ, роботы и гибкие производственные системы, Япония значительно опередила даже США.

В то же время Япония сохранила лидирующие позиции в мировом автомобилестроении, производстве бытовой электротехники и электроники. При этом на основе начавшейся со второй половины 70-х годов массовой «электронизации» этой продукции (т.е. оснащения ее микроэлектронными устройствами) технические характеристики, комфортабельность и экономичность этих изделий были значительно повышены. Доля Японии в мировом производстве автомобилей составляла в начале 90-х годов около 30%, в мировом выпуске цветных телевизоров (с учетом производства на зарубежных филиалах японских компаний) — более 60%, видеомagneтофонов — свыше 90%, стереофонической аппаратуры — около 50%, магнитофонов — около 30%.

Высокие достижения японской промышленности были бы невозможны без огромных изменений в других сферах японской экономики, прежде всего, без адекватного развития транспорта и связи.

На транспорте была значительно усовершенствована техническая база всех его видов. На первое место выдвинулся автомобильный транспорт. В конце 80-х годов на него приходилось уже более 50% грузо- и около 60% пассажироперевозок. Значительное развитие получила автодорожная сеть. В 80-е годы все города Японии с населением более 500 тыс. чел. были соединены сетью скоростных автомагистралей общей протяженностью более 4 тыс. км. К концу 80-х годов автомобильный парк страны увеличился почти в 5 раз по сравнению с 1971 г. и составил около 60 млн. автомобилей (свыше 30 млн. — легковых).

Как ни странно, это не оказало негативного воздействия на состояние окружающей среды, поскольку одновременно существенно повысились технические характеристики японских автомобилей (снизился удельный расход топлива, уменьшилась токсичность выхлопных газов и т.д.). Более того, так как аналогичные усилия были предприняты в промышленности, энергетике и других отраслях, к концу 80-х годов состояние окружающей среды в Японии заметно улучшилось, и по степени ее загрязненности она заняла одно из последних мест среди промышленно развитых стран.

В 80-е годы было завершено строительство сети высокоскоростных железных дорог со средней скоростью движения поездов 200 км/час. В те же годы были соединены между собой железнодорожными мостами и туннелями четыре главных острова — Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю. В системе управления железными дорогами была внедрена электронно-вычислительная и информационная техника.

К концу 80-х годов Япония вышла на второе место в мире после США по уровню развития средств связи. До середины 70-х годов их выбор в Японии не отличался большим разнообразием, и практически вся информация передавалась по каналам почтовой, телеграфной и телефонной сети. Однако во второй половине 70-х годов появились и получили быстрое развитие новые виды электронной коммуникации, такие как кабельное телевидение, факсимильная и другие виды связи.

Наряду с прогрессом в области информационно-вычислительной техники появление этих новых видов связи оказало огромное влияние на развитие различных отраслей японской экономики.

В промышленности использование новых систем связи и передачи информации резко повысило оперативность и эффективность управления производством, позволив полнее

учитывать изменения на рынке и быстрее реагировать на них. В сфере оптовой и розничной торговли на их основе были созданы системы автоматизированного управления складскими запасами; в сфере обслуживания — автоматизированные системы заказов номеров в отелях и авиабилетов; на транспорте — системы автоматизированного управления доставкой грузов.

В банковской сфере были автоматизированы операции с вкладами, внедрена система автоматических расчетов с населением через кредитные электронные карточки, создана межбанковская электронная сеть взаимных расчетов и обмена финансовой информацией, организованы новые виды информационно-консультационного обслуживания клиентов на основе двусторонней электронной связи.

Несколько противоречиво развивалась ситуация в сельском хозяйстве Японии. В 80-е годы заметно повысился уровень технического оснащения сельскохозяйственного производства. К концу десятилетия были практически полностью механизированы крупные животноводческие хозяйства и птицефермы, а также, в основном, завершена комплексная механизация рисоводства (начиная со вспашки земли и высадки рассады и кончая уборкой урожая и сушкой зерна). С конца 70-х годов в сельском хозяйстве начала появляться техника, оснащенная микропроцессорами. Для регулирования атмосферы в тепличных хозяйствах, для выработки оптимального режима кормления скота, для анализа почв и определения рациональных норм внесения удобрений стали применяться компьютеры.

Тем не менее, по уровню производительности труда в сельском хозяйстве Япония значительно отстает от США и развитых европейских стран. Причина этого заключается в преобладании мелких и мельчайших хозяйств, сохранившемся со времени послевоенной аграрной реформы.

Хотя к началу 90-х годов численность занятых в аграрном секторе сократилось до 4 млн. чел. (в середине 70-х годов оно составляло около 8 млн.), структура крестьянских хозяйств почти не претерпела изменений: по-прежнему две трети хозяйств имеют не более 1 га земли, а на относительно крупные по японским масштабам хозяйства, т.е. имеющие более 3 га земли, приходится менее 4% их общего числа.

При этом доля доходов от занятий сельским хозяйством в совокупных доходах крестьянских семей за эти годы заметно уменьшилась: в конце 80-х годов она составляла уже менее 20%. Лишь около 15% крестьянских хозяйств занимались только сельским хозяйством, остальные сочетали его с другими видами деятельности. Для определенной части семей занятие сельским хозяйством стало уже не столько источником дохода, сколько своего рода хобби, приносящим удовольствие от общения с природой.

Из-за высоких издержек производства в мелких хозяйствах их продукция неконкурентоспособна на внутреннем и мировом рынках. Поэтому, несмотря на протекционистские меры, Япония является крупнейшим в мире импортером продовольствия — в начале 90-х годов на ее долю приходилось около 14% общего объема такого импорта в капиталистическом мире. Особенно велика зависимость Японии от ввоза пшеницы, ячменя, соевых бобов, кукурузы и сахара. В целом за 1975-1992 гг. уровень самообеспеченности страны продовольствием снизился с 77 до 65%.

В то же время за счет собственного производства Япония удовлетворяет свои потребности в рисе на 100%, в молоке и молочных продуктах — на более чем 80%, в мясе — на 65%, во

фруктах — примерно на 60%.

* * *

На путях интенсивной структурной перестройки Японии удалось не только сохранить, но и упрочить свои позиции крупнейшей промышленной державы мира. За 1975-1989 гг. доля Японии в общем объеме промышленного производства развитых капиталистических стран возросла с 13% до 18%, а в их совокупном экспорте — с 8% до 13%.

Возрастание экономической и научно-технической мощи страны привело к значительному повышению уровня жизни. В конце 80-х годов Япония вышла на одно из первых мест в мире по производству ВВП на душу населения (в 1988 г. — 23,4 тыс. долл., в 1992 г. — 28,2 тыс. долл.). В те же годы она заняла первое место среди развитых стран по уровню почасовой заработной платы, опередив ФРГ и США.

К концу 80-х-началу 90-х гг. Японии удалось значительно сгладить отставание от других развитых стран в сфере жилищных условий. Так, к началу 90-х годов доля владельцев собственных домов в Японии поднялась до 60%, что лишь немного ниже, чем в Великобритании (67,6%) или США (64,2%). При этом средние размеры жилой

площади японского дома (около 93 кв. м) приблизились к среднеевропейскому уровню (хотя все еще ниже, чем в США, где они составляют около 160 кв. м).

Правда, говоря о высоком уровне жизни, достигнутом в Японии, следует иметь в виду, что цены на товары и услуги там в среднем в 1,5-2 раза выше, чем в других развитых странах, а цены на жилье — выше на порядок (главным образом из-за чрезвычайно высоких цен на землю).

Возрастание экономической мощи Японии и усиление ее позиций в рамках мирового капиталистического хозяйства привели к тому, что к концу 80-х годов Япония вышла на первое место среди развитых стран по размерам золотовалютных резервов, дос неоконсервативной волны, ярко проявившейся в политике Р.Рейгана в США и М.Тэтчер в Великобритании.

В Японии инициатором и настойчивым проводником административно-финансовой реформы в духе неоконсерватизма стал Накасонэ Ясухиро. Будучи начальником административного управления в кабинете министров Судзуки, он возглавил разработку плана реформы, получившего в 1981 г. одобрение правительства. В том же году специальным законом был учрежден временный консультативный совет по делам администрации, призванный подготовить рекомендации, конкретизирующие план реформы. Главой этого консультативного органа при премьер-министре был назначен почетный президент Федерации экономических организаций Докб Тосио. В 1981-1983 гг. совет представил правительству пять докладов с предложениями по реорганизации структуры и рационализации работы государственного аппарата, пересмотру принципов финансовой политики и программе приватизации государственных предприятий.

Эти предложения затрагивали интересы различных слоев населения, поскольку предполагали сокращения персонала в государственном аппарате и на предприятиях общественного сектора, а также урезание бюджетных расходов на социальные цели под предлогом отказа от «социального иждивенчества». Приватизация железных дорог и других государственных предприятий грозила также опасностью разрушения влиятельных профсоюзных структур, являвшихся важной опорой левых сил.

Реализацией рекомендаций временного консультативного совета занялось правительство, которое в конце 1982 г. возглавил Накасонэ. Решающим обстоятельством для его избрания стала мощная поддержка наиболее влиятельной среди либерал-демократов фракции Танака. Кроме того, деловые круги увидели в Накасонэ сильную и энергичную личность, готовую решительно отстаивать их интересы.

Осуществление административно-финансовой реформы стало главной задачей Накасонэ и его кабинета, с ней связывались наметки индикативного государственного плана «Перспективы и ориентиры социально-экономического развития на 80-е годы».

Относительно легко парламент утвердил группу правительственных законопроектов, касавшихся некоторой реорганизации центральных министерств и управлений и их местных представительств. Несравненно труднее принимались законодательные акты о реорганизации и приватизации государственных предприятий, особенно таких крупных, как телеграфно-телефонная корпорация, государственные железные дороги, соляная и табачная монополии. Разделяя естественное беспокойство ряда крупных профсоюзов (только в профсоюзе работников государственных железных дорог насчитывалось более 500 тыс. членов), опасавшихся, что вслед за приватизацией последуют массовые увольнения, СПЯ и КПЯ высказались против приватизации. Однако в движение протеста включилась только часть профсоюзов — членов Сбхё, а большинство других, в особенности, работников частного сектора, поддержки им не оказали. ПДС и профсоюзы Дбмэй признавали реформу в принципе необходимой.

Тем не менее, развернувшиеся вокруг реформы бурные дебаты способствовали тому, что по каждому из объектов приватизации принимались индивидуальные решения о ее формах, этапах и способах предотвращения отрицательных социальных последствий.

В результате осуществленной в 1985-1987 гг. приватизации государственный сектор заметно сократился. В 1985 г. на долю государственного имущества приходилось 18,4% национального богатства, а в 1990 г. — 15,8%. Уменьшилось и государственное вмешательство в экономику. Были отменены или ослаблены положения многих законов, устанавливающих лицензирование и другие виды административного регулирования хозяйственной деятельности предприятий.

Вместе с тем, правительство стремилось оставить за собой рычаги воздействия на передаваемые в руки частного капитала предприятия общественного значения. Так, железнодорожные компании, представляющие собой род естественных монополий,

согласно принятым законам, обязывались утверждать тарифы на перевозку в министерстве транспорта.

Совокупность мероприятий в рамках административно-финансовой реформы при кабинете Накасонэ привела к сокращению зависимости бюджета страны от государственных займов. За 5 лет (1982-1987 гг.) она снизилась с 29,7 до 21%. Однако до полного оздоровления государственных финансов было еще далеко.

Глобализация японской внешней политики

Отмечая в 1985 г. 30-летие своего существования и, одновременно, пребывания у власти, ЛДП приняла «Особую декларацию» и новую политическую программу. Главный итог своей деятельности она видела в том, что «вместе с трудолюбивым, способным народом» «преодолела множество политических кризисов и оставила в неизменности политическую систему, основанную на либерализме и парламентской демократии», осуществила стремительный подъем экономики и жизни народа, добилась «быстрого возвращения Японии в международное сообщество» и доверия с его стороны.

Вместе с тем либерал-демократы акцентировали внимание на том, что «небывалый расцвет, переживаемый Японией», не является чем-то вечным, нерушимым. Необходимо, отмечалось в декларации, разработка японского пути адаптации к новым условиям, что должно содействовать «созиданию мировой цивилизации и развитию азиатско-тихоокеанского региона». Опираясь на достигнутые Японией крупные экономические успехи, ЛДП поставила на первое место цели глобального порядка как важного условия приспособления к меняющемуся миру. Япония должна вносить свой вклад в международное сообщество, достичь «более почетного места в мире», содействовать поддержанию международного мира, прогрессу в осуществлении всеобщего разоружения, включая ядерное.

На достижение «более почетного места в мире» была направлена и политика «подведения послевоенных итогов», объявленная премьер-министром Накасонэ. Смысл «подведения итогов» заключался в освобождении японцев от синдрома военного поражения и в реализации претензий Японии на роль великой державы в мировой политике. Постановка этой задача сопровождалась пропагандой «здорового национализма» — своеобразного сочетания идей патриотизма и приверженности «японским ценностям» с призывами адаптироваться к интернационализации, а также осуществлять «цивилизаторскую миссию» за рубежом.

Многие аспекты «подведения итогов», за которыми скрывались чрезмерные националистические амбиции, встретили упорное сопротивление оппозиции и не вызвали оптимизма даже среди либерал-демократов. Однако идея сильной Японии, не ограничивающейся защитой своих экономических интересов, а активно участвующей в решении всех глобальных проблем в соответствии со своей экономической мощью, была положительно воспринята японской общественностью.

При кабинете Такэсита Нобору поворот к глобализации внешней политики нашел отражение в правительственной программе «Вклад в мировое сообщество» (1988 г.), провозгласившей намерение Японии непосредственно подключиться к операциям ООН по поддержанию мира, участвовать в урегулировании острых и сложных международных проблем и т.п.

Новый этап японо-американских отношений

Главным внешним партнером Японии оставались США, всесторонние отношения с которыми продолжали развиваться и углубляться. Усиливалась взаимозависимость двух стран, одновременно нарастали и противоречия.

Наглядным свидетельством тому является динамика внешнеторговых связей. За 1975-1985 гг. японский экспорт в США возрос с 11,1 млрд. до 65,2 млрд. долл., его доля в общем экспорте Японии увеличилась с 20% до 37,2%. Напротив, при общем росте импорта из США с 11,6 млрд. до 25,7 млрд. долларов, его доля сократилась с 20,1 до 19,9%. Практически сбалансированный прежде товарооборот между двумя странами стал резко дефицитным для США, положительное сальдо в пользу Японии достигло в 1985 г. 39,4 млрд., а в 1986 г. — 51,4 млрд. долл. Такое же положение наблюдалось и в торговле Японии с другими развитыми странами. За тот же период резко усилился дисбаланс в торговле со странами Европейского сообщества. Превышение японского экспорта над импортом в данном случае в 1986 г. составило 16,6 млрд. долл.

Конфликты между Японией и США вышли за пределы споров по отдельным товарным позициям (экспорт японского текстиля, стали, цветных телевизоров), как это бывало ранее, и охватили весь комплекс экономических отношений. По мере усиления эконо-

номической мощи Японии, расширения ее возможностей в зарубежном инвестировании возникли и новые противоречия, связанные с бурным ростом японских капиталовложений в США. В 1986-1989 гг. из Японии в США поступили прямые инвестиции почти на 35 млрд. долл. Это породило среди американцев разговоры о «скупке Америки японцами».

Под давлением США Япония раз за разом объявляла меры, направленные на сокращение несбалансированности внешней торговли путем расширения внутреннего спроса и стимулирования импорта готовой продукции. Снимались прежние барьеры, препятствовавшие проникновению иностранных промышленных товаров на японский рынок, таможенные тарифы стали одними из самых низких в мире. Однако в США все эти меры считались недостаточными.

В 1989 г. по предложению президента Дж.Буша начались регулярные японо-американские консультации по выправлению торгового дисбаланса, вытекающего из различий в экономической структуре двух стран.

В 1987 г. между Японией и США было достигнуто соглашение об участии японских фирм в научно-исследовательских работах в рамках американской «стратегической оборонной инициативы». В том же году Накасонэ добился выхода оборонных расходов Японии за пределы 1 % ВВП, но это правительственное решение было настолько непопулярным, что не получило дальнейшего продолжения. Япония вновь вернулась к соблюдению провозглашенного ранее ограничения.

В стремлении смягчить экономические трения, японское правительство нередко спекулировало на заинтересованности США иметь сильного союзника в Азии и на Тихом океане. Япония консультировалась с США по всем аспектам собственной дипломатии, подчеркивала солидарность с глобальным курсом США и особое, международное значение японо-американского «договора безопасности».

Рамки действия «договора безопасности» были уточнены и расширены в принятом в 1978 г. документе под названием «Руководящие принципы двухстороннего сотрудничества в области обороны». На его основе активизировались военные связи, включая планирование военных операций, проведение совместных учений и т.п. Вместе с тем, японское правительство, считаясь с мнением внутренней оппозиции, не забывавшей напоминать о существовании 9-й статьи конституции, добилась внесения в «Руководящие принципы» оговорки, что предусмотренные ими действия «производятся в соответствии с японскими законами».

С началом 80-х годов США потребовали от Японии увеличить расходы на собственную оборону и на содержание американских войск на ее территории. В Японии также, ссылаясь на «советскую угрозу», много говорили о необходимости отказаться от ограничения оборонных расходов.

В совместном итоговом заявлении на встрече премьер-министра Накасонэ с президентом США Рейганом, состоявшейся в январе 1983 года в Вашингтоне, подчеркивалась «общая судьба» двух стран на Тихом океане. Лидеры Японии и США договорились о проведении жесткого курса в отношении Советского Союза. Для американской прессы Накасонэ сделал воинственное заявление о стремлении Японии стать «непотопляемым авианосцем» и ее готовности расширить вклад в американскую военно-стратегическую систему в Азии, в том числе заблокировать международные проливы у берегов Японии. Эти высказывания Накасонэ вызвали возмущение у японской общественности.

Реализация «доктрины Фукуда»

Неизменно придавая первостепенное значение отношениям с США, Япония считала зоной своих особых интересов Азиатско-тихоокеанский регион, в котором она проявляла наибольшую активность и самостоятельность.

В 1977 г. на вашингтонской встрече премьер-министра Фукуда с президентом США Картером было достигнуто согласие об активизации японской политики в Юго-Восточной Азии. Во время поездки главы японского правительства по странам этого региона была провозглашена «доктрина Фукуда», определявшая следующие принципы японской политики в Юго-Восточной Азии: Япония никогда не будет военной державой; отношения со странами — членами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в области политики, экономики и культуры будут основываться на взаимном доверии и сердечности; Япония будет способствовать развитию сотрудничества между странами — членами АСЕАН и странами Индокитая. Фукуда обещал финансовую помощь странам АСЕАН, положил начало ежегодным коллективным встречам руководителей этих стран с

представителями Японии (впоследствии в таких встречах стали участвовать представители США и некоторых других стран).

Появление «доктрины Фукуда» показывало, что Япония придавала большое значение ситуации в Юго-Восточной Азии с точки зрения обеспечения ее собственной безопасности. Оно свидетельствовало о японском желании создать здесь благоприятные политические условия для расширения экономического влияния, разрушить недоверие населения стран региона к Японии, порожденного имперской политикой военных лет. Делая акцент на связи со странами АСЕАН, Япония не хотела закрывать путь к развитию связей во всем регионе, стремилась стать посредником в нормализации отношений членов АСЕАН с их соседями — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджой.

Результатом усилившегося внимания Японии к странам АСЕАН стало удвоение объема торговли с ними за 1983-1990 гг.

Товарооборот достиг 62 млрд. долл. Япония стала крупнейшим рынком для стран АСЕАН, куда направляется 1/3 их совокупного экспорта (в США — 1/4). Несмотря на это, страны АСЕАН, за исключением Индонезии и Брунея, крупных поставщиков нефти в Японию, в торговле с ней имеют большое отрицательное сальдо.

Концепция «Тихоокеанского сообщества»

Установление государственных отношений с КНР, расширение экономических и политических связей со странами АСЕАН, союзнические отношения с США, заинтересованность других соседей в налаживании взаимоотношений с Японией — все это побуждало японское руководство обратить особое внимание на перспективы дальнейшего регионального сотрудничества. В условиях взлета в 70-е годы «новых индустриальных стран» — Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура, а в 80-е годы — быстрого экономического подъема Индонезии, Таиланда, Малайзии, а также КНР, для Японии стало желательным формирование единого с ними экономического пространства.

В конце 70-х годы в правительственных кругах Японии родилась концепция «Тихоокеанского сообщества» как открытой организации солидарности и многостороннего сотрудничества стран Азии и бассейна Тихого океана. С точки зрения обеспечения национальных интересов деятельность созданного в 1967 г. Тихоокеанского экономического совета (ТЭС) как чисто предпринимательской структуры была к этому времени уже явно недостаточной. Требовалось учреждение более авторитетного регионального органа. Отношение к идее «Тихоокеанского сообщества» японское правительство зондировало на встречах с руководящими деятелями стран АСЕАН и некоторых стран Латинской Америки.

После визита премьер-министра Охира Масаёси в Австралию (январь 1980 г.) формирование «Тихоокеанского сообщества» было признано «важной долгосрочной целью» Японии и Австралии. Для практической реализации этой идеи в том же году образована Конференция тихоокеанского экономического сотрудничества (КТЭС) на 3-сторонней основе — из представителей правительств, бизнеса и академических кругов государств региона. США первоначально участия в КТЭС не принимали, но в 1984 г. присоединились к ней, чтобы не допустить превращения этого органа в противостоящую им экономическую силу, действующую под эгидой Японии.

Новый этап в продвижении концепции «Тихоокеанского сообщества» открылся, когда по инициативе премьер-министра Австралии Р.Хоука в Канберре в ноябре 1989 г. было провозглашено создание организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) — форума для правительственных консультаций по проблемам региональной экономики. Работа АТЭС, первоначально замышлявшаяся в форме ежегодных встреч ее участников на министерском уровне, в 90-х годах была поднята на уровень ежегодных встреч и выработки важных согласованных решений на уровне глав государств и правительств, в том числе США, Японии, КНР.

Отношения с Советским Союзом

Благодаря московским договоренностям 1973 г. началось осуществление ряда долгосрочных и крупномасштабных проектов сотрудничества в разработке южно-якутских угольных месторождений, лесных ресурсов Дальнего Востока и т.д. Это привело к значительному росту товарооборота между Японией и СССР, достигшему в 1982 г. 5,2 млрд. долл. Япония стала крупнейшим среди капиталистических стран торговым партнером Советского Союза. Но доля СССР во внешней торговле Японии оставалась практически ничтожной.

В начале 1978 г. с советской стороны была предпринята попытка закрепить позитивные сдвиги в отношениях с Японией и преодолеть сложности, связанные с отсутствием между двумя странами мирного договора. Для этого правительству Японии был передан советский проект промежуточного «Договора о добрососедстве и сотрудничестве». В Москве считали, что его подписание могло бы заложить прочную юридическую основу для развития всесторонних советско-японских связей, оставляя в стороне трудноразрешимую территориальную проблему. Однако правительство Японии полностью игнорировало предложение Москвы.

Отрицательное воздействие на состояние советско-японских отношений оказали такие события конца 70-х-начала 80-х годов, как усиление советско-американской конфронтация, сопровождавшееся развертыванием ракет средней дальности в Европе, ввод советских войск в Афганистан, усиление группировки сухопутных войск СССР на Дальнем Востоке для сдерживания Китая, размещение советских воинских частей на Курильских о-вах. Наступил застой в торговле и экономическом сотрудничестве, возросло взаимное недоверие.

Усиление международной напряженности в сочетании с проводившейся в самой Японии пропагандой тезиса о «советской военной угрозе» привели к росту негативного отношения к Советскому Союзу и усилению тревоги японцев по поводу возможной агрессии против их страны. Опросы общественного мнения показывали, что если в 1976 г. только 15% опрошенных считали агрессию вероятной, а 29% полагали, что такую возможность нельзя полностью игнорировать, то в 1983 г. число первых увеличилось до 24%, а вторых—до 46%.

Еще более осложняла отношения территориальная проблема, которая активно использовалась японскими властями для достижения «национального консенсуса» по вопросам внешней политики. Чтобы придать требованиям возврата территорий характер общенациональной кампании, кабинет Судзуки Дзэнкō в 1981 г. объявил 7 февраля «Днем северных территорий» (в этот день в 1855 г. подписан Симодский договор, установивший российско-японскую границу между островами Уруп и Итуруп). Позднее в рамках объявленного Накасонэ «подведения послевоенных итогов» японское правительство умножило усилия по решению «проблем, оставшихся со времен второй мировой войны». В отношении Советского Союза это выразилось в увязке территориальных требований с вопросами экономических отношений по «принципу неразрывности политики и экономики».

Напряженность в японо-советских отношениях сохранилась и после того, как новое советское руководство во главе с М.С. Горбачевым провозгласило переход к «новому мышлению» в международных отношениях. Правительство Японии прохладно отнеслось к высказанным Горбачевым во Владивостоке (1986 г.) и Красноярске (1988 г.) предложениям по смягчению напряженности и уменьшению военного противостояния в азиатско-тихоокеанском регионе. На встрече глав государств и правительств семи ведущих стран в Торонто (июнь 1988 г.) премьер-министр Японии Такэсита призвал Запад оказать «международное давление» на Советский Союз по «проблеме северных территорий».

Вместе с тем, в Токио стали склоняться к активизации политического диалога с Советским Союзом. В декабре 1988 г. Такэсита, принимая министра иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе, выразил надежду, что перемены в Советском Союзе приведут и к развитию японо-советских связей. Была достигнута договоренность о подготовке встречи высших руководителей СССР и Японии в Токио.

Лекция 14

Эволюция ведущих политических партий:

1. Борьба вокруг налоговой реформы.
2. Новые факты коррупции в ЛДП.
3. «Новая декларация» Социалистической партии Японии.
4. Профсоюзное движение.

Борьба вокруг налоговой реформы

На протяжении многих лет Япония страдала от дефицита государственного бюджета. Сложное финансовое положение государства стало причиной проведения в 80-х годах комплексной административно-финансовой реформы. В целом успешная, она не привела, однако, к полному финансовому выздоровлению. Поэтому кабинет Накасонэ предпринял попытку ликвидировать бюджетный дефицит при помощи налоговой реформы, главным звеном которой должно было стать введение косвенного потребительского налога с продажи товаров и услуг, позволяющего разложить налоговое бремя на всех потребителей, не считаясь с уровнем их дохода.

Еще в 1979 г. о намерении ввести такой 5%-й налог заявлял премьер-министр Охира. Но сопротивление этой мере оказалось тогда настолько велико, что Охира был вынужден отказаться от своего намерения. Его собственные позиции в правящей партии были недостаточно сильны, а ЛДП тогда не оправилась еще от последствий «дела Локхид».

Накасонэ принимал решение по тому же вопросу в иной обстановке. Его вдохновила внушительная победа либерал-демократов на «двойных» выборах (одновременные выборы в палату представителей и в палату советников) в июле 1986 г. Тогда Накасонэ пошел на роспуск палаты представителей исключительно из тактических соображений, приняв во внимание неготовность партий оппозиции к масштабной выборной кампании. Доля голосов, поданных за кандидатов ЛДП в палату представителей, увеличилась с 45,7% на предыдущих выборах до 49,4%, а доля полученных мест — с 48,9% до 58,6%. С учетом присоединившихся к ЛДП независимых депутатов правящая партия добилась большого перевеса над оппозицией: 304 депутатских мандата из 512 в палате представителей и 143 из 250 в палате советников.

В ходе выборной кампании Накасонэ обещал не вводить крупномасштабный косвенный налог. Однако после победы обещание было отброшено, и правительство внесло в парламент законопроект о введении 5%-го налога на потребительские товары и услуги без сокращения других налогов. Это вызвало совместный протест партий оппозиции и профсоюзов. Оппозиция бойкотировала работу парламента. Не удалось добиться принятия правительственного законопроекта и силовым путем, т.е. большинством голосов либерал-демократов в отсутствие депутатов оппозиции. Многие депутаты от ЛДП, ощущая на себе давление избирателей, настроенных против налога на потребление, не захотели поддержать Накасонэ. Правительственный законопроект был снят с обсуждения в парламенте.

Неудача Накасонэ была использована его конкурентами внутри правящей партии в борьбе за пост лидера. В ноябре 1987 г. председателем ЛДП по договоренности между лидерами фракций стал руководитель крупнейшей из них — Такэсита Нобору (он возглавил бывшую фракцию Танака).

Неотложность проблемы ликвидации зависимости бюджета от государственных займов побудила Такэсита повторить попытку провести реформу налогообложения. Большинство голосов депутатов правящей партии в декабре 1988 г. парламент принял группу правительственных законопроектов по налоговой реформе, включая введение единого налога на потребление. Оппозиции не помогли ни постановка вопроса о недоверии правительству (оно было отвергнуто большинством, которым правящая партия располагала), ни тактика затягивания обсуждения.

Однако противодействие оппозиции не было бесполезным. Налог на потребление был установлен в 3% от цены товара, т.е. меньше чем планировалось ранее. Объекты его применения были сокращены, налог не затронул, например, услуги в сфере медицины, социального обеспечения и образования. Одновременно были смягчены некоторые другие налоги. Тем не менее, введение потребительского налога вызвало отрицательную реакцию части электората правящей партии и стало одной из причин недолговечности кабинета Такэсита.

Новые факты коррупции в ЛДП. «Дело Рикруто»

Декларация, принятая в 1985 г. по случаю тридцатилетия ЛДП, содержала в себе заверения ее лидеров в стремлении к «высоким нормам политической этики» — «умеренности, самообладанию, честности и достоинству». Однако именно этих моральных качеств по-прежнему не хватало многим политикам правящей партии, коррупция в которой пустила глубочайшие корни. Новым ударом по репутации ЛДП стало начавшееся в 1988 г. расследование «дела Рикруто».

Руководство компании «Рикруто», стремясь расширить свою информированность и влияние, установило через дочернюю фирму «Рикруто Космос» тайные связи с множеством политических деятелей, продавая им в благодарность за услуги акции по

сильно заниженным ценам до того, как они официально объявлялись к продаже. Новые владельцы акций затем перепродавали их с большой для себя выгодой.

К «делу Рикруто» оказались причастными более ста человек. Щедрую финансовую поддержку от компании получили такие известные политики, как Такэсита, Накасонэ, Абэ, Миядзава, Вага-набэ, занимавшие руководящие партийные и правительственные посты и являвшиеся лидерами наиболее влиятельных в ЛДП фракций. Этим же каналом получения денежных средств пользовались председатель ПДС Цукамото и другие депутаты парламента.

Японская общественность, считая, что данное разоблачение не более чем «видимая часть айсберга», резко осудила «грязную политику». Разъяснения либерал-демократов, будто в случае с компанией «Рикруто» деньги использовались не в целях личного обогащения, а на нужды партии, не смогли сбить волну массового возмущения. Руководство ЛДП было вынуждено объявить о намерении провести политическую реформу, направленную на «утверждение чистой политики». Одновременно ЛДП заявила о курсе на модернизацию и обновление собственной партии.

Вслед за признанием необходимости политической реформы Такэсита в июне 1989 г. ушел в отставку, признав свою ответственность по «делу Рикруто». В июле того же года ЛДП потерпела чувствительное поражение на выборах в палату советников, впервые уступив по их результатам социалистам. Среди причин поражения либерал-демократов, помимо возмущения коррупцией, были также непопулярные экономические меры, осуществленные при кабинете Такэсита, в первую очередь, введение налога на потребление.

«Новая декларация» Социалистической партии Японии

В то время как либерал-демократы пытались укрепить свое положение, пошатнувшееся, прежде всего, в результате разоблачения коррупции в их среде, на левом фланге японской политики происходила собственная перестройка.

Со второй половины 70-х годов в СПЯ начались поиски выхода из состояния длительного застоя. Одна из его причин усматривалась в несоответствии программы и политического курса социалистов современной реальности.

Программный документ СПЯ «Путь к социализму в Японии», принятый в 1966 г. по настоянию группировок левой ориентации, требовал коренного пересмотра. За 10 лет, прошедших после его появления, на международной арене и внутри Японии произошло множество перемен, опровергавших его основные посылки.

Обострение советско-китайских отношений, ввод войск социалистических стран в Чехословакию, китайская «культурная революция», а также экономический застой стран «реального социализма» наносили урон престижу социализма, дискредитируя саму социалистическую идею. А продолжающийся рост японской экономики, позитивные перемены в уровне жизни практически всех слоев населения показывали несостоятельность многих других положений программы СПЯ. Кого теперь могли, например, убедить слова о «падении престижа капитализма, обусловленного успехами стран социализма» или о неизбежности обнищания «всех слоев трудящихся, и, безусловно, рабочего класса»? Крупные сдвиги в социальной структуре японского общества под воздействием научно-технической революции, новые тенденции в рабочем движении требовали также уточнить взгляды СПЯ, касающиеся ее социальной опоры и задач в практической деятельности.

Решение приступить к пересмотру партийной программы было принято социалистами еще в 1977 г., но для его реализации потребовалось почти десятилетие. Заключительный этап дискуссии по этому вопросу развернулся в 1983 г., когда председатель ЦИК СПЯ Исибаси Масаси призвал к формированию облика «новой социалистической партии» — реалистической, проводящей конструктивную политику и нацеленной на приход к власти. Результатом острых споров стало утверждение в феврале 1986 г. «Новой декларации Социалистической партии», заменившей «Путь к социализму в Японии», а также формально не отмененную до тех пор Программу 1955 г.

Новый программный документ СПЯ, подтверждая верность социалистическим идеалам, существенно отличался от прежних. В «Новой декларации» подчеркивался общенародный, а не классовый, как прежде, характер партии. Социализм рассматривался как «общечеловеческий принцип», а основополагающей идеей социализма было названо уважение к человеческой личности. «Проведение шаг за шагом реформ, осуществление качественных преобразований общества в направлении освобождения человека — это и есть социализм».

С принятием «Новой декларации» японские социалисты сблизилась по взглядам на существо социализма, на задачи и методы своей деятельности с западноевропейской социал-демократией. Вместе с тем, сохранилось и принципиальное отличие. Если большинство социал-демократических партий Европы давно стали сторонниками блоковой политики, признавая естественным участие своих стран в военно-политическом союзе НАТО, то в «Новой декларации» по-прежнему подчеркивалось, что Япония должна следовать «принципам неприсоединения, нейтралитета и невооружения».

Более либеральное толкование социализма в «Новой декларации» не помогло СПЯ. Вскоре социалисты потерпели большое поражение на упоминавшихся выше «двойных» парламентских выборах 1986 г. Их депутатский корпус в палате представителей сократился до 86 человек, став, таким образом, почти в 2 раза меньше, чем в 1958 г.

Под руководством Дои Такако, которая в том же году стала первой в Японии женщиной-лидером партии, СПЯ смогла несколько выправить положение. На выборах в палату советников в 1989 г. она даже опередила ЛДП. Однако тенденцию снижения их популярности среди избирателей социалистам удалось остановить только временно.

Отказ японских коммунистов от доктрины марксизма-ленинизма

Большие изменения произошли в идеологии и политических взглядах КПЯ. Коммунисты отмежевались от всякого рода насильственных действий и заявили о своей приверженности мирному и демократическому развитию общества.

Еще в 1976 г. на внеочередном съезде КПЯ из программы и устава партии были полностью исключены упоминания о «диктатуре пролетариата», а термин «марксизм-ленинизм» заменен на «научный социализм». Чтобы разъяснить новое понимание «научного социализма», съезд принял «Декларацию свободы и демократии», которая, по словам председателя партии Миямото Кэндзи, выражала «намерение прийти к социализму демократическим путем в плане как этапов, так и способов» его достижения. В декларации, в частности, было выражено желание КПЯ сохранить и развить «пять принципов» конституции (имеются в виду суверенитет народа и государственный суверенитет, вечный мир, основные права человека, парламентская демократия, местное самоуправление), а также принцип разделения трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной.

В 1985 г. была осуществлена корректировка программы КПЯ, принятой в 1961 г. Из нее было изъято положение об «углублении» общего кризиса капитализма. В качестве актуальных задач партии были выдвинуты полное запрещение и ликвидация ядерного оружия, расторжение японо-американского «договора безопасности» и вывод всех американских войск из Японии. КПЯ заявила об активной защите права наций на самоопределение и выступила «против любого посягательства на него со стороны империализма и гегемонизма» (главными субъектами империализма КПЯ считала США, а гегемонизма — СССР и Китай, в адрес которых печатались бесконечные критические статьи). Впервые в программу КПЯ была включена ранее сформулированная в других партийных решениях позиция по территориальной проблеме: мирные, дипломатические усилия с целью возвращения Японии не только островов Хабомаи, Шикотан, но и всех Курильских о-вов, а также «аннулирование предательских статей» Сан-Францисско-го мирного договора. Тем самым КПЯ, видимо, желала показать свою приверженность защите национальных интересов Японии.

На последующие события, показавшие несостоятельность социалистического эксперимента в Советском Союзе и странах Восточной Европы, КПЯ отреагировала изложением собственного представления о социализме, назвав четыре его «критерия»: не только социализация средств производства, но и гибкое, эффективное управление экономикой при уважении инициативы отдельных личностей; развитие социалистической демократии; реальное уважение права наций на самоопределение; осуществление мирных инициатив в проблеме ликвидации ядерного оружия.

В пропаганде КПЯ неизменно отмечалось, что для Японии не подходит опыт стран «реального социализма». Кроме того, подчеркивалось, что построение социализма в Японии не является задачей сегодняшнего дня. КПЯ призвала к созданию такой Японии, в которой «народ и в рамках капитализма получит мирную, богатую и свободную жизнь».

Новая реорганизация профсоюзного движения

Исчерпание возможностей экстенсивного развития японской экономики, когда в центре профсоюзного движения стояла борьба за повышение заработной платы, вызвало дискуссию в профсоюзном движении о стратегии и тактике в меняющихся условиях. После достижения довольно высокого уров-

ня заработной платы на первое место выдвинулись задачи обеспечения стабильной занятости и повышения качества жизни, решение которых требовало от профсоюзов выйти за рамки предприятий, расширить свое влияние на весь комплекс экономической политики, вплоть до ее государственного уровня. Поэтому проблема достижения единства профсоюзного движения, и ранее актуальная, приобрела еще большую значимость.

Для большинства профсоюзов оказался приемлемым исходивший от руководства Всеяпонской конфедерации труда (Дбмэй) призыв открыть путь к единству через объединение профсоюзов частного сектора. Так в 1982 г. появился Всеяпонский совет профсоюзов работников частного сектора (Дзэммин рбкё), взявший на себя функции консультативного органа профсоюзов, которые пока оставались членами своих прежних профцентров — Дбмэй, Сбхё, Тюрицу рбрэн или независимыми. В 1987 г. Дзэммин рбкё был преобразован во Всеяпонскую федерацию профсоюзов работников частных предприятий. Образованию этого нового профцентра предшествовал самороспуск Всеяпонской конфедерации труда (Дбмэй) и Совета связи независимых профсоюзов (Тюрицу рбрэн). Вне него оставались главным образом профсоюзы работников государственных предприятий и учреждений, входившие в Сбхё, а также различные независимые профсоюзы.

21 ноября 1989 г. состоялся последний съезд Генерального совета профсоюзов (Сбхё), оставившего в истории рабочего движения большой след как организатор мощных «весенних наступлений» и других массовых акций в защиту интересов трудящихся. В тот же день была учреждена Японская конфедерация профсоюзов (Рэнгб), в которой объединились и профсоюзы работников частных предприятий, и профсоюзы работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений.

Новый профцентр провозгласил принципы тред-юнионизма, поставил целью добиваться отношений между трудом и капиталом, основанных на «взаимном уважении» и на «паритете интересов» рабочих и предпринимателей. Профсоюзы Рэнгб вступили в Международную конфедерацию свободных профсоюзов.

В отличие от прежних профцентров, главной заботой которых было повышение зарплаты, Рэнгб обязался добиваться комплексного улучшения условий жизни трудовых слоев населения. Для достижения этой цели предпочтение было отдано методу консультаций, хотя забастовочная борьба в принципе не отвергалась. Новый профцентр подчеркивал стремление к достижению согласия, а не к конфронтации.

Рэнгб стал крупнейшим в истории Японии национальным профцентром, объединившим профсоюзы с общей численностью около 8 млн. членов, т.е. почти 2/3 всех членов профсоюзов страны. Однако полное единство не было достигнуто. Одновременно с учреждением Рэнгб была создана Национальная федерация профсоюзов (Дзэнрбрэн), объявившая себя «классовым» национальным профцентром. В ней объединились находящиеся под влиянием КПЯ профсоюзы с 1,4 млн. членов. Помимо того, в декабре 1989 г. было провозглашено образование Национального совета связи профсоюзов (Дзэн рбкё), имеющего тесные отношения с левым крылом социалистов.

Характерно, что реорганизация профсоюзного движения была осуществлена на фоне снижающегося уровня организованности работников наемного труда: в 1989 г. он упал до 25,2% (в 1954-1978 гг. — 32-35%).

С образованием Рэнгб разрушились прежние отношения профсоюзов с партиями в виде блоков СПЯ-Сбхё и ПДС-Дбмэй. Вместе с тем Рэнгб не отказался от участия в политической деятельности. Напротив, была поставлена задача содействовать «созданию новой политической силы, способной взять политическую власть и осуществить здоровую парламентскую демократию». Руководство Рэнгб, учитывая зависимость оппозиционных партий от профсоюзной поддержки на выборах, стало настойчиво требовать сближения политических позиций и налаживания сотрудничества между СПЯ, ПДС и Кбмэйтб, имея в виду перспективу их дальнейшего слияния.

7 января 1989 г. скончался император Японии Хирохито, остававшийся на престоле рекордное время — более 62 лет. Несмотря на то, что время его царствования было отмечено многими трагическими событиями, его болезнь и смерть вызвали у японцев массовое сочувствие. Но фанатичного преклонения перед императором уже не наблюдалось. На вопросы представителей прессы о том, как люди разного поколений и разного социального положения воспринимают болезнь императора, следовали главным образом ответы с выражением обычного сочувствия.

Правительство объявило 6-дневный траур. Были соблюдены синтоистские религиозные обряды, которые в связи с необходимостью учитывать положения конституции об отделении религии от государства были выделены в семейную часть траурной церемонии. На похороны императора прибыло множество зарубежных представителей на высоком уровне. Транслировавшаяся по телевидению церемония похорон привлекла своей зрелищностью множество людей.

Новым императором стал Акихито — старший сын императора Сева, родившийся 23 декабря 1933 г. По японскому летоисчислению с его вступлением на престол началась новая эра, названная Хэйсэй («Установление мира»).

Лекция 15

Перед лицом назревших преобразований (1990-2000):

1. Основные проблемы внешней политики.
2. Десятилетие экономической депрессии.

Внешняя политика Японии после окончания блокового противостояния

«Бархатные революции» в восточноевропейских социалистических странах и распад Советского Союза вызвали своеобразный психологический шок в японском обществе. Стремительный демонтаж одного из глобальных военно-политических блоков, а затем распад некогда могущественного СССР заставили задуматься о том, каким будет мир в новых условиях, и что ждет Японию в будущем. Эти события и вызванная ими политическая неопределенность привели к серьезной переоценке ориентиров и задач внешней политики Японии.

Отход от «доктрины»

Втечение нескольких десятилетий после элита страны, сделав ставку на военно-политический союз и стратегическое партнерство с Вашингтоном, научилась извлекать определенные выгоды из системы «холодной войны» и связанной с ней биполярной, а затем многополярной международной конфронтации. Следование «доктрине Ёсида» позволяло сосредотачивать усилия на экономическом и технологическом развитии и не тратить национальные ресурсы на поддержание мирового порядка, доверяя это США и другим западным союзникам.

Радикальные перемены во внешнем мире поставили под сомнение возможность и дальше использовать такую стратегию. В результате распада Советского Союза возник новый баланс сил в Азиатско-тихоокеанском регионе. В связи с этим особое опасение у японских политиков вызывала вероятность того, что возникший политический вакуум будет заполнен Китаем.

Кроме того, японскую сторону настораживали появившиеся на рубеже 90-х годов статьи некоторых ведущих американских политологов и аналитиков, в которых утверждалось, что с распадом Советского Союза главным противником США на международной арене становится Япония, и только с исчезновением японской угрозы американским национальным интересам США могут считать свою безопасность полностью обеспеченной. Падение в глазах американцев стратегической ценности союза с Японией могло привести к росту антияпонских настроений в политических кругах США и к эскалации торгово-экономического соперничества двух стран.

Японо-американские отношения

Назавершающем этапе пребывания у власти республиканской администрации Дж.Буша двусторонние японо-американские отношения сохраняли свой особый характер. Они развивались в русле сформулированного в свое время Р.Рейганом тезиса, согласно которому в мире нет более важных отношений, чем американо-японские.

После прихода к власти в США демократов новая администрация Б.Клинтона постаралась внести новые акценты в свою политику в отношении Японии: поставить на первый план в отношениях с Токио вопросы экономических отношений, а военно-стратегические отодвинуть на второй план. Сохраняя в целом курс на тесное партнерство, она стремилась добиться от Японии уступок в экономической сфере, реальных шагов по либерализации рынка, ликвидации огромного положительного сальдо в торговле с США. Это в целом отвечало провозглашенной Клинтонем программе переноса акцентов с внешней политики на внутренние проблемы.

Но очень скоро выяснилось, что в связи со сложностями, возникшими на пути реформ в России, беспрецедентным ростом экономической мощи КНР, общей дестабилизацией в

мире и усилением региональных конфликтов, и главным образом, в связи со взрывоопасной ситуацией на Корейском п-ове, японо-американский военно-политический и оборонный союз сохранил особую ценность в глазах политических элит и общественности двух стран.

К этому времени модифицировался стратегический курс американской политики в Азии. Этот регион, сохраняя военно-стратегическое значение, приобрел для США огромную экономическую ценность. Транстихоокеанские торгово-экономические и технологические связи в количественном и качественном отношении начали постепенно преобладать над трансатлантическими. Новые экономические интересы резко подняли в глазах США значение их военного присутствия в регионе. Разговоры об их «уходе» или о сокращении американского военного присутствия после окончания «холодной войны» совершенно прекратились. Наиболее концентрированно идея сохранения американского присутствия в Азии прозвучала в речи Клинтона в университете Васэда во время визита в Японию в июле 1993 г. и в его последующем выступлении в южнокорейском парламенте.

Позднее, в начале 1995 г., в Пентагоне был подготовлен документ, получивший название «Инициативы Ная». Это был аналитический доклад о состоянии и перспективах американского присутствия в азиатско-тихоокеанском регионе, составленный известным профессором Гарвардского университета, работавшим в то время в Пентагоне. Его главный вывод заключался в том, что с точки зрения национальных интересов США и их союзников на обозримое будущее целесообразно было бы сохранить в азиатско-тихоокеанском регионе военной контингент в 100 тыс. чел., а также усилить функциональные возможности оборонных договоров с Японией и Южной Кореей.

«Инициативы Ная» были положены в основу японо-американских документов, подписанных в ходе визита президента Клинтона в Японию в апреле 1995 г. В главном из них, называвшемся «Совместное заявление по вопросам японо-американской безопасности. Союз, обращенный в XXI век» (17 апреля 1995 г.), подчеркивалась необходимость укрепления японо-американского военно-политического союза, причем сфера двусторонней оборонной ответственности расширялась до пределов всего региона. В документе отмечалась также необходимость партнерства с Южной Кореей в решении проблем Корейского п-ова.

Стремление политических элит двух стран к укреплению военно-политических связей на фоне обострения ситуации на Корейском п-ове, мощного экономического рывка Китая и осложнения внутренней ситуации в России наталкивалось внутри Японии на серьезное недовольство сохранением крупномасштабного американского военного присутствия. Инцидент 4 сентября 1995 г., когда 3 солдата с американской базы на Окинаве изнасиловали японскую школьницу, поднял мощную волну протеста по всей Японии. Против продления сроков аренды выступили не только левые силы и традиционные противники японо-американского договора безопасности, но и губернатор префектуры Окинава Ёта, отказавшийся поставить свою подпись под соответствующим соглашением. 8 сентября 1996 г. на проведенном в префектуре референдуме подавляющее большинство голосовавших высказалось против сохранения американских военных баз. Однако процент участвовавших в референдуме — менее 60 — оказался неожиданно низким.

В условиях резкого общественного протеста в отношении американских военных баз японскому правительству пришлось вести двойную игру — идя на усиление функциональных элементов двустороннего договора, добиваться поэтапного сокращения американских войск, дислоцированных в Японии и сокращения занимаемой ими территории.

В 90-е годы продолжалось японо-американское партнерство в военно-технической области. Однако оно развивалось довольно медленными темпами из-за сложностей по согласованию разделения финансового бремени сторон и вопроса, кому должны принадлежать научно-технические разработки. Так, реализация соглашения о сотрудничестве в производстве нового истребителя FSX, намеченная на 1997 г., была отсрочена по этим причинам на два года.

Японо-американские торгово-экономические противоречия в 90-е годы вошли в новую стадию. В отличие от прежних лет, когда споры концентрировались вокруг какого-то одного или нескольких видов товаров — текстиля, стали, цветных телевизоров, автомашин, — они стали касаться проблемы закрытости японского внутреннего рынка в целом. Несмотря на резкое удорожание иены в отношении доллара после соглашения 1985 г. в Вашингтонском отеле Плаза, дефицит США в торговле с Японией не только не

уменьшился, но и резко вырос. В сентябре 1989 г. начались двусторонние переговоры по проблеме «структурных препятствий» в японо-американской торговле, которые, однако, из-за жесткой позиции японской стороны не принесли ожидаемых результатов. В 1994 г. положительное сальдо Японии в торговле с США составило 55 млрд. долл., в 1995 г. оно несколько сократилось (до 45 млрд. долл.).

Завершающий этап советско-японских отношений

В годы горбачевской перестройки, когда советская дипломатия выступала с позиций «Нового политического мышления», была поставлена задача достижения прорыва в отношениях с Японией. После поездки советского лидера в Пекин и нормализации советско-китайских отношений визит в Токио стал на повестку дня как приоритетный.

В течение всего 1990 г. шла усиленная подготовка. Была создана комиссия по подготовке визита, которую возглавил вице-президент СССР Г. Янаев. Наиболее сложной была проблема выработки позиции по территориальному вопросу. Мнение большинства аналитических групп, в том числе из ЦК КПСС и МИД СССР, сводилось к целесообразности возврата к принципам советско-японской декларации 1956 г. и принятию за отправную точку договоренностей того периода.

Однако М.С. Горбачев, в конечном счете, не последовал этим рекомендациям. К началу 1991 г. его положение было уже непрочным, и он опасался предпринимать какие-либо шаги, способные дать дополнительный повод для критики в его адрес со стороны внутривнутриполитических противников. В результате, в январе 1991 г. он принял самостоятельно решение проявить во время визита в Токио максимальную гибкость во всех вопросах кроме территориального, и не подтверждать обязательства по Совместной декларации 1956 г. о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора.

В преддверии визита Горбачева с японской стороны было проведено зондирование возможности радикального решения территориального спора. Влиятельный функционер ЛДП Одзава Итирō в марте 1991 г. приехал в Москву с предложением о пакетном решении вопроса: в обмен на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан и признание потенциального суверенитета Японии в отношении Кунашира и Итурупа Япония оказала бы СССР экономическую помощь в размере 28 млрд. долл. Это предложение не было принято, что явилось политическим поражением, прежде всего, лично для Одзава. Премьер-министр Кайфу не имел отношения к «тайной миссии» Одзава в Москву, и в лучшем случае был осведомлен о ее основных деталях.

Тем не менее, несмотря на отказ от радикальных шагов, совместное советско-японское заявление от 16 апреля 1991 г. содержало ряд принципиально новых моментов. В нем признавалось существование территориальной проблемы, подчеркивалась необходимость решения территориального спора как условия заключения мирного договора, впервые назывались все спорные острова, вводился режим их безвизового посещения, т.е., фактически, признавался особый статус этих островов для сторон:

«Президент СССР М.С. Горбачев и Премьер-министр Японии Тосики Кайфу провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между СССР и Японией, включая проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп.

Проделанная ранее совместная работа и в особенности переговоры на высшем уровне позволяют констатировать ряд концептуальных положений: мирный договор должен стать документом окончательного послевоенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы, открыть долгосрочную перспективу советско-японских отношений на дружественной основе, исключить нанесение ущерба безопасности другой стороны.

Советская сторона внесла предложение в ближайшее время осуществить меры по расширению общения между населением Японии и населением названных выше островов, установлению упрощенного, безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе и сокращению советского военного контингента, размещенного на этих островах. Японская сторона заявила свое намерение в дальнейшем консультироваться по этим вопросам».

Это заявление стало последним крупным актом в 65-летней истории советско-японских отношений. Через полгода Советский Союз перестал существовать.

Правопреемницей СССР в международных делах стала независимая Российская Федерация. **Тенденции в российско-японских отношениях**

Россия унаследовала от СССР все его проблемы и, в частности, проблемы советско-японских отношений: отсутствие мирного договора и международно-признанных границ с Японией, недостаток прочных и доверительных политических контактов, взаимное недоверие и подозрительность, ориентация на цели и приоритеты, выходящие за рамки двусторонних отношений.

Революционные события в России 1991 г., смена политического режима создали принципиальные условия для формирования в Москве нового курса в отношении Японии. Его элементами были декларирование приверженности демократии и рыночной экономике и констатация общих стратегических целей в международных отношениях (мир, стабильность, права человека, сотрудничество в разрешении региональных конфликтов, борьба с терроризмом). Идея нового партнерства с Японией получила в февральском послании 1992 г. президента РФ Б.Н.Ельцина японскому премьер-министру Миядзава Киити, в котором говорилось, что Россия и Япония являются «потенциальными союзниками».

Но по мере ухудшения экономической и политической ситуации в России после «шоковых» реформ и роста социальной напряженности на двусторонних отношениях стали все более сказываться старые «структурные» проблемы, и, в первую очередь, территориальный спор. Затрагивавший самые болезненные чувства российских граждан, особенно после распада Советского Союза и отпадения от России территорий, относившихся к ней в течение столетий, территориальный вопрос стал серьезным препятствием на пути формирования принципиально новых отношений между двумя странами не только с японской, но и с российской стороны.

Территориальная проблема сразу же переросла свои узкие границы и очутилась в фокусе политической борьбы разных сил на политической арене России. Она стала одной из излюбленных тем нападок на правительство «демократов», поводом для обвинения его в «национальном предательстве» и «продаже Родины». Дополнительным аргументом противников какого-либо компромисса с Японией стали отчетливые признаки давления западных стран на Россию в этом носящем сугубо двусторонний характер вопросе. Еще в 1991 г. президент США Дж.Буш во время своего визита в Москву и выступления в Кремле, заявляя о сближении позиций с СССР по большинству проблем, среди оставшихся нерешенными упомянул территориальный спор между Японией и Советским Союзом. А в политической декларации мюнхенской встречи «большой семерки» от 6 июля 1992 г. впервые была выражена заинтересованность участников совещания в решении территориального спора между Японией и Россией.

Российский МИД пытался преодолеть конфронтационную тенденцию, но его влияние на российского Президента было недостаточным. В результате, планировавшийся на начало сентября 1992 года визит Ельцина в Японию был отменен за несколько дней до его начала, что само по себе нанесло моральный урон двусторонним отношениям.

Спустя несколько месяцев, летом 1993 г., в Токио проходило совещание глав семи ведущих промышленно развитых стран мира, на которое был приглашен и Ельцин. Стремившийся к превращению «большой семерки» в «восьмерку» российский Президент на этот раз приехал в Токио. Эта поездка в рамках встречи в верхах стала настолько удачной, что российская сторона приняла решение о проведении государственного визита в октябре того же года.

Этот визит также оказался было под угрозой срыва в связи с кровавыми событиями 3-4 октября 1993 г. в Москве. И все же спустя всего несколько дней после вооруженного подавления внутренней оппозиции российский президент отправился в Японию.

Главным результатом визита Ельцина в Токио стало подписание декларации, которая подтвердила все результаты, достигнутые во время визита М.С.Горбачева в Токио в апреле 1991 г., а также действие всех двусторонних договоров и соглашений, заключенных между СССР и Японией:

«Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Куна-шир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов

законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством-продолжателем СССР и что все договоры и другие международные договоренности между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией.

...Правительство Российской Федерации и Правительство Японии соглашаются предпринять ряд шагов в целях углубления взаимопонимания, прежде всего в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выше островов и жителей Японии, которые осуществляются в рамках установленной на основе договоренности между двумя сторонами процедуры».

В 1996 г. встреча «большой восьмерки» состоялась в Москве. На ней произошел первый личный контакт Б.Н.Ельцина с японским премьер-министром Хасимото Рютаро. Ельцин попросил у

японского премьера поддержки в вопросе вхождения России в «большую семерку» и превращения последней, таким образом, в полноценную «восьмерку» (Россия не принимала участия в заседаниях, на которых обсуждались экономические проблемы). Японский премьер высоко оценил вклад России в политический диалог, но заметил, что возможность полноценного участия России в работе «семерки» связана со степенью ее интеграции в мировую экономическую систему, которая пока недостаточна. Это, в целом, соответствовало прежней японской позиции по этому вопросу, которая была, мягко говоря, осторожной. Характерно, однако, то, что во время встречи Ельцина с Хасимото не была ни в какой форме затронута территориальная проблема, которая прежде увязывалась японской стороной с любыми аспектами российско-японских отношений. Несмотря на краткий протокольный характер этой встречи, обе стороны сочли ее весьма важной с точки зрения определения перспектив дальнейшего развития сотрудничества между двумя странами.

В 1997 г. в российско-японских отношениях наметились новые тенденции. Японская сторона выразила намерение отделить территориальный вопрос от иных аспектов развития двусторонних отношений с Россией. Такой подход, несомненно, открывает новые возможности для расширения всесторонних связей между двумя странами. Если он получит развитие, то может привести к общему потеплению российско-японских отношений и созданию климата, благоприятного для заключения мирного договора, который снял бы все проблемы, оставшиеся от прошлого.

Стремясь поддержать позитивную тенденцию, Ельцин, со своей стороны, применил многократно опробованный в Европе и США принцип «личной» дипломатии, т.е. попытался установить неформальные отношения с японским премьером. Для этого он предложил Хасимото провести «встречу без галстуков». Такая встреча состоялась в конце октября 1997 г. в Красноярске. В результате стороны заявили о намерении заключить мирный договор между Россией и Японией до 2000 г.

Следует учитывать, что для плодотворного развития российско-японских отношений политическая воля является очень важным, но не единственным фактором. Не менее важна взаимная экономическая заинтересованность, а в этой сфере существует немало проблем, причем годы реформ в России добавили к ним новые, ранее не существовавшие. Японские компании весьма неохотно инвестируют в российскую экономику. Причина заключается как в известной политической неустойчивости в России, так и в чисто «технических» факторах — неблагоприятном налоговом климате, несовершенном законодательстве и т.п. Кроме того, множество образовавшихся в последние годы частных российских фирм имеют огромные долги перед своими японскими партнерами, что также стало одной из проблем российско-японских отношений.

Японская политика в Азии

В 90-е годы в японской политике резко возрос удельный вес Азии. Быстрый динамичный рост стран региона, колоссальное расширение азиатского рынка привели к тому, что по целому ряду показателей его значение для японской экономики стало превосходить американский и европейский рынки. Если в 1985 г. на долю американского рынка приходилось 39,7% японского экспорта,

а азиатского 26,3%, то спустя 10 лет, в 1995 г., картина радикально изменилась — в Азию уходило 39,9% японских товаров, а в США — 29,7%. Те же перемены происходили и с японским импортом. Удельный вес Азии в нем за те же годы вырос с 28,6% до 35,4%, а США сократился, хотя и не намного — с 23,6% до 22,8%. В середине 90-х

годов азиатский рынок стал приносить японской торговле больше прибыли, чем американский. В 1985 г. торговое сальдо в пользу Японии в Азии составило 9,1 млрд. долл., а США 39,2 млрд., то в 1995 г. в торговле с Азией оно составило 60,8 млрд., а с США — 54,9 млрд. долл.

Особое значение для Японии приобрели отношения с Китаем. Динамичное развитие китайской экономики привело к значительному росту активности японских деловых кругов на огромном китайском рынке.

Серьезным испытанием для японской дипломатии стала война в Персидском заливе. Японии удалось избежать прямого вовлечения в боевые действия, заплатив, правда, огромные «откупные» — около 13 млрд. долл. Впрочем, это сыграло не на пользу престижу Японии за рубежом, ее репутации среди своих союзников. Эгоцентризм японской внешней политики, нежелание быть вовлеченной в конфликты в «горячих точках», ссылаясь на конституционные ограничения, стали на несколько лет излюбленной темой критики Японии международной печатью.

Это обстоятельство подтолкнуло последующие японские правительства к разработке специального законодательства, которое позволяло бы Японии участие в операциях по поддержанию мира в рамках ООН, и, следовательно, посылку своих военнослужащих за рубеж.

Перемены на внутривнутриполитической арене

90-е годы не предвещали серьезных потрясений «системы 1955 года», т.е. монополю власти консерваторов. Правящая Либерально-демократическая партия оставалась ведущей политической силой страны, чье превосходство никак не могло быть оспорено оппозицией, которая, в свою очередь, была крайне разобщенной и разноцветной. Но участвовавшие скандалы в высшей политической элите, связанные с фактами коррупции, стали постепенно расшатывать здание правящей партии.

Конец монополющего Правления ЛДП

25 апреля 1989 г. в связи с аферами и подкупом политиков фирмой «Рикруто» в отставку подал премьер-министр Такэсита Нобору. Сформированное 3 июня правительство Уно Сёсукэ продержалось всего полтора месяца. 24 июля 1989 г. Уно заявил о намерении подать в отставку в связи с очередным, на сей раз сексуальным, скандалом.

Уно стал олицетворением кризиса руководства правящей партии. Сама его фигура в ряду японских премьеров была случайной. Более влиятельные политики, в частности, Абэ Синтаро, Миядзава Киити, Ватанабэ Митио, «стоявшие в очереди» в премьеры после Такэсита, оказались сами замешаны в скандале «Рикруто» и не могли сразу занять высший пост. Другой подходящий кандидат — министр финансов Мураяма Тацуо — был «забракован» из-за того, что персонально отвечал за введение с 1 апреля 1989 г. крайне непопулярного потребительского налога, и в случае, если бы он возглавил партию, это могло повредить ЛДП на предстоящих в следующем году парламентских выборах. Поэтому выбор пал на Уно, занимавшего тогда пост министра иностранных дел.

8 августа 1989 г. после скандального ухода в отставку Уно в ЛДП состоялись выборы нового председателя партии, который автоматически становился премьером. Поскольку страсти по поводу скандала с фирмой «Рикруто» еще не улеглись, вновь возникла необходимость в выборе такой фигуры, которая была бы не замешана в нем. Вначале наиболее вероятной кандидатурой был молодой по японским меркам политик Хасимото Рютаро, личность заметная и яркая. Но он входил во фракцию Такэсита, которая была основной мишенью общественной критики. Поэтому, в конечном счете, выбор пал на Кайфу Тосики, также представителя нового поколения японских политиков.

Кайфу был еще менее заметной фигурой, чем его предшественник, и его избрание главой партии и кабинета министров вновь продемонстрировало глубокий кризис, охвативший в конце 80-х годов правящую Либерально-демократическую партию. Профессиональной ориентацией Кайфу в ЛДП была система образования и культуры. В одном из кабинетов Накасонэ он занимал пост министра просвещения. Обычно путь к политическому олимпу в Японии шел через другие министерства — финансов, иностранных дел или внешней торговли и промышленности. Поэтому никто не прочил Кайфу карьеры премьер-министра.

Интересно, что «опекунами» Кайфу в ЛДП были две совершенно противоположные по взглядам и поведению политические фигуры — Такэсита Нобору и Мики Такэо. Первый принадлежал к «школе Танака» и был непосредственно вовлечен во многие финансовые скандалы. Второй — представитель старшего поколения

— был известен своей критикой фракционной структуры ЛДП как первопричины финансовых и прочих злоупотреблений и проповедовал «чистоту» в политике. Таким образом, у Кайфу были связи как в «коррупцированной» части ЛДП, так и в относительно «чистой».

В целом, в те два с лишним года, когда Кайфу занимал пост премьер-министра, положение ЛДП на внутривнутриполитической арене продолжало оставаться устойчивым. На всеобщих выборах в нижнюю палату парламента 18 февраля 1990 г. ЛДП удалось получить 275 мест, т.е. стабильное большинство. Социалисты, хотя и получили 136 мест, но вся оппозиция, включая Кōмэйтō, КПЯ и ПДС, была представлена в парламенте существенно меньшим числом депутатов, нежели ЛДП.

Однако сам Кайфу продолжал считаться невыразительной и случайной фигурой, и никакие внутри- и внешнеполитические действия возглавлявшегося им правительства не смогли изменить это представление. Даже осуществление первого за всю историю отношений визита в Японию руководителя Советского Союза — Горбачева, не принесло ему славы и не укрепило его политический авторитет. Достигнутые в ходе визита результаты никто не отнес в счет его заслуг.

Острый внутривнутрипартийный кризис в ЛДП материализовался в раскол партии и окончание 38-летнего периода ее монопольного правления как раз тогда, когда к ее руководству пришел один из способнейших претендентов.

Сформировавший в ноябре 1991 г. свой первый кабинет Миядзава Киити, в отличие от двух своих предшественников, был явным фаворитом. Еще в 1977 г. на одном из политических диспутов, транслировавшихся по всей стране, он был единодушно назван кандидатом №1 на пост премьера. Но для того, чтобы прийти к власти ему потребовалось почти 15 лет.

Политика была для Миядзава потомственным занятием. Его отец после женитьбы на дочери одного из видных деятелей влиятельной довоенной партии Сэйюкай при покровительстве тестя занялся политической деятельностью и многие десятилетия, вплоть до послевоенной чистки государственного аппарата и политических кругов, неизменно избирался в парламент.

ОКОНЧИВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ТОКИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, Миядзава поступил на службу в министерство финансов. Это не только освободило его от призыва в армию, но и дало старт карьере. После войны, в 1949 году, он стал личным секретарем министра финансов Икэда, будущего премьер-министра Японии, и принимал прямое участие в работе кабинетов Ёсида, в разработке крупнейших внешнеполитических и экономических акций.

Миядзава обладал рядом личных качеств, выделявшим его среди других японских политиков. Для него были характерны ярко выраженное рационалистическое мышление и острое политическое чутье, он прекрасно знал английский язык.

Распад Либерально-демократической партии начался с момента, когда весной 1992 г. из нее вышел ряд видных членов, образовавших Либерально-социалистический союз, затем переименованный в Нихон синтō — Новую партию Японии. Ее возглавил Хосокава Морихиро. Процесс стал необратимым, когда в конце августа 1992 г. на финансовых махинациях попался один из самых крупных деятелей правящей партии — Канэмару Син. Его уход с политической арены и скандальный суд над ним ускорил развязку — неминуемый раскол партии.

18 августа нижняя палата японского парламента приняла резолюцию о недоверии правительству Миядзава. После этого в течение нескольких месяцев происходил выход из партии всех, кто решил, что ЛДП — это тонущий корабль, и единственный разумный выход - вовремя его покинуть и попытаться сформировать свою партию. Из ЛДП вышла леволиберальная группа депутатов во главе с Такэмура Масаёси. 21 июня 1993 г. на ее основе была создана партия Синто сакигакэ (Предвестник). О выходе из партии заявила и фракция Хата, в которой главную роль играл не ее номинальный глава, а Одзава Итирб — один из самых влиятельных политиков. 23 июня фракция Хата объявила о создании партии Синсэйтб (Новая партия).

После серии шумных выходов из партии было очевидно, что на всеобщих выборах ЛДП ожидают серьезные испытания. Парламентские выборы 18 июля 1993 г. явились водоразделом в послевоенной политической истории Японии. ЛДП получила 223 депутатских места и впервые значительно не добрала до необходимого большинства для формирования однопартийного кабинета. Социалистам удалось набрать только 70 мест.

Новая консервативная партия Синсэйтō во главе с Хата получила 55 мест, а Новая партия Японии Хосокава — 35 мест.

Так закончилась эпоха безраздельного правления одной консервативной партии, и начался процесс реструктуризации всего политического спектра Японии. Его главными отличительными чертами были: раскол консервативных сил, формирование консервативной оппозиции, которая вобрала в себя партии «среднего пути» — Кōмэйтō и Партию демократического социализма; ослабление партий левой оппозиции, в первую очередь Социалистической— некогда самой влиятельной оппозиционной силы.

По своей сути это был естественный и здоровый процесс формирования в Японии более демократичной и открытой политической системы, предполагавшей существование не одной, пусть и многофракционной, правящей партии, а двух или нескольких партий, способных составить реальную правительственную коалицию. В эпоху господства ЛДП динамика политического процесса в Японии поддерживалась за счет соперничества различных фракций в партии, которые многие аналитики называли «мини-партиями». Конкуренция между ними, подчас весьма острая, тем не менее, носила характер не борьбы идей, а соперничества разных политических групп за право реализовывать одну и ту же политику, один и тот же курс или концепцию развития. Судя по феноменальным результатам послевоенного социально-экономического развития Японии, такая система оказалась вполне эффективной, и поэтому продержалась столь долго.

Она покоилась на двух фундаментальных факторах. Во-первых, только ЛДП была способна реализовать стратегию «доктрины Ёсида», обеспечить стабильную и предсказуемую политическую основу для колоссальной социально-экономической работы и обеспечения благоприятного внешнего климата и безопасности страны в условиях «холодной войны». Все остальные партии, выступавшие за принципиально иной путь, рассматривались обществом не как реальные альтернативы, а, скорее, как необходимый психологический противовес политической элите. Во-вторых, несмотря на демократические реформы в годы американской оккупации, послевоенное японское общество в течение многих лет сохраняло ярко выраженные черты этатизма. Роль государства и государственных рычагов управления социально-экономическими процессами оставалась огромной и преобладала над естественно-рыночными механизмами.

Оба фактора в 90-е годы стали терять свою действенность. Окончание эпохи «холодной войны» поставило на повестку дня вопрос о формировании новой стратегии развития Японии, ориентированной на изменившиеся реалии внешнего мира. Затянувшийся экономический спад и неэффективность старых методов выхода из него сделали неизбежными не только структурные, но и системные преобразования в механизмах управления социально-экономическими процессами.

В этих условиях было очевидно, что окончание политической монополии ЛДП не только естественное, но и вполне логичное явление. Результаты июльских выборов 1993 г. свидетельствовали о крахе «системы 1955 года» и о появлении на политической арене новых действующих лиц.

Приход к власти коалиции семи партий

После июльских выборов 1993 г. формирование в Японии первого с 1948 г. коалиционного правительства стало неотвратимым. Теоретически было два варианта: коалиция ЛДП с другими партиями и широкая коалиция без ЛДП путем объединения всех партий, включая самые мелкие. В сложной закулисной борьбе решающее влияние на ее исход оказал Одзава Итирō — фактический лидер Синсэйтō. Порвав с ЛДП, он сделал ставку на перетягивание на свою сторону ее членов. Для этого нужно было заставить уйти ЛДП в оппозицию, лишив ее политиков министерских постов и прочих благ, связанных с пребыванием у власти.

Для формирования обширной и крайне пестрой по составу коалиции, в которую должны были войти вчерашние непримиримые политические соперники, наиболее удачной фигурой был Хо-сокава, сделавший ставку на надпартийную коалицию и борьбу за «чистоту» в политике и радикальные реформы.

21 июля 1993 г. на тайной встрече Одзава с Хосокава решалась судьба коалиции. Либерал-демократам не удалось предотвратить ее формирование из-за шока после поражения на выборах и отсутствия ярко выраженного лидера в партии.

Попытки ЛДП договориться о формировании коалиции с мелкими партиями не дали результатов, и на заседании нижней палаты парламента 6 августа 1993 г. победу

одержала оппозиционная коалиция из семи партий и одного политического объединения. Премьер-министром Японии стал глава Новой партии Японии Хосокава Морихиро.

Впервые за многие годы страну возглавил человек, не связанный со старой политической кухней, имевший репутацию чистого и неподкупного политика, человека новой формации. Было впечатление, что новое время, свежие политические веяния сами привели Хосокава к успеху. В лице нового премьера страна рассчитывала получить политика нового типа. По опросам общественного мнения его популярность была рекордной для Японии.

Хосокава происходил из знатной самурайской семьи из Кумамото. Интересно, что его прадедом по материнской линии был крупный политик предвоенного времени принц Коноэ Фумимаро. Поначалу Хосокава не готовил себя к политической карьере, и его биография складывалась по нетипичной схеме. Он окончил университет Дзёти (а не Токийский либо, на худой конец, Васэда или Кэйо) и стал журналистом. Но семейные корни давали о себе знать, и в 1971 г. при поддержке видного писателя и политика Исихара Синтаро, он был избран по общенациональному списку ЛДП в нижнюю палату парламента. Ему было тогда 33 года, и он стал самым молодым депутатом.

В последующем Хосокава избирался по округу родного города Кумамото, а в 1982 г. он стал губернатором одноименной префектуры. Успехи на губернаторском поприще подтолкнули Хосокава в 1992 г. к смелому шагу — образованию новой партии. В том же году в популярном журнале «Бунгэй сёндзю» он изложил свою концепцию политических реформ в Японии. Это помогло ему собрать под свои знамена сторонников, и на выборах в верхнюю палату японского парламента 26 июня 1992 г. его партия получила 4 места по общенациональному списку.

Популярность Хосокава объяснялась не столько его заслугами, сколько возобладавшем в обществе негативным отношением к погрязшей в скандалах и коррупции ЛДП, неспособной справиться с внутренними проблемами. Либеральным демократам ставилась в вину неспособность осуществить политическую реформу, принять новый избирательный закон, который должен был уравнивать шансы всех политических сил в схватке за места в парламенте, а главное - сделать политическое соперничество более открытым, прозрачным и эффективным в плане прихода к власти наиболее способных и здоровых общественных сил.

Хосокава удалось воспользоваться общей атмосферой стремления к радикальным политическим реформам, воцарившейся после провала ЛДП на выборах 18 июля 1993 г. Следует отметить, что неожиданно большой успех партии Хосокава на этих выборах был связан с тем, что ей удалось отобрать голоса традиционных сторонников не только ЛДП, но и социалистов, которые на выборах потерпели жесткое поражение.

Новые тенденции в политике коалиционных правительств

Приход к власти альтернативных ЛДП политических сил был ознаменован серьезными сдвигами в позиции японского правительства по ряду принципиальных вопросов. Несмотря на сохранение в целом преемственности японской внешней политики, новому лидеру удалось внести целый ряд корректив и поставить новые акценты.

Это коснулось, в частности, вопроса о включении Японии в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, чего японская дипломатия активно добивалась при консерваторах. Позиция Хосокава стала значительно более осторожной, отражая опасения левых и центристских сил, что в таком качестве Япония будет вынуждена активно участвовать в миротворческих операциях ООН, и, соответственно, пересмотреть 9-ю «мирную» статью конституции.

Одной из чувствительных сфер была оценка ряда моментов японской истории, главным образом, характера прошедшей войны. ЛДП отказывалась признать войну агрессивной со стороны Японии. Новый премьер в одном из своих интервью впервые назвал ее агрессией.

Дипломатическим успехом было участие Хосокава во встрече глав АТЭС в Сиэтле в ноябре 1993 г., где состоялось его знакомство с новым президентом США Клинтонем. Газеты писали о схожести двух политиков, о новой волне в двусторонних отношениях. Американцам импонировал Хосокава как новый тип японского политика, с которым будет легче договориться о решении всех накопившихся проблем. Японское общественное мнение в целом тоже положительно восприняло нового премьера, его непринужденную манеру поведения как свидетельство рождения нового образа страны, обращенного в грядущий XXI век.

Но явной слабостью нового кабинета и его лидера было отсутствие солидной политической базы и лоскутный характер коалиции, которая объединяла непомерно широкий спектр политических сил с разными политическими установками. Поэтому в практической работе Хосокава приходилось сталкиваться с огромными трудностями. Ситуация осложнялась тем, что в оппозиции коалиционному правительству находилась весьма могущественная, хотя и несколько ослабевшая политическая сила — ЛДП, которая действовала часто исключительно из соображений мести за свое поражение. Попытки Такэмура, лидера партии Сакигакэ, наладить мосты с ЛДП не привели к успеху. Ставший ее лидером Кондō Ёхэй был склонен к ограниченному сотрудничеству, но не имел серьезного влияния в партии. Кроме того, сближение коалиции с ЛДП грозило уходом из нее социалистов, и, следовательно, ее развалом.

По всему кругу важнейших политических проблем приходилось искать компромиссы внутри коалиции. Наиболее серьезными из них были либерализация рынка риса в Японии, реформа избирательной системы и повышение потребительского налога.

Либерализация рынка риса грозила крупными политическими потрясениями для правительства. Тем не менее, связанная обязательствами по Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), Япония должна была к концу 1993 г. принять окончательное решение. Против выступало мощное аграрное лобби. Кроме того, без сотрудничества с ЛДП, имевшей традиционно сильные позиции в аграрном секторе, решение вопроса не представлялось возможным. В результате правительство вынуждено было ограничиться паллиативными решениями, которое вызывало критику как из-за рубежа, так и со стороны аграриев.

Реформа избирательной системы

Еще более сложным и взрывоопасным для коалиции оказалось осуществление реформы избирательной системы. Идея ее

проведения была выдвинута либерал-демократами еще в период премьерства Такэсита. Тогда в связи со скандальным «делом Рикруто» ЛДП была вынуждена признать необходимость усиления контроля над получением партиями и отдельными политиками денежных пожертвований от компаний и организаций. В связи с этим она предложила изменить порядок выборов палаты представителей и перейти от выборов ее депутатов по многомандатным округам к выборам по малым, одномандатным. Утверждалось, что такой порядок сделает выборы не столь дорогостоящими, а, следовательно, для партий и их кандидатов исчезнет необходимость собирать любыми, даже сомнительными способами денежные средства для победы на выборах.

Так было положено начало широкой дискуссии о конкретном содержании политической реформы. Было очевидно, что выдвижение либерал-демократами в центр реформы изменения порядка выборов нижней, ключевой палаты имело целью укрепить их собственные позиции в парламенте: выборы по одномандатным округам затрудняли избрание кандидатов менее влиятельных партий. Вместе с тем, достижение объявленной цели реформы — предупреждение коррупции, ликвидация ее корней — представлялось весьма сомнительным. Помимо проблемы пересмотра избирательной системы, напрямую затрагивавшей интересы каждой из партий, объектом ожесточенных споров стало законодательство, устанавливающее правила финансирования политической деятельности.

Оппозиция не была едина в своем отношении к предложениям ЛДП. На ее левом фланге подчеркивалась недопустимость введения выборов по одномандатным округам, выдвигалось требование полного запрета на денежные пожертвования партиям и политикам от компаний. Другие партии выражали желание найти компромиссные решения.

Дискуссия о политической реформе продолжалась почти пять лет и уже после раскола ЛДП и ее ухода в оппозицию претворилась в конкретный законопроект, ставший предметом парламентских слушаний.

К изменению избирательного закона разные партии в коалиции относились неодинаково. Законопроект предусматривал сокращение числа депутатских мест до 500, из которых 300 «разыгрывались» по одномандатным округам, а 200 — по общенациональным спискам. Введение мелких одномандатных округов грозило потерей многих мест, в первую очередь, социалистам, имевшим 2-е место в рейтинге популярности партий. При одномандатной избирательной схеме традиционно «вторые» депутаты-социалисты в парламент не проходили, а собранные ими голоса попросту терялись. Но за реформу активно выступала наиболее мощная партия пестрой коалиции — Синсэйтō. Она была представлена, в основном, молодыми честолюбивыми

депутатами, покинувшими ЛДП как раз для того, чтобы разрушить старую систему и принять новый избирательный закон, который сулил им хорошие перспективы.

В конечном счете, преодолев сопротивление социалистов и договорившись с частью депутатов от ЛДП на основе взаимных уступок, Хосокава удалось добиться принятия 1 марта 1994 г. в парламенте нового избирательного закона. Это стало главным достижением его правления.

Борьба внутри правящей коалиции

Толчком к отставке первого коалиционного кабинета стала попытка Хосокава добиться повышения потребительского

налога. Сказалась малоопытность премьера, грубое нарушение принципа *нэмаваси*, при котором все серьезные решения вначале тщательно обсуждаются на разных уровнях власти и компетенции и лишь после этого выносятся на широкое обсуждение и утверждение. Его неожиданное выступление на срочно созванной поздно вечером 3 февраля 1994 г. пресс-конференции о намерении вместо 3%-го потребительского налога ввести 7%-й «налог народного благосостояния» встретило ожесточенное сопротивление не только в широких массах, но и со стороны практически всех политических сил, включая его ближайших политических друзей и единомышленников. В результате через несколько дней ему пришлось дезавуировать свое заявление.

Это был серьезный просчет, и принятый позднее в марте новый избирательный закон уже не мог спасти Хосокава. Непосредственной причиной его отставки стали усилившиеся трения внутри коалиции, в частности, резко обнажившиеся противоречия между Одзава Итирб и другими лидерами.

Правда, как ни парадоксально, именно внутренние разногласия на какое-то время продлили жизнь кабинету Хосокава. Назревшая реорганизация кабинета все время откладывалась, поскольку социалисты, Сакигакэ и ряд других партий опасались, что в результате реорганизации кабинета усилятся позиции Одзава. Но в этом состоянии правительство Хосокава уже перестало быть дееспособным и фактически доживало свои дни. Сказывались и черты характера премьера. Он был слишком эмоционален, часто полагался на свою интуицию больше, чем на логику. И, главное, ему не хватало упорства и терпения, умения долго и настойчиво искать компромиссы — качеств, без которых оставаться на этом посту было невозможно.

8 апреля 1994 г. в свойственном ему несколько импульсивном духе Хосокава объявил о своем намерении уйти в отставку. Решение, хотя и было назревшим, но прозвучало достаточно неожиданно для лидеров коалиции. Поскольку оно было принято Хосокава единолично, без согласования, начались лихорадочные поиски его замены для того, чтобы спасти власть коалиции и не дать шансов либерал-демократам.

Поиски нового лидера были осложнены тем, что в этот момент, чувствуя всю зыбкость и недолговечность лоскутной коалиции, Одзава попытался ускорить процесс формирования нового баланса сил путем раскола ЛДП и СПЯ и формирования новой политической силы, которая объединила бы в себе часть ЛДП, новые консервативные партии, правых и умеренных социалистов.

Для этого он начал сложную политическую интригу, суть которой заключалась в том, чтобы предложить пост премьер-министра крупному политику из ЛДП Ватанабэ Митио, давно мечтавшему о нем, и тем самым спровоцировать выход его фракции из ЛДП. Это могло бы стать началом окончательного раскола партии. Но Ватанабэ медлил с решением и, в конечном счете, отказался покинуть ряды ЛДП.

Социалисты и Сакигакэ внимательно следили за маневрами Одзава и пригрозили выйти из коалиции в случае, если он осуществит свой план. В результате, внутривнутриполитическая ситуация совершенно запуталась. Но в этот момент социалисты заявили о своей готовности поддержать выдвижение на пост премьер-министра кандидатуры Хата Цутому. Одзава не оставалась ничего другого, как согласиться с этой кандидатурой.

Но перед тем как Хата стал премьер-министром, социалисты покинули коалицию. Новому премьеру пришлось возглавить кабинет, не обладавший большинством в парламенте. Обреченность нового правительства была очевидна еще и потому, что изначально его глава не обладал серьезным политическим весом, а главное, ни по своему характеру, ни по политическому прошлому не мог рассчитывать на серьезную поддержку. Отрицательную роль сыграла и его довольно устойчивая (хотя и незаслуженная) репутация политической марионетки в руках Одзава.

Кабинет Хата просуществовал с 24 апреля по 29 июня 1994 г. Его уход в отставку создал политическую ситуацию, напомилавшую ту, что сложилось сразу после провала ЛДП на выборах в июле 1993 г. Ни одна партия по-прежнему не обладала устойчивым большинством, и правительство могла сформировать только коалиция. С этой точки зрения либерал-демократы обладали определенным преимуществом. Для большинства им необходима была поддержка всего одной или двух партий. Воспользовавшись распрями в стане большой коалиции и крайне отрицательным отношением к Одзава социалистов и Сакигакэ, ЛДП удалось договориться о новом политическом альянсе с участием трех партий, но теперь уже без Одзава и близких к нему сил.

Сам по себе альянс социалистов с их старыми политическими противниками либерал-демократами был шокирующим. Но еще более неожиданной оказалась фигура нового премьера. 29 июня 1994 г. правительство возглавил председатель СПЯ Мураяма Томиити. Такое в послевоенной японской истории случилось лишь раз, на короткий период в годы оккупации. Если бы в начале 90-х годов кто-нибудь предположил, что через 3 года японское правительство возглавит социалист, то он был бы осмеян.

Расстановка политических сил после выборов 1996 года.

Все что произошло в японской политике всего за один год, свидетельствовало о серьезной трансформации политической жизни Японии. Однако после выборов 20 октября 1996 г., впервые проведенных по новой избирательной системе, стало очевидно, что новая схема политического процесса еще окончательно не сформировалась.

Неожиданный успех ЛДП и относительное поражение партии Синсинтō, созданной в декабре 1994 г. путем слияния Синсэйтō, Кōмэйтō, ПДС и Новой партии Японии, свидетельствовали, что приход на место ЛДП новой консервативной силы пока так и не состоялся. ЛДП удалось не только выжить, но и укрепить свои позиции.

На левом фланге непоколебимыми остались позиции только коммунистов. КПЯ удалось даже увеличить число своих депутатов, избранных по общенациональным округам. Тяжелое поражение потерпели социалисты. Им удалось сохранить чуть больше десятка депутатских мест. Это было следствием как тактических просчетов партии, так и потери ею лица в результате вступления в коалицию с консерваторами. Кроме того, на политической арене страны накануне выборов появилась новая сила, вызревшая в недрах леволиберальной части ЛДП. Хатояма Юкио и Кан Наото создали Демократическую партию Японии. В нее и ушла основная часть политиков из бывшей Социалистической партии.

Итак, новый политический спектр Японии вобрал в себя две консервативные партии, Демократическую партию, расположенную в центре, осколки некогда влиятельной Социалистической партии и партию Сакигакэ слева и, наконец, Коммунистическую партию Японии на крайнем левом фланге.

Экономические перспективы Японии

Несмотря на экономический спад, широко распространившийся, особенно в Японии, пессимизм в отношении будущего японской экономики был все же преувеличен. В 90-е годы страна продолжала наращивать экономическую мощь. Благодаря усилиям правительства и деловых кругов Японии удалось избежать массовых банкротств банков и компаний и сохранить высокий экономический и научно-технический потенциал. Экспорт продолжал развиваться относительно высокими темпами: за 1990-1995 гг. его физический объем вырос на 23%. Благодаря этому положительное сальдо торгового баланса Японии возросло с 52,1 млрд. в 1990 г. до 106,8 млрд. долл. в 1995 г., а золотовалютные резервы страны увеличились с 77,1 млрд. до 182,8 млрд. долл.

Огромное положительное сальдо платежного баланса сохранялось за счет не только огромного перевеса экспорта над импортом, но и благодаря увеличивавшемуся с годами притоку прибылей от прямых и портфельных инвестиций и долгосрочных займов. В 1989 г. все японские активы за рубежом составили 1 трлн. 771 млрд. долл. Чистые активы за вычетом японских долговых обязательств составляли 293.2 млрд. долл.

С 1985 г. Япония продолжала оставаться самым крупным мировым кредитором. Общие активы ее составили 2 трлн. 181 млрд. долл., а чистые активы — 610,8 млрд. долл. В 90-х годах Япония сохранила за собой роль главного финансового донора развивающегося мира, предоставляя ежегодно более 10 млрд. долл. в рамках официальной помощи развитию. В 1993 г. ей принадлежало более 60% льготной помощи Китаю, более 88% — Филиппинам, 62% — Таиланду, 88% — Мьянме, около 36% — Индии.

Вопрос о выходе национальной экономики из спада многие японские экономисты напрямую связывают с тем, как скоро предприниматели смогут предложить пакет принципиально новых товаров и услуг, способных вывести из застоя инвестиционный и потребительский спрос. Именно на этом направлении и сосредоточены сейчас основные усилия японских компаний.

ЯПОНИЯ И XXI ВЕК

К началу 70-х годов под впечатлением от японского «экономического чуда» в мире стало распространяться мнение, что следующее, XXI столетие будет «веком Японии». Ее даже называли «грядущей сверхдержавой», несмотря на то, что она определенно не обладала соответствующей такому статусу военной мощью.

Очень скоро об этих прогнозах стали постепенно забывать: экономический бум в Японии сменился спадом, затем последовали «нефтяные кризисы», продемонстрировавшие уязвимость японской экономики, а после их преодоления страна уже не вернулась к высоким темпам экономического роста, поражающим воображение наблюдателей.

Хотя разговоры японском «экономическом чуде» давно уже умолкли, не подлежит сомнению, что Япония подошла к концу века с огромными достижениями в социально-экономической сфере, продемонстрировав всему миру пример высокоэффективной экономики. Вместе с тем, в начале 90-х годов страна столкнулась с серьезными проблемами роста. Затянувшийся спад потребовал внести серьезные коррективы не только в экономическую структуру, но и в саму организацию японского общества. Многочисленные социальные конфликты свидетельствовали о том, что уже нельзя полагаться на действие старых механизмов, а необходимо задуматься над осуществлением глубоких реформ в области как экономических, так и социальных отношений.

Фактически, середина 90-х годов стала временем кризиса могущественной японской бюрократии. Именно ее эгоизм и нежелание расставаться со своими привилегиями в управлении экономическими и политическими процессами сами японцы склонны считать основной причиной затянувшегося спада в экономике и общественного кризиса.

В январе 1996 г. кабинет Хасимото Рютаро поставил задачу до 2003 г. осуществить крупномасштабные реформы, включающие в себя полную реорганизацию государственного аппарата за счет его сокращения, дерегулирование экономики путем ликвидации огромного числа запретительных или ограничительных актов, либерализацию финансового рынка и проведение реформы образования. Эффективность этих реформ еще предстоит оценить.

По образному выражению Накасонэ Ясухиро, в середине 90-х годов Япония оказалась перед необходимостью столь же радикальных реформ, как это было уже дважды за последние полтора века — в 1854 г. после прихода в Японию «черных кораблей» коммодора Перри и в 1945 г. после жестокого поражения в войне.